

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

и Словесность

История

Журнал филологических
и историко-культурных
исследований

№ 4 2024

Санкт-Петербург

*Издается с июня 2020 г.
Выходит 4 раза в год*

Редакционная коллегия:

Т. И. Афанасьева, Т. Н. Галашева (ответственный секретарь), В. В. Головин,
Е. И. Гончарова, Дж. Дзиффер, А. В. Пигин, М. Б. Плюханова,
Ю. К. Руденко, И. Тирет

*Главный редактор: С. А. Семячко
Зам. главного редактора: Д. О. Цыпкин*

Адрес редакции:
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Сайт: <http://pushkinskiydom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2024
© Журнал «Словесность и история», составление, 2024
© ООО «Издательство „Пушкинский Дом“», оформление, оригинал-макет, 2024

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences

ⁱ Slovesnost'
Istoriia

Journal of Philological,
Historical and Cultural
Studies

Texts and History

No. 4 2024

Saint Petersburg

*Published four times per year
since June 2020*

Editorial Board:

T. I. Afanasieva, T. N. Galasheva (executive secretary), V. V. Golovin,
E. I. Goncharova, G. Ziffer, A. V. Pigin, M. B. Pliukhanova,
Y. K. Rudenko, I. Thyrêt

*Editor in Chief: S. A. Semiachko
Deputy Editor in Chief: D. O. Tsyppin*

Editorial office:

4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
Website: <http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

- © 2024 Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
- © 2024 Journal "Texts and History" (compilation)
- © 2024 Pushkinskij Dom, Publishers (design, layout)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- В. Е. Ветловская.** «Маленькие трагедии»: «Каменный гость» (Сцена I. Дон Гуан и Лепорелло) 7
- П. В. Хондзинский, протоиерей.** Архиепископ Никанор (Бровкович) между А. С. Пушкиным и Л. Н. Толстым 30
- О. Л. Фетисенко.** Константин Леонтьев и Петербург 43
- А. М. Грачева.** Александр Пушкин в художественном пространстве Алексея Ремизова (Введение в тему) 65
- Е. О. Кудина.** «Человек с тремя маленькими „но“»: театральный критик Ю. Д. Белаяев в откликах современников 78
- А. В. Никитина.** Странности людоедства Яги (мотив кормления / поедания) 96
- М. В. Рейли.** Тема «молока» в русских волшебных сказках 114

Публикации

- И. В. Федорова.** «Путешествие» на Христианский Восток киевского мещанина Владимира Смирнова — неизвестный источник о русском паломничестве первой половины XIX в. 124
- В. А. Лукина, В. И. Симанков.** «Первый парижский гравер»: два затерянных письма И. С. Тургенева к Эдмону Эдуену 179
- Н. Ю. Грякалова.** Двойной портрет на историческом фоне: к публикации рецензий на очерк А. А. Блока «Последние дни императорской власти» из архива Дома литераторов 216

Рецензии

- Э. К. Александрова.** Предварительное подведение итогов: о книге В. Э. Молодякова «Мой Брюсов» 238
- Список сокращений 243
- Наши авторы 244

CONTENTS

Articles

- Valentina E. Vetlovskaya.** Pushkin's "Little Tragedies": *The Stone Guest*, Scene I (Don Juan and Leporello) 7
- Pavel V. Khondzinskii, archpriest.** Archbishop Nikanor Brovkovich between Alexander Pushkin and Leo Tolstoy 30
- Olga L. Fetisenko.** Konstantin Leontiev and Saint Petersburg 43
- Alla M. Gracheva.** Alexander Pushkin in the Artistic World of Aleksei Remizov: An Introduction to the Topic 65
- Ekaterina O. Kudina.** "A Man with Three Little 'Buts'": The Theater Critic Yurii Beliaev in the Writings of His Contemporaries 78
- Alla V. Nikitina.** The Oddities of Baba Yaga's Cannibalism (The Feeding/Eating Motif) 96
- Marina V. Reilly.** The Theme of Milk in Russian Fairy Tales 114

Publications

- Irina V. Fedorova.** The "Journey" to the Christian East of the Kievan Townsman Vladimir Smirnov—An Unknown Source about a Russian Pilgrimage in the First Half of the Nineteenth Century 124
- Valentina A. Lukina, Vitaliy I. Simankov.** "The Best Parisian Engraver": Two Newly Found Letters by Ivan Turgenev to Edmond Hédouin 179
- Nataliya Ju. Gryakalova.** A Double Portrait against a Historical Background: A Commentary on the Publication of Two Reviews of Alexander Blok's Essay "The Last Days of the Emperor's Power" from the Archive of the Dom Literatorov 216

Reviews

- Elmira K. Alexandrova.** Preliminary Summary: *Moi Briusov* by Vassili Molodiakov 238
- List of Abbreviations 243
- Authors 245

В. Е. Ветловская

«МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ»: «КАМЕННЫЙ ГОСТЬ»
(СЦЕНА I. ДОН ГУАН И ЛЕПОРЕЛЛО)

Резюме

Статья представляет собой анализ первой сцены драмы Пушкина «Каменный гость». По убеждению автора статьи, обрабатывая традиционный европейский сюжет о наказанном распутнике и нечестивце, Пушкин оглядывался не только на Мольера, как принято думать, или Моцарта (опера «Дон Жуан», либретто Л. да Понте), но и на Тирсо де Молину и Байрона (незаконченная поэма «Дон Жуан»). При разборе пушкинской драмы, например, Байрона выносят за скобки на том основании, что в сочинениях двух поэтов нет заметного сходства. Но Пушкин, для которого знаменитый британец в свое время был кумиром, из числа своих предшественников его не исключал. Ведь связи писателей не сводятся к подражанию или полемике, они нередко свидетельствуют о сотрудничестве, о собеседовании на равных в широкой области интеллектуального и художественного освоения мира, в обогащении единой культурной традиции новыми идеями и средствами их выражения. Статья рассчитана на продолжение.

Ключевые слова: Дон Гуан (Дон Жуан), традиционный сюжет, оригинальность, Гораций, Тирсо де Молина, Мольер, Моцарт (Л. да Понте), Байрон

Valentina E. Vetlovskaya

PUSHKIN'S "LITTLE TRAGEDIES":
THE STONE GUEST, SCENE I (DON JUAN AND
LEPORELLO)

Abstract

This article presents an analysis of the first scene of Pushkin's drama *The Stone Guest*. The author of the article asserts that when working on the traditional European theme of a punished libertine and reprobate, Pushkin thought not only of Moliere's comedy, as is

commonly believed, or of Mozart's opera to a libretto by Lorenzo Da Ponte, but also of the comedy by Tirso de Molina and of Byron's unfinished poem "Don Juan." Scholars have denied any influence of Byron on Pushkin's drama because there is no noticeable similarity in the works of the two poets. The author of the article challenges this opinion on the grounds that, in his youth, Pushkin, regarded Byron as an idol and considered the British poet as one of his predecessors. The article suggests that a connection between writers is not limited to imitation or polemics but often appears in their cooperation and in their ability to carry on a conversation of equals, which leads to the enrichment of a single cultural tradition with new ideas and means of expression.

Keywords: Don Juan, traditional theme, originality, Horace, Tirso de Molina, Molière, Mozart, Lorenzo da Ponte, Byron

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-7-29

Из четырех маленьких трагедий, созданных (точнее, завершенных) Пушкиным осенью 1830 г., только «Каменный гость» был написан на традиционный европейский сюжет. В основе традиции лежали две испанские народные легенды. Одна — о развратном, безбожном Дон Хуане (во французской огласовке, ставшей для этого персонажа в дальнейшем основной, он именуется Дон Жуаном, у Пушкина — Дон Гуаном), чье реальное существование отмечено в анналах испанской истории XIV в. Вторая — о вымышленном герое, нечестивом кабальеро, сначала цинично посмеявшемся над мертвецом (или надгробной статуей), а затем в приливе игривых чувств пригласившем его (или ее) к себе на ужин. Неожиданно для оторопевшего хозяина приглашенные (в каждой из версий) являются и предлагают молодому человеку заплатить за свой приход ответным визитом. Тот принимает вызов, и лишь кстати посетившая святотатца мысль о Боге и покаянии избавляет его от неминуемого и страшного наказания [Андреев, с. 6]¹.

Испанский драматург Тирсо де Молина (наст. имя Габриель Тельес, 1579—1648) с мифом о Дон Жуане впервые увязал мотивы легенды о святотатце и представил свое сочинение в драматической форме. Оно имело успех и положило начало многим вариациям на ту же тему как в Испании, так и в других европейских странах (в Италии, Франции, Германии, Англии, России и т. д.)².

Традиционный сюжет для писателя представляет особую сложность: в изложении такого сюжета трудно отличиться, а между тем такое отличие

¹ Оба варианта легенды о нечестивом кабальеро см.: [Севильский оболъститель, с. 37–40].

² Хотя при анализе пушкинской драмы исследователи обходят молчанием комедию испанца, полагая, что русский поэт ее не знал, в действительности дело обстоит иначе. Перекликающиеся мотивы у Пушкина и Тирсо говорят об обратном. Некоторые аргументы в пользу этого утверждения см. [Ветловская].

необходимо любому художнику. Пушкин писал о «Полтаве»: «...это сочинение совсем оригинальное, а мы из того и бьемся» [Пушкин 1978, с. 132]³.

Новая литературная обработка известного сюжета озаботила и Байрона (1788–1824), когда он решил использовать популярный миф в своей оставшейся незаконченной поэме «Дон Жуан» (1818–1824). Об этом говорит заимствованный из Горация (65–8 до н. э.) эпитаф, предвещающий первую песнь:

«Difficile est proprie communia dicere»⁴

На этот эпитаф обратил внимание Пушкин в небольшой заметке о первом вышедшем в свет сборнике Альфреда Мюссе (1810–1857) «Сказки Испании и Италии» (1829). Она написана осенью 1830 г., именно тогда, когда Пушкин работал над «маленькими трагедиями», и в частности над «Каменным гостем» (впервые опубликована после смерти поэта, в 1855 г., см. примеч. Б. В. Томашевского (7, 486)). Заметка выглядит незавершенной, судя по темной заключительной фразе, к которой Пушкин делает, как кажется, мало сообразное с ней пояснение: «Если будем понимать слова Горация, как понял их английский поэт*, то мы согласимся с его мнением: трудно прилично выразить обыкновенные предметы». Слова об «английском поэте» сопровождаются сноской: «В эпитафе к „Дон Жуану“»

Difficile est proprie communia dicere

Communia значит не обыкновенные предметы, но *общие всем* (дело идет о предметах трагических, всем известных, в противоположность предметам вымышленным. См. *ad Pisones*). Предмет Д. Жуана принадлежит исключительно Байрону» (7, 146). Однако нет оснований полагать, что Байрон понимал сказанное Горацием иначе, чем Пушкин, т. е. иначе, чем в латинском источнике. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно к нему обратиться.

Гораций разделяет все эпико-драматические темы на два вида: те, что восходят к мифу, к «преданию» (традиционные, всем известные), и те, что от «предания» не зависят (вымышленные, сочиненные самим поэтом):

Следуй преданию, поэт, иль выдумывай с истиной сходно! (<...>)

Если вверяешь ты сцене что новое, если ты смеешь

Творческой силой лицо создавать, неизвестное прежде,

То старайся его до конца поддержать таковым же,

Как ты в начале его показал, с собою согласным.

³ В дальнейшем при ссылках на это издание в тексте статьи указываются том и страницы в круглых скобках.

⁴ Перевод, который дает словарь расхожих латинских изречений: «Трудно по-своему выразить общеизвестное». См.: [Крылатые латинские изречения, с. 80; Вурон, р. 5].

Далее следует фраза, которая приобрела характер расхожего афоризма и которую цитирует Байрон:

Трудно, однако ж, дать общему личность
(т. е. сообщить своеобразие тому, что всем знакомо. — В. В.)
(...) Общее будет по праву твоим, как скоро не будешь
Вместе с бездарной толпой ты в круге обычном кружиться,
Если не будешь, идя по следам, подражателем робким...

[Гораций, с. 346]

Похоже, Байрон внял (или, иронизируя, сделал вид, что внял) совету античного автора, доведя отступление от «предания» до крайней точки.

Ссылка на Горация в эпитафии к «Дон Жуану» объясняла читателю резкий уход от традиции в поэме на традиционную тему. Это подчеркнул Пушкин: «Предмет Дон Жуана принадлежит исключительно Байрону». Фраза звучит двусмысленно. Ее можно понять и так, что в изложении «общей» темы автор вполне самостоятелен, и так, что такой темой является сам автор. Как бы то ни было, вопрос об оригинальности Байрон решил сразу и радикально: своеобразие героя, событий, самого способа подачи материала видны в сочинении с первых строк. Но главное в этом своеобразии — именно сочинитель, который, по принятому Байроном обыкновению, заслоняя собой все остальное, занимает первый план. И, как ни странно и ни смешно, уже в эпитафии.

К этому эпитафию необходимо присмотреться. Весьма знаменательно, что Пушкин рассуждает о нем в связи с мыслью о трудновоспроизводимой манере Байрона шутить. Так, он хвалит Мюссе за то, что тот «умел схватить тон Байрона в его шуточных произведениях, что вовсе не шутка» (7, 146). Далее следуют соображения об эпитафии.

В лондонском издании «Дон Жуана» 1819 г. он напечатан по-латыни вместе с отсылкой к Горацию сразу под заглавием поэмы и над выходными данными, в центре страницы. Предваряя текст произведения, он, естественно, несет смысл, заключенный в оригинале. Однако в идущих за текстом поэмы авторских примечаниях Байрон дает слова Горация в собственном переводе. Повторив еще раз римского поэта, он пишет: «Byron's translation of the line is: „'Tis no slight task to write on common things“» (т. е. «Перевод Байрона этого стиха (Горация) такой: „Нелегкая задача — писать об обычных (обыкновенных) вещах“» [Вугон, р. 456].

Шутка поэта заключается в том, что в своем переводе он заменяет первое значение слова *communis*, напоминающее о латинском источнике, — *общий* (т. е. принадлежащий всем) другим значением того же слова: *communis* — *обыкновенный, обычный, свойственный многим* и т. д. Приспособив серьезное высказывание Горация к своей «сатирической поэме», Байрон

сообщил ему комически-насмешливый смысл, поскольку в его поэме, как на нее ни смотри (от начала к концу или от конца к началу, т. е. от латинского эпиграфа к его английскому переводу или от перевода к латинскому эпиграфу), нет ничего обычного. Напротив, повествование в «Дон Жуане» — плод самой безудержной фантазии.

Пушкин оценил шутку и, переводя, в свою очередь, английское примечание Байрона на русский язык, воспользовался его же приемом. Он взял из Горация пропущенное Байроном наречие *proprie* и обыграл одно из его значений. Латинское слово восходит к прилагательному *proprius*, имеющему разные смыслы: 1) *свой, собственный, частный* и 2) *свойственный, подходящий, подобающий, приличный* (кому-то, чему-то). Наречие *proprie* устраивало Пушкина во втором своем значении — *прилично* (т. е. подобающе, подходящее), так как на русском языке, помимо этого (ныне достаточно устаревшего) содержания, оно несет в себе смысл, которого нет в латинском источнике: *прилично* (от прилагательного *приличный*), т. е. *пристойно, благовидно, благообразно*. В результате перевод примечания Байрона к эпиграфу из Горация у Пушкина выглядит так: «Трудно прилично (т. е. подходящим образом и вместе — пристойно) выражать обыкновенные (и вместе — неприличные, непристойные) предметы», поскольку прилично выражать простые, «обыкновенные предметы» ни у кого не вызовет затруднений.

Подражая Байрону, Пушкин сделал даже больше, чем тот: одно слово переводимой фразы он использовал в разных значениях, а другое слово той же фразы он наделил дополнительным смыслом. Еще дальше отойдя от Горация, он вплотную приблизился к Байрону и только намеком, но энергичнее и точнее выразил его мысль. Вероятно, для того чтобы уже ни в чем не уступать образцу, свой насмешливый перевод Пушкин, как и Байрон, поместил в примечание. Все эти остроумные лексические трюки, оставшиеся в черновых набросках небольшой заметки, — проявление мастерства высочайшего класса. Но что касается существа дела, позволительно предположить, что шутка Байрона, заместившего Горация собственной персоной уже в эпиграфе, не могла не позабавить Пушкина — настолько она была характерна и естественна для автора поэмы.

В этом отношении «Дон Жуан» ничем не отличается от других произведений английского поэта. Пушкин писал: «Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. Он представил нам призрак себя самого. Он создал себя вторично, то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром, издыхающим под схимиею, то, наконец, странствующим посреди... В конце концов он постиг, создал и описал единый характер (именно свой)...» (7, 37 — незаконченный

набросок «(О драмах Байрона)», 1827 г.). И еще: «Байрон мало заботился о планах своих произведений или даже вовсе не думал о них: несколько сцен, слабо между собою связанных, были ему достаточны для сей бездны мыслей, чувств и картин (волновавших и представлявших его самого. — В. В.). (...) Дело в том, что он постиг, полюбил один токмо характер (именно свой), всё, кроме некоторых сатирических выходов, рассеянных в его творениях, отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному» (7, 50 — черновик рецензии «(О трагедии Олина „Корсер“», 1827 г.). Рядом с этим лицом главный герой «Дон Жуана» выглядит удручающе тусклым.

Решение проблемы оригинальности, достигнутое Байроном без особых усилий (одним переводом интереса повествования с главного героя на себя), ни в коей мере не увлекало Пушкина. «Дон Жуан» английского поэта, демонстративно порвавшего с традицией, по мнению комментаторов, в драме Пушкина почти не отразился. За исключением отказа от морализации, который Б. В. Томашевский усматривает у обоих поэтов, ученый не видит заметных следов воздействия Байрона на русского автора: «Трактовка Дон Жуана вне морализации (...) конечно, дана Пушкиным не без влияния Байрона», однако в целом «это влияние незначительно» [Томашевский, с. 571]. Со ссылкой на Б. В. Томашевского это мнение повторяют комментаторы нового академического издания пушкинских драм (В. Е. Багно, М. Н. Виротайнен): «В минимальной степени в обрисовке характера Дон Гуана отразился „Дон Жуан“ Байрона (...) Речь может идти лишь о том, что в обоих случаях изображение героев лишено морализации» [Пушкин 2009, с. 834]. Далее в постраничных примечаниях со ссылкой на А. Ахматову отмечены возможные, крайне скудные переклички Пушкина с текстом байроновской поэмы (сравнение неба с дымом, а также разных типов женщин в словах одного и другого героя) [Там же, с. 849–850].

Названные переклички показательны, но, безусловно, менее важны, чем утверждение об отсутствии морализации в произведении Пушкина (у Байрона — иное дело). Ведь это утверждение, мельком звучащее в академических комментариях, весьма серьезно: оно не может не сказаться на понимании выраженной в драме художественной концепции. Думается, что соображения А. Ахматовой на этот счет правильнее отражают суть вещей. Она считает, что Пушкин лишь избегал «прямого морализирования», «морализирования в лоб», т. е. поучительных сентенций и наставлений в устаревшей литературной манере. Нравственную оценку героев, их характеров и поступков он передавал косвенными путями, прибегая к богатым возможностям художественных средств, ведущих, однако (и более успешно), к той же цели [Ахматова 1977а, с. 526; 1977b, с. 550]. Ахматова пишет: «Быть может, ни в одном из

созданий мировой поэзии грозные вопросы морали не поставлены так резко и сложно, как в „маленьких трагедиях“ Пушкина» [Ахматова 1977а, с. 525]. Это «в особенности относится к „Каменному гостю“, который все же является обработкой мировой темы возмездия (т. е. кары за грех, преступление. — В. В.). (...) Что и для Пушкина „Каменный гость“ — трагедия возмездия, доказывает уже само выбранное им заглавие („Каменный гость“, а не „Дон Жуан“»)» [Ахматова 1977а, с. 526].

Действительно, нравственный суд над героем драмы и его безбожными деяниями у Пушкина настолько очевиден, что непонятно, зачем Б. В. Томашевскому и более поздним комментаторам понадобилось это отрицать. В противоположность Томашевскому заметим, что не «дважды», как он пишет [Томашевский, с. 564], а четырежды [Ахматова 1977а, с. 532] данный Дон Гуану в драме эпитет «безбожный», который будто бы у Пушкина «не оправдан», — не просто оправдан, но не раз подтвержден. Именно поэтому, в частности, не выглядит преувеличением смелое заявление Ахматовой: «„Каменный гость“ (...) показывает Пушкина родоначальником великой русской литературы XIX века, как моралиста. Это — столбовая дорога русской литературы, по которой шли и Толстой, и Достоевский» [Ахматова 1977b, с. 549].

Говоря об «обработке мировой темы» в «Каменном госте», Ахматова не отрицала отражения в драме и сугубо личных переживаний поэта (подобные примеры она приводит в статье) [Ахматова 1977а, с. 535 и след.]. Не исключено, кстати сказать, что подмеченные ею «самопризнания» до некоторой степени обусловили в ее работе снисходительную трактовку главного героя и мысль о якобы происшедшей с ним положительной перемене. Как бы то ни было, никакие сближения не поколебали ее вывода: в отличие от Байрона, который, отвратившись от многого и многих, в конце концов «погрузился в самого себя», «Пушкин, исходя из личного опыта, создает законченные и объективные характеры: он не замыкается от мира, а идет к миру. Вот почему самопризнания в его произведениях так незаметны и обнаружить их можно лишь в результате тщательного анализа» [Ахматова 1977а, с. 542–543]. Из этого с неизбежностью вытекает, что они и не должны быть замеченными (да и как бы читатель, не зная интимной переписки поэта, мог их заметить?). А потому, будучи, вероятно, небезынтересными в решении вопросов психологии творчества и творческого процесса, они не должны влиять на восприятие конкретного художественного текста, в данном случае — традиционной в основе, но загадочной драмы. Здесь, как обычно у Пушкина, видимая простота не должна вводить в заблуждение.

Сказанное не означает, что «Дон Жуан» Байрона, как бы он ни выпадал из знакомой всем схемы, может быть обойден серьезным вниманием при

изучении произведения Пушкина. К внешнему сходству, т. е. явному совпадению двух-трех мотивов, в этом случае (да и в любых других) не сводятся реальные текстуальные связи. Не всегда приметным образом выступая на поверхности, они способны выражаться в разных формах — от простых элементов до весьма сложных и прихотливых комбинаций. Это может быть повтор на уровне идей (представленных в разных художественных положениях), на уровне положений (с переменной их идейного содержания); может быть согласием, но с дальнейшим развитием ранее сказанного, или возражением и пародией; может быть воспроизведением в художественной форме того, что у другого писателя выражено прямо, без обращения к поэтическим приемам (как нередко у Пушкина в его художественной редакции и переделках Байрона) и т. д. Любой новый контекст дает возможность для самых разных лексических и логических манипуляций. Нечто подобное видим у Пушкина. Вопреки укоренившемуся мнению надо признать, что Байрон и его незаконченная поэма, к которой Пушкин, разумеется, возвращался, работая над «Каменным гостем», играли в его творческих размышлениях заметную роль. И если говорить о соперничестве Пушкина с кем бы то ни было в его маленькой драме, то это не столько Мольер (и уж конечно, не только Мольер, как считает Б. В. Томашевский) [Томашевский, с. 559 и след.], сколько знаменитый современник, властитель дум многих европейцев, долгие годы вызывавший у русского поэта острый интерес. Ведь хотя Байрон в «Дон Жуане» и свернул в сторону от проторенной дороги предшественников, его гениальному последователю вряд ли стоило большого труда вернуть «заблудшего» на общий путь, поскольку для этого в принципе достаточно было «общей» темы. В такой пусть не первостепенной, но соблазнительной цели тоже была своя прелесть, — прелесть соревнования в изобретательности, изысканном остроумии, насмешливой игре ума, в оригинальности как целого, так и составляющих его частей.

В отличие от Байрона, который во имя этой оригинальности демонстративно порвал с традицией, Пушкин добивался того же эффекта, не покидая ее границ. Это была действительно нелегкая задача — по-новому представить старый «предмет», т. е. одновременно быть и не быть таким, как все. Но Пушкина, несмотря на то что его художественную работу предворяли сочинения первоклассных мастеров, подобные трудности не смущали. На его взгляд, они были вполне преодолимы. Повторив суждение одного из критиков: «Если всё уже сказано, зачем же вы пишете? чтобы сказать красиво то, что было сказано просто? жалкое занятие!» — Пушкин возразил: «Нет, не будем клеветать разума человеческого, неистощимого в соображениях понятий (т. е. в соединении, сопряжении понятий. — *В. В.*), как язык неистощим

в соображении слов» (7, 46 — «⟨Материалы к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“⟩», 1827 г.)⁵. «Понятие» у Пушкина означает представление, мысль о предмете, идею чего-либо; соединение, сопряжение «понятий» — сближение предметов и идей. Оно, как всегда, возникает и изменяется в узком или широком контексте. Поэтому так важен «план» — состав и последовательность, начало и конец изложения предметно-понятийного материала. Пушкин писал: «Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою (т. е. преобразующей. — В. В.) мыслью — такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a, Гете в „Фаусте“, Молиера в „Тартюфе“» (7, 48 — «⟨Материалы к „Отрывкам...“⟩»). В этом перечне нет и не могло быть Байрона.

В статье «О ничтожестве литературы русской» (1834) Пушкин подчеркнул преимущественное значение мысли (идеи) в сравнении с ее словесным оформлением. Он был уверен, что забвение ожидает тех писателей, которые «пекутся более о наружных формах слова, нежели о мысли, истинной жизни его, не зависящей от употребления!» — употребления в тех или иных выражениях (7, 212).

Не только отдельные слова и словосочетания, но даже ситуации могут повторяться от текста к тексту и от автора к автору, но из этого не следует, что они обречены нести один и тот же смысл. В этой свободе залог любых содержательных перемен, не исключая традиции, которая всегда открыта для вариаций и новых значений. Особенность варьирования «общей» темы у Пушкина в том, что он и продолжает традицию, и преобразует ее в немалой мере с помощью одних и тех же средств. Это происходит благодаря фольклорной основе взятого им сюжета: все разнообразие фольклорных мотивов, так или иначе увязанных с главной темой, оказывается в распоряжении автора. Видоизменение сюжета за счет расширения его фольклорной основы легко различимо уже при первой литературной его обработке — у Тирсо де Молины, для начала соединившего в одно целое две фольклорные легенды и далее вплетавшего в ткань комедии то один, то другой фольклорный мотив. Так же поступал и Мольер. Пушкин продолжил в том же (тоже традиционном) роде, привнося в свою драму фольклорные ситуации, пословицы и поговорки, поверья и суеверия, даже расхожие фразеологизмы и, кроме них, встающие в тот же ряд знакомые всем (так сказать, обмирщенные) литературные изречения и афоризмы.

⁵ Насколько поэт был убежден в правильности своего умозаключения, свидетельствует то, что спустя годы он повторил его почти дословно в рецензии «Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико» (1836); см.: 7, 323–324.

В завуалированной форме такие мотивы возникают с первых строк (Сцена I. Дон Гуан и Лепорелло):

Дон Гуан

Дождемся ночи здесь. Ах, наконец
Достигли мы ворот Мадрита! Скоро
Я полечу по улицам знакомым,
Усы плащом закрыв, а брови шляпой.
Как думаешь? узнать меня нельзя?

Лепорелло

Да! Дон Гуана мудрено признать!
Таких, как он, такая бездна!

[Пушкин 2009, с. 135]⁶

Ответ слуги ироничен.

Дон Гуан

Шутишь?

Да кто ж меня узнает?

Но слова Лепорелло (как часто и других слуг-наперсников в мифе о Дон Жуане, наделенных шутовскими чертами) содержат в себе двойной смысл — и насмешливый, и серьезный. Дон Гуана действительно «мудрено признать», особенно в черновых набросках сцены, где, привлекая внимание слуги («Посмотри-ка, Лепорелло») и указывая на себя, он говорит:

В плаще и шляпе с перьями, при шпаге.

(с. 399)

И в самом деле, кто же из молодых испанских аристократов и дворян мог появиться на улице в ином виде — без плаща, и шляпы с перьями, и шпаги? В окончательном тексте кое-что, помимо одежды, от Дон Гуана все-таки остается. Но что? Если у него закрыты даже усы, а брови скрывает шляпа, то видимыми оказываются только *глаза* и *нос*. То и другое выделено Пушкиным в рисунке, изображающем героя вблизи ворот Мадрида. А в тексте драмы *глаза* и *нос* не названы и названы одновременно: отсутствуя, они присутствуют. *Глаза* — намек на владеющий героем грех (ср.: «Глазам воли не давай» [Русские пословицы и поговорки, с. 62]), *нос* — и на грех, и на неминуемую расплату (ср.: «Нос задирает, а в голове ветер гуляет» [Там же, с. 237]). Такое оригинальное введение мотивов Пушкину, скорее всего, подсказал Байрон. Насмешливо представляя великого султана, в гареме которого прихоть судьбы очутился переодетый в женское платье Дон Жуан, Байрон пишет:

⁶ В дальнейшем ссылки на тексты драмы и вариантов к ней даются по этому изданию. В круглых скобках указываются страницы.

«Султан идет! Султан идет великий!» (...)
Он был мужчина видный и суровый:
Чалма до носа, борода до глаз;
Он ловко спасся из тюрьмы дворцовой
И брата удавил в удобный час... и т. д.

(Песнь пятая; октавы 145, 147) [Байрон, с. 218]

Сообразно новой ситуации Пушкин заменил бороду плащом, чалму — шляпой, а самого Байрона, ни о чем подобном не помышлявшего, косвенным образом и запоздало вернул тем самым к фольклорным корням и традиции. Так, у Мольера на слова слуги главного героя, Сганареля: «...по-моему, очень это скверно любить направо и налево, как это делаете вы», — Дон Жуан отвечает: «...чувство, которое я испытываю к одной красавице, не заставляет меня быть несправедливым к другим: у меня по-прежнему остаются глаза, чтобы замечать достоинства всех прочих, и каждой из них от меня — дань и поклонение (...) Как бы то ни было, сердце мое не может не принадлежать всему тому, что ласкает взгляд...» и т. д. [Мольер, с. 200]. Говоря о «всем том, что ласкает взгляд», Дон Жуан сильно преувеличивает. В действительности его взгляд ласкает только «хорошенькое личико» — одно, другое, третье... — каждому из которых он готов «отдать (...) сердце», а так как «вся прелесть любви — в переменах», то останавливаться в этом потоке удовольствий у героя нет ни желания, ни нужды [Мольер, с. 200–201].

Герою Пушкина не надо «хорошенького личика», вообще не надо «личика», достаточно любой новизны, любой привлекательной странности в облике и поведении женщины для того, чтобы воспылать привычной страстью.

Дон Гуан
(*задумчиво*)

Бедная Инеза!

Ее уж нет! Как я любил ее! (...)

Странную приятность

Я находил в ее печальном взоре

И помертвевших губах. Это странно.

Ты, кажется, ее не находил

Красавицей. И точно, мало было

В ней истинно прекрасного. Глаза,

Одни глаза. Да взгляд... такого взгляда

Уж никогда я не встречал.

(с. 136–137)

Но для того чтобы заметить чьи-то глаза и взгляд, надо, чтобы на это были настроены глаза и взгляд самого искателя известных приключений, — взгляд

хищника, высматривающего очередную жертву. При этом его могут привлечь не только достоинства вроде жизненной свежести и красоты (как у крестьянок Тирсо де Молины, Мольера, Л. да Понте в опере Моцарта «Дон Жуан»⁷, но и недостатки — физические изъяны, болезненная слабость. Так с Инезой:

А голос

У ней был тих и слаб — как у больной...

(с. 137)

«Всеядность» страстного чувства, по убеждению Пушкина, в природе любви. Отвечая критикам «Полтавы», усмотревшим неправдоподобие в том, что поэт заставил молодую женщину (Марию) влюбиться в старика (Мазепу), Пушкин писал: «...любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Вспомните предания мифологические...» (7, 132 — «Опровержение на критики»). Разумеется, это не мешает естественному увлечению молодостью и красотой. Как ясно из реплик, которыми обмениваются Дон Гуан и Лепорелло, впервые увидевшие Дону Анну на монастырском кладбище, близ «мужниной гробницы», пушкинского героя может увлечь в женщине решительно всё.

Дона Анна идет за монахом.

Лепорелло

Что, какова?

Дон Гуан

Ее совсем не видно

Под этим вдовьим черным покрывалом,

Чуть узенькую пятку я заметил.

Лепорелло

Довольно с вас. У вас воображенье

В минуту дорисует остальное;

Оно у вас проворней живописц(а),

Вам всё равно, с чего бы ни начать,

С бровей ли, с ног ли.

Дон Гуан

Слушай, Лепорелло,

Я с нею познакомлюсь.

⁷ Л. да Понте (настоящее имя Э. Конельяно, 1749–1838) — автор либретто к опере Моцарта «Дон Жуан».

Героя не смущают ни нравственные преграды (он уже знает, что та, с которой он собирается знакомиться, — вдова убитого им командора), ни особые обстоятельства (дело происходит на кладбище, у могилы ее мужа).

Лепорелло

Вот еще!

Куда как нужно! Мужа повалил
Да хочет поглядеть на вдовьи слезы.
Бессовестный!

(с. 138, 139–140)

Не смущает и то, что именно здесь, на кладбище Антоньева монастыря, где ему приходят в голову далекие от благочестия мысли, он настойчиво ухаживал за Инезой, добиваясь победы (в чем ему наконец «помог лукавый»). И в то время, как для него их встречи были приятным удовольствием и только, «бедная Инеза» за греховную (больше чужую, чем собственную) радость заплатила жизнью:

Лепорелло

⟨...⟩ Антоньев монастырь
Мне памятен. Езжали вы сюда,
А лошадей держал я в этой роще.
Проклятая, признаться, должность. Вы
Приятнее здесь время проводили ⟨...⟩

Дон Гуан

⟨...⟩ Муж ⟨у⟩ ⟨н⟩ее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!

Лепорелло

Что ж, вслед за ней другие были.

Дон Гуан

Правда.

Лепорелло

А живы будем, будут и другие.

Дон Гуан

И то.

Затем:

Лепорелло

⟨...⟩ Ну, развеселились мы.
Недолго нас покойницы тревожат.

(с. 136, 137)

И впрямь. Едва Лепорелло помянул «лукавого», как тот немедленно явился «помочь» герою в очередной раз — на том же месте и примерно в тот же час. Согласно народному поверью, нечисть лучше не поминать, так как она может тут же отозваться [Русский демонологический словарь, с. 589, 593, 599 и др.]. «Лукавый» спешит «помочь» не только Дон Гуану, но любому из множества ему подобных, уже обитающих в «бездне» или готовых в нее провалиться, поскольку они имеют с ней прямую связь. Ср.: «Таких, как он, такая бездна!» — и у Байрона:

Я видел сам недавно, как в Севилье
Жуана черти в бездну утащили.

(Песнь первая, октава 203) [Байрон, с. 60]

Но Дон Гуан не думает о дьяволе, как не думает о Боге, оправдывая характеристику, которую дает ему монах, не ведающий о том, что говорит с убийцей командора — с «развратным, бессовестным, безбожным Дон Гуаном» (с. 138).

Очень может быть, что «лукавый» и не нуждался в каком бы то ни было упоминании и призыве, а с самого начала безотлучно следовал за Дон Гуаном, самовольно вернувшись из ссылки в Мадрид⁸. Ведь место ссылки обозначено весьма неопределенно. Оно гораздо севернее Мадрида, но где — в точности неизвестно. Зато точно известно, что это место «покоя».

Дон Гуан

⟨...⟩ Меня он (король. — *В. В.*) удалил, меня ж любя,
Чтобы меня оставила в покое
Семья убитого...

Лепорелло

Ну то-то же!

Сидели б вы себе спокойно там.

Лепорелло не договаривает разумеющееся продолжение: и не высывывали *носа* (который герой все-таки высунул)⁹.

Дон Гуан

Слуга покорный. Я едва-едва
Не умер там со скуки. Что за люди,
Что за земля! А небо?.. точный дым.
А женщины? ⟨...⟩

⁸ Мотив самовольного возвращения героя из ссылки вопреки приказу короля не раз повторяется в комедии Тирсо, и только у него. См.: [Тирсо де Молина, с. 270–271, 302, 305–306, 317 и др.].

⁹ Автобиографическая подоплека этих слов указана А. Ахматовой. См.: [Ахматова 1977а, с. 528].

Они сначала нравились мне
Глазами синими, да белизною,
Да скромностью — а пуще новизною;
Да, слава Богу, скоро догадался —
Увидел я, что с ними грех и знаясь, —
В них жизни нет, всё куклы восковые...

(с. 136)

Как отмечалось, слова о небе, которое «точный дым», заимствованы Пушкиным у Байрона. Сквозь «дым тумана» Дон Жуан видит «белый берег Альбиона». В клубах дыма пред ним встает Лондон:

Выбрасывал он в небо тучи дыма,
Как потухающий вулкан.
Казалось, это ад неукротимый
Из серных недр выбрасывал фонтан <...>

Туман и грязь на много миль вокруг <...>
На небе — дым и копоть, как недуг,
И купол, что повис огромной тенью
Дурацкой шапки на челе шута, —
Вот Лондон! Вот родимые места!

(Песнь десятая, октавы 64, 81, 82) [Байрон, с. 352, 356]

Внимание Пушкина остановили не столько «дым» и «тучи дыма» над Лондоном сами по себе и не сам Лондон, сколько сравнение города с адом, сделанное Байроном вскользь, без всякой эмфазы, в одном ряду с «дурацкой шапкой на челе шута». Однако у Пушкина речь идет не просто о городе, а о месте ссылки и наказания. В этом смысле любое место вынужденного изгнания, где бы оно ни находилось¹⁰, более или менее оправданно может быть уподоблено иному свету, т. е. преисподней, как обители смерти, безжизненному, мрачному царству теней.

Это уподобление поддержано впечатлением Дон Гуана о женщинах, которых он встретил в навязанном ему «покое». Их главное достоинство в «новизне», но «с ними грех и знаясь, — В них жизни нет...». Выходит, будучи живыми, они ничем не отличаются от мертвых (они насельницы «покоя», т. е. «покойницы»). И хуже: они «всё куклы восковые». Но восковые куклы, изначально связанные с древними погребальными обрядами (Египта, Греции, Рима), в позднее время либо куклы паноптикума, либо куклы, которых

¹⁰ См. предположения комментаторов на этот счет: [Пушкин 2009, с. 849].

использовали в ритуалах черной магии. Однако те и другие, согласно традиционным верованиям, связаны с нечистой силой¹¹.

Названные мотивы прямо (с помощью Байрона) и косвенно (без него) сближают место ссылки Дон Гуана если не с глубинами ада, то с местом где-то вверху, в начале спуска в «бездну». Именно там Данте и Вергилия ненадолго останавливает туман и мрак преисподней:

Мы были возле пропасти, у края,
И страшный срыв гудел у наших ног,
Бесчисленные крики извергая.

Он был так темен, смутен и глубок,
Что я над ним склонился по-пустому
И ничего в нем различить не мог.

(«Ад», песнь четвертая, ст. 7–12) [Данте, с. 18]

И именно там, вблизи края, но только снизу, с другой стороны, в круге втором, обретаются грешники, одержимые тем же недугом, что и Дон Гуан, — сладострастием. (Первый круг, лимб, можно считать, скорее, преддверием ада: его занимают некрещенные младенцы и добродетельные нехристиане, к которым принадлежит Вергилий, вожатый Данте). В своих вынужденных странствиях, сам того не сознавая, Дон Гуан по воле автора заехал туда, куда вряд ли хотел бы заехать герой Мольера, мечтавший ради любовных побед побывать везде и всюду, даже в «других мирах»: «Нет ничего, что могло бы остановить неистовство моих желаний. Сердце мое, я чувствую, способно любить всю землю, и я, подобно Александру Македонскому, желал бы, чтобы существовали еще и другие миры, где бы мне можно было продолжить мои любовные победы» [Мольер, с. 201]. Эти «другие миры» — просто новые земли, но никак не тот единственный мир, в котором каждого нераскаившегося грешника вместо наслаждения ожидают лишь муки и который заключен в преисподней земли (*тот свет* в противоположность *этому свету*).

Начиная с комедии Тирсо де Молины, мотив странствий героя, сопряженный с мотивом новых побед, — один из постоянных в разных версиях мифа о Дон Жуане. У Моцарта — Л. Да Понте, говоря о «подвигах» хозяина, Лепорелло называет города, веси, целые страны (Италия, Германия, Франция,

¹¹ Поскольку Лондон, благодаря отсылке к Байрону, остается где-то на заднем плане возможного места изгнания Дон Гуана, то слова героя о женщинах в его «покое», помимо прочего, передают, как думается, насмешливую реакцию Пушкина на нелестные отзывы английского поэта о русских мужчинах в его незаконченной поэме. Аргумент «сам съешь», как известно, Пушкину был не чужд. При этом русский поэт обращался не столько к Байрону, которого уже не было в живых, сколько к читателю художественных творений, которые не умирают.

Турция, Испания), где сотни женщин были обмануты любвеобильным героем (д. I, явл. V) [Дон Жуан, с. 9–10]. В обширной поэме Байрона (которая, по его словам, в написанной части — лишь подступы к теме) [Байрон, с. 394, 402] мотив странствий несет на себе особую нагрузку, выполняя задачу общей организации художественного материала. Взамен единого действия и «плана» он становится чем-то вроде сюжетной нити, связующей в нечто целое амурные приключения героя (с их меняющимся фоном) и одновременно оставляющей поле для пространственных авторских отступлений, острот и сарказмов.

У Пушкина (по-видимому, не без полемического умысла и не без усмешки) дело обстоит как раз наоборот. Несмотря на то что его герой в своих невольных странствиях заехал дальше, чем кто бы то ни было из его литературных собратьев, он мог бы, по сути ничего не теряя, никуда не двигаться вообще: для его «подвигов» достаточно Мадрида и столичной округи (упоминание андалузской крестьянки вызвано тем, что Пушкин или забыл, или не успел привести в соответствие произведенную им замену прежнего места действия — Севилью — на Мадрид)¹². Не случайно оба приключения Дон Гуана, о которых говорится в драме, — с простой крестьянкой (Инеза) и знатной дамой (Дона Анна) — связаны с одним и тем же местом (кладбище Антоньева монастыря). Неожиданное и противоречивое сочетание мотива дальних странствий с их отсутствием — один из ярких примеров парадоксов, остроумных и оригинальных суждений, которые у Пушкина нередко лежат в основе ситуаций. Так и здесь: в поисках новых побед Дон Гуану не нужно странствовать и по этому свету, достаточно оглядеться. Наверняка вблизи найдутся либо головы, либо пятки, которые для героя мгновенно послужат искусительной приманкой и надеждой на все остальное. Ведь если верить Байрону, тут нет никаких помех:

Согласен я, что можно обожать
И черные глаза и голубые.
Все вкусы я способен уважать,
Притом любовь — могучая стихия,
И некрасивых женщин вовсе нет
Для всех мужчин моложе средних лет

(Песнь тринадцатая, октава 3) [Байрон, с. 404]

Реальные путешествия Дон Гуану успешно заменяет безудержный полет воображения. Ведь у Пушкина он поэт¹³, следовательно, одарен обостренной

¹² Отмечено Б. В. Томашевским. См.: [Томашевский, с. 575].

¹³ А. Ахматова пишет: «Дон Гуан — поэт. Его стихи, положенные на музыку, поет Лаура, а сам Гуан называет себя „импровизатором любовной песни“. (...) Насколько знаю, никому не приходило в голову делать своего Дон Жуана поэтом» [Ахматова 1977а, с. 527].

восприимчивостью (сообразно с его настроением — прежде всего к женским чарам), но точно так же — и стремительной отзывчивостью на все идущие извне соблазны:

Дон Гуан

Так здесь похоронили командора?

Монах

Здесь; памятник жена ему воздвигла

И приезжает каждый день сюда

За упокой души его молиться.

И плакать.

Дон Гуан

Что за странная вдова?

И недурна?

Монах

Мы красотой женской,

Отшельники, прельщаться не должны,

Но лгать грешно; не может и угодник

В ее красе чудесной не сознаться.

Дон Гуан

Недаром же покойник был ревнив.

Он Дону Анну взаперти держал,

Никто из нас не видывал ее.

Я с нею бы хотел поговорить.

(с. 139)

Но один и тот же грех, да еще в одном и том же месте, да еще в таком, где к прелюбодеянию и блуду добавляется святотатство, не сулит ничего хорошего: «Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить» [Русские пословицы и поговорки, с. 257]. Эта пословица кратко передает самую суть традиционного сюжета о Дон Жуане. У Мольера ее напоминает Сганарель, как всегда тщетно пытающийся вразумить хозяина: «Делайте со мной все, что угодно (...) но я должен выложить все, что есть у меня на душе, и, как верный слуга, высказать вам все, что считаю нужным. Было бы вам известно, сударь: повадился кувшин по воду ходить — там ему и голову сломить...» [Мольер, с. 245]. Такой же смысл мрачного предупреждения выражает у Пушкина первая встреча Дон Гуана и Лепорелло перед въездом в Мадрид: они видят монаха, которого даже на монастырском кладбище в это время могло бы не быть, поскольку и его, одного-единственного, привела сюда из ряда вон выходящая необходимость — проводить на мужнину могилу Дону Анну. Как бы то ни было, «поп (или монах), да девка, да порожние ведра —

дурная встреча» [Русские пословицы и поговорки, с. 415]. Такова народная примета.

Надо заметить, что, в отличие от пословиц и поговорок, которые охотно используют авторы литературных обработок мифа о Дон Жуане, народные приметы и поверья они обходят вниманием. За одним исключением. У Тирсо де Молины Каталинон (слуга Дон Хуана) советует хозяину не справлять свадьбу, назначенную тому приказом короля, в не подходящий для этого день:

Каталинон

Справить лучше б свадьбу эту
Завтра — нынче день тяжелый.

Дон Хуан
Что же нынче?

Каталинон

Понедельник.

Дон Хуан

Верит только полоумный
В эти глупые приметы.
Для меня нет дней тяжелых,
Неудачных и зловещих,
Кроме тех, когда в кармане
У меня иссякли деньги.

[Тирсо де Молина, с. 366]

Герой не считается с «глупой приметой». И напрасно: по дороге на свадебное торжество он погибает самым жестоким образом от мертвой руки убитого командора [Там же, с. 368 и след.].

Недобрая примета в начале пушкинской драмы тоже знаменует недобрый конец. Греховным побуждениям Дон Гуана содействуют к тому же злые силы. Ведь сбежавший из ссылки герой не избавился от «лукавого». Судя по всему, тот вообще не собирался его отпускать до самого финала и окончательной развязки. Напротив, взял на себя опеку и дружеское сопровождение, заодно освободив короля от заботы возвращать беглеца обратно. Ср.:

Дон Гуан

Что за беда, хоть и узнают. Только б
Не встретился мне сам король. А впрочем,
Я никого в Мадрите не боюсь.

Лепорелло

А завтра же до короля дойдет,
Что Дон Гуан из ссылки самовольно
В Мадрит явился, — что тогда, скажите,

Он с вами сделает?

Дон Гуан

Пошлет назад.

Уж верно головы мне не отрубят.

Ведь я не государственный преступник.

(с. 135—136)

Слова о том, что, кроме короля, он никого в Мадриде не боится, — некоторая бравада и преувеличение. Об этом говорят мотивы, заключающие сцену I:

Дон Гуан

Однако уж и смерклось.

Пока луна над нами не взошла

И в светлый сумрак тьмы не обратила,

Взойдем в Мадрит.

(Лепорелло)

Исп(анский) гранд, как вор,

Ждет ночи и луны боится — Боже!

Проклятое житье. Да долго ль будет

Мне с ним возиться? Право, сил уж нет.

(с. 140)

Дон Гуан боится даже лунного света, предпочитая тьму. Напоминание о свете и тьме двусмысленно и намекает на более важное предпочтение; известно: «Тьма свету не любит, злой доброго не терпит» [Русские пословицы и поговорки, с. 305].

Восклицание Лепорелло «Боже!» — с одной стороны, а с другой — безрадостная характеристика своего существования: «Проклятое житье», — отсылают к евангельским и восходящим к Евангелию текстам. Христос сказал окружавшему Его народу: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8: 12), и ранее: «...свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы...» (Ин. 3: 19) и др. Там, где тьма и нет света, там нет и Бога. Там может быть только «проклятое житье», ибо «что общего у света с тьмою?»; «...какое общение праведности с беззаконием?» и «Какое согласие между Христом и Велиаром?» (2 Кор. 6: 14—15). Предпочитая беззаконие и тьму, Дон Гуан отказывается от Бога и отдает себя во власть дьявола. Тот по свойственной ему злобе может послать его не назад (ср.: «Пошлет назад»), а гораздо дальше и, главное, гораздо глубже, чем это мог бы сделать любой король. Враг рода человеческого позаботится и о том, чтобы его подопечный не свернул по дороге куда-нибудь в сторону. Любимая Пушкиным кольцевая композиция

общими мотивами соединяет первую сцену и последнюю, начало и конец маленькой драмы. В данном случае такая переключка представляет собой сложную вариацию грубовато-прямолинейно соотнесенных мотивов начала и конца «Дон Жуана» Мольера. Так, в первом явлении первого действия Сганарель говорит слуге доньи Эльвиры, жены Дон Жуана: «...мой господин дон Жуан — это величайший из всех злодеев, каких когда-либо носила земля <...> Словом, кара небесная когда-нибудь непременно его постигнет <...> мне приходится видеть столько мерзостей, что я бы рад был, если б он сквозь землю провалился» [Мольер, с. 198–199]. И в конце комедии (действие пятое, явление шестое):

«Статуя. Дайте мне руку.

Дон Жуан. Вот моя рука.

Статуя. Дон Жуан! Кто закоснел в грехе, того ожидает страшная смерть; кто отверг небесное милосердие, над тем разразятся громы небесные.

Дон Жуан. О небо! Что со мной? Меня сжигает незримый пламень <...> Ах!

Сильный удар грома; яркие молнии падают на Дон Жуана. Земля разверзается и поглощает его, а из того места, куда он исчез, вырываются языки пламени» [Мольер, с. 248].

Желание Сганареля, как видим, осуществилось: за все свои мерзости и злодейства Дон Жуан наконец провалился сквозь землю. И даже с молниями и громким треском.

Литература

- Андреев — Андреев В. Самый обаятельный, привлекательный и... проклинаемый // Севильский обольститель: Дон Жуан в испанской литературе. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 5–30.
- Ахматова 1977a — Ахматова А. «Каменный гость» Пушкина // Ахматова А. Стихи и проза. Л.: Лениздат, 1977. С. 523–543.
- Ахматова 1977b — Ахматова А. К статье «„Каменный гость“ Пушкина»: Дополнения 1958–1959 гг. // Ахматова А. Стихи и проза. Л.: Лениздат, 1977. С. 543–550.
- Байрон — Байрон Дж. Г. Дон Жуан: Поэма / Пер. с англ. Т. Гнедич. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2020. 576 с.
- Ветловская — Ветловская В. Е. Из комментария к драме Пушкина «Каменный гость» («Мой Лепорелло, завтра — приготовь...») // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской: Исследования. Посвящения и воспоминания. М.: Индрик, 2015. Т. 2. С. 554–564.
- Гораций — Гораций. Наука поэзии / Пер. М. Дмитриева // Гораций. Собр. соч. СПб.: Биографический институт «Студия Биографика», 1993. С. 343–354. (Библиотека античной поэзии).
- Данте — Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М.: Моск. рабочий, 1986. 575 с.

- Дон Жуан — Don Giovanni. Дон Жуан: Опера буффа в двух действиях / Музыка Моцарта. Слова [Л. да Понте] в пер. П. Калашникова. СПб.: Тип. Ф. Стелловского, [б. г.]. 62 с.
- Крылатые латинские изречения — Крылатые латинские изречения. СПб.: Анима, 2001. 320 с.
- Мольер — *Мольер Ж.-Б.* Дон Жуан, или Каменный гость: Комедия в пяти действиях / Пер. А. Федорова // Мольер Ж.-Б. Комедии. М.: Искусство, 1954. С. 193–230.
- Пушкин 1978 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. / Текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. 4-е изд. Л.: Наука, 1978. Т. 7: Критика и публицистика. 544 с.
- Пушкин 2009 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Наука, 2009. Т. 7: Драматические произведения. 1070 с.
- Русские пословицы и поговорки — Русские пословицы и поговорки. М.: Худож. лит., 1988. 431 с. (Классики и современники. Русская классическая литература).
- Русский демонологический словарь — Русский демонологический словарь / Авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб.: Петербургский писатель, 1995. 640 с.
- Севильский обольститель — Севильский обольститель: Дон Жуан в испанской литературе. СПб.: Азбука-классика, 2009. 352 с.
- Тирсо де Молина — *Тирсо де Молина.* Севильский озорник, или Каменный гость / Пер. Ю. Корнеева // Испанский театр. М.: Худож. лит., 1969. С. 263–375. (Б-ка всемирной лит.).
- Томашевский — *Томашевский Б. В.* «Каменный гость»: Комментарий // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 7: Драматические произведения. С. 547–578.
- Byron — *Byron.* Don Juan. London: Printed by Thomas Davison, Whitefriars, 1819. 492 p.

References

- Akhmatova, A. (1977). *Stikhi i proza*. Leningrad: Lenizdat, 616 p.
- Andreev, V. (2009). 'Samyi obayatel'nyi, privilekatel'nyi i... proklinaemyi', in: *Sevil'skii obol'stitel'. Don Zhuan v ispanskoi literature*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 5–30.
- Byron (1819). *Don Juan*. London: Printed by Thomas Davison, Whitefriars, 492 p.
- Byron, G. G. (2020). *Don Zhuan. Poema*, transl. T. Gnedich. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus, 576 p.
- Dante Alighieri (1986). *Bozhestvennaya komediya*, transl. M. Lozinskii. Moscow: Moskovskii rabochii, 575 p.
- Don Giovanni* [s. a.]. *Opera bufa v dvukh deistviyakh*. Mozart, [L. da Ponte], transl. P. Kalashnikov. Saint Petersburg: Tipografiya F. Stellovskogo, 62 p.
- Horatius (1993). 'Nauka poezii', transl. M. Dmitriev, in: Horatius. *Sobranie sochinenii*. Saint Petersburg: Biograficheskii institut «Studia Biografika», 346 p.
- Krylatye latinskie izrecheniya* (2001). Saint Petersburg: Anima, 320 p.
- Molière (1954). 'Don Zhuan, ili Kamennyi gost'. *Komediya v pyati deistviyakh*, transl. A. Fedorov, in: *Komedi*. Moscow: Iskusstvo, 193–230.
- Novichkova, T. A., ed. (1995). *Russkii demonologicheskii slovar'*. Saint Petersburg: Peterburgskii pisatel', 640 p.
- Pushkin, A. S. (1978). *Polnoe sobranie sochinenii*. 10 vols., ed. B. V. Tomashevskii. 4th ed. Leningrad: Nauka. Vol. 7. Kritika i publitsistika, 544 p.

- Pushkin, A. S. (2009). *Polnoe sobranie sochinenii*. 20 vols. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 7. Dramaticheskie proizvedeniya, 1088 p.
- Russkie posloviцы i pogovorki* (1988). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 431 p. (Klassiki i sovremenniki. Russkaya klassicheskaya literatura).
- Sevil'skii obol'stitel'. Don Zhuan v ispanskoi literature* (2009). Saint Petersburg: Azbukaklassika, 352 p.
- Tirso de Molina (1969). 'Sevil'skii ozornik, ili Kamennyi gost', transl. Yu. Korneev, in: *Ispanskii teatr. Moscow: Khudozhestvennaya literatura*, 263–375. (Biblioteka vsemirnoi literatury).
- Tomashevskii, B. V. (1935). '«Kamennyi gost'». Kommentarii', in: Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 7. Dramaticheskie proizvedeniya, 547–578.
- Vetlovskaya, V. E. (2015). 'Iz kommentariya k drame Pushkina «Kamennyi gost'» («Moi Leporello, zavtra — prigotov'...»)', in: *Krugi vremen. V pamyat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoi. Issledovaniya. Posvyashcheniya i vospominaniya*. Moscow: Indrik. Vol. 2, 554–564.

П. В. Хондзинский, протоиерей

АРХИЕПИСКОП НИКАНОР (БРОВКОВИЧ)
МЕЖДУ А. С. ПУШКИНЫМ И Л. Н. ТОЛСТЫМ

Резюме

Пушкинские торжества 1880 г. не только стали знаковым событием для образованного общества, но и вызвали отклик в церковной среде. При этом главная проблема, с которой столкнулись проповедники, заключалась в необходимости примирить восхищение национальным гением и носителем русской «всечеловеческой» идеи с очевидными отступлениями поэта от норм христианской морали. В этой ситуации большинство авторов стремились сосредоточиться скорее на первой, чем на второй теме. Явным диссонансом к такому подходу прозвучала проповедь архиеп. Никанора (Бровковича) в 50-летнюю годовщину смерти поэта, в которой он, признавая значение Пушкина для русской культуры, в то же время подчеркнул греховность его жизни. Однако подход архиеп. Никанора обнаружил свою уязвимость уже через три года, когда, выступив с критикой толстовского культурного нигилизма, он вынужден был опереться на культурное значение Пушкина. Такое переплетение позиций и идей позволяет поставить вопрос о непростом становлении богословия культуры в последние десятилетия XIX в., невольным толчком к которому послужила Пушкинская речь Достоевского.

Ключевые слова: Пушкинская речь Достоевского, архиеп. Никанор (Бровкович), А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, «Крейцера соната», богословие культуры

Pavel V. Khondzinskii, archpriest

ARCHBISHOP NIKANOR BROVKOVICH
BETWEEN ALEXANDER PUSHKIN AND LEO TOLSTOY

Abstract

The Pushkin celebrations of 1880 not only became a milestone for the educated secular circles in Russia but also evoked a noticeable response in the Russian church milieu. For preachers, however, it turned out to be difficult to reconcile the admiration for the national

© П. В. Хондзинский, протоиерей, 2024

genius and bearer of the Russian "all-human" idea with the poet's obvious deviations from the norms of Christian morality in his private life and works. While most authors tended to focus on the former rather than the latter aspect, Archbishop Nikanor (Brovkovich) developed a different approach. In his sermon on the 50th anniversary of the poet's death, the archbishop recognized Pushkin's importance for Russian culture but also emphasized the sinfulness of the poet's life. Three years later, however, when Archbishop Nikanor attacked Leo Tolstoy's cultural nihilism, this approach to Pushkin proved to be a problem because the archbishop had to appeal to the poet's cultural significance. This intertwinement of positions and ideas allows us to raise the question of the formation of the theology of culture in the last decades of the 19th century, which was unintentionally inspired by Dostoevsky's Pushkin Speech.

Keywords: Pushkin Speech by Dostoevsky, Archbishop Nikanor Brovkovich, Alexander Pushkin, Leo Tolstoy, theology of culture, The Kreutzer Sonata

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-30-42

Хотя классической проблемой для русской мысли можно считать тему «Достоевский и Толстой», на тему «Толстой и Пушкин» тоже сказано немало¹. При этом мне не удалось найти исследований, касавшихся этой темы в связи с наследием известного церковного деятеля второй половины XIX в. архиеп. Никанора (Бровковича) (1826–1890)², — между тем он достаточно подробно высказывался в своих сочинениях об обоих гениях русской литературы. Особенно интересной представляется его позиция в контексте ставшей перед Церковью в пореформенный период необходимости сформулировать свое отношение к национальной культуре в связи как с ее небывало возросшим общественным значением, так и с критикой ее в поздних сочинениях того же Толстого.

1

В 1887 г. владыка Никанор произносит слово на панихиде в день 50-летней годовщины со дня смерти поэта, совпавшей, очевидно, в том году с неделей о блудном сыне, что и обыгрывается автором. Позднее оно было дополнено для печати и, вероятно, в своих документальных подробностях опиралось на речь профессора словесности Санкт-Петербургской духовной академии Вл. Вас. Никольского «Идеалы Пушкина», произнесенную в актовый день 1882 г. Толчком к произнесению речи Никольского послужили недавние пушкинские торжества 1880 г. — во всяком случае, с упоминания о том, что

¹ См., например: [Эйхенбаум; Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин; Чубуков].

² Наследие самого архиеп. Никанора на сегодняшний день исследовано мало. Можно назвать только одно серьезное исследование: [Соловьев], — однако и там проблематика предлагаемой статьи практически не раскрывается.

они свидетельствуют о возросшем народном самосознании, начинается речь [Никольский, с. 488].

Архиеп. Никанор, правда, нигде прямо на речь не ссылается, но, судя по всему, она была ему знакома. Во всяком случае, он обыгрывает в своем слове те же эпизоды из жизни Пушкина, что и Никольский (например, историю про носившего тайком крест Байрона или про общение Пушкина в Одессе с атеистом У. Хатчинсоном (Гутчинсоном), ставшим позднее верующим пастором). Одновременно архиеп. Никанор производит явную переоценку ценностей. Она вытекает из начальной посылки его слова. Согласно ей, христиане должны брать пример с египтян, которые «по смерти каждого, особенно же важного влиятельного лица, обсуждали его дела особым трибуналом судей жрецов» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 4]. Если уже, вспоминая апостолов, мы считаем возможным прямо сказать об их грехах, то тем более это необходимо в день пушкинского юбилея, когда «во всех концах России будут прославлять его и только прославлять» [Там же, с. 5].

Проф. Никольский рассматривает жизненный путь Пушкина как путь восхождения к истинам христианства, что стало возможно благодаря его неустанному творческому труду: «Семья, общество, жизнь — наложили на его светлую чистую душу свой рисунок незаконный, но силой упорного труда могучей деятельностью своего духа, он сбросил ветхую чешую чуждых красок и блеснул красотой первоначальных, чистых видений в созданиях своего гения» [Никольский, с. 537].

Архиеп. Никанор усиленно подчеркивает греховность Пушкина, который, несомненно, и погубил бы свою душу, если бы не спасительный приговор Провидения, пославшего ему «бедственную кончину», ведь только тогда он, подобно евангельскому разбойнику, умирая в муках на кресте, «воззвал к милосердию Отца Небесного решительным гласом блудного сына: Отче! Согреших на небо и пред Тобою» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 36³].

Проф. Никольский указывает, что гений поэта преображает автобиографические черты его стихов в общечеловеческие⁴. Архиеп. Никанор видит

³ Ср.: «Он чувствовал за собой гибель неминуемую (...) Душа поэта уже крепко завязла в когти греха, из которых сам собою вырваться он был бессилен. Нужен был сильный удар со стороны спасительного Провидения, чтоб исторгнуть эту великую душу от конечного растерзания» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 23].

⁴ «(Пушкин работал над стихотворением), пока все частное, личное, случайное не растворялось в той поэтической всеобщности, в которой оно переставало быть событием чьей-либо единоличной жизни» [Никольский, с. 494].

в этом проявление внутреннего бесстыдства⁵, по сравнению с которым более целомудренными выглядят даже языческие поэты [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889].

Если Никольский усматривает тайну «силы и величия» образа Татьяны в ее уважении к святости брачного союза [Никольский, с. 514], то архиеп. Никанор возражает: «Не говорите о высокой нравственности даже известного Пушкинского идеала женщины: бедная, жалости сердца достойная! Состоя в супружестве, она всею душою, сердцем и помыслами принадлежит предмету своей страсти, сохраняя до сей минуты для мужа верность только внешнюю, о которой сама отзывается с очень малым уважением, чуть не с пренебрежением. Где же тут высоконравственный христианский брак, слияние двух существ в единую плоть и душу, в единого человека» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 8]. Она не заслуживает иного имени, чем «полудобродетельная» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 10].

Если Никольский считает, что Пушкин народным поэтом стал не потому, что слушал в детстве няинины сказки, а потому, что угадал предназначение России и понял, что «это предназначение она может выполнить, только оставаясь сама собой, только следуя тем путем, который предначертан ее предыдущей историей» [Никольский, с. 521], то архиеп. Никанор, не отрицая того, что «стоя на грани исполнившегося тысячелетия русской истории, он (Пушкин) был произведением всего прошедшего России» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 37], в то же время усваивает именно ему, как увидим ниже, начало отклонения «народного духа» от его исконного пути.

Вспоминает владыка Никанор и речь Достоевского на открытии памятника Пушкину: «Достоевский изрек, что был он всечеловек, мы же скажем пока, что был он двойственный человек, плотской душевный и духовный. Служил он больше плоти, но не мог заглушить в себе и своего богато одаренного духа» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 15], однако эта одаренность, увы, не мешала тому, что «действительно, грех гнался за ним по пятам его, как лев» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 25] и непременно растерзал бы его, если бы не «глупая пуля, пущенная не особенно мудрою и потому не дрогнувшею рукою» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 4]. Поразив «гордого и в эту минуту своим упорством мудреца», это роковое событие,

⁵ «Любимейший сын неба, высокоодаренный поэт не только нечисто мыслил и чувствовал, но и поступал, и не только поступал, мыслил и чувствовал, но и высказывал свои мысли и чувства, стремления и поступки прелестными стихами. Все изумились этой прелести и извинили, а извинив и пристрастились к ней. И как мы низко упали к нашему времени, далеко ниже древлеязыческого мира!» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 8].

в конечном счете, послужило тому, что Пушкин, хотя «жил полу-христианином и полу-язычником (...) умер христианином, примиренным со Христом и церковью» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 36].

В итоге, будучи «величайшей славой нашего отечества», заключая в себе «настоящее и будущее всемирное влияние русского гения и русского духа» [Там же], Пушкин одновременно нуждается в наших молитвах, чтобы «не отяготел над ним небесный приговор, напророченный подобным ему еще при жизни на земле народным же нашим поэтом Крыловым» [Там же, с. 38]⁶. Но надо нам помолиться не только о нем, но и о себе, «чтобы с его примера не разливался между нами языческий культ» [Там же]. Ведь если до Пушкина крупнейшие наши писатели (Ломоносов, Державин, Карамзин, Жуковский) были христиане, то с него, наоборот, начинается иная эпоха: «Лучшие писатели стали прямо и открыто совращаться в язычество, каковы Белинский, Тургенев, граф Лев Толстой. Литература и так называемая наука во многом, в конечных выводах, становятся языческими; нравы также. Разврат становится догматом и принципом. Религия в интеллигентном круге из житейского обихода исключается. Даровитейшие самые модные из писателей вызывают к общественному перевороту. Самоубийство распространяется, как язва, как эпидемия. Самоубийцы открыто и торжественно фетируются, как доблестные подвижники, самоотверженные исполнители гражданского и нравственного долга. (...) Помолимся, да сгонит Господь эту тучу умственного омрачения, нагнанную отчасти и предосудительным примером поэта» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 38–39].

⁶ Имеется в виду басня И. А. Крылова «Сочинитель и разбойник», полностью приведенная архиеп. Никанором в подстрочном примечании к тексту. В ней сочинитель, возмущавшийся тем, что терпит те же адские муки, что и разбойник, слышит отповедь Мегеры:

Не ты ли величал безверье просвещеньем?
Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид облек
И страсти и порок?
И вон опоена твоим ученьем,
Там целая страна
Полна
Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до гибели доведена тобой!
В ней каждой капли слез и крови — ты виной.
И смел ты на судьбу хулой вооружиться?
А сколько впредь еще родится
От книг твоих на свете зол!
Терпи ж; здесь по делам тебе и казни мера!

[Никанор (Бровкович), архиеп. 1889, с. 41]

2

В 1890 г. выходит повесть Л. Н. Толстого «Крейцера соната», содержащая в себе, как известно, достаточно резкую критику состояния современного искусства в его отношении к женщине. «Возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с любовных стихов и голых Венер и Фрин, вы видите, что женщина есть орудие наслаждения <...> И заметьте хитрость дьявола: ну, наслаждение, удовольствие, так как бы и знать, что удовольствие, что женщина сладкий кусок. Нет, сначала рыцари уверяли, что они боготворят женщину (боготворят, а все-таки смотрят на нее как на орудие наслаждения). Теперь уже уверяют, что уважают женщину. Одни уступают ей место, поднимают ей платки; другие признают ее права на занятие всех должностей, на участие в правлении и т. д. Это все делают, а взгляд на нее все тот же. Она орудие наслаждения» [Толстой 1933, с. 37] — вот ключевое место в интересующем нас отношении.

В том же году, как непосредственный отклик на повесть архиеп. Никанор составляет беседу «О христианском супружестве», включенную в сборник «Восемь бесед: Против графа Льва Толстого» (1891). Беседа посвящена преимущественно именно «Крейцеровой сонате», и в ней мы находим приведенную выше цитату, но чуть измененную: «В образованном мире существует разделяемый всеми взгляд, что женщина дает мужчине наслаждение. Возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с Пушкина и голых Венер и Фрин. Хитрость дьявола: ну гадость — так так бы и знать, что гадость. Нет, сначала рыцари уверяют, что боготворят женщину; теперь же уверяют, что уважают женщину, уступают ей места, поднимают платки, признают ее права на занятие всех должностей, на участие даже в правлении. А взгляд на нее все тот же, — она орудие наслаждения» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1891, с. 142].

На первый вопрос, который здесь возникает, — откуда в цитате взялось имя Пушкина, — ответ найти нетрудно. Очевидно, вл. Никанор пользовался одним из литографированных вариантов «Сонаты», где Пушкин действительно упоминается, и даже еще более резко: «Возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с ножек Пушкина и голых Венер и Фрин» [Толстой 1933, с. 310].

Следующий вопрос: только ли в цитате из Толстого встречаем мы в «Беседах» имя поэта? Оказывается, что нет. Впервые Пушкин упоминается еще в шестой беседе, где владыка Никанор сетует на то, что, кроме «общепризнанного гения поэта Пушкина», из числа всех великих русских писателей только Толстой удостоивается от современной интеллигенции «высокопочтительных»

имен «наш великий учитель, наш гениальный художник, гениальный поэт», между тем как гораздо более был бы достоин его Достоевский [Никанор (Бровкович), архиеп. 1891, с. 139]. Но и в тексте беседы о браке имя Пушкина также еще встречается несколько раз. Обращаясь к своим слушателям, владыка задается рядом риторических вопросов:

«Отвечайте, правда ли, будто любовь между женихом и невестой, между мужем и женой есть пакость, во имя которой мужчина губит половину рода человеческого, да и все человечество? (...) Правда ли, что вся поэзия, вся живопись, вся скульптура, начиная с Пушкина, есть гадость? Будто вздор, неправду говорят, что музыка действует возвышающим душу образом?» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1891, с. 163] — и отвечает: «Думаю, немного найдется таких, которые ответили бы на поставленные вопросы, на общие резкие положения графа Толстого: да, так, это правда» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1891, с. 164]. А раз это неправда, то неправомерно и отрицание Толстым «„всеї“, буквально „всеї“ поэзии, скульптуры, живописи, музыки, „начиная с Пушкина“ и серьезнейшего из музыкальных творцов Бетховена», и его желание, «чтобы человечество отвергло с Пушкиным всех мировых поэтов, Вальтера Скотта, Гете, Шекспира, а конечно, и древнего Гомера», ведь «даже у Гомера и Вергилия, еще больше у Шекспира и Вальтера Скотта, у Шиллера и Гете, у Диккенса и Теккерея, у наших Пушкина (Капитанская дочка) и Гоголя (Старосветские помещики), Тургенева (Дворянское гнездо) и Достоевского (Преступление и наказание и проч.)» мы можем найти множество «трогательнейших поэтических образов любви, верности, самоотвержения в соотношениях двух полов» [Никанор (Бровкович), архиеп. 1891, с. 175–176].

3

Владыка Никанор скончался в том же 1890 г., и «Беседы» вышли уже посмертным изданием. Однако сам Лев Николаевич продолжал размышлять о негативной роли культуры, и для дальнейшего нам важно привести по меньшей мере два его высказывания. Первое, в котором он говорит о ложном и истинном предназначении художника, находится в его известном «Предисловии к сочинениям Гюи де Мопассана», вышедшем в 1894 г. Разбирая одно за другим сочинения Мопассана и высоко оценивая его литературный талант, Толстой в заключение переходит к некоторым обобщениям.

Удивительное свойство истинного таланта заключается в том, что он заставляет своего обладателя невольно «любить то, что достойно любви, и ненавидеть то, что достойно ненависти». Ведь художник на то и художник, что «видит предметы не так, как он хочет их видеть, а так, как они есть» [Толстой

1951b, с. 20]. Но если под влиянием среды художник начнет описывать то, что описывать не должно, с ним случится то же, что случилось с библейским Валаамом, который благословлял то, что хотел проклясть, и, наоборот, проклинал то, что хотел благословить. «И это случилось с Мопассаном» [Там же]. Мопассан, по мнению Толстого, приходит к пониманию той неправды и того противоречия, которые присущи половой любви, в чем и заключается его «могучий нравственный рост». Его мучает духовное одиночество, которое становится тем ощутимее, «чем теснее сближение телесное». И на самом деле, сам не сознавая этого, он рвется к любви истинной, чистой, «божеской», «мучительно рвется... из тех пут, которыми он чувствует себя связанным» [Толстой 1951b, с. 22]. Таким образом, «трагизм жизни Мопассана в том, что, находясь в самой ужасной по своей уродливости и безнравственности среде, он силою своего таланта, того необыкновенного света, который был в нем, выбивался из мировоззрений этой среды, был уже близок к освобождению, дышал уже воздухом свободы, но, истратив на эту борьбу последние силы, не будучи в силах сделать одного последнего усилия, погиб, не освободившись» [Там же].

Кроме того, в трактате «Что такое искусство» мы находим характерное упоминание о Пушкине и связанных с его памятью датах. Приведу это важное место целиком.

«Когда вышли пятьдесят лет после смерти Пушкина и одновременно распространились в народе его дешевые сочинения и ему поставили в Москве памятник, я получил больше десяти писем от разных крестьян с вопросами о том, почему так возвеличили Пушкина? На днях еще заходил ко мне из Саратова грамотный мещанин, очевидно сошедший с ума на этом вопросе и идущий в Москву для того, чтобы обличать духовенство за то, что оно содействовало постановке „монамента“ господину Пушкину. В самом деле, надо только представить себе положение такого человека из народа, когда он походящим до него газетам и слухам узнает, что в России духовенство, начальство, все лучшие люди России с торжеством открывают памятник великому человеку, благодетелю, славе России — Пушкину, про которого он до сих пор ничего не слышал. Со всех сторон он читает или слышит об этом и полагает, что если воздаются такие почести человеку, то, вероятно, человек этот сделал что-нибудь необыкновенное, или сильное, или доброе. Он старается узнать, кто был Пушкин, и, узнав, что Пушкин не был богатырь или полководец, но был частный человек и писатель, он делает заключение о том, что Пушкин должен был быть святой человек и учитель добра, и торопится прочесть или услышать его жизнь и сочинения. Но каково же должно быть его недоумение, когда он узнает, что Пушкин был человек больше чем легких нравов, что

умер он на дуэли, т. е. при покушении на убийство другого человека, что вся заслуга его только в том, что он писал стихи о любви, часто очень неприличные» [Толстой 1951а, с. 170–171].

Следствием же этого является то, что, сталкиваясь с противоречием между красотой и добром, люди, особенно представители высших классов, «вместо того, чтобы признавать, как оно и есть, искусство, которому они служат, делом отсталым, признают нравственность делом отсталым, не могущим иметь значения для людей, находящихся на той степени высоты развития, на которой они мнят себя находящимися» [Толстой 1951а, с. 172].

Остановившись на этой характеристике, данной одним великим писателем другому, вернемся теперь снова к церковным писателям и посмотрим, в каком направлении развивались их взгляды на интересующую нас проблему, в связи уже со столетним юбилеем поэта.

4

Последние в уходящем XIX в. пушкинские торжества тем более не могли пройти не замеченными Церковью. Кроме того, в них принимает участие уже следующее поколение проповедников. В этой связи следует упомянуть по меньшей мере владыку Антония (Храповицкого), также апеллирующего к Достоевскому [Антоний (Храповицкий), митр. 1900, с. 312] и Никольскому [Антоний (Храповицкий), митр. 2006, с. 178], и сщмч. Иоанна Восторгова, вступившего в скрытую полемику с архиеп. Никанором.

Первый подчеркивает, что Пушкин раскрывает внутренний мир своих героев таким образом, что все они «как бы... ни были порочны, возбуждают в читателе не презрение, а сострадание» [Антоний (Храповицкий), митр. 1900, с. 313], и эта способность пробуждать сострадательную любовь в читателе принадлежит к уникальным особенностям пушкинского гения. Народность же Пушкина заключается в осознании им «нравственной силы» народного быта и готовности «работать для этой силы» [Там же, с. 327], поэтому можно надеяться, что рано или поздно любовь общества к русской поэзии, проповедующей христианские идеалы, поможет нам вернуться ко Христу [Там же, с. 328–329].

Второй решительно выступает против авторов, которые «с рвением, достойным лучшего дела, обходя в поэте вечное и достойное, а часто и не зная, и не умея понять этого вечного, с особенным наслаждением подчеркивали его слабости и недостатки, с непонятной радостью утверждали, что поэт был и ненадежным христианином, и ненадежным сыном отечества» [Иоанн Восторгов, прот., с. 269]. В Пушкине все было проникнуто поэзией, и любое движение души «выливалось в слово» [Иоанн Восторгов, прот., с. 272]. Отсюда

легкомысленность его ранних стихов, которая, однако, со временем уходит, замещаясь «возвышенным религиозным настроением» [Иоанн Восторгов, прот., с. 271]. В конечном счете можно сказать, что он служил вечному. «Пусть же в памяти нашей сохранится из жизни и деятельности поэта только то, что по существу своему достойно вечности: не слабости, увлечения и падения, а то, в чем выражается вечная нравственная природа духа» [Иоанн Восторгов, прот., с. 286].

Таким образом, мы видим, что побочным следствием пушкинских торжеств для церковных авторов становится непростой вопрос, как с церковной точки зрения возможно оценить личность и наследие Пушкина: с одной стороны — почти мессианского символа России, с другой — очевидно, немощного и грешного человека. В результате по меньшей мере двое из них (Никольский и Храповицкий) строят свою апологию Пушкина на том, что оправданием поэту служит творчество, преображающее его самого и пробуждающее в других сострадание к ближним.

На этом фоне позиция архиеп. Никанора выглядит особенно контрастно. Строго судя Пушкина, он возлагает на него вину и за дальнейшее «неправильное» развитие русской культуры и даже сравнивает его с сочинителем из басни Крылова.

Но «казус архиеп. Никанора» осложняется его высказываниями о культуре в связи с «Крейцеровой сонатой» Толстого. На первый взгляд, сопоставляя мысли о культуре архиеп. Никанора и Л. Н. Толстого, мы могли бы предположить, что они должны находиться, так сказать, в параллельных пространствах. Архиепископ Никанор, безусловно, считал себя выразителем церковной точки зрения. Л. Н. Толстой, напротив, к тому времени был уже известен как резкий противник Церкви. Кроме того, если архиеп. Никанор читал антицерковные сочинения Толстого (написанные до 1890 г., во всяком случае), то его собственное наследие оставалось, по всей видимости, писателю неизвестным.

Однако, сравнивая рассмотренные нами тексты, мы видим, что в области культуры как антагонисты они выступают только в 1890 г., когда Толстой публикует «Крейцерову сонату», а владыка Никанор выступает с ее критикой. Между тем как взгляды на назначение художника и художественного творчества у Толстого в его статьях об искусстве 1890-х гг. и архиеп. Никанора в его слове памяти Пушкина 1887 г. *сходятся*, — сходятся не только в теории, но и на практике. Характеристика Пушкина, высказанная Толстым в трактате «Что такое искусство», мало чем отличается от характеристики поэта, данной ему архиеп. Никанором, точно так же как путь Мопассана в изображении Толстого очень напоминает путь Пушкина в изображении архиеп. Никанора,

с некоторым различием в концовке: Мопассан не успевает повернуть в нужную сторону, а Пушкин в самый последний момент (и то не по своей воле) успевает.

Займствование, безусловно, исключается. А кроме того, очевидно, что Толстой действует в этом отношении гораздо более последовательно, чем владыка Никанор. Последний, в 1887 г. выступив в качестве обвинителя на «египетском суде» над Пушкиным, в 1890-м вынужден стать его адвокатом в борьбе с культурным и социальным нигилизмом Толстого. Неизвестно, осознал ли сам владыка Никанор этот достаточно резкий поворот, или он был скорее чисто ситуативным. Последовавшая в том же году смерть владыки затрудняет возможность ответа на этот вопрос. Но как бы то ни было, обнаруженные нами парадоксальные «борьба и единство противоположностей» понуждают нас обратиться уже к другим, более общим соображениям.

1. Очевидно, что проблема взаимоотношений христианства со светской культурой, сама по себе уходящая в эпоху кризиса средневекового сознания, обостряется в России после великих реформ 1860-х гг.

2. Это обострение является следствием не только возрастающей открытости русского пореформенного общества, в котором прежде не обсуждавшаяся позиция Церкви становится поводом для критики и резких споров, но и повсеместным успехом славянофильских идей. Восторженное восприятие идей Хомякова в богословской среде не случайно совпадает со всё возрастающим значением, которое придается национальной культуре в обществе и с которым, по-видимому, приходится теперь считаться и церковным авторам. Особой же вехой на этом пути можно считать пушкинские торжества и речь Достоевского, после которой «не замечать» культуру стало просто невозможно.

3. С этой точки зрения двойственность позиции архиеп. Никанора достаточно показательна. Желая, по-видимому, резкой критикой Пушкина напомнить обществу о том, что вечные ценности христианства превосходят любые относительные, в том числе культурные, ценности, в определенный момент он вынужден «опереться» на Пушкина в борьбе с более грозным противником, выступающим одновременно и против Церкви, и против культуры.

4. При этом совпадение нравственных оценок явлений культуры, высказанных владыкой Никанором и Л. Н. Толстым, также показательно. Отчасти оно объясняет успех евангельской проповеди Толстого, при всем ее антицерковном пафосе.

5. Наконец, «возвращаясь к истокам», следует указать на парадоксальное в этом смысле значение Пушкинской речи Достоевского. С одной стороны, она явно усилила «позиции» литературы, а с другой — понудила церковных авторов задуматься над возможными основаниями богословия культуры или

уж, по крайней мере, искать для нее оправдания. А как хорошо известно, от оправдания до спасения — один шаг, хотя и не очень простой.

Литература

- Антоний (Храповицкий), митр. 1900 — *Антоний (Храповицкий), митр.* Слово перед панихидой о Пушкине // Антоний (Храповицкий), митр. Полн. собр. соч.: В 3 т. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1900. Т. 1. С. 311–329.
- Антоний (Храповицкий), митр. 2006 — *Антоний (Храповицкий), митр.* Пушкин как нравственная личность и православный христианин // Антоний (Храповицкий), митр. Молитва русской души. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. С. 173–188.
- Иоанн Восторгов, прот. — *Иоанн Восторгов, прот.* Памяти А. С. Пушкина: Вечное в творчестве поэта // Иоанн Восторгов, прот. Полн. собр. соч.: В 5 т. СПб.: Царское дело, 1995. Т. 1. С. 266–286.
- Никанор (Бровкович), архиеп. 1889 — *Никанор (Бровкович), архиеп.* Беседа в неделю блудного сына при поминовении раба Божия Александра (поэта Пушкина) по истечении пятидесятилетия по смерти его. 2-е изд. М.: Изд. Афонского русского Пантелеимонова монастыря, 1889. 42 с.
- Никанор (Бровкович), архиеп. 1891 — *Никанор (Бровкович), архиеп.* Восемь бесед: Против графа Льва Толстого / Изд. наследников. Одесса: Тип. Е. И. Фесенко, 1891. [4], 231 с.
- Никольский — *Никольский В. В.* Идеалы Пушкина // Христианское чтение. 1882. № 3–4. С. 487–537.
- Соловьев — *Соловьев А. П.* «Согласить философию с православной религией»: Идею наследие архиепископа Никанора (Бровковича) в истории русской мысли XIX–XX веков. Уфа: Изд. Словоохотов А. А., 2015. 440 с.
- Толстой 1933 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гос. изд-во, 1933. Т. 27. XI, 766 с.
- Толстой 1951a — *Толстой Л. Н.* Что такое искусство (1897–1898) // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гос. изд-во, 1951. Т. 30. С. 27–195.
- Толстой 1951b — *Толстой Л. Н.* Предисловие к сочинениям Гюи Де Мопассана (1893–1894) // Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гос. изд-во, 1951. Т. 30. С. 3–24.
- Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин — Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин: сопричастность идей, образов, судеб: Материалы XXV Междунар. Толстовских чтений. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1999. 320 с.
- Чубуков — *Чубуков В. В.* Пушкин и Толстой: «Академические» загадки биографий. М.: Этерна, 2019. 96 с.
- Эйхенбаум — *Эйхенбаум Б. М.* Пушкин и Толстой // Эйхенбаум Б. О прозе: Сб. ст. Л.: Худож. лит., 1969. С. 167–184.

References

- Antonii (Khrapovitskii), mitropolit (1900). 'Slovo pered panikhidoi o Pushkine', in: Antonii (Khrapovitskii), mitropolit. *Polnoe sobranie sochinenii*. 3 vols. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta. Vol. 1, 311–329.
- Antonii (Khrapovitskii), mitropolit (2006). 'Pushkin kak nrvstvennaya lichnost i pravoslavnyi khristianin', in: Antonii (Khrapovitskii), mitropolit. *Molitva russkoi dushi*. Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya, 173–188.

- Chubukov, V. V. (2019). *Pushkin i Tolstoi. «Akademicheskie» zagadki biografii*. Moscow: Eterna, 96 p.
- Eikhenbaum, B. M. (1969). 'Pushkin i Tolstoi', in: Eikhenbaum, B. M. *O proze: Sbornik statei*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 167–184.
- Ioann Vostorgov, protoierei (1995). 'Pamyati A. S. Pushkina. Vechnoe v tvorchestve poeta', in: Ioann Vostorgov, protoierei. *Polnoe sobranie sochinenii*. 5 vols. Saint Peterburg: Tsarskoe delo. Vol. 1, 266–286.
- Nikanor (Brovkovich), arkhiepiskop (1889). *Beseda v nedelyu bludnogo syna pri pominovenii raba Bozhiya Aleksandra (poeta Pushkina) po istecheniyu pyatidesyatiletiya po smerti ego*. Moscow: Izdanie Afonskogo russkogo Panteleimonova monastyrya, 42 p.
- Nikanor (Brovkovich), arkhiepiskop (1891). *Vosem' besed. Protiv grafa L'va Tolstogo*. Izdanie naslednikov. Odessa: Tipografiya E. I. Fesenko, 231 p.
- Nicol'skii, V. V. (1882). 'Idealy Pushkina', *Khristianskoe chtenie*, 3–4, 487–537.
- Solov'ev, A. P. (2015). «Soglasit' filosofiyu s pravoslavnoi religiei». *Ideinoe nasledie arkhiepiskopa Nikanora (Brovkovicha) v istorii russkoi mysli XIX–XX vekov*. Ufa: Slovokhotov A. A., 440 p.
- Tolstoi, L. N. (1933, 1951). *Polnoe sobranie sochinenii*. 90 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. 27, XI, 766 p.; Vol. 30, XXVIII, 606 p.
- L. N. Tolstoi i A. S. Pushkin: *soprichastnost' idei, obrazov, sudeb: Materialy XXV Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii*. (1999). Tula: Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni L. N. Tolstogo, 320 p.

О. Л. Фетисенко

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ И ПЕТЕРБУРГ

Резюме

В статье прослежены все эпизоды биографии писателя и мыслителя К. Н. Леонтьева (1831–1891), связанные с Петербургом, — от детских посещений и домашних преданий до встреч с выдающимися государственными и общественными деятелями. Сообщаются основные адреса его проживания в Северной Пальмире. Другая тема исследования — репрезентация образа имперской столицы в творчестве Леонтьева, как художественном, так и публицистическом.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, биография, Петербург в творчестве К. Н. Леонтьева, петербургские адреса

Olga L. Fetisenko

KONSTANTIN LEONTIEV AND SAINT PETERSBURG

Abstract

The purpose of this article is to identify and trace all encounters of the writer and philosopher Konstantin Nikolaevich Leontiev (1831–1891) with St. Petersburg. This study examines Leontiev's early visits to the city, family legends about St. Petersburg that he heard in his childhood, and his meetings with outstanding government officials and public figures in subsequent years. The article also lists every one of Leontiev's residential addresses in St. Petersburg and studies the representation of the image of the capital of the Russian Empire in Leontiev's works.

Keywords: Konstantin Nikolaevich Leontiev, biography, St. Petersburg in Leontiev's works, St. Petersburg addresses

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-43-64

«Русский византиец», «славянофил на свой салтык» Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891), на первый взгляд, мало связан с имперской столицей¹. Долше всего он жил здесь в начале 1860-х гг., причем это время оказалось для него кризисным: он тогда преодолевал свое раннее увлечение либерализмом². В Петербурге он увидел нигилизм вблизи и ужаснулся его «антиэстетическим» перспективам. Образно говоря, его внутреннему взору словно предстали будущие новостройки. Беседуя с сотрудником «Современника» И. А. Пиотровским, Леонтьев завел разговор о социалистическом идеале будущего, неприемлемом для него: «...чтобы во всем мире все люди жили всё в одинаковых маленьких, чистых и удобных домиках». Получив ответ: «Чего же лучше?!» — он воскликнул: «Ну так я *не ваш отныне!* Если к такой ужасной прозе должны привести демократические движения, то я утрачиваю последние симпатии свои к демократии. Отныне я ей враг!» [Александров, с. 170—171]. Дело происходило у Аничкова моста.

«Налево стоял дом Белосельских, розоватого цвета (с какими-то, помню, сероватыми или бледно-оливковыми украшениями), с большими окнами, с огромными кариатидами; за ним по набережной Фонтанки видно было Троицкое подворье, выкрашенное темно-коричневой краской, с золотым куполом над церковью, а направо на самой Фонтанке стояли садки рыбные, с их желтыми домиками, и видны были рыбаки в красных рубашках. Я указал Пиотровскому на эти садки, на дом Белосельских и на подворье, — и сказал ему:

— Вот вам живая иллюстрация. Подворье во вкусе византийском — это церковь, религия; дом Белосельских вроде какого-то „рококо“ — это знать, аристократия; желтые садки и красные рубашки — это живописность простонародного быта. Как это все прекрасно и осмысленно! И все это надо уничтожить и сравнять для того, чтобы везде были всё маленькие, одинаковые домики или вот такие многоэтажные, буржуазные казармы, которых так много на Невском!

— Как вы любите картины! — воскликнул Пиотровский.

— Картины в жизни, — возразил я, — не просто картины для удовольствия зрителя; они суть выражение какого-то внутреннего высокого закона жизни, — такого же нерушимого, как и все другие законы природы...» [Александров, с. 171].

¹ Может быть, поэтому никто из исследователей не заинтересовался петербургской темой в его жизни и творчестве. Для сравнения: о калужском Кудинове, где он родился, и вообще о «топосе дворянской усадьбы» в связи с его художественным творчеством написано несколько работ. См., например: [Берговская; Захарова; Зинченко; Буряченко].

² Об этом периоде его жизни см.: [Хатунцев, с. 79—115].

Несколько раз Леонтьев приезжал в столицу устраивать свои дела, не отвергал возможности поселиться здесь, если бы пришлось стать редактором большой консервативной газеты, но каждый раз, когда планы рушились, он радовался, что возвращается к более привычному образу жизни в провинции.

Начать, однако, нужно с предыстории. Петербург будущий писатель узнавал сперва через рассказы матери, Федосьи Петровны Леонтьевой (урожд. Карабановой; 1794–1871), о Екатерининском институте, где она училась, о выпускном экзамене, на котором присутствовала вдовствующая императрица, о предложении стать фрейлиной великой княгини Анны Павловны (впоследствии королевы Нидерландов), о доме фельдмаршала М. И. Кутузова, где останавливались, приезжая в столицу, родители³, о поэте и министре И. И. Дмитриеве, секретарем которого некоторое время был ее брат (дядя Леонтьева, В. П. Карабанов). Рассказы о представлениях Марии Федоровне и другим членам императорской фамилии преимущественно были связаны с Калугой и Москвой, но образ Николая I не мог не ассоциироваться именно с имперской столицей. Через рассказы матери Леонтьев соприкасался и с культурой XVIII столетия. Ей в альбом писал стихи граф Д. И. Хвостов, а поэт П. М. Карабанов приходился ей дядей, хотя биографы нашего времени и смешивают его с ее отцом, младшим единокровным братом и полным тезкой петербуржца⁴.

Константин Николаевич вспоминал о матери:

«Она до конца жизни любила свой *прежний* Петербург, тот Петербург, который любим был и Пушкиным и которого дорогие ей черты она умела находить и в новом Петербурге, теперь столь омерзительном.

Провести несколько зимних месяцев на берегах Невы, в самой скромной комнате, бывать одной-одинешенькой в театре, посещать изредка немногих из постаревших, подобно ей, знакомых высшего круга, стало под старость для нее необходимой потребностью» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 573–574].

Здесь не случайно говорится о пушкинском Петербурге: у Федосьи Петровны, которая была старше поэта всего на пять лет, имелись с Пушкиным общие знакомые. Прежде всего, это дочери Кутузова — Елизавета

³ Современный адрес: наб. Кутузова, д. 30. Ф. П. Леонтьева вспоминала: «Мы квартировали в доме г-жи Кутузовой, супруги незабвенного фельдмаршала. Г-жа Кут(узова) любила очень родителей моих, она уговорила их занять верхний, или третий, этаж, который был пустой. В нем было 8 комнат. (...) Отец мой был знаком на приятельской ноге с зятьями г-жи Кут(узовой) и с прочими любимцами В(еликого) К(нязя) К(онстантина) П(авловича). Его Высочество знал моего отца лично и был милостиво расположен к нему» [Архив Леонтьева, с. 229, 231]. В 1812 г. этот дом принадлежал дочери Кутузова, Д. М. Опочининой. Отсюда полководец выехал в действующую армию.

⁴ См. об этом биографическом казусе: [Архив Леонтьева, с. 12–14].

Михайловна (1783—1839) и Анна Михайловна (1784—1846) Хитрово. Можно сказать, что и Леонтьев застал пушкинский Петербург. В петербургских учебных заведениях — Инженерном училище и Екатерининском институте — учились его брат и сестра⁵, и мать несколько раз брала младшего сына с собой, когда ездила навещать их. «Несколько раз мы с матерью ездили на зиму в Петербург, сперва чтобы видеть сестру в Екатерининском институте и старших братьев в корпусах, потом чтобы взять сестру из института, когда она окончила курс; потом ездили уже с сестрой вместе туда» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 799]. В романе «Подлипки» (1861), целиком построенном на личном опыте автора, отразились впечатления дороги (езда на долгих⁶) и некоторые образы Петербурга — естественно, те, что могли запомниться маленькому ребенку, например цирк, где он «видел Турньера» [Леонтьев, т. 1, с. 396]⁷. Пушкинский Петербург должен был стать местом действия в романе «Заря и полдень» из цикла «Река времен».

Детские приезды в Петербург отражены не только в «Подлипках», но и в незавершенном позднем очерке «Мое обращение и жизнь на св. Афонской горе» (1889). Здесь, к примеру, есть описание церкви Института слепых, вернее, примыкающей к ней комнаты, потому что самой церкви, признается автор, он «даже ни разу и не видел» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 799]⁸.

«Мы проходили через какое-то внутреннее крыльцо и по особой лестнице в просторную комнату с паркетным полом, из которой была боковая дверь в церковь. Богослужения видно не было из нее, но возгласы и пение были очень хорошо слышны. Через эту комнату проводили к началу обедни в церковь и самих слепых по два в ряд, в длинных сюртуках. (...) я даже раз или два отпрашивался у матери туда и без нее ко всенощной. (Мне было тогда уже 11—12 лет.) В этой зале или большой комнате с паркетным полом было очень чисто, светло и просторно; общество молящихся было избранное в том смысле, что (...) в эту боковую залу (...) можно было

⁵ Старшие братья учились в Пажеском корпусе, но кончил курс только один из них. Дети Ф. П. Леонтьевой учились на казенный счет.

⁶ «...Мы раза два совершали (...) полуволшебное путешествие в далекий Петербург» [Леонтьев, т. 1, с. 391] (см. далее описание дорожных впечатлений). Ср. в воспоминаниях Ф. П. Леонтьевой о другой ее поездке: «Путешествие мое было продолжительно; я ехала на долгих, частью из экономии, частью для своего покоя» [Архив Леонтьева, с. 302].

⁷ Имеется в виду труппа конных акробатов Л. и Ф. Турньеров, гастролировавшая в Новом театре на Фонтанке (на месте будущего цирка Чинизелли) с ноября 1837 до марта 1838 г.

⁸ Институт слепых, учрежденный в 1807 г., с 1819 г. находился в ведении Императорского Человеколюбивого общества, с 1821 г. размещался на Литейном проспекте (современный адрес: д. 31), пока на этом месте в 1877 г. по проекту Ф. С. Харламова не был возведен доходный дом. Церковь во имя Спаса, исцелившего слепца, освящена в 1823 г. Леонтьев бывал здесь в 1842—1843 гг.

входить только по знакомству или рекомендации. Тогда швейцар впускал» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 799—800].

В очерке «Рассказ моей матери об Императрице Марии Федоровне» Леонтьев вспоминает еще один петербургский адрес — «небольшую квартиру» А. М. Хитрово «около Михайловского дворца», где «было все так хорошо, так красиво, так душисто, — по этажеркам, на камине и везде было столько дорогих и хорошеньких вещиц...» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 566].

Заметим, что в отрочестве Леонтьев видел столицу одновременно с тем, с кем он будет потом так горячо спорить, — с Ф. М. Достоевским, который в это время учился в Инженерном училище. С осени 1842 г. Леонтьев готовится к поступлению в Дворянский полк, живет в благородном пансионе Самойловича [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 28]. В Дворянском полку он проучится только один учебный год (1843—1844)⁹, но через 10 лет — в день сдачи Керчи, 12 мая 1854 г., — узнает на улице покидаемого всеми города своего однокашника, князя Хамзаева [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 645].

Молодым самоуверенным литератором Леонтьев (в то время студент Московского университета, а в литературе протезе И. С. Тургенева) посещает столицу в начале 1850-х гг. Тогда для него это прежде всего город журналов. Здесь редакция «Современника», статьи которого он конспектировал еще в гимназические годы; здесь А. А. Краевский с «Отечественными записками», где Леонтьев будет печататься до 1867 г.¹⁰; здесь «Библиотека для чтения», в 1859 г. напечатавшая отредактированную Тургеневым повесть «Второй брак».

Отдельный сюжет составляют попытки обосноваться в столице. «...Я долго жил, слава Богу, вдалеке от столиц», — написал Леонтьев в 1869 г. [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 9]. Как ни доказывал в 1891 г. философ, прочитавший в рукописи начало статьи о нем В. В. Розанова, что «в „центры“ высшей политич(еской) деятельности „не рвался“» [Леонтьев, т. 12, кн. 3, с. 164], —

⁹ Леонтьев в форме кадета запечатлен на акварели К. С. Осокина, датированной 4 февраля 1844 г. [Летопись, с. 44]; изображение см.: [Букреева, Фетисенко 2020, вкл., ил. 2]. Дворянский полк был создан в 1807 г. при 2-м Кадетском корпусе как Волонтерский корпус, позднее был преобразован в Константиновское артиллерийское училище. Современный адрес: Московский пр., д. 17.

¹⁰ «...У Краевского в доме хорошо, на банкирский, буржуазный манер, на среднепетербургский, но все свежо, очень чисто, просторно и не без вкуса...» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 82]. Дом на Литейном (д. 36), построенный в 1781–1782 гг., Краевский приобрел в 1838 г. В 1863 г. здесь разместится и редакция издаваемой им газеты «Голос», одним из главных сотрудников которой станет брат Леонтьева Владимир Николаевич (см.: [Фетисенко 2020а]). В 1863 г. в «Голосе» будет напечатана программная статья Леонтьева «Наше общество и наша изящная литература». На статьи газеты Краевского Леонтьев позднее неоднократно откликнулся. Здесь был помещен и ряд откликов на его произведения.

это не совсем так. В начале царствования Александра II, после окончания Восточной войны, когда Леонтьеву удалось оставить службу военного медика, он пытался найти работу в Москве. Судьба подарила ему иное — два года жизни на приволье в Нижегородской губернии, домашним врачом в имении барона Д. Г. Розена Спасское (составить представление об этом лучше всего по роману «В своем краю», опубликованному в 1864 г.). Но скоро ему там стало тесно. Именно «центр» и манил — как *центр реформ*. Леонтьеву явно хотелось если не прямо *поучаствовать* в процессе обновления, то, по крайней мере, самому наблюдать его. К тому же находиться в столице было нужно и для литературных дел. С 1855 г. по рекомендации Тургенева они велись в основном с Краевским. Впрочем, мечталось ему о большем. Так, героя романа «В своем краю», Милькеева, он отправляет к Гарибальди, и когда по сюжету это еще только планируется, происходит следующий диалог:

« — (...) Да зачем в Италию! Ты бы поехал лучше знаешь куда!

— Куда? Уж не в Петербург ли? (...) Знаешь ли, что такое Петербург?.. Гуляли мы с Рудневым и детьми в цветнике... (...) Руднев поднял большой камень, около меня, чтобы показать детям разных насекомых. Я посмотрел туда — сырость, грязь, какие-то черви и вроде мокриц ползают... (...) Италия, это — цветник, а Петербург, это — место, где ползают мокрицы» [Леонтьев, т. 2, с. 267].

В конце 1860 г. Леонтьев приезжает в столицу и останавливается у брата, Владимира Николаевича (1818—1873), снимавшего квартиру в Коломне, в доме Тарасова. По-видимому, речь идет о доме почетного гражданина Николая Степановича Тарасова, адрес которого Екатерингофский проспект, д. 142¹¹. Об этом доме вспомнит Леонтьев в конце жизни, смешав названия Екатерининского канала и Екатерингофского проспекта (часть которого сливается с набережной канала), когда напишет в незавершенном автобиографическом романе «Подруги» (1889—1890): «Они жили всё в Петербурге. (...) не было ни крайней нужды, ни большого достатка. — Скучная квартира, где-то на Екатерингофском канале; — лестница мрачная; — почему-то на ней были всегда кошки; кошки худые, дикие, робкие» [Леонтьев, т. 5, с. 504—505]. Мать героини этого романа всегда «лежала на диване за зеленой занавесью в той угловой комнате, где всегда так трогательно и мило горела лампада перед золотой иконой...» [Там же, с. 504]. Ср. в тоже неоконченном романе «От осени до осени» о квартире Дмитрия Львова: «Там было мрачнее (...) почти не бывало гостей; квартира была тесна; жена Дмитрия язвительна и сухо-богомольна; слышалось в воздухе зловонье семейных, тщательно

¹¹ Дом не сохранился; можно лишь предположить, что находился он в самом конце проспекта.

скрываемых раздоров» [Там же, с. 55]. В доме Тарасова писатель застаёт «эмансипацию», студенческие волнения и знаменитые пожары.

Как выглядел Леонтьев, появившись в Петербурге под новый, 1861-й год, мы можем представить, доверившись описанию в романе «Подруги», подтверждаемому известным портретом, снятым, как теперь выяснилось, двумя годами позже [Букреева, Фетисенко 2020, с. 84—86]. Героиня романа Соня, прототипом которой была племянница Леонтьева Маша, Марья Владимировна, встречает своего двоюродного брата: «Под самый Новый год, отца не было дома. — Звонок; — она сама отворила дверь. — И вот он — с мороза румяный, молоденький... (...) в куньей боярке; в черной дорогой дубленке и меховых высоких сапогах... От него пахнет кожей и духами» [Леонтьев, т. 5, с. 512].

Весной Леонтьев уезжает в Кудиново, а летом — внезапно — в Крым, где 19 июля женится на своей бывшей любовнице гречанке Лизе Политовой, а осенью один возвращается в Петербург.

В том же 1861 г., когда обстоятельства поправились, В. Н. Леонтьев снял новую квартиру — в доме В. В. Оржевского (директора Департамента полиции) на Литейном (д. 45, на углу Симеоновской ул., ныне ул. Белинского)¹². Константин Николаевич снова жил у брата, с весны 1862 г. до начала зимы пробыл в Кудинове, вернувшись в Петербург под Новый год. В это время он отделяется от семьи брата. Примечательно, что весной 1863 г. Леонтьев жил в меблированных комнатах в том же доме, где и Ап. А. Григорьев, — доме Фридерикса на Лиговском канале (ныне Лиговский пр., 10, дом вошел в комплекс зданий гостиницы «Октябрьская»).

Мы мало знаем об этом периоде жизни Леонтьева, потому что он сделал все возможное, чтобы стереть тяжелое «безвременье» даже из собственной памяти. Вышло так, что и писем от этого периода почти не сохранилось. Два письма И. С. Аксакову, одно — Н. Н. Страхову, письмо П. М. Ковалевскому (от 31 января 1863 г. — обращение в фонд помощи нуждающимся литераторам за денежным пособием «рублей 100 сер(ебром)» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 235]). В записке «Хронология моей жизни» Леонтьев обозначит это время двумя словами: «Нигилизм; нужда» [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 30].

Вспомнить о некоторых обстоятельствах петербургской жизни он решился через 20 лет, летом 1883 г., когда на подмосковной даче начал воспоминания о своем бывшем начальнике Н. П. Игнатеве. Там нужно было рассказать

¹² Ср.: «Мой адрес. — На Литейной в доме Оржевского (на углу Симеоновского пер.)» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 234]. Оржевскому принадлежал и находящийся неподалеку (через два дома от Симеоновского пер.) дом на Моховой, 42, в начале 1860-х гг. известный как «дом Павлова». Примечательно, что в романе «От осени до осени» Андрей Львов и его жена (их прототипы — супруги К. Н. и Е. П. Леонтьевы) живут в доме «друга и брата» Павлова [Леонтьев, т. 5, с. 54].

о том, что же, собственно, привело его к порогу Азиатского департамента МИДа. Как теперь выясняется, — не только любовь к восточной экзотике или жажда действия¹³, а еще и элементарная нужда. Но в своем очерке Леонтьев говорит все же не о бедности, а о перемене убеждений.

О том, что Леонтьеву жилось трудно не только в материальном отношении, мы знаем, так сказать, по плодам — по той эстетической ненависти к литературному, журнальному быту, к «честным труженикам», «интеллигентным пролетариям», с которыми пришлось тесно соприкасаться именно в эти годы. Ср. в воспоминаниях о Тургеневе: «презираемая мною серая и душная жизнь столичных редакций» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 67]. Это чувство, распространявшееся не только на несчастных «честных тружеников», но и на вполне успешных дельцов от литературы и политики, пробивается и в беллетристику (романы «Две избранницы», «Подруги»). Соня в «Подругах» восклицает: «Пожила бы ты, как я, года целые между разными противными литер(аторами) в Петерб(урге) (...) они почти все так противны... Пожила бы ты и послушала бы этих тамошних речей...» [Леонтьев, т. 5, с. 554]. Уже в романе «В своем краю» появляется образ героя, удачно вошедшего в либеральный петербургский круг, — бывшего семинариста Богоявленского. «...Он сохранил себя для всемирной отчизны своей. Он пишет в Петербурге больно злые статьи отрицательного направления; женился на купчихе; взял за ней хорошее приданое, оправдывая себя тем, что „при современном ужасном состоянии общества надо быть обеспеченным, чтобы приносить пользу людям“...» [Леонтьев, т. 2, с. 321].

Чтобы обратиться за помощью в будущий Литфонд, Леонтьеву нужно было очень многое преодолеть. Ведь это обращение приравнивало его к «какому-нибудь вообще Успенскому» (выражение из записки «Моя литературная судьба» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 118]).

Очень мало известно о том, с кем общался Леонтьев в те годы. Прежде всего он столкнулся с кругом знакомых его брата Владимира. Бывший офицер, тот стал в годы реформ либеральным журналистом, ведущим сотрудником в изданиях, редактируемых или предпринимаемых его другом, тоже в прошлом офицером Главного штаба, полковником Н. Г. Писаревским (1821–1895)¹⁴. «...Обстоятельства сложились так, — вспоминал в 1883 г. младший Леонтьев, — что мне около 2-х лет в П(етер)бурге пришлось вращаться в обществе второстепенных редакторов, плохих и озлобленных фельетонистов, вовсе

¹³ Ср. в романе «Две избранницы»: «Жизнь в Петербурге уже начинала мне надоедать, и у меня снова явилась потребность сильных ощущений...» [Леонтьев, т. 5, с. 131].

¹⁴ Об одной из этих газет (с упоминаниями о В. Н. Леонтьеве) см.: [Рейфман].

не знаменитых докторов и т. п.; к тому же (...) все эти люди принадлежали более или менее к тому демократическому направлению, к(ото)рое я прежде, в юности, так любил и от к(ото)рого именно тут, в Пет(ер)бурге, стал все более и более отступаться...» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 400]. Об этой же компании говорится в апологетических «Афонских письмах», по замыслу обращенных к племяннице: «...Надо вспомнить, кем и чем ты была окружена с детства; — ты была окружена газетами, в которых близкие тебе люди принимали участие...» [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 169]. К этому же кругу принадлежали и те, о ком говорится в романе «Две избранницы» (первоначальное название — «Генерал Матвеев»), — военные, которые стыдятся того, что они военные. «Самый этот мундир для них самих был как будто необходимым злом. На лицах их написано было, в разговорах их слышалось, что они готовы были оплакивать свою судьбу, готовы были извиняться перед штатскими и, если нужно, даже воскликнуть: „О! Умоляю вас, не думайте того, что вы думаете. Вникните в меня и вы увидите, как вы ошиблись!“» [Леонтьев, т. 5, с. 84].

Надо сказать, что встречи в доме Писаревского могли быть самыми неожиданными. Это не только разночинный люд газетных сотрудников или либеральничающие полковники. Упомянув в одном из поздних писем Д. И. Менделеева, Леонтьев заметил, что встречался с ним у Писаревского, и молодой химик ему уже тогда не приглянулся, поскольку с презрением отзывался о Байроне¹⁵.

С тургеневским кругом, с которым Леонтьев познакомился еще в 1850-х гг. (в частности, с А. В. Дружининым), в это время происходит разрыв. После 1860 г. обрывается и переписка с самим Тургеневым (до последнего холодного письма 1876 г.) Таинственной остается роль В. П. Боткина в этом разрыве. Смутные намеки на неприятное общение с Дружининым [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 740], вероятно, относятся к 1859 г. Из петербургских знакомых прошлого десятилетия, пожалуй, остаются только С. С. Дудышкин и П. В. Анненков. С последним Леонтьев, тогда консул, будет встречаться и приехав в Петербург в отпуск осенью 1868 г.

Близкий и приятный круг общения Леонтьев нашел в семье своего тезки, историка К. Н. Бестужева-Рюмина. С этой семьей дружили «три сестры» Майковы, дочери артиллерийского генерала М. А. Майкова, Софья, Ольга и Наталия, двоюродными братьями которым приходились поэт А. Н. Майков и «московский Майков» — Аполлон Александрович, будущий редактор журнала «Беседа». Соня Майкова стала (вместе с Машей Леонтьевой) прототипом Сони Киселевой из «Двух избранниц».

¹⁵ См.: [Леонтьев, т. 12, кн. 3, с. 20]. См. также: [Фетисенко 2022].

Приятельствовал тогда Леонтьев с Вс. В. Крестовским, со скульптором И. Н. Шрёдером (родным братом жены В. Н. Леонтьева Марии Николаевны). Рад был он знакомству с Ап. Григорьевым, но оно было недолгим, менее полугода.

Тогда же Леонтьев познакомился со Страховым и Достоевским. Но петербургская жизнь последнего служила для него скорее отталкивающим примером (прежде всего необходимостью работы к сроку): «Такая жизнь, как жизнь Достоевского (кроме его Каторги), мне тогда была ненавистна» — это поздняя (1890 г.) вставка в воспоминания о Тургеневе [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 44]. Леонтьев зачеркнул в ней два очень важных слова: «и теперь» [Там же, кн. 2, с. 169].

Между тем сам Леонтьев занимался в это время нелюбимым делом — литературной поденщиной: переводил и компилировал статьи для популярных естественно-научных изданий товарищества «Общественная польза»¹⁶, выявить которые практически не представляется возможным. С этим товариществом его свел входивший в дирекцию «Общественной пользы» Писаревский. Для его газеты (Писаревский и В. Н. Леонтьев тогда арендовали издание «Русский инвалид») Леонтьев тоже работал. «Занятия у Писаревского» — называет он это в «Хронологии моей жизни» [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 30]. Один из его переводов-компиляций мне в свое время удалось найти и атрибутировать. Это статья «Мнение Дж. Ст. Милля о личности» [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 7–48], та самая «пропавшая» статья Леонтьева о Милле, которую тщетно искали исследователи на протяжении десятилетий, поскольку место ее публикации забыл сам автор (см.: [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 20]).

Оригинальное творчество этих петербургских лет: несколько литературно-критических статей, в которых уже изложена программа, коей Леонтьев останется верен до конца жизни¹⁷. Попытался он предложить свое перо журналу «Время» (см.: [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 236]), но тот как раз тогда был запрещен после статьи Страхова «Роковой вопрос».

В 1863 г. начинается другая история. Леонтьеву предстоит соприкоснуться с Петербургом бюрократическим — с миром Канцелярии. Правда, бумаги, переписываемые им, были не тривиального содержания, ведь его «канцелярия» находилась в Азиатском департаменте МИДа. Пробыл Леонтьев здесь всего несколько месяцев, «завистливо сокращая чужие донесения и думая: „Есть же такие счастливицы, которые ездят с вооруженными арнаурами по

¹⁶ Единственным хорошим моментом в этом было «географическое» обстоятельство: товарищество арендовало Запасной дворец великого князя Михаила Николаевича (наб. Мойки, д. 5).

¹⁷ Об эстетической концепции Леонтьева см.: [Котельников, с. 99–221].

горам!..“» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 119], сдал экзамен и получил первое назначение — секретарем в консульство на Крите. Теперь почти на целое десятилетие Петербург для него — это департамент на Дворцовой площади, куда он адресует свои донесения, это кабинет князя А. М. Горчакова, откуда рассылаются циркуляры, где подписываются и приказы о награждениях орденами, которыми Леонтьев так гордился. Он выслужил три ордена (Св. Анны 2-й и 3-й степени и Св. Станислава 2-й степени). У Леонтьева, следует заметить, никогда не было ненависти к бюрократии, как, например, у славянофилов. Когда он (устаами своих героев) назвал Петербург раковой опухолью¹⁸, он, конечно, не бюрократию (или, по меньшей мере, не только ее) имел в виду.

Окрыленным приезжает он через пять лет в отпуск, который длится три месяца. Благодаря М. В. Леонтьевой известна даже точная дата его приезда — 10 октября 1868 г. [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 94]. Петербург теперь для него уже не чужой и не враждебный. В романе «Две избранницы» эта перемена описана так: «Вставая поутру, он взглядывал в окно — и уже ничто ему не было чуждо в столице... Столица эта, которую он так не любил, начинала улыбаться ему кротко или весело, как улыбался ему когда-то Царьград и крымский домик бедного предместья» [Леонтьев, т. 5, с. 157].

И круг знакомств несколько обновился. Теперь это не только литераторы, журналисты и военные, которые стыдятся своих погон. Леонтьев, как и его герой Матвеев, находится уже около высших сфер. Ему протезирует И. П. Новиков не без влияния супруги, О. А. Новиковой (впоследствии знаменитой в Британии как «депутат от России»), с которой у Леонтьева начался роман. Этот мотив также использован в романе «Две избранницы».

«Хороший дом, подъезд красивый, зелень и цветы на окнах широкой светлой лестницы, по ступеням которой было постлано серое, крепкое сукно с голубой каймою; душистый воздух веселых и разубранных комнат; очень умная беседа; прекрасное контральто; манеры герцогини и свежесть щек и стана, как у прежней московской купчихи; совершенно русское лицо и хорошее воспитание с несколько английским оттенком...

Муж — важный сановник; во фраке со звездами...» [Леонтьев, т. 5, с. 75].

Леонтьеву известно о том, что сам князь Горчаков ему благоволит. Дела устраиваются. Литературные переговоры с редакцией почвеннического

¹⁸ Сравнение сделано опосредованно. Герой-рассказчик повести «Хризо» (1867), критский грек, получивший образование в России, говорит об административном центре острова: «Канея, это наш критский Петербург», а затем ссылается на мнение своего друга, русского немца Розенцвейга, секретаря консульства (ему Леонтьев придал свои черты и воззрения): «...наш Петербург, „рак Крита“, по Розенцвейгу». Из этого следует, что Петербург — «рак России». И далее поясняется, что этот рак съедает «национальную физиономию», это «рак европеизма» [Леонтьев, т. 3, с. 31, 81].

журнала «Заря» тоже многообещающе по результатам (по отъезде на новое место службы все окажется иначе, иллюзорность петербургского литературного успеха обнаружится уже летом 1869 г.).

Останавливается Леонтьев в этот приезд, как всегда, у брата, который живет теперь на 4-й Рождественской улице, в д. 1. Это место должно было прийти ему по душе. 1 сентября 1868 г. М. В. Леонтьева сообщала в письме к дяде о новом доме:

«...Живем мы на Лиговке, близ Итальянской, наискось от греческой церкви, вид из окон (мы в третьем этаже) — прелестный и главное на Петербург не похоже: греческая церковь¹⁹, пруд, лужок, зелень; даже, когда ветер, слышно, как деревья шумят. Квартира хорошая (<...> все комнаты высокие (<...> Только лестница и плоха» [Летопись, с. 341]²⁰.

Но лужок Леонтьев будет видеть лишь под снегом. Несмотря на то что отпуск пришелся на позднюю осень — зиму, он уезжал на дачу брата в Царское Село, чтобы продолжать писать романы, что в городе было из-за суеты постоянных встреч-визитов невозможно. Вместе с влюбленной в него племянницей он бывал в театрах, и в частности — на ее дебюте в театре основанного в 1865 г. Художественного клуба в зале Руадзе в Троицком переулке (сей-

¹⁹ Важная деталь для грекофила Леонтьева. Греческая церковь во имя св. Димитрия Солунского была построена в 1861–1864 гг. по проекту Р. И. Кузьмина на средства Д. Г. Бернардаки, князя А. Д. Мурузи и др. на бывшей летней Конной площади. Храм в византийском стиле, который называли маленьким подобием константинопольской Св. Софии, был освящен в 1865 г. Богослужение здесь совершалось на греческом и церковнославянском языках. О внутреннем убранстве и истории храма см.: [Петров; Антонов, Кобак, с. 175–177]. В 1866 г. настоятелем церкви стал высокообразованный архимандрит Неофит (Пагида; 1835–1892). Вскоре с ним познакомилась приехавшая в Петербург жена Леонтьева, священник был рад говорить с ней на родном языке [Летопись, с. 284]. Храм был закрыт в 1938 г. и снесен в 1964 г. Напротив церкви, в доме А. П. Струбинского, построенном в 1863 г. (д. 6 по Греческому пр. и 6 по 5-й Рождественской ул.), в 1875–1878 гг. жил Достоевский. Это его предпоследний петербургский адрес. Говоря об окрестностях, следует также отметить, что как раз во время пребывания Леонтьева здесь возводилась больница принца П. Г. Ольденбургского (1867–1869), ныне это больница им. К. А. Раухфуса. Ее отделка завершена в 1870 г. Вспомнить об этом уместно потому, что архитектором здания был Ц. А. Кавос, с которым Леонтьев мог быть знаком в годы работы в «Общественной пользе» (Кавос состоял в правлении товарищества).

²⁰ Чтобы представить, как выглядели окрестности, можно напомнить фрагмент из цикла М. Е. Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности» (прозаик в 1874–1875 гг. жил на той же 4-й Рождественской, в д. 5): «На Песках, в четвертой улице! Хорошо там у нас — тихо»; «Деревянный одноэтажный домик (<...> снаружи казался очень приличным и поместительным. Приветливо глядел он своими светлыми семью окнами и трехконным мезонином на улицу, словно приглашая взойти на чисто выметенное крыльцо и дернуть за ручку звонка. Сбоку, у крыльца, находились запертые ворота с неизбежною калиткою, поверх ворот виднелось пять-шесть деревьев, свидетельствовавших, что в глубине двора существует какая-то садовая затея» [Салтыков-Щедрин, с. 43, 44–45].

час ул. Рубинштейна). Этот эпизод отражен в одном из набросков к роману «Подруги».

В годы дипломатической службы основной источник информации о петербургской жизни для Леонтьева — это письма Марьи Владимировны. В 1864 г. она, например, рассказывала, как мимо ее дома везли на гражданскую казнь Н. Г. Чернышевского²¹.

В 1871 г. Леонтьев пережил религиозное обращение, год провел на Афоне, вышел в отставку и в начале лета 1874 г. вернулся в Россию. В Петербурге после этого он побывает далеко не сразу.

В середине 1870-х гг. Петербург — город, где после многолетнего перерыва в газетах появляются первые отклики на художественные произведения Леонтьева. Правда, это только газеты «своего», консервативного лагеря — «Русский мир», «Гражданин», «Journal de St.-Pétersburg». «Голос» Краевского если поминает повести бывшего автора «Отечественных записок», то в основном чтобы покритиковать за длинноты.

В 1877 и 1878 гг. Леонтьев приезжает в Петербург для устройства дел и литературных, и житейских. О первой поездке рассказано в письме к другу-дипломату К. А. Губастову от 15 января 1877 г.: «Был с неделю по делам в Петербур(ге), почитал немножко архивы Ионина²²; виделся со многими, был *всеми* принят превосходно... Но не стал ничего просить на этот *роковой* год и *успокоился в Боге*» [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 58—59]. Виделся он с дипломатами (бароном А. Г. Жомини, графом Д. А. Капнистом, А. А. Мельниковым), государственными и общественными деятелями (Т. И. Филипповым, Р. А. Фадеевым, П. И. Саломоном), писателями и литературными критиками (Вс. С. Соловьевым, Ф. Н. Бергом, В. Г. Авсеенко), с историком К. Н. Бестужевым-Рюминым, бывал в салоне графини С. А. Толстой.

Несколько раз, и всегда тщетно, Леонтьев пытается вернуться на дипломатическую службу. Ведь как только Горчаков узнал, что тот находится на Афоне, сказал о нем: «Нам монахи не нужны» (см.: [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 270]). «Поездка в Петербург (речь идет о поездке 1878 г. — О. Ф.) разрешается жестокой болезнью и долгами новыми. — Игнатъев хочет устроить меня Губернатором в Болгарии, *но через два дня* после свидания со мною, *его отправляет* Государь в Вену, и неудача его переговоров *отстраняет*

²¹ См.: [Леонтьев, т. 5, с. 823].

²² А. С. Ионин был предшественником Леонтьева по консульству в Янине. Поработать с его донесениями нужно было для продолжения романа-эпопеи «Одиссей Полихрониадес», действие которого происходит именно в этом городе. Ионин (вместе с самим автором) стал одним из прототипов героя романа, русского консула Благова.

тотчас же от дел именно того человека, который знал меня ближе, ценил меня лучше, пожалел меня больше других!..» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 248].

Эта поездка была примечательной. В феврале 1878 г. Леонтьев остановился у Губастова в меблированных комнатах на Большой Морской, в доме Лауферта (д. 27)²³. Затем сам снял там номер. В письме к драматургу Н. Я. Соловьеву от апреля 1878 г. сообщается: «Адрес мой в Петербурге вот какой. — *На Большой Морской; около Гороховой; дом Лауферта* (на подъезде вывеска *Стелловского* музык(альный) магазин). — На самый верх, по парадной лестнице; кварт(ира) № 5-ть — Номера г-жи *Шомон*» [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 209]. Бывал он тогда у Т. И. Филиппова, у Н. П. Игнатьева, у Ф. Н. Берга, у Вс. С. Соловьева²⁴. В «Hôtel Napoléon» на Исаакиевской площади он пришел навестить Вл. С. Соловьева, с которым только что познакомился, а тот по рассеянности забыл о назначенной встрече [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 154–155]²⁵. Но почти все вечера Леонтьев проводил в доме, где с ним случилось «последнее безумие» [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 34], — в доме Карцовых²⁶, который в переписке с Губастовым упоминался под «кодовым названием» «Полистан». Вместе с Ольгой Сергеевной Карцовой²⁷ он посетил однажды Эрмитаж [Летопись, с. 591]. 14 февраля он писал племяннице: «В Петербурге оттепель, тиф, дифтерит, ужасная смертность, а я все это время редкий день ложился раньше 3-х часов ночи и вставал все в 8; и при этом так бодр и лицом свеж, что удивляюсь» [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 160]. Закончилось пребывание в столице поездкой в Любань, где заболевший Леонтьев застрял надолго и на обратном пути даже не стал заезжать в Петербург.

²³ Каменный дом на этом месте был построен в середине 1740-х гг. для золотощвея Демута. В 1750–1760-х гг. зданием владел О. И. Шталмеер, выполнявший разные работы при строительстве Зимнего дворца. Дом был трехэтажный, с воротами слева. В 1780-х гг. его купил генерал-аншеф Ф. И. Глебов. На рубеже веков дом приобрел архитектор В. Бренна. Здесь разместились его коллекция скульптуры античных времен и Возрождения (например, «Скорчившийся мальчик» Микеланджело) и картин (Тициан, Рембранд). В 1810–1820-х гг. владельцем дома был граф С. К. Вязмитинов, генерал от инфантерии, петербургский генерал-губернатор. Затем дом принадлежал И. К. Лауферту и его наследникам. В 1838 г. здесь жил князь П. А. Вяземский. Тогда же дом был надстроен на один этаж. Последняя перестройка дома производилась в 1910 г., когда он был приобретен И. Б. Лидваль, матерью известного зодчего. Подробнее об истории дома Лауферта см.: [Бройтман, Краснова, с. 256–260].

²⁴ Как удалось установить, Леонтьев бывал у Вс. Соловьева в его новой квартире в д. 57 на Офицерской улице, в том самом доме, где пройдут последние годы жизни А. А. Блока. См. об этом: [Фетисенко 2007].

²⁵ Леонтьев уже бывал здесь в 1863 г., в номере, где остановился готовившийся к отъезду в Битлию М. А. Хитрово [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 402].

²⁶ См.: [Карцов]. Жили Карцовы на Миллионной, в д. 32.

²⁷ О взаимоотношениях с ней Леонтьева см.: [Букреева, Фетисенко 2021].

Он вновь окажется в столице в конце декабря 1879 г., следуя в Варшаву, где ему предложили стать помощником редактора «Варшавского дневника». В это время, не ранее 28 декабря, состоялась его последняя, по-видимому, встреча с Достоевским [Летопись, с. 653]. В конце апреля 1880 г. Леонтьев приедет в столицу, пытаясь найти поддержку газете, давшей ему приют. Влиятельный К. П. Победоносцев встретит его ласково, но ничем не поможет.

Тайной окутана поездка Леонтьева в Петербург вскоре после царевубийства²⁸; как удалось установить, состоялась она в конце апреля — начале мая 1881 г. Вероятно, Леонтьев понял, что произойдет поворот правительственного курса, и рассчитывал на быструю поддержку прошлогоднего, совместного с Филипповым, замысла о «большой консервативной газете».

Как когда-то Азиатский департамент, теперь, с декабря 1880 г., Главное управление по делам печати²⁹ руководит служебной деятельностью Леонтьева, на этот раз цензора. Кто мог предположить в 1851 г., что в салоне графини Е. В. Салиас де Турнемир встречаются будущий начальник этого управления (Е. М. Феоктистов) и во сто крат более его даровитый Леонтьев, которому будет уготована скромная роль рядового цензора, вынужденного читать всё вплоть до народных календарей и медицинских брошюрок, которые ему поручали как бывшему лекарю.

В Петербурге в 1886–1887 гг. будет решаться дело о его пенсии — за службу в Московском цензурном комитете. В связи с этими хлопотами Леонтьев приезжал в столицу в октябре 1886 г. Здесь 3 февраля 1887 г. его двухтомный сборник «Восток, Россия и Славянство» (1885–1886) будет поднесен государю с закладками, вложенными петербургским благодетелем Леонтьева, Филипповым, — чтобы заранее отметить требующие царского внимания места³⁰. В 1887 г. всерьез обсуждается вопрос о переезде Леонтьева в Петербург для работы в «Гражданине», превращающемся в ежедневное издание. Но условия, поставленные Леонтьевым с благословения старца Амвросия Оптинского, оказались неприемлемыми для князя В. П. Мещерского, благодаря чему жизнь цензора, вышедшего в отставку, сложилась иначе — он стал оптинским «отшельником»³¹ и просто одним из постоянных авторов «Гражданина».

²⁸ «Поездка на 10 дней в Петербург» [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 34]. Время устанавливается по переписке с Филипповым.

²⁹ Учреждение размещалось в доме княгини Е. М. Волконской (наб. Фонтанки, д. 57).

³⁰ См. письмо Филиппова об этом: [Пророки Византизма, с. 399–400].

³¹ Окончательно поселился в Оптиной пустыни, где и раньше живал месяцами, и создал цикл статей под названием «Записки отшельника».

Как видим, Петербург чаще всего появляется в жизни Леонтьева в поворотные для его судьбы моменты. Говоря о его неоднозначных «взаимоотношениях» со столицей, нельзя хотя бы бегло не коснуться темы «Образ Петербурга в творчестве Леонтьева». Уже упоминались петербургские детали в «Подлипках» и резкое суждение о столице в романе «В своем краю». Кстати, оно еще усилено репликой Лихачова, предводителя дворянства: «...он натяжка, а не столица: ни национальности, ни климата, ни настоящей красоты...» [Леонтьев, т. 2, с. 268]. Если обратиться к циклу «восточных повестей» (1867–1877)³² и роману «Одиссей Полихрониадес» (1872–1878), то и там мы найдем приметы города — это будут торжественные образы имперской столицы (Исаакиевский собор, парад на Марсовом поле и — как знак вероисповедного единства — недавно построенная Греческая церковь). В сознании греков, героев «восточных» произведений Леонтьева, постоянно присутствует город, где живет Белый царь и «дядя Горчаков», способные защитить «христиан Турции» от их угнетателей³³.

В романе «Две избранницы» (1872–1885) большую роль в организации художественного пространства играют сады (Таврический, Летний, Михайловский) и набережные (Невы и Фонтанки). Набережную и зимний закат на Неве вспоминает и Соня в романе «Подруги» (1889–1890). Видимо, это были любимые места и самого Леонтьева. С уверенностью это можно сказать о Таврическом саде.

«Уже желтел осенний лист в Таврическом саду, когда Матвеев зашел около полудня в эту сторону. Долго гулял он один; день был свеж и ясен; в близких казармах звучал военный рожок; на лугу играли чьи-то дети. (...) Он с удовольствием любовался на незнакомых детей; задумчиво рвал ветки мимоходом; задумчиво и долго глядел в окна старинного дворца, вспоминая великого Потемкина и великую Царицу...» [Леонтьев, т. 5, с. 63].

Возле Таврического сада находится «скромное жилище Киселевых» [Там же, с. 71]. В Летнем саду и на набережной Матвеев встречается со своей «милой и полной москвичкой» [Там же, с. 74, 76]. Во второй части романа в Летнем саду происходит «первое объяснение» главного героя с Соней. Между прочим, в Таврическом саду любила гулять и М. В. Леонтьева. В одном из писем к дяде она описывает свое знакомство со студентом, который принял ее за нигилистку:

³² В 1876 г. большая часть из них вышла в трех томах под названием «Из жизни христиан в Турции».

³³ См. подробнее: [Фетисенко 2020b].

«Часа полтора мы сидели и читали; наконец разговорились и об литературе и об эстетике; он должно быть по моим стриженным волосам заключил, что я что-нибудь в роде нигилистки, потому что прямо стал говорить о серьезных предметах и очень удивился, что я не читала „Что делать?“»³⁴.

Здесь же, в Таврическом саду, перед отъездом на Крит Леонтьев прогуливался с Софьей Майковой. В письме М. В. Леонтьевой от 28 мая 1864 г. говорится о встрече девушек в Таврическом саду и о грусти Софьи.

«Я рассказывала ей об вас (...) Она мне сказала, что прошедший год часто гуляла с вами в саду; я ей сказала, что я знаю об этом. — Я не знаю, говорили ли вы ей, что я знаю про ее к вам отношение, и она тоже не знает, говорили ли вы мне об этом. Поэтому иногда бывает очень неловко; она вдруг спросит: „что вам говорил дядя про меня?“ а я и не знаю, что ответить. Какая она должно быть кроткая душа!» [Летопись, с. 221].

Но «в Таврическом саду, — рассуждала Марья Владимировна, — запастись здоровьем нельзя»; «...как представишь, что всю жизнь можешь прожить в Петербурге, как тут не тосковать. И главное проживешь так, что и вспомнить нечего будет...»³⁵

Героини «Двух избранниц» и «Подруг» живут в Петербурге в самых суровых условиях. По сравнению с темной квартиркой Сониного отца в «Подругах» милым казалось и то, что Александр Блок позднее назвал «мещанским житьем»: «Вот у нас и паркет, да тусклый какой-то; а у них и просто крашенные полы, а блестят так весело (...) и канарейки поют... Даже и кошки у них играют, а у нас и кошек нет, только дикие и страшные по лестнице бегают» [Леонтьев, т. 5, с. 507–508]. Но в то же время в столице можно соприкоснуться и с другим: «...Соня в первый раз увидела и настоящие штофные обои, и настоящую бархатную мебель, и статуи мраморные, и зимний сад...» [Там же, с. 507].

В романе «Две избранницы» есть лирическая зарисовка зимнего Петербурга:

«И сама столица наша, обыкновенно столь угрюмая, в этот день веселилась вместе с ними. Новый снег блистал на Марсовом поле и Неве; на деревьях Летнего сада и Михайловского нежной дымкой стоял иней... На западе горел багрянец вечерней зари. Зажигались повсюду тысячи огней; у Цепного моста, теснясь, обгоняли друг друга сани, пешеходы и кареты» [Там же, с. 145].

Быть может, Леонтьеву запомнился зимний вечер, похожий на описанный. Не случайно он возвращается к этой картинке и в «Подругах», в одной редакции просто упоминая о прогулках на санях по набережной [Там же,

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1032. Л. 34; частично цитируется: [Леонтьев, т. 5, с. 822].

³⁵ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1032. Л. 2–2 об.

с. 490], а в другой — используя этот мотив более развернуто. Соня Львова вспоминает неоконченное стихотворение, написанное ее возлюбленным, кузенком Александром Матвеевым:³⁶

«Когда-то, помнишь ты, заря уж занималась,
Огней столичных тьма сквозь сумрак загоралась...
С тобой я был тогда, с тобою, ангел мой...»

Это было четыре года тому назад; тоже зимой в Петерб(урге); — когда они с Алек(сандром) были так безумно влюблены друг в друга. — Они ехали под вечер, прекрасным зимним днем, по набережной Невы; встречных было очень мало. — И заря в самом деле розовая, огромная, прекр(асная) была в стороне моря — и фонари зажглись... А все еще было видно... и сумерки были прелестны...» [Там же, с. 566].
Что еще, кроме ясных зимних вечеров и прекрасных садов, любил Леонтьев в Петербурге? То, что напоминало о *византизме* и о национальном *своеобразии* (использую термины его историсофской публицистики). Этих памятников в нашем городе теперь нет — ни Греческой церкви, ни часовни во имя Христа Спасителя, построенной у Гостиного двора А. М. Горностаевым. В романе «В своем краю» говорится о ней: «...нам нужны теплые краски, как у той милой часовни, которую поставили на Невском...» [Леонтьев, т. 2, с. 157]³⁷.

Не любил же он, как легко догадаться, петербургский климат и приметы скученности жизни в современном большом городе.

«Один раз поехал он (Матвеев) послушать Лукку. Вечер был дождливый; грязные наемные кареты и дрожки не могли ехать скоро от стечения народа; Матвеев видел толпу бледных, худых столичных лиц; поднятые воротники коротких пальто; на плечах и на ногах глупые пледы, которые внушали ему столько отвращения своим женоподобным безобразием; грязь и газ фонарей, колеблемый холодным ветром; вдали из темной груды тесных зданий глядели ему как будто прямо в душу вонючие дворы и черные лестницы, по которым столько из бедных меломанов вернутся в свои квартиры³⁸, где ждет их проза столичных лишений и семейные дразги» [Леонтьев, т. 5, с. 73–74].

В публицистике Леонтьева Петербург упоминается довольно часто — как столица, «центр высшей администрации» [Леонтьев, т. 8, кн. 1, с. 13] и одновременно центр революционных разрушительных сил, в том числе и действующих легально. Среди множества его политических пророчеств есть

³⁶ Как видим, использованы те же имена, что и в «Двух избранницах».

³⁷ Ср.: «...милая, теплая, пестрая часовня, построенная на Невском проспекте» [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 136].

³⁸ Ср. в том же произведении: «Иногда я ужасно даже жалел их и спрашивал себя: как, должно быть, им иногда стыдно век свой жить на этих петербургских лестницах?» [Леонтьев, т. 5, с. 131].

и пророчество о Петербурге: «...Москва всегда будет Москвою, а Петербург, несмотря на всю его искусственно созданную силу, не избегнет глубокого упадка при неизбежном, почти невольном тяготении нашей истории на Юг и Юго-Восток» [Леонтьев, т. 7, кн. 2, с. 41] — передовая «Варшавского дневника» от 26 января 1880 г.³⁹

Нужно поставить еще один вопрос: а сам Леонтьев для Петербурга что-нибудь значил или нет? При жизни — нет. Газета «Новое время» обычно начинала заметки с упоминанием о нем словами: «Некто Леонтьев...». В начале XX в. Леонтьева открывают и пишут о нем Д. С. Мережковский, П. П. Перцов, Н. О. Лернер, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков. С 1893 г. в Петербурге жил Розанов — последний (эпистолярный) друг Леонтьева, и на его «воскресеньях» на Шпалерной, конечно, имя Константина Николаевича, монаха Климента, звучало не реже, чем в статьях Василия Васильевича. Одним из привлеченных Розановым адептов Леонтьева стал А. М. Коноплянцев. В 1908 г. Губастовым был создан кружок памяти Леонтьева, выпустивший к 20-летию со дня его кончины сборник статей и мемуаров о нем [Памяти Леонтьева]. Коноплянцев написал для этой книги первую биографию философа. Но сколько ни рассуждали кружковцы о необходимости издать собрание сочинений Леонтьева, осуществил это в одиночку в Москве его ученик протоиерей Иосиф Фудель. Довести дело до конца помешали обстоятельства военного времени (1914).

25 лет назад безумием называли наш проект — издавать академическое собрание сочинений Леонтьева в Петербурге, при том, что все его, за редчайшими исключениями, архивные материалы находятся в Москве. Однако издание было благополучно завершено в год двойного юбилея Леонтьева (2021), позволив наконец преодолеть *fatum*, тяготевший над литературной судьбой Константина Николаевича, все же больше связанной с Москвой — М. Н. Катковым и «Русским вестником», хоть и началась его «литературная судьба» (и, значит, тот самый *fatum*, на который он так часто жаловался) в Петербурге — с неудач со здешним цензурным комитетом, запретившим его первые произведения.

Литература

- Александров — Александров А. [А.] Письма К. Н. Леонтьеву. Стихотворения. Статьи. Воспоминания. Материалы к истории журнала «Русское обозрение» / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2024. 816 с. (Прил. к Полн. собр. соч. и писем К. Н. Леонтьева; Кн. 5).

³⁹ См. также: [Леонтьев, т. 7, кн. 2, с. 187; т. 8, кн. 1, с. 89, 232–233].

- Антонов, Кобак — Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия: В 3 т. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. Т. 1. 288 с.
- Архив Леонтьева — Константин Леонтьев: Семейный архив: Документальные повести, воспоминания и дневниковые записи Ф. П. Леонтьевой. Письма / Изд. подгот. Е. М. Варенцова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020. 649 с. (Архив К. Н. Леонтьева; Кн. I).
- Берговская — Берговская И. Н. Кудиново в жизни К. Н. Леонтьева // История филологии. 2000. № 6. С. 198–208.
- Бройтман, Краснова — Бройтман Л. И., Краснова Е. И. Большая Морская улица. М.: Центрполиграф; СПб: МиМ-Дельта, 2005. 416 с.
- Букреева, Фетисенко 2020 — Букреева Е. М., Фетисенко О. Л. Портреты К. Н. Леонтьева в собрании Государственного исторического музея // Словесность и история. 2020. № 3. С. 78–90.
- Букреева, Фетисенко 2021 — Букреева Е. М., Фетисенко О. Л. Ольга Карцова в «хронологии жизни» Константина Леонтьева // Край Смоленский. 2021. № 4. С. 3–9.
- Буряченко — Буряченко В. В. Мир дворянской усадьбы в романе К. Н. Леонтьева «Подлипки» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2007. № 1. С. 18–25.
- Захарова — Захарова В. Г. Поэзия усадебного быта в изображении К. Леонтьева (роман «Подлипки») // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тез. докл. VII конф., 17–18 апр. 1997 г. Калуга: Гриф, 1998. С. 110–112.
- Зинченко — Зинченко Л. Н. Феномен усадебного сознания в романе К. Н. Леонтьева «Подлипки» // Культура и текст: Сб. науч. трудов. СПб.; Самара; Барнаул: [б. и.], 2001. [Вып. 4]: Славянский мир: прошлое и современность. С. 163–167.
- Карцов — Карцов Ю. С. Письма К. Н. Леонтьева к Е. С., О. С. и Ю. С. Карцовым, с вступлением // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. + 1891 г.: Лит. сб. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 235–308.
- Котельников — Котельников В. А. Константин Леонтьев. СПб.: Наука, 2017. 286 с.
- Леонтьев — Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. [19 кн.] / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко / ИРЛИ РАН. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.
- Летопись — Летопись жизни и творчества К. Н. Леонтьева, 1831–1891: В 2 ч. / Сост. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2022. Ч. 1: 1831–1880. 703 с. (Прил. к Полн. собр. соч. и писем К. Н. Леонтьева; Кн. 3).
- Памяти Леонтьева — Памяти Константина Николаевича Леонтьева. + 1891 г.: Лит. сб. / [Сост. К. А. Губастов и др.]. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. 425 с.
- Петров — [Петров П. Н.] Описание Греческой посольской церкви святого великомученика Димитрия Солунского в С.-Петербурге / Сост. П. Н. Петров. СПб.: Тип. Гогенфельда и К°, 1865. 32 с.
- Пророки Византизма — Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2012. 728 с.
- Рейфман — Рейфман П. С. Демократическая газета «Современное слово». Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1962. 115 с. (Учен. зап. Тартуского ун-та; Вып. 121).
- Салтыков-Щедрин — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1971. Т. 12. 752 с.

- Фетисенко 2007 — Фетисенко О. Л. Из области таинственных совпадений (забытый обитатель дома 57 по Офицерской) // Труды Гос. музея истории Санкт-Петербурга. СПб.: ГМИ СПб, 2007. Вып. 14: Музей-квартира А. Блока: Материалы конф. по краеведению «Коломенские чтения» (2002–2006). С. 100–102.
- Фетисенко 2020a — Фетисенко О. Л. Братья Константин и Владимир Леонтьевы в изданиях А. А. Краевского // История отечественной культуры в архивных документах: Сб. ст. СПб.: РНБ, 2020. Вып. 1. С. 46–57.
- Фетисенко 2020b — Фетисенко О. Л. «Наследники Византии» глазами друзей и недругов: (Русская государственность как сквозная тема «восточных повестей» К. Н. Леонтьева) // Два века русской классики. 2020. № 4. С. 250–259.
- Фетисенко 2022 — Фетисенко О. Л. Неизвестное письмо Д. И. Менделеева: находка из архива К. Н. Леонтьева // История отечественной культуры в архивных документах. СПб.: РНБ, 2022. Вып. 3. С. 208–217.
- Хатунцев — Хатунцев С. В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография: 1850–1874 гг. СПб.: Алетейя, 2007. 208 с.

References

- Aleksandrov, A. A. (2024). *Pis'ma K. N. Leont'evu. Stikhotvoreniya. Stat'i. Vospominaniya*, ed. O. L. Fetisenco. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 816 p.
- Antonov, V. V., Kobak, A. V. (1994). *Svyatyni Sankt-Peterburga. Istoriko-tserkovnaya entsiklopediya*. 3 vols. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Chernysheva. Vol. 1, 288 p.
- Bergovskaya, I. N. (2000). 'Kudinovo v zhizni K. N. Leont'eva', *Istoriya filosofii*, 6, 198–208.
- Broitman, L. I., Krasnova, E. I. (2005). *Bol'shaya Morskaya ulitsa*. Moscow: Tsentrpoligraf; Saint Petersburg: MiM-Del'ta, 416 p.
- Bukreeva, E. M., Fetisenco, O. L. (2020). 'Portrety K. N. Leont'eva v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya', *Slovesnost' i istoriya*, 3, 78–90.
- Bukreeva, E. M., Fetisenco, O. L. (2021). 'Ol'ga Kartsova v «khronologii zhizni» Konstantina Leont'eva', *Krai Smolenskii*, 4, 3–9.
- Buryachenko, V. V. (2007). 'Mir dvoryanskoi usad'by v romane K. N. Leont'eva «Podlipki»', *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 18–25.
- Fetisenco, O. L. (2007). 'Iz oblasti tainstvennykh sovpadenii (zabytyi obitateľ' doma 57 po Ofiterskoi', in: *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii Sankt-Peterburga*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi muzei istorii Sankt-Peterburga. Iss. 14, 100–102.
- Fetisenco, O. L. (2020). 'Brat'ya Konstantin i Vladimir Leont'evy v izdaniyakh A. A. Kraevskogo', in: *Istoriya otechestvennoi kul'tury v arkhivnykh dokumentakh*. Saint Petersburg: Rossiiskaya national'naya biblioteka. Iss. 1, 46–57.
- Fetisenco, O. L. (2020). '«Nasledniki Vizantii» glazami druzei i nedrugov (Russkaya gosudarstvennost' kak skvoznaya tema «vostochnykh povestei» K. N. Leont'eva', *Dva veka russkoi klassiki*, 4, 250–259.
- Fetisenco, O. L. (2022). 'Neizvestnoe pis'mo D. I. Mendeleeva: Nakhodka iz arkhiva K. N. Leont'eva', in: *Istoriya otechestvennoi kul'tury v arkhivnykh dokumentakh*. Saint Petersburg: Rossiiskaya national'naya biblioteka. Iss. 3, 208–217.
- Fetisenco, O. L., ed. (2012). *Proroki Vizantizma. Perepiska K. N. Leontieva i T. I. Filippova (1875–1891)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 728 p.
- Fetisenco, O. L., ed. (2022). *Letopis' zhizni i tvorchestva K. N. Leont'eva, 1831–1891*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. Vol. 1. 1831–1880. 703 p.

- [Gubastov, K. A. and others, eds.] (1911). *Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva. † 1891. Literaturnyi sbornik*. Saint Petersburg: Tipografiya «Sirius», 425 p.
- Kartsov, Yu. S. (1911). 'Pis'ma K. N. Leont'eva k E. S., O. S. i Yu. S. Kartsovym, s vstupleniem', in: *Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva. † 1891. Literaturnyi sbornik*. Saint Petersburg: Tipografiya «Sirius», 235–308.
- Khatuntsev, S. V. (2007). *Konstantin Leont'ev. Intellektual'naya biografiya. 1850–1874 gody*. Saint Petersburg: Aleteiya, 208 p.
- Kotel'nikov, V. A. (2017). *Konstantin Leont'ev*. Saint Petersburg: Nauka, 286 p.
- Leont'ev, K. N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 12 vols. Eds. V. A. Kotel'nikov, O. L. Fetisenko. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2000–2021.
- Petrov, P. N. (1865). *Opisanie Grecheskoi posol'skoi tserkvi svyatogo velikomuchenika Dimitriya Solunskogo v S.-Peterburge*. Saint Petersburg: Tipografiya Gogenfeld and K^o, 32 p.
- Reifman, P. S. (1962). *Demokraticeskaya gazeta «Sovremennoe slovo»*. Tartu: Tartuskii gosudarstvennyi universitet, 152 p.
- Saltykov-Shchedrin, M. E. (1971). *Sobranie sochinenii*. 20 vols. Moscow: Khudozestvennaya literatura. Vol. 12, 752 p.
- Varentsova, E. M., Fetisenko, O. L., eds. (2020). *Konstantin Leont'ev: Semeinyi arkhiv. Dokumental'nye povesti, vospominaniya i dnevnikovye zapisi F. P. Leont'evoi. Pis'ma*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 649 p.
- Zakharova, V. V. (1998). 'Poeziya usadebnogo byta v izobrazhenii K. Leont'eva (roman «Podlipki»)', in: *Voprosy arkheologii, istorii, kul'tury i prirody Verkhnego Pooch'ya. Tezisy dokladov VII konferentsii, 17–18 Apr. 1997*. Kaluga: Grif, 110–112.
- Zinchenko, L. N. (2001). 'Fenomen usadebnogo soznaniya v romane K. N. Leont'eva «Podlipki»', in: *Kul'tura i tekst. Sbornik nauchnykh trudov*. Saint Petersburg; Samara; Barnaul: [s. n.]. [Iss. 4]: Slavyanskii mir: proshloe i sovremennost', 163–167.

А. М. Грачева

АЛЕКСАНДР ПУШКИН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА (ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ)

Резюме

В статье кратко намечены основные направления исследования актуальной темы «Александр Пушкин и Алексей Ремизов». Ее историко-биографический аспект подразумевает изучение истории знакомства Ремизова с наследием поэта и выявление роли произведений Пушкина в жизни писателя. Теоретико-литературный аспект включает в себя рассмотрение частотности и роли цитат из текстов Пушкина в творческом наследии Ремизова, а также анализ того, в какой степени произведения поэта повлияли на ремизовскую концепцию художественного творчества; каково было отношение писателя к так называемому «пушкинскому направлению» в русской литературе. Рассмотрение неомифологического аспекта подразумевает изучение вопросов о том, насколько индивидуален ремизовский миф о Пушкине и как он претворяется в его творчестве. В итоге сделаны выводы о значительном влиянии наследия А. С. Пушкина на формирование ремизовской «теории русского лада». В борьбе за нее Ремизов противопоставляет творчество и художественные идеи самого Пушкина языковым концепциям его поздних последователей (В. Брюсова, М. Кузмина, Г. Адамовича и др.), делая поэта одним из предшественников утверждаемой им теории воссоединения устной и письменной культур русского народа.

Ключевые слова: Пушкин, Ремизов, русский авангард, теория русского лада

ALEXANDER PUSHKIN IN THE ARTISTIC WORLD OF
ALEKSEI REMIZOV: AN INTRODUCTION TO THE TOPIC

Abstract

The article outlines the main directions of research on the topic "Alexander Pushkin and Aleksei Remizov." A historical and biographical approach entails a study of the history of Remizov's acquaintance with Pushkin's works and an evaluation of their role in Remizov's life. A theoretical approach examines the frequency and role of quotations from Pushkin's texts in Remizov's creative writings and assesses the extent of the influence that the poet's works had on Remizov's concept of artistic creativity. Moreover, this approach analyzes Remizov's attitude towards the so-called Pushkin Direction in Russian literature. A neo-mythological approach involves Remizov's myth about Pushkin — the question of its singularity and the ways in which this myth is implemented in Remizov's works. The author of the article concludes that Pushkin influenced the formation of Remizov's "Theory of the Russian Mode." In his arguments in favor of this theory, Remizov contrasts Pushkin's creativity and his artistic ideas with the linguistic concepts of his later followers (V. Briusov, M. Kuzmin, G. Adamovich, etc.). Remizov thus made the poet one of the predecessors of the theory of the reunification of the Russian oral and written culture, which Remizov championed.

Keywords: Pushkin, Aleksei Remizov, Russian avant-garde, Theory of the Russian mode

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-65-77

Имя мастера русского авангарда и парадоксалиста А. М. Ремизова традиционно сопрягается с именами Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, а из более давнего периода развития русской литературы — с именем пророка Аввакума. Примечательно, что до настоящего времени сопоставление творчества этого писателя XX в. с наследием А. С. Пушкина не было предметом серьезного научного изучения и представляет собой актуальную научную проблему. Цель настоящей статьи — наметить контуры и некоторые узловые моменты последующего исследования.

Тема «Пушкин — Ремизов» имеет несколько аспектов.

I. Аспект историко-биографический. В данном ракурсе надо рассмотреть историю знакомства Ремизова с наследием поэта и выявить роль произведений Пушкина в жизни писателя.

II. Аспект теоретико-литературный. Исследователи уже отчасти занимались выявлением цитат из пушкинских текстов разных жанров (преимущественно стихотворных и драматических) в ремизовской прозе 1900—1950-х гг. [Кожевникова; Бермус]. Однако необходимо проанализировать, в какой мере произведения Пушкина повлияли на ремизовскую концепцию художест-

венного творчества, а также выяснить, какое место занимает традиционно маркируемое именем поэта «пушкинское направление» в эстетических и историко-литературных теориях Ремизова.

III. Аспект неомифологический. Задачей является поиск ответа на вопросы, насколько индивидуален ремизовский миф о Пушкине и как он претворяется в творчестве писателя.

I. Аспект историко-биографический

Как известно, во второй половине XIX в. Пушкину уже прочно отводили первое место в пантеоне классиков русской литературы. Преподавание его произведений было обязательным в учреждениях школьного образования всех типов, в том числе и в московском Александровском коммерческом училище, которое закончил А. М. Ремизов. В книге «Подстриженными глазами» писатель связывал с именем поэта начало формирования первой библиотеки братьев Ремизовых:

«Скоро всем стала известна наша книжная страсть, и первый подарок на Рождество: Анненковский Пушкин в синем переплете от тети Капустиной (...) Роскошного семитомного Пушкина страшно было тронуть (...) мы только любуясь смотрели на книги, ревниво следя, чтобы кто-нибудь из нас не замуслил пальцем. К нашему счастью, брат, который писал стихи и вел аккуратно дневник, достал „по случаю“ однотомного Пушкина и уж не расставался, читая вслух, и плакал над „Капитанской дочкой“. Так мы узнали Пушкина» [Ремизов 2000, т. 8, с. 127].

Годы, проведенные Ремизовым в тюрьмах и ссылке, не способствовали созданию личного книжного собрания. Оно стало формироваться с 1905 г., после переезда писателя и его супруги, филолога С. П. Ремизовой-Довгелло, в Петербург. В его состав, как обязательный атрибут интеллигентской культуры рубежа веков, входили тексты русских классиков, и в частности Пушкина. Эта библиотека была частично распродана самим Ремизовым в голодные годы военного коммунизма, а оставшаяся часть полностью утрачена после выезда ее владельцев в 1921 г. в Германию. Характерно, что там Ремизовы сразу же стали восстанавливать утраченную основу своего петербургского собрания, формируя ее за счет приобретения сочинений классиков, и в частности А. С. Пушкина, печатавшихся в Берлине издательством «Слово» [Пушкин]. Впоследствии эта библиотека была завещана писателем его другу и литературной помощнице Н. В. Резниковой и до 2000-х гг. сохранялась в неприкосновенности в семье ее сына — Е. Д. Резникова (Кашан, Франция).

С начала 1930-х гг. знаменательным явлением в жизни русского Парижа стали ежегодные литературные вечера Ремизова, на которых он читал свои

новинки и произведения русских писателей. Мемуаристы неоднократно упоминали об этих культурных событиях. Так, например, Н. В. Резникова вспоминала: «Чтение Ремизова производило огромное впечатление и заставляло присутствующих слушать, затаив дыхание. (...) Известные всем отрывки из русских классиков слушались как в первый раз. Каждое слово оживало, получало новый смысл. А. М. любил русскую литературу и с радостью „открывал“ своим слушателям Пушкина („Сказка о рыбаке и рыбке“, „Цыганы“») [Резникова, с. 118]. Чтение вслух произведений русских писателей XIX в., и в частности Пушкина, являлось характерной особенностью быта семьи Ремизовых. Таким образом, творчество поэта было органичной составляющей жизни писателя.

II. Аспект теоретико-литературный

С начала своего творчества Ремизов, пройдя как «школу» искус польского и русского символизма, далее обратился к классическому наследию, избрав Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского в качестве своих главных литературных учителей. С первым его объединяли обращение к разговорным просторечным пластам языка, восприятие и отражение в творчестве народной мифологии, и в частности демонологии, интерес к фантастике и теме «маленького человека». Со вторым сближали сходные драматические обстоятельства судьбы (арест по политическим причинам, тюрьмы и ссылки), а также острое восприятие экзистенциального трагизма бытия. Еще в конце 1900-х гг., только намечая контуры своей «теории русского лада», Ремизов полемизировал с М. Кузминым, пропагандировавшим «прекрасную ясность», ориентированную на пушкинскую традицию [Грачева 2023, с. 14–15]. Надо отметить, что при этом он выступал не против наследия писателя А. С. Пушкина, а против возникшего в начале XX в. и ориентированного на лексически и грамматически «правильный», т. е. нормативный, литературный язык так называемого «пушкинского направления» русской литературы. У его последователей имя Пушкин как бы отторгалось от реального писателя и его творчества и, подобно тени из пьесы Евгения Шварца, становилось самостоятельным фантомом, который использовался ими как персонифицированный символ в споре о языке русской литературы.

С конца 1900-х гг. в авторском сознании Ремизова начали существовать как бы два Пушкина: писатель и его тень, присутствующая на знаменах воинствующих «пушкиннианцев».

Динамику «борьбы» Ремизова с фантомом Пушкина можно наглядно рассмотреть на примере его статей-эссе о поэте. С одной стороны, их появление было всегда напрямую связано с юбилейными датами, что гарантировало немаловажную для писателя вероятность публикации созданного и получения

гонорара. Однако, с другой стороны, кроме чисто прагматического аспекта, для Ремизова это было неоднократно апробированное им использование жанра юбилейной статьи для представления своей концепции развития отечественной литературы и утверждения истинности «теории русского лада».

Две статьи-эссе («Дар Пушкина» и «Морозная тьма»)¹ появились в 1937 г., когда отмечали столетие со дня смерти классика. В эссе «Дар Пушкина» Ремизов, ставя во главу угла работу писателя со словом, разделил образ героя своего текста на две ипостаси: поэта и прозаика. Для него Пушкин-поэт велик и уникален, в то время как Пушкин-прозаик «ограничен» в своем творчестве границами используемого им нормативного языка и поэтики романтизма, которым в дальнейшем будут следовать адепты «пушкинского» направления.

«Традиция пушкинской прозы не в словесном материале, — отмечал Ремизов, — я не нашел ничего от пушкинской поэзии, и слух не Пушкина; а вошедшая в обиход „ясность“ ничего не открывает: „ясность“, как и темнота, — определения, и всегда приводятся потом литературными оценщиками по своему глазу и слуху; традиция Пушкина в построении рассказа — рассказ есть „рассказ“: занимательное времяпрепровождение, он может быть и нравоучительный, и философский, но это неважно. Пушкин — конструктор и конструкции его — образцы» [Ремизов 2000, т. 7, с. 251].

В созданном в том же 1937 г. эссе «Морозная тьма» Ремизов соединил две актуальные для него темы. Первая из них — трактовка традиции снов на примере творчества Пушкина. И тут писатель вновь особо подчеркнул связь глубинного проникновения классика в символику сновидения с аналогичной значимостью образов его поэзии.

Развитие второй темы — Пушкин как прародитель пушкинского направления — шло в соответствии с основной идеей предыдущего эссе:

«Со светом поэзии от Пушкина идет и „морозная тьма“ его снов (...) Символисты, как Брюсов, а затем Кузмин, провозгласившие Пушкина литературным вождем, напомнили в годы общепризнанного литературного „как попало“ и самодельщины о занимательных конструкциях пушкинских рассказов, в этом значении их „пушкинизма“; их собственные примеры в форме стилизации бесследны в русской прозе» [Ремизов 2000, т. 7, с. 253–254].

Таким образом, в этих статьях было отражено характерное для Ремизова как теоретика литературы разделение образа Пушкина на гениального поэта и прозаика, писавшего тексты-конструкты усредненным литературным языком.

¹ Впервые опубл.: [Ремизов 1937а; 1937б].

С 1930-х гг. основным литературным оппонентом Ремизова в вопросе оценки роли Пушкина стал твердый «пушкинианец» Г. В. Адамович. В критических статьях по поводу отдельных произведений Ремизова он неизменно реагировал на выпады против «пушкинского направления» русской литературы, реализованные в текстах этого позднего «гоголянца» [Грачева 2022]. И даже в интервью с писателем — в юбилейной статье, посвященной его 75-летию, — критик не обошел вопроса об их противостоянии:

«Ремизов отвергает приписываемое ему стремление воскресить былую, допетровскую речь. (—) Ничего воскрешать я не хочу. Воскресить ничего невозможно. Я хочу только перестроить нашу современную речь на исконный русский лад... хочу, чтобы она зазвучала по-русски, только и всего. Он (Ремизов. — А. Г.) сослался на Гоголя (...) Мне хотелось, — продолжал интервьюер, — назвать другое имя — Пушкина, преклонение перед которым Ремизов неизменно подчеркивает, но с которым неизбежно должны быть у него сложные и тяжелые внутренние счета, именно в области слога и языка» [Адамович].

В триптихе статей Ремизова о Пушкине последней стала приуроченная к 150-й годовщине со дня рождения классика статья «Живой воды» (1949)², напрямую посвященная роли поэта в развитии языка русской литературы. Этот текст относился к циклу тех ремизовских критических работ второй половины 1940-х гг., в которых писатель вел прямую и активную пропаганду «теории русского лада». В эссе Ремизов отступил от своей практики противопоставления «двух Пушкиных». Наоборот, он представил целостный портрет *своего и единственного* Пушкина — провозвестника, предтечи «теории русского лада»:

«Голос Пушкина звучен через всю историю литературы, им вдохновенную, и этот голос сказывается и в моем неотступном и упорном:

„Заговорит ли Россия по-русски?“

Едва ли кто еще, только Пушкин так остро почувствовал рабство нашей книжной речи: не спуста ж и зря пушкинское: „русский язык у московских просвирен“.

Великая Россия! Но почему же ей суждено выражаться по чужим иноземным указкам?»

И это не моя блажь, а русская мысль Пушкина (а за Пушкиным Хомяков — 1853 г.) о живой воде: где ее искать и ею оживить захряслую русскую речь?» [Ремизов 2000, т. 7, с. 247–248].

Приведя хрестоматийно известную цитату, Ремизов далее в тезисной форме детально излагал постулаты своей «теории русского лада», заявляя, что

² Впервые опубл.: [Ремизов 1949].

именно она является логичным развитием и продолжением взглядов Пушкина. Как видим, с течением времени во взглядах Ремизова — теоретика литературы произошла эволюция. Писатель отказался от «разделения» Пушкина на гениального поэта и бесцветного прозаика, создателя беллетристических «конструктов», что во многом изначально было связано с ремизовской полемикой со сторонниками «прекрасной ясности». Теперь он утверждал целостность Пушкина, гений которого проявлялся в разных родах вербального искусства; того, кто противостоял своей тени-фантому, чье имя в дальнейшем использовали сторонники так называемого «пушкинского направления» русской литературы. В итоге писатель объединил свои эссе о Пушкине в единый раздел, органично дополнивший художественную концепцию книги «Огонь вещей».

В конце жизни, в 1950-х гг., Ремизов конспективно сформулировал свою теорию развития русской литературы, более точно — русской прозы, в аспекте сопоставления этого процесса с то сближающимся, то расходящимся взаимодействием народной культуры и языка с их письменной разновидностью. Рассматривая устойчивую в конце XVIII — первой четверти XIX в. тенденцию к приведению последней к европейским стандартам, он указал на линию «русской „изящной“ прозы»: «Карамзин — Марлинский — Павлов — Одоевский — Пушкин — Лермонтов (...) В литературном книжном языке сложились формулы — склад слов теряет выразительность. Надо дать свободу речи. Мысль о „вяканье“ (т. е. о народном языке. — А. Г.) не покидает европейцев. Пушкин советовал поучиться у просвирен, но, по словам Вяземского, сам просвирен не очень жаловал» [Ремизов 2010, с. 320].

Таким образом, подводя итог анализу значения феномена Пушкина в развитии русской литературы, Ремизов все же остался верен своей изначальной двойственной оценке поэзии и прозы классика. Признавая совершенство его поэтических творений, писатель отводил Пушкину меньшую роль в развитии русской прозы. В данном вопросе Ремизов соединял свое неприятие стилистики и языка Пушкина-прозаика с оценкой разновидности «пушкинского направления» в прозе первой половины XX в.

III. Аспект неомифологический

Тема мифологизации образа «солнца русской поэзии» в России, и в частности в русской культуре, — это многоаспектная научная проблема, решаемая в различных областях гуманитарного знания, в том числе в литературоведении [Легенды и мифы о Пушкине]. Исследуя образ Пушкина в произведениях Ремизова, надо последовательно проследить динамику его изменения на протяжении разных периодов творчества писателя.

В настоящей работе кратко остановимся на присутствии поэта в текстах Ремизова в качестве одного из героев его произведений.

Пушкин стал одним из действующих лиц созданного писателем документально-художественного жанра «сна». Как показывают сохранившиеся за 1940—1950-е гг. записи подлинных снов Ремизова [ДМ-I — ДМ-V, см. по указ.], образ поэта в основном возникал в сно-формах, отражавших подсознательные ночные размышления писателя в процессе его работы над книгой «Огонь вещей. Сны и предсонье. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский» (1954) [Ремизов 2000, т. 7, с. 135—361]. В целом в сюжетах снов Пушкин не стал главным героем. Его облик мелькал на втором плане, в череде других образов, уступая место таким первостепенным персонажам сновидений писателя, как, например, Гоголь и Достоевский.

Примечательно, что и в художественных текстах Ремизова образ Пушкина появлялся в основном в контексте все той же борьбы писателя за утверждение его «теории русского лада».

Как пример подобной семантики использования образа поэта в ремизовских «снах», можно привести ремизовскую миниатюру «Пушкин и пять невест», впервые опубликованную в сборнике «Мартын Задека. Сонник» (1954):

«И я увидел: Пушкин.

И совсем-то он на себя не похож, ни на один свой портрет: курносый. А около на столике кофей.

„Спасите, говорит он и показывает, пять невест“.

И в моих глазах пять красных языков.

„И всех разобрали“, говорит Пушкин и читает: немецкий, французский, английский...

И я понимаю, что теперешний Пушкин профессор языковедения и спасти его не от кого — без языка нет речи» [Ремизов 2000, т. 7, с. 377].

Как видим, это литературно обработанный сон, который, по сути, представляет собой притчу. За прозрачным иносказанием о стоящей перед героем дилемме: необходимости выбора одной из невест, как оказалось, уже разобранных иностранными женихами, — был скрыт все тот же повторяющийся сюжет о *настоящем* Пушкине и его фантоме = «профессоре языковедения», жупеле противников ремизовской «теории русского лада».

Тем же задачам был подчинен «миф о Пушкине», представленный в создававшейся в 1930—1940-х гг. книге «Подстриженными глазами». Если в главах, написанных в довоенные годы, имя поэта лишь называлось при упоминании повлиявших на автора книг, то совсем иное значение имело его появление в главе «Белоснежка», первоначально опубликованной как

автономная новелла в 1947 г.³ и только в дальнейшем ставшей последней главой книги.

Как уже говорилось ранее, год создания «Белоснежки» — это момент нового витка активной борьбы Ремизова за свою «теорию русского лада» и его полемики с оппонентами, поклонниками фантома Пушкина. Их лагерь кратко обозначен уже в первой строке «Белоснежки»: «Московский символизм под знаком Пушкина» [Ремизов 2000, т. 8, с. 242].

Удалось установить, что сюжет новеллы основан на достоверном факте из московского быта рубежа XIX—XX вв., когда в Первопрестольной появился человек, стилизовавший свой облик под хрестоматийный образ. В своих воспоминаниях В. А. Гиляровский упомянул об этом своеобразном историческом анекдоте: «В 1899 году, в столетие со дня рождения поэта, ходило следующее:

Москвич бы поумнее был
И люди бы другими стали,
Когда бы Пушкин по Москве ходил,
А Денисюк стоял на пьедестале!

В те года московский литератор Денисюк, поразительно похожий на Пушкина, носил такие же волосы и так же подстригал баки, ходил в таком же плаще и такой же шляпе и рисовался, становясь в позу Пушкина у подножия памятника»⁴.

В произведении «Подстриженными глазами» представлены две трактовки этого документально подтвержденного московского «исторического анекдота». Согласно его интерпретации Ремизовым в «реалистическом» ключе, облик поэта копировал купеческий конторщик Александр Сергеевич Денисюк:

«На Страстной монастырь глядя, памятник Пушкина: Пушкин в крылатке стоит со шляпой, и внизу подпись: Александр Сергеевич Пушкин. И тут же, около памятника, смотрите, он самый, живой с баками и в крылатке, как с памятника, только без подписи. Да и к чему: в каждом из нас, в каждом — тысяча глаз — ему подпись: Пушкин. / Как была настоящая фамилия Пушкину (...) никто не любопытствовал: Пушкин — и всё тут (...) Пушкин! Какой сказочный образ — и большего добродушия и упоенности своим историческим обличем едва ли в ком еще встретите — подлинно, Пушкин был самый счастливый на Москве (...) / Трепетно было глядеть на Пушкина; мне всегда казалось, вот заговорит он; его перебыют, я был убежден, — а это будет чересчур, — его загогочат» [Ремизов 2000, т. 8, с. 243–244].

³ [Ремизов 1947].

⁴ *Гиляровский В. А.* Четверть века назад (Из воспоминаний журналиста). Старое и новое. Около памятника Пушкину // РГАЛИ. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1–2. — Приношу благодарность Е. В. Бронниковой и Т. Л. Латыповой за указание данного архивного источника.

Однако в тексте Ремизова «взаправдашная» Россия конца XIX в., где обитает «самозванец» Денисюк, существует параллельно с мифологическим пространством, в котором жив и здоров сам Александр Сергеевич Пушкин, прогуливающийся около своего бронзового монумента. Проявление этой второй, высшей реальности видит народ — простые москвичи. Они начинают по-детски, т. е. истинно, верить, что перед ними живой «воскресший» поэт. А когда пьяные обыватели хотят заставить «самозванца» читать «Гавриилиаду», то они слышат «знакомый голос — так мог читать только Пушкин: „Гонимы вешними лучами...“ И я как прикован, ⟨...⟩ а в сердце какое „люблю“ и „поверить“» [Ремизов 2000, т. 8, с. 251].

Кульминацией новеллы является безобразная сцена, когда хулиган Денис (ср.: Дантес) насильно остригает и обривает псевдо-Пушкина, стремясь уничтожить эффект «воскрешения» давно умершего классика. Ремизов частично спроецировал этот сюжетный эпизод надругательства над героем на реальную историю дуэли и смерти поэта в интерпретации художника А. М. Волкова на картине «Дуэль А. С. Пушкина». Политипаж (гравюра) с этого полотна был опубликован в 1873 г. в популярном журнале «Нива» [Каталог, с. 8], о тении которого в детстве Ремизов упомянул в книге воспоминаний «Подстриженными глазами» [Ремизов 2000, т. 8, с. 138].

«И посреди мертвого поля Пушкин.

С Пушкина стащили его пушкинский сюртук. В одной рубашке с помятой пристегнутой манишкой, а все-таки не ошибешься, Пушкин. Над ним Денис, лопоча: „Саша, не сопротивляйся!“ — без лязга и без шора работал безопасно бритвой. ⟨...⟩ Одной пушкинской баки, как не бывало, гладко, а другая половинкой загибалась, вроде испанская. Пушкин — закрыл глаза — посмертная маска, не сопротивлялся» [Ремизов 2000, т. 8, с. 252].

Попытка уничтожения Пушкина оказывалась тщетной. В финале сюжета звучали строки поэта, как бы доказывающие его бессмертие в творчестве.

Вновь обратим внимание на то, что в художественном пространстве Ремизова «живого» Пушкина видели обычные люди, которые верили в его прогулки по Тверской рядом с собственным памятником. Пользуясь выражением писателя, это «живое знамение» не замечали только проходившие мимо него московские декаденты (символисты), и в частности их глава — В. Брюсов, — то есть те, кто ставил на место бессмертного поэта придуманный ими фантом. Ремизов, используя пушкинский же прием создания образа-символа = ожившей статуи («Медный всадник», «Каменный гость»), создал свою новеллу-притчу о явлении во плоти видимого народом поэта и о «слепоте» последователей «пушкинского» направления. Таким образом, писатель при помощи художественного «жеста», характерного для его творческой манеры,

вновь вступал в полемику с противниками «теории русского лада» и снова делал своим союзником самого Пушкина.

В итоге можно сделать вывод о том, что под зачастую эпатажными высказываниями «гогольянца» Ремизова всегда, хотя и с разной степенью открытости, сохранялся его пиетет перед Пушкиным. Писатель стремился отделить фантом от «настоящего» поэта, которого он считал своим соратником в борьбе за воссоединение устной и письменной культур России.

В 1940-х гг., вспоминая о начале литературного пути, Ремизов так обозначил свое местоположение на карте вершин, холмов и падей русской словесности:

«Отрава печататься входит с первым напечатанным. А какие мечты и сколько самообольщения. Ведь только у новичка такая вера в свое. А со временем придет разочарование, и сколько ни фырчи и фордыбачь, а все ясно и при всякой дружеской критике, что ты не Пушкин, не Толстой, не Достоевский, а только козявка.

Одной из таких козявок — аз есмь» [Ремизов 2000, т. 8, с. 456].

Отбросив в сторону характерный для Ремизова прием ложного самоуничижения, обратим внимание на обозначенную в тексте триаду литературных классиков, среди которых первое место отдано А. С. Пушкину.

Как показал предварительный анализ, все три аспекта темы «Пушкин и Ремизов»: историко-биографический, теоретико-литературный и мифопоэтический — присутствуют в художественном и жизненном пространстве писателя и заслуживают дальнейшего изучения.

Литература

- Адамович — *Адамович Г. В.* У Ремизова // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1952. № 14666, 22 июня. С. 8.
- Бермус — *Бермус Е. В.* «Гавриилиада» А. С. Пушкина как источник повести А. М. Ремизова «Неумный бубен» // Художественный текст. Опыт интерпретации: Сб. науч. ст. к 75-летию Карельского гос. пед. ун-та / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск: Карел. гос. пед. ун-т, 2007. С. 41–49.
- Грачева 2022 — *Грачева А. М.* Н. В. Гоголь и А. М. Ремизов: эстетическая константа и юбилейные переменные // Русская литература. 2022. № 4. С. 58–71.
- Грачева 2023 — *Грачева А. М.* Теория русского лада Алексея Ремизова: Генезис. Практика. Рефлексы. СПб.: Росток, 2023. 495 с.
- ДМ-I — *Ремизов А. М.* Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. Т. 1: Май 1943 — январь 1946 / Отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста А. М. Грачевой, Н. М. Коньичевой, Л. В. Хачатурян; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. 376 с.
- ДМ-II — *Ремизов А. М.* Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2015. Т. 2: Январь 1946 — март 1947 / Отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста О. А. Линдеберг; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. 384 с.

- ДМ-III — Ремизов А. М. Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. Т. 3: Март 1947 — февраль 1950 / Отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста О. А. Линдеберг; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. 732 с.
- ДМ-IV — Ремизов А. М. Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020. Т. 4: Февраль 1950 — ноябрь 1951 / Отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста О. А. Линдеберг; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян, А. С. Урюпиной. 720 с.
- ДМ-V — Ремизов А. М. Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. 5: Февраль 1950 — ноябрь 1951 / Отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста О. А. Линдеберг; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян, А. С. Урюпиной. 574 с.
- Каталог — Каталог пушкинской выставки, устроенной комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. 57 с.
- Кожевникова — Кожевникова О. В. Пушкинские реминисценции в повести А. М. Ремизова «Крестовые сестры» // Пушкинские чтения — 99: Материалы юбилейной межвуз. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. СПб.: Ленингр. гос. обл. ун-т им. А. С. Пушкина, 1999. С. 20–22.
- Легенды и мифы о Пушкине — Легенды и мифы о Пушкине / Сост. М. Н. Виролайнен. СПб.: Академический проект, 1999. 342 с.
- Пушкин — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. Берлин: Слово, 1921.
- Резникова — Резникова Н. В. Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. 271 с.
- Ремизов 1937а — Ремизов А. М. Дар Пушкина // Последние новости (Париж). 1937. № 5801, 10 февр. С. 1;
- Ремизов 1937б — Ремизов А. М. Морозная тьма: сны Пушкина // Новая Россия (Париж). 1937. № 21, 7 февр. С. 5–9.
- Ремизов 1947 — Ремизов А. Белоснежка // Новоселье (Нью-Йорк). 1947. № 33/34. С. 4–24.
- Ремизов 1949 — Ремизов А. Живой воды // Русские новости (Париж). 1949. № 209, 3 июня.
- Ремизов 2000 — Ремизов А. М. Собр. соч. / Отв. ред. А. М. Грачева. М.: Русская книга, 2000–2003. Т. 1–10; СПб.: Росток, 2015–2023. Т. 11–18 (изд. продолжается).
- Ремизов 2010 — Ремизов А. М. Лицо писателя: Материалы к книге // Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы). СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. С. 241–486.

References

- Adamovich, G. V. (1952). 'U Remizova', *Novoe russkoe slovo*, 14666, June 22, 8.
- Bermus, E. V. (2007). '«Gavriliada» A. S. Pushkina kak istochnik povesti A. M. Remizova «Neuemnyi buben»', in: *Khudozhestvennyi tekst: Opyty interpretatsii: Sbornik nauchnykh statei k 75-letiyu Karel'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Petrozavodsk: Karel'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 41–49.
- Gracheva, A. M. (2022). 'N. V. Gogol' i A. M. Remizov: esteticheskaya konstanta i yubileinye peremennye', *Russkaya literatura*, 4, 58–71.

- Gracheva, A. M. (2023) *Teoriya russkogo lada Alekseya Remizova. Genezis. Praktika. Refleksy*. Saint Petersburg: Rostok, 495 p.
- Gracheva, A. M., Khachaturyan, L. V., Konycheva, N. M., Lindeberg, O. A., Uryupina, A. S., eds. (2013, 2015, 2017, 2020, 2023). *Remizov, A. M. Dnevnik myslei 1943–1957 godov*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom». Vol. 1. Mai 1943 — yanvar' 1946, 376 p.; Vol. 2. Yanvar' 1946 — mart 1947, 384 p.; Vol. 3. Mart 1947 — fevral' 1950, 732 p.; Vol. 4. Fevral' 1950 — noyabr' 1951, 720 p.; Vol. 5. Fevral' 1950 — noyabr' 1951, 574 p.
- Katalog pushkinskoi vystavki, ustroennoi komitetom Obshchestva dlya posobiya nuzhdayushchimsya literatoram i uchenym* (1880). Saint Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha, 57 p.
- Kozhevnikova, O. V. (1999). 'Pushkinskie reministsentsii v povesti A. M. Remizova «Krestovye sestry»', in: *Pushkinskie chteniya — 99: Materialy yubileinoi mezhvuzovskoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya A. S. Pushkina*. Saint Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet imeni A. S. Pushkina, 20–22.
- Pushkin, A. S. (1921). *Polnoe sobranie sochinenii*. 6 vols. Berlin: Slovo.
- Remizov, A. M. (1937). 'Dar Pushkina', *Poslednie novosti* (Paris), 5801, Feb. 10, 1.
- Remizov, A. M. (1937). 'Moroznaya t'ma: sny Pushkina', *Novaya Rossiya* (Paris), 21, Feb. 7, 5–9.
- Remizov, A. (1947). 'Belosnezhka', *Novosel'e* (New York), 33/34, 4–24.
- Remizov, A. (1949). 'Zhivoi vody', *Russkie novosti* (Paris), 209, June 3.
- Remizov, A. M. (2000–2003, 2015–2023). *Sobranie sochinenii*, ed. A. M. Gracheva. Moscow: Russkaya kniga. Vol. 1–10; Saint Petersburg: Rostok. Vol. 11–18. [Publ. continues].
- Remizov, A. M. (2010). 'Litso pisatelya. Materialy k knige', in: Gracheva, A. M. *Zhanr romana i tvorchestvo Alekseya Remizova (1910–1950-e gody)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 241–486.
- Reznikova, N. V. (2013). *Vospominaniya ob Aleksee Remizove*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 271 p.
- Virolainen, M. N., ed. (1999). *Legendy i mify o Pushkine*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 342 p.

Е. О. Кудина

«ЧЕЛОВЕК С ТРЕМЯ МАЛЕНЬКИМИ „НО“»: ТЕАТРАЛЬНЫЙ КРИТИК Ю. Д. БЕЛЯЕВ В ОТКЛИКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Резюме

В статье предпринята попытка представить через призму мнений и оценок современников фигуру литератора Юрия Дмитриевича Беляева (1876–1917). Его драматургическое и критическое наследие так или иначе становилось предметом исследований филологов и историков театра. Однако не производился подробный обзор откликов тех, кто был знаком с Беляевым, читал его статьи в газете «Новое время», смотрел спектакли, поставленные по его пьесам. В числе оставивших отзывы о драматурге можно встретить имена как совершенно забытых публицистов, так и известных деятелей литературы и театра: писателей, издателей, режиссеров, актеров. Анализ многочисленных оценок позволяет сделать вывод, что не только творчество, но и личность Беляева заслуживает внимания. Источниками отзывов о популярном журналисте и беллетристе Серебряного века стали преимущественно мемуары, дневники, письма и некрологи современников. Из этих откликов, зачастую крайне противоречивых, создается портрет одного из самых влиятельных театральных критиков дореволюционной России.

Ключевые слова: Ю. Д. Беляев, газета «Новое время», театр, критика, драматургия, Серебряный век

Ekaterina O. Kudina

“A MAN WITH THREE LITTLE ‘BUTS’”: THE THEATER CRITIC YURII BELIAEV IN THE WRITINGS OF HIS CONTEMPORARIES

Abstract

The literary and critical works of Yurii Dmitrievich Beliaev (1876–1917), the popular writer and influential theater critic of the Russian Silver Age, have already been studied by philologists

© Е. О. Кудина, 2024

and theater experts to some extent. The numerous assessments of Beliaev that were left by the people who knew him, who read his articles in the newspaper *Novoe Vremia*, and who saw performances of his plays, however, still await a detailed overview. Among these people, we can find famous writers, editors, directors, and actors, along with now forgotten journalists. The analysis of their opinions, which often are extremely contradictory, leads to the conclusion that not only the playwright's work, but also his personality deserves attention.

Keywords: Yurii Dmitrievich Beliaev, newspaper *Novoe Vremia*, theater, critique, drama, Russian Silver Age

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-78-95

«Человек с тремя маленькими „но“: сотрудник „Нового времени“, но талантлив, не имеет лысины, но блестящ, театральный критик, но добродушен», — гласила подпись к карикатуре, опубликованной в журнале «Сатирикон» в 1911 г. [Сатирикон, с. 5] (*цв. вкл., ил. 3*). Шарж был сделан рукой художника Ре-Ми (Н. В. Ремизова) и изображал Юрия Дмитриевича Беляева (1876—1917). Сегодня его имя знакомо преимущественно историкам сценического искусства и исследователям русской литературы Серебряного века. Однако в начале XX в. Беляев входил в число самых известных театральных журналистов, а впоследствии снискал большую популярность как драматург и беллетрист.

Репутация Беляева в артистических и издательских кругах была двойственной. Он считался влиятельным критиком, его мнение было важно для режиссеров и актеров. Как известно, рецензия могла не только помочь в становлении карьеры, но и разрушить ее. При этом статус последователя А. С. Суворина и сотрудника консервативной газеты вызывали неприятие у определенной части образованного общества, что не могло не отразиться на суждениях о литераторе. Его яркая и противоречивая личность отразилась в них, словно во множестве зеркал.

В статье не ставится задача охарактеризовать театральное-критическое и литературное творчество Беляева. Предпринимается попытка показать, как его деятельность воспринимали и близкие друзья, и те, кто был связан с ним профессиональными отношениями, и те, чье знакомство с критиком было мимолетным. Нередко отклики современников сливались в унисон, но иногда они словно вступали в незримый спор друг с другом.

Отзывы могли быть напечатаны как при жизни Беляева — обычно это отклики в прессе на его произведения, так и после его смерти — чаще всего это мемуары деятелей литературы и искусства. Большое количество оценок жизни и творчества Беляева появилось, как это часто бывает, в некрологах. Беляев умер в январе 1917 г. в возрасте сорока лет от скоропостижной

болезни, ставшей следствием несчастного случая. Сотрудники «новременской редакционной семьи» [Глинский, с. 474] горячо оплакивали ушедшего коллегу и в своих скорбных заметках чуть ли не соревновались в славословии. Многие журналисты газет «Новое время» и «Вечернее время» были приятелями Беляева, поэтому писали о нем только в положительном ключе. При этом, несмотря на некоторую избыточность дифирамбов, их воспоминания представляют интерес как источник нигде более не зафиксированных биографических деталей, различных эпизодов из жизни критика.

Не менее значимы отклики на смерть Беляева, опубликованные в других изданиях, не столь дружественных суворинским или совершенно противоположных им по общественно-политическим взглядам. Эти некрологи тоже нельзя назвать беспристрастными, но содержащиеся в них характеристики Беляева выглядят более «сбалансированными». Отмечаются его и положительные, и отрицательные качества, и дается представление о нем как об очень талантливом, но крайне неоднозначном деятеле театра и литературы.

Думается, что подбор мнений современников позволит показать фигуру критика и драматурга многомерной. На стыке высказываний о Беляеве, предельно кратких и очень пространных, нередко противоречивых, формируется его визуальный и психологический образ, открываются грани его личности; создается портрет на фоне эпохи. Многие имена оставивших отклик о литераторе хорошо известны — это писатели, журналисты, представители театрального сообщества: В. В. Розанов, А. Белый, Г. В. Иванов, Н. А. Тэффи, А. В. Амфитеатров, М. О. Меньшиков, П. П. Пильский, А. А. Плещеев, А. Р. Кугель, В. А. Теляковский. Другие авторы почти забыты или известны лишь узкому кругу специалистов.

Карьеру театрального рецензента Беляев начал рано, едва ли не гимназистом. Его первые публикации появились в середине 1890-х гг. — сначала в журналах «Живописное обозрение» и «Север», затем в газете «Россия» и журнале «Театр и искусство», которым руководил А. Р. Кугель. Сохранились впечатления редактора о молодом критике: «Я не помню сейчас, откуда и как появился в редакции сухенький, очень высокий, остроносый и быстроглазый юноша» [Кугель 1926, с. 31]. В памяти других современников, знавших Беляева в ту пору, он тоже остался «безусым юношей, длинным и тонким, напоминавшим студента из английского колледжа» [Носков, с. 3]. В его внешности присутствовало некоторое сходство с Пушкиным, которым он «мило и немножко смешно гордился» [Лернер, с. 21]. Скорее всего, именно поэтому в ранние годы критик носил бакенбарды, что выглядело несколько

1. Ю. Д. Беляев. 1899. Рис. Н. И. Кравченко.
Петербургский дневник театрала. 1904. № 2. С. 3

2. Ю. Д. Беляев. Рис. И. И. Котельникова.
Журнал театра Литературно-художественного общества. 1907–1908. № 5. С. 112

3. Ю. Д. Беляев. Шарж Ре-Ми (Н. В. Ремизова).
Сатирикон. 1911. № 49. С. 5

4. Ю. Д. Беляев. Шарж Юнкера Шмидта (П. Н. Троянского).
Столица и усадьба. 1914. № 6

старомодно, но так, вероятно, он больше походил на любимого поэта. В конце 1890-х гг. Беляева среди его коллег-журналистов можно было легко отыскать по описанию: «Знаете, вот этот „Пушкин“... молодой человек с бачками» [Плещеев 1917b, с. 13] (см. *цв. вкл., ил. 1*).

В 1899 г. его заметил, оценил и пригласил на должность театрального обозревателя знаменитый журналист и издатель газеты «Новое время»: «Под ласковым вниманием А. С. Суворина расцвел и укрепился талант Беляева. (...) Суворин давал этому дарованию самое важное — простор для работы и широкую терпимость для всех проявлений индивидуальности» [Арабажин, с. 7].

В скором времени молодой рецензент стал заведовать театральным отделом суворинской газеты и вошел в число сотрудников, имена которых были у всех на слуху. В автобиографическом романе Е. А. Шабельской «Векселя антрепренерши» подробно описано бенефисное представление 1902 г., где присутствовали ведущие театральные репортеры столицы. Среди них портрет «влиятельного критика „Нового времени“» Беляева, похожего «не то на актера, не то на католического проповедника, с рассеянным, всегда скучающим видом» [Шабельская, с. 20]. О встречах с коллегой в Александринском театре вспоминал и К. И. Арабажин: «...он сидел сзади меня, в третьем ряду, и, оглядываясь назад, я всегда видел его в одной и той же позе: голова склонена несколько набок, глаза полузакрываются чуть припухшими веками; бледно-матовое лицо такое усталое, почти сонное, но ухо не дремлет, — насторожилось и ловит то, что говорилось на сцене» [Арабажин, с. 7].

Сохранилось достаточное количество живописных и фотографических портретов Беляева. На них запечатлен человек, который с большим вниманием относится к своему внешнему виду: он со вкусом одет, тщательно выбирает позу для картины или снимка. Одежда и детали его облика — накрахмаленные рубашки, элегантные костюмы, перстни на холеных пальцах — выдают в нем ценителя изящного: «Был он в жизни большой эстет, поклонник всего прекрасного, любитель чистого искусства, и никогда нигде не смешивался с толпой» [Запятая, с. 3].

Порой чрезмерное увлечение собственной внешностью приводило к неожиданным и даже комичным эпизодам. Описание одного из них приведено в дневнике М. С. Сухотина, зятя Л. Н. Толстого. К «яснополянскому старцу» Беляев в качестве корреспондента от «Нового времени» приезжал дважды — в 1903 и 1906 гг. Сухотин наблюдал журналиста целый день и был неприятно удивлен не столько его самоуверенностью, сколько тем, что он злоупотребляет парфюмерией: «Только что он приехал, он даже на свежем воздухе испустил из себя такое благовоние, что Л. Н. (Толстой. — Е. К.) стал поводить носом и все спрашивал, „откуда это так духами запахло“, на что Беляев с апломбом

отвечал: „Только не от меня, я не душусь, может быть, от цветущей липы“» [Сухотин, с. 184–185].

Возможно, столь экспрессивное поведение было свойственно критику в определенных ситуациях, например тогда, когда он оказывался в непривычной для себя обстановке. В отзывах тех, кто хорошо знал Беляева, чаще встречается другой образ. Публицист П. М. Пильский отмечал сходство внешнего облика и авторского стиля театрального рецензента: «У Юрия Беляева был бархатный голос, и бархатные манеры, и бархатные волосы, и мягкие, тоже бархатные, руки. И весь его стиль, и манера писать, и приемы хвалы, и выражения восторгов были тоже смягченные, какие-то *пушистые*, чуть-чуть щекочущие — бархатные» [Пильский, с. 156]. В своих статьях «Беляев умел иронизировать, где нужно, посмеяться, съязвить; не заботясь или мало заботясь о существовании дела, позабавить или заинтересовать, красиво расцветить иную ветошь, а еще... и это было уже его собственное, беляевское — дать превосходный опыт порою холодноватой, но прозрачной и стилистически совершенной, лирики» [Кугель 1917b, с. 4].

Было трудно не заметить живой и острый ум рецензента, его ироничность, узнаваемую манеру письма: «Юрий Беляев был тонкий знаток театра, великий прозорливец сцены, мастер слога и стиля...» [Маркиз Поза, с. 5]. Он отличался наблюдательностью, умением подобрать точные слова: «...образных, метких выражений у Беляева были всегда десятки в запасе, он ими сыпал не жалея...» [Крымов 1917, с. 13]; «...меткие эпитеты, ошарашивающие своею неожиданностью сопоставления (...) вызывали общую усмешку» [Гуревич, с. 2]; «Беляеву особенно удавались портреты артистов. Он их нарисовал много. Внешне они были чрезвычайно похожи и написаны с большой меткостью...» [Кугель 1917b, с. 4].

В самом начале своей карьеры театрального журналиста Беляев написал два критико-биографических этюда об очень разных, но невероятно ярких и любимых зрителем актрисах рубежа XIX–XX вв. — Л. Б. Яворской [Беляев 1900] и В. Ф. Комиссаржевской [Беляев 1899]. Изданные отдельными иллюстрированными брошюрами в серии «Наши артистки», они вскоре приобрели большую популярность. Яворская, ставшая известной благодаря ролям в спектаклях по пьесам драматурга-неоромантика Э. Ростана, привлекала Беляева своей оригинальной аффектированной манерой исполнения. В творчестве Комиссаржевской он одним из первых уловил умение представить психологическую сторону своих героинь не шаблонно, а за счет прирожденной чуткости и «игры светотени». С восхищением и любовью критик писал о выдающихся деятелях русского и зарубежного театра, как драматического, так и музыкального: о М. Г. Савиной, М. Н. Ермоловой, В. Н. Давыдове, К. Н. Варла-

мове, М. В. Дальском, Э. Дузе, С. Бернар, Т. Сальвини, Ф. И. Шаляпине, Л. В. Собинове, А. П. Павловой, А. Дункан и др.

Нередко можно было заметить, что отрицательные отзывы Беляев пишет талантливее и ярче, чем одобрительные: «...ему нужно было перо, на кончике которого гнездились острые словца ⟨...⟩ убийственные резкости, полные юмора, характеристики, шаржи, карикатуры» [Арабажин, с. 7]. Подчас насмешка была слишком ядовитой, но она оставалась столь «сверкающей и образной, что даже те, против кого она была направлена ⟨...⟩ не могли уже больше сердиться; все прощалось ради ⟨...⟩ живого, искрометного и бесспорного таланта, признававшегося даже людьми противоположных лагерей» [Старк, с. 11].

Не самые лестные, хотя и, возможно, слишком пристрастные отзывы о Беляеве сохранились в воспоминаниях Вл. А. Рышкова, одного из основателей Пушкинского Дома. В них он предстает как человек сомнительных моральных качеств, как журналист, торгующий своим талантом, прихотливо меняющий мнения об актерах и других деятелях театра: «И он так погряз в этой продаже, что доходил в ней до цинизма, цель у него оправдывала всякие средства» [Рышков, с. 372]. Сходные оценки можно встретить и в других мемуарах: «...внутри его жил циник. И Беляев был именно циничен в неразборчивости и случайности своих суждений, своих отношений к людям, даже неблагодарный в воспоминаниях и не всегда осторожный в оценках даже тех, кому он мог быть признателен» [Пильский, с. 165].

Подобное непостоянство в оценках и мнениях было свойственно Беляеву на протяжении всей его жизни. «Легкость в мыслях необыкновенная» была как частью его натуры, так и отличительной чертой его оригинального стиля. «В этом уменье быть приятным, писать приятно и приятно себе противоречить был секрет беляевского дарования и беляевского очарования» [Пильский, с. 168]. Собратья по перу высоко ценили способность рецензента уловить и вербально воспроизвести впечатление от увиденного в театре, называя его «чистейшим критиком-импрессионистом» [Старк, с. 11]. Считалось, что «анализ не был сильной стороной критических опытов Беляева. Он чувствовал красоту и форму, как художник, а не как энтузиаст» [Кугель 1917b, с. 4]. Этот способ изложения мыслей, лишенный чрезмерного теоретизирования, мог вызывать восхищение, но мог и свидетельствовать об отсутствии определенных художественных рамок: «На столе этого театрального судьи не хватало свода собственных эстетических законов, и он судил и рядил, руководствуясь неизменно одним своим настроением» [Пильский, с. 157]; «В критике его не было ясных обоснований и вех какой-либо системы» [Носков, с. 3], и он «остался лишь ярким фельетонистом ⟨...⟩ без определенного направления ⟨...⟩ без определенно выраженных вкусов» [Гуревич, с. 2].

Неодобрение современников вызывала не только «размытость» театрально-эстетических взглядов Беляева, но и уровень его образования — он не окончил даже полный гимназический курс. Особенно это обстоятельство раздражало директора императорских театров В. А. Теляковского, пристально следившего за освещением спектаклей в прессе и считавшего критика-новременца своим врагом. В воспоминаниях он высказывался более сдержанно: «Ю. Беляев был человек малообразованный, но неглупый, весьма способный...» [Теляковский 1965, с. 183], — но дневники сохранили более хлесткие выражения: «Беляев (...) имеет нахальство необразованного человека...» [Теляковский 2006, с. 222]; «Юрий Беляев, окончив 3 класса гимназии, все-таки, несмотря на желание излить всю желчь на постановку „Ипполита“, оказывается довольно слабым критиком» [Там же, с. 323]; «Статья (...) написана знаменитым философом „Нового времени“, не кончившим 4-х классов гимназии корреспондентом Юрием Беляевым» [Там же, с. 386].

Справедливости ради стоит отметить, что, как свидетельствует аттестат петербургской Ларинской гимназии из личного архива Беляева в Пушкинском Доме¹, он окончил пять классов этого учебного заведения, что на сегодняшний день приблизительно соответствует уровню неполного среднего образования. Бросить учебу ему пришлось во многом из-за болезни отца и возникшей необходимости материально поддерживать семью. Работа в газете «Новое время» позволяла решить этот вопрос.

О суммах, которые выдавались Беляеву в годы его профессионального расцвета, ходили легенды. В свое время критик начинал с жалованья, составлявшего всего 15 копеек за строку [Плещеев 1927b, с. 2]. Впоследствии он стал одним из самых высокооплачиваемых сотрудников ведущих российских газет наряду с М. О. Меньшиковым, А. А. Пиленко, В. М. Дорошевичем и др. — их заработок варьировался от 20 до 40 тыс. рублей в год [Погожев, с. 28].

Эпизоды «выпрашивания» Беляевым денег за работу у А. С. Суворина становились общим местом почти анекдотического свойства в воспоминаниях многих современников, хорошо знавших критика. Порой это превращалось в настоящий спектакль: Беляев приходил к издателю, когда тот был в благодушном настроении, бойко рассказывал городские сплетни и, напевая какую-нибудь популярную песенку, протягивал записку. Суворин с возмущением напоминал сотруднику об авансах, набранных им на большую сумму. «Никаких авансов, Алексей Сергеевич, я никогда не брал, это я беру в счет жалованья за будущие годы, ведь я еще молодой, доживу», — заверял его Беляев — и тут

¹ РО ИРЛИ. Ф. 24. Ед. хр. 218.

же получал подпись на чеке [Крымов 1971, с. 65]. Такое поведение позволяло современникам высказывать предположение о том, что «прекрасным и занимательным рассказчиком, анекдотистом, каламбуристом и шутником Беляев сделался, ценя и любя вкус старика и его слабость именно к этим приятным и легким, ни к чему не обязывающим сторонам человеческой общительности и кабинетного обихода» [Пильский, с. 158].

Критик действительно обладал замечательным даром рассказчика и пародиста, чему есть масса подтверждений: «...это был интересный собеседник, легкий сосед, человек, владевший тайной *changement*, — он удачно, хоть и поверхностно, острил, шутил без злобы, умело схватывал характерные черточки знакомых и друзей, был занимателен и неистощим часами» [Пильский, с. 164]; «Когда Беляев был в ударе, он электризовал своими остроумными рассказами окружающих...» [Меньшиков, с. 5]; «Поразительный рассказчик, увлекательный, от которого не хотелось уходить, которого все слушали, на которого приглашали, как на тонкое блюдо» [Ксюнин, с. 7]; «Юрий Беляев был редкий рассказчик и изумительный собеседник (<...> он веселил все общество, рассказывая и имитируя всевозможных лиц» [Сосницкий, с. 14].

Нередко в этих сценках ему удавалось воспроизвести эпоху: «Он рассказывал, как бы играя, с мимикой, жестами, перенося своего собеседника именно в ту среду и обстановку, откуда бралась тема повествования» [Глинский, с. 488]. Знаменитый певец Ф. И. Шаляпин, с которым Беляева связывали очень теплые дружеские отношения, писал ему: «Я завидую тебе, что ты вот можешь (<...> мечтами своими улететь в 40-е года, а то и в XVIII век...» [Шаляпин, с. 108].

Беляев действительно любил старину, с увлечением собирал артефакты былых времен, ездил по московским и петербургским помещичьим усадьбам, много времени проводил в библиотеках, читал иностранные книги и газеты, как советовал ему Суворин. Так же, как главный «нововременец» умел оценить в человеке талант, Беляев был способен предвидеть популярность того или иного театрального явления. Это признавали даже те, кто считал его плохим критиком и драматургом, как, например, режиссер В. И. Немирович-Данченко: «...у него была интуиция, и он умел угадать успех. В каком-то смысле он лучше понимал театр, чем московские профессора, писавшие о театре целые тома. Я всегда читал его рецензии. Моветон, пустяки, а вдруг что-то есть...» [Гладков, с. 26]. Это чутье было обусловлено и вовлеченностью Беляева в литературно-театральную жизнь, и его профессиональным опытом, и интересом к искусству минувшего. Его любовь к прошедшим эпохам была созвучна возникшим в конце XIX — начале XX в. актуальным тенденциям в культуре — пассаизму, ретроспективизму, стилизаторству. Они нашли

отражение в творчестве художников объединения «Мир искусства», деятельности журнала «Старые годы», литературных экспериментах В. Брюсова, М. Кузмина, С. Ауслендера и др.

«Милая старина» очаровывала Беляева, когда он был театральным рецензентом, к ней он обратил свой взор и в тот период, когда решил стать драматургом. Критик, как и многие его собратья по перу, был тщеславен. Статус писателя «для сцены» в общественном сознании был выше, чем статус фельетониста даже очень известной газеты.

Действие пьес Беляева разворачивалось, как правило, в России предшествующих эпох. Первая пьеса Беляева, святочная шутка «Путаница, или 1840 год» (1909), переносила зрителей в эпоху старинного водевиля. Молодая героиня, полуфантастический персонаж с именем Путаница, внезапно появлялась на праздничном вечере петербургского чиновника. Она рассказывала присутствующим невероятную историю о том, как ее похитили медведи и как она танцевала для них на заснеженной поляне в лесу. Шаловливая Путаница провоцировала нелепые ситуации, сбивала с толку гостей, ссорила их и мирила. Спектакль, как это принято в классическом водевиле, завершался музыкальным номером в исполнении всех артистов, участвующих в представлении. Пьеса понравилась и рецензентам, и театральной публике — и, вероятно, это вдохновило Беляева на создание новых произведений, действие которых происходило в давно минувшие времена. В следующем произведении для сцены под названием «Красный кабачок» (1910) гвардейские офицеры и придворные актрисы веселились, встречая новый, 1799 год. Внезапно в придорожном трактире возникал дух барона Мюнхгаузена, который веселил подгулявшую компанию занимательными рассказами, воспевал художественный вымысел и исчезал на рассвете.

Еще одной эпохой, заинтересовавшей Беляева-драматурга, стали 60-е годы XIX в. Сюжет пьесы «Дама из Торжка» (1912) был до невозможности прост: молодая красавица-вдова кружила головы провинциальным офицерам, и «вся красота пьесы... была в живых подробностях прошлого, в каких-то засушенных цветах и недомолвках...» [Кугель 1917b, с. 4].

Но самым известным драматургическим текстом Беляева, воплощенным на сцене, оказалась «Псиша» (1911). Главные герои произведения — крепостная девушка Лиза Огонькова, ставшая актрисой императорского театра, и ее возлюбленный Иван Плетень, танцевавший в труппе провинциального помещика, — обретали счастье, пройдя череду невзгод. Спектакль удачным образом сочетал в себе и водевиль, и полную драматизма историю любви молодых талантливых артистов, и картину усадебного быта екатерининского времени. «Псиша» с огромным успехом шла в Москве и Петербурге: она была

поставлена в театре К. Н. Незлобина и выдержала в сезоне 1911/12 гг. более ста представлений. Благодаря столичному триумфу пьеса получила статус «модной» и многократно ставилась в других городах России.

После успеха пьес на «историческую» тему Беляев приобрел репутацию драматурга-стилизатора: «Он лирик нашей старины. У него есть вкус, есть нежность к этим милым старым вещам. С грустной улыбкой говорит он то о милой „Путанице“, то о бессмертном вrale бароне Мюнхгаузене, то о трогательной „псише“, страдальце русского театра» [Ауслендер, с. 65]. Его произведения напоминали театрам «старинные бабушкины миниатюры, с любовью реставрированные...» [Плещеев 1927а, с. 4].

Однако представители либерально-демократического лагеря периодической печати упрекали Беляева за отсутствие в его пьесах глубины, отчетливой идеи, за чрезмерное увлечение красивыми вещами, любование безделушками, бездушное копирование старых форм и жанров. Они считали, что литератор, несмотря на прекрасное чувство сцены и знание исторического быта, в своих пьесах маскировал налетом сентиментальности неумение создавать живых персонажей: «...в них не бьется живой нерв настоящего (<...> художника...» [Гуревич, с. 2]; «...не чувствуется того нерва эпохи, без воскрешения которого можно лишь „живописать“ старину, но не воссоздавать отжившее прошлое с его душой и телом...» [Носков, с. 3]; «...теплота и лиризм старой дворянской жизни заменили историческое правдоподобие и художественную объективность» [Камышников, с. 2].

Беляев был склонен уходить мыслями и мечтами в былое, грезить о давно прошедшем. Многие искренне полагали, что он появился на свет как будто не в свое время. «Беляеву надо было иметь большое состояние, да и жить, пожалуй, не в наши дни, а в году 1840, гуляя на маскараде под руку с Путаницей в прелестной шубке, с горностаевой муфтой», — писал А. Р. Кугель [Кугель 1917а, с. 36]. «Человек наших дней и в то же время как будто человек старинного альбома», — вторил ему журналист и литератор Н. Н. Вильде, вспоминая о Беляеве [Вильде, с. 8].

Отмечалось и его сходство с персонажами русской литературы XIX в.: «...Беляев, — типичный плод дворянского оскудения — внук не то Лаврецкого, не то Райского, — не был рожден для широкой деятельности, для настойчивой творческой энергии» [Амфитеатров, с. 4]; «При его интересном и тонком профиле, статной и высокой фигуре, звучном голосе, он был бы очаровательный Печорин, или герой Марлинского, или что-нибудь в этом роде, — богатый помещик, эстет и театрал» [Кугель 1917а, с. 36]. «Я часто представлял себе Беляева в кругу Пушкина, князя Вяземского, А. Тургенева...» — признавался один из коллег критика по газете «Вечернее время»

[Люций, с. 3]. Нежную и пламенную любовь к Пушкину считала одной из главных черт личности Беляева Н. А. Тэффи, называя его «евангелистом истинной поэзии» [Тэффи, с. 2].

При этом литератор всецело оставался сыном своего века: его влекли минутные страсти, роскошная жизнь, потребность «срывать цветы удовольствия». Доход от работы в газете, а впоследствии от спектаклей вполне позволял Беляеву пополнять его коллекцию живописи и предметов старины и при этом довольно бездумно разбрасываться деньгами. Он жил в дорогих гостиницах, был завсегдатаем и порой должником известных ресторанов — таких как «Франция», «Кюба», «Вена», «Медведь», «Контан». Художественный критик А. Е. Шайкевич, описывая кутеж в питейном заведении «Давыдов», наблюдал в компании А. И. Куприна и других представителей литературно-журналистского мира Юрия Беляева: он, «уже успевший в „Новом времени“ получить аванс, всех задевал, со всеми ссорился, но через мгновение со всеми мирился и целовался» [Шайкевич, с. 11].

«Шампанское стаканами тянул — / Бутылками, и пребольшими / Нет, бочками сороковыми» — эти строки «для будущих поминателей» критик в шутку написал на автопортрете-экспромте, заключив его в траурную рамку [Регинин, с. 5]. Крылатая фраза из комедии А. С. Грибоедова возникает в памяти и при чтении воспоминаний о последних годах жизни Беляева: «Он ежедневно в первом часу приходил в „Hotel de France“, и официант, не спрашивая его, приносил ему большой фужер, выливал в него полбутылки шампанского, и он его залпом выпивал» [Рышков, с. 374].

С этим же напитком историк балета А. А. Плещеев сравнивал дарование автора «Псиши»: «Отпечаток художественного таланта, капризного, искрящегося, как шампанское, то придиричвого к мелочам, то неожиданно вспыхивающего ярким светом импрессионизма, лежал на всем творчестве Беляева» [Плещеев 1917а, с. 202]. Успех на театральном поприще — временами вполне заслуженный, временами дешевый — тешил тщеславие литератора, и далеко не всегда это шло ему на пользу. Кокетство, каприз, избалованность проявлялись в его деятельности все отчетливей: «Юр. Беляев давно усвоил себе фатовской тон избалованного и капризного жен-премьера, этакого душки-тенора, любимца здешней публики. И как ярко и грустно отражается эта манера на всем, что он пишет» [Василевский, с. 3]; «...его литературному и художественному росту мешала привычка всегда кокетничать и рисоваться. (...) В статьях своих Беляев кокетничал фразой, щегольским парадоксом, острым словом...» [Кугель 1926, с. 33–34].

«Кокетство» Беляева проявлялось и в рецензиях, и в его суждениях о современной литературе. Любопытный пример такой «позы», показного

неприятия нового приводил в своих мемуарах А. М. Ренников. Однажды в редакции «Нового времени» зашел разговор о творчестве Ф. Сологуба, и один из сотрудников спросил: «Юрочка, а какого ты мнения о Передонове?» Выяснилось, что Беляев не только не читал широко обсуждаемые романы — «Мелкий бес» Сологуба и «Юлиан Отступник» Мережковского, — но даже бравировал своим незнанием: «А к чему мне читать, когда я сам пишу?» [Ренников, с. 194].

Интересно, что имя критика часто использовалось в подобной уменьшительной форме — Юрочка, — и в ней выражалось отношение современников к Беляеву. Оно могло быть дружеским — такое обращение нередко использовали журналисты и литераторы, с которыми он приятельствовал. Даже в пору профессиональной зрелости его «почему-то называли Юрочка Беляев. Хотя было ему сорок лет, и числились за ним и романы, и комедии ⟨...⟩ и многие другие „брызги пера“, острого и неизменно талантливое» [Дон-Аминадо, с. 101]. «Говорят, что было время, когда Юрочка Беляев был едва ли не самым популярным человеком в Петрограде. ⟨...⟩ помимо огромной талантливости, которой он весь дышал, он был исключительно симпатичен и магнитно-общителен ⟨...⟩ Его всюду любили ⟨...⟩ Настолько, что ⟨...⟩ даже в кругах, безусловно враждебных „Новому времени“, Юрочка был встречаем дружески, как свой ⟨...⟩ служил как бы мостом между „Новым временем“ и остальной журналистикой», — вспоминал А. В. Амфитеатров [Амфитеатров, с. 4].

Но не менее часто оценка становилась пренебрежительной, даже презрительной: «Вчера была статья в „Новом времени“ по поводу балета „Армида“. Юрочка Беляев между прочим издевался над Дирекцией» [Теляковский 2011, с. 326]; «Я читал довольно пакостные, достойные душонки Юрочки Беляева отзывы о Моск(овском) театре в „Нов(ом) времени“» [Нестеров, с. 190]; «Вл. Крымов, издававший „Столицу и усадьбу“, не мог пожаловаться на неуспех. ⟨...⟩ Петербургские псевдоэстеты были в восторге от ее внешности ⟨...⟩ и столь же „роскошного“ содержания, где разные „Юрочки“ Беляевы, Агнивцевы и сам „редактор-издатель“, нововременец второго разряда, изощрялись в одеколонно-парикмахерском снобизме» [Иванов, с. 461].

Имя Беляева в одной из своих статей В. В. Розанов называл для того, чтобы проиллюстрировать феномен «Нового времени» в эпоху редакторства А. С. Суворина. Сочетание важного и малозначительного, серьезного и забавного приносило газете «всероссийский» читательский успех, делало ее «первою по величине, живости и подписке»: на ее страницах одновременно «шутил об актрисах» Беляев и полыхал скандал в рубрике «Письмо в редакцию». По мнению Розанова, если бы Суворин «был суров, как Катков, он был бы побежден (не читают). Если бы он был односторонен и однотонен, как

Аксаков, — опять был бы побежден (читают только „свои“). Но помог „Юрий Беляев“... Помогла актриса... Помогло „всё“» [Розанов, с. 285].

Известно, что Беляев посещал знаменитые «воскресенья» Розанова — об этом вспоминал А. Белый, с явным неудовольствием замечавший фигуру критика рядом с Бердяевым и Мережковским: «...тут же, — вовсе некстати из „Нового времени“: Юрий Беляев» [Белый, с. 478].

Именно в неоднозначном влиянии этой газеты многие были склонны видеть основную причину нравственного и профессионального падения Беляева. Репутация издания «Новое время» в прогрессивно настроенных кругах общества была исключительно дурной. Журналисту часто ставили в вину зависимость от идеологического направления газет, в которых он служил, — и по этой причине не сумел избежать «печальной участи суворинских наемников, теряющих в разлагающей атмосфере нововременского приспособления последние остатки культурного достоинства и духовной независимости» [Соколовский, с. 4]. Часто в откликах встречается мнение о том, что если бы Беляев публиковал свои статьи в другом издании, его карьера рецензента сложилась бы иначе: «Но за спиною г. Беляева стоит нечто, в виде призрака „Нового времени“. (...) Если бы ему позволили писать в другом, более независимом, более чистоплотном органе, из него, пожалуй, мог бы выйти хотя не глубокий, но интересный театральный критик, восторженный и бескорыстный друг театра. Но в других органах печати ему нет места» [Воровский, с. 13]; «...единственным крупным дефектом его литературной деятельности явилось его участие в „Новом времени“. Если бы Беляев работал в какой-нибудь прогрессивной газете, его авторитет был бы значительно крупнее» [Камышников, с. 2]; «Этот одаренный человек, в иной обстановке способный вырасти в заметную литературную величину, на столбцах „Нов. времени“ постепенно деградировал...» [Соколовский, с. 4].

Беляев, начавший свой путь в театрально-издательской сфере совсем молодым человеком, быстро «перегорел»: «Все, — и его манера жить, и его отзывы, и его тон беседы, и его недовольные губы, и его редко заживавшиеся глаза, — все говорило о какой-то неизлечимой его *скуке*, о том, что ему все на свете успело надоест, пригляделось, примелькалось, приелось...» [Пильский, с. 164]. Стройный, изящный юноша, изображенный на портретах конца 1890-х — начала 1900-х гг., выглядел располневшим и обрюзгшим на снимках, сделанных незадолго до его ухода из жизни.

Во многих воспоминаниях можно встретить утверждение о том, что Беляев «преждевременно остыл к настоящему и смотрел назад» [Кугель 1917а, с. 36]. Пожалуй, лишь обращение к прошлому вдохновляло его и делало счастливым в пору угасания. Предметом его «нежной гордости» до конца

жизни оставалась коллекция антикварных вещей — книг, икон, живописи, скульптуры. Подчеркивалось, что это увлечение было таким же искренним, как и его любовь к театру. Когда Беляев демонстрировал гостям предметы из своего собрания и рассказывал о них, он преображался — с лица сходила усталость, он «радовался возможности похвастаться тем, что и у него есть истинная, неподкрашенная, ему целиком принадлежащая и волнующая его страсть к искусству и старинной красоте» [Арабажин, с. 8].

При этом нечуткость критика к остросовременным явлениям культуры могла быть лишь показной, его пристрастия зачастую менялись с течением времени. Так, например, В. Э. Мейерхольда он много ругал в своих статьях, а потом стал с ним сотрудничать — режиссер ставил его пьесу «Красный кабачок» на Александринской сцене. Увлеченный в молодые годы талантом В. Ф. Комиссаржевской, Беляев довольно критически относился к периоду творческих исканий в созданном ею театре, но почти не пропускал его премьеры. То же относится к его рецензентским впечатлениям от спектаклей по пьесам тех авторов, которые сегодня стали классиками литературы модернизма: оценки варьировались от возмущения до восхищения. «Балаганчик» А. А. Блока он не принял, сделав, однако, несколько тонких наблюдений относительно постановки; «Бесовское действие» А. М. Ремизова называл упадническим. Спектакли «Победа смерти» и «Заложники жизни» по пьесам Ф. Сологуба были, напротив, встречены им вполне благожелательно.

Противоречивая оценка личности Беляева, содержащаяся в подписи к карикатуре Ре-Ми, во многом отражает мнение современников о нем. Характеристики, которые дают ему и его творчеству деятели литературы и театра, зачастую находятся как будто на разных полюсах. В них он предстает то эстетом, тонко чувствующей личностью, ценителем изящного, поклонником высокого искусства, то холодным циником, прожигателем жизни, человеком низких моральных качеств; то талантливым критиком и драматургом, то поверхностным и пристрастным автором, пишущим исключительно ради гонораров. В одном из некрологов было высказано соображение о том, что важно собрать и опубликовать все написанное о Беляеве. События 1917 г., последовавшие вскоре, не позволили это осуществить. Возможно, проделанная работа, представляющая своего рода «срез общественного мнения» о Беляеве, станет частью этого замысла.

Литература

- Амфитеатров — *Амфитеатров А. В.* Памяти Ю. Д. Беляева // Русская воля. 1917. № 5, 6 янв. С. 4.
Арабажин — *Арабажин К. И.* Ю. Д. Беляев // Искусство. 1917. № 1–2. С. 7–8.
Ауслендер — *Ауслендер С. А.* Театры // Аполлон. 1913. № 2. С. 65–67.

- Белый — *Белый А.* Начало века. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1990. Кн. 2. 687 с.
- Беляев 1899 — *Беляев Ю. Д.* В. Ф. Комиссаржевская: Критич. этюд. СПб.: Т-во печ. и изд. дела «Труд», 1899. 22 с. (Наши артистки).
- Беляев 1900 — *Беляев Ю. Д.* Л. Б. Яворская: Критико-биогр. этюд. СПб.: Т-во печ. и изд. дела «Труд», 1900. 27 с. (Наши артистки).
- Василевский — [*Василевский И. М.*] Любимец здешней публики // Журнал журналов. 1916. № 28. С. 3–4 (подп.: Л. Фортунатов)
- Вильде — *Вильде Н. Н.* Друг теней // Рампа и жизнь. 1917. № 3. С. 8–9.
- Воровский — [*Воровский В. В.*] Театральное обозрение // Зритель. 1905. № 5. С. 13 (подп.: Анахорет).
- Гладков — *Гладков А. К.* Из дневников и «попутных записей» // Гладков А. К. Театр. Воспоминания и размышления. М.: Искусство, 1980. С. 9–82.
- Глинский — *Глинский Б. Б.* Ю. Д. Беляев: (Некролог) // Исторический вестник. 1917. № 1. С. 471–488.
- Гуревич — *Гуревич Л. Я.* Ю. Д. Беляев // Речь. 1917. № 5, 6 янв. С. 2.
- Дон-Аминадо — *Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути. М.: Книга, 1991. 336 с.
- Запятая — *Запятая.* Маленький фельетон. Мимоходом // Крымский вестник. 1917. № 13, 15 янв. С. 3.
- Иванов — *Иванов Г. В.* Закат над Петербургом // Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1993. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. С. 456–470.
- Камышников — [*Камышников Л. М.*] Юрий Беляев // Южная мысль. 1917. № 1788, 8 янв. С. 2. (подп.: Л. К-ов).
- Крымов 1917 — *Крымов В. П.* Воспоминания о Юрии Беляеве // Столица и усадьба. 1917. № 74. 13–14.
- Крымов 1971 — *Крымов В. П.* Портреты необычных людей. Париж: [б. и.], 1971. 298 с.
- Ксюнин — *Ксюнин А. И.* Юрий Беляев // Новое время. 1917. № 14669, 6 янв. С. 7.
- Кугель 1917а — [*Кугель А. Р.*] Заметки // Театр и искусство. 1917. № 2. С. 35–36 (подп.: Ното novus).
- Кугель 1917б — [*Кугель А. Р.*] Ю. Д. Беляев // День. 1917. № 5, 6 янв. С. 4–5 (подп.: Ното novus).
- Кугель 1926 — *Кугель А. Р.* Листья с дерева: Воспоминания. Л.: Время, 1926. 212 с.
- Лернер — [*Лернер Н. О.*] Юрий Беляев и Пушкин // Столица и усадьба. 1917. № 77–78. С. 21 (подп.: Старый пушкинист).
- Люций — *Люций.* Последнее прости // Вечернее время. 1917. № 1715, 8 янв. С. 3.
- Маркиз Поза — *Маркиз Поза.* Памяти Юрия Беляева // Южная копейка. 1917. № 2195, 6 янв. С. 5.
- Меньшиков — *Меньшиков М. О.* Памяти Ю. Д. Беляева // Новое время. 1917. № 14671, 8 янв. С. 5.
- Нестеров — [Письмо М. В. Нестерова А. А. Турыгину от 2 марта 1901 г.] // *Нестеров М. В.* Письма. Избранное. Л.: Искусство, 1988. С. 190.
- Носков — [*Носков Н. Д.*] Памяти почившего // Петроградский листок. 1917. № 5, 6 янв. С. 3 (подп.: Н. Н-в).
- Пильский — *Пильский П. М.* Роман с театром. Рига: Книгоизд-во «Общедоступная б-ка» Б. Шерешевского, 1929. 210 с.
- Плещеев 1917а — *Плещеев А. А.* Дорогая тень: (Отрывки из воспоминаний о Ю. Д. Беляеве) // Исторический вестник. 1917. № 2. С. 201–209.

- Плещеев 1917b — *Плещеев А. А.* Ключки о Беляеве: (Из воспоминаний) // Новое время. 1917. № 14670, 7 янв. С. 13.
- Плещеев 1927a — *Плещеев А. А.* В драматическом театре: (Ключок из воспоминаний) // Возрождение. 1927. № 723, 26 мая. С. 4.
- Плещеев 1927b — *Плещеев А. А.* Юрий Беляев: Десятилетие его смерти // Возрождение. 1927. № 593, 16 янв. С. 2.
- Погожев — *Погожев А. П.* Записки метранпажа // Свобода (Мюнхен). 1959. № 10. С. 27–29.
- Регинин — *Регинин В. А.* Спектакль памяти Беляева // Биржевые ведомости. 1917. № 11619, 24 февр. С. 5.
- Ренников — *Ренников А. М.* Было всё, будет всё: Мемуарные и нравственно-философские произведения. СПб.: Алетейя, 2020. 732 с.
- Розанов — *Розанов В. В.* Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине // Розанов В. В. Собр. соч. М.: Республика; Алгоритм, 2006. Т. 22: Признаки времени. С. 259–290.
- Рышков — *Рышков Вл. А.* Воспоминания незаметного человека / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 245–438.
- Сатирикон — Сатирикон. 1911. № 49.
- Соколовский — [Соколовский И. Л.] Дневник журналиста // Одесские новости. 1917. № 10298, 8 янв. С. 4 (подп.: Седой).
- Сосницкий — *Сосницкий Ю. О.* Памяти Ю. Д. Беляева // Новое время. 1917. № 14670, 7 янв. С. 14.
- Старк — *Старк Э. А.* Памяти Ю. Д. Беляева // Обзорение театров. 1917. № 3330–3331, 9 янв. С. 11–12.
- Сухотин — *Сухотин М. С.* Из дневника / Публ. Л. Н. Кузиной // Лев Толстой. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Кн. 2. С. 148–224. (Лит. наследство; Т. 69).
- Теляковский 1965 — *Теляковский В. А.* Воспоминания. Л.; М.: Искусство, 1965. 481 с.
- Теляковский 2006 — *Теляковский В. А.* Дневники директора Императорских театров, 1903–1906. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2006. 746 с.
- Теляковский 2011 — *Теляковский В. А.* Дневники директора Императорских театров, 1906–1909. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2011. 924 с.
- Тэффи — *Тэффи Н. А.* Евангелисту поэзии // Русское слово. 1917. № 15, 19 янв. С. 2.
- Шабельская — *Шабельская Е. А.* Векселя антрепренерши: Роман-хроника. СПб.: Тип. В. А. Тиханова, 1907. VI, 154 с.
- Шайкевич — *Шайкевич А. Е.* Из книги воспоминаний «Мост вздохов через Неву» / Публ. и послесл. С. Шумихина // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 5–20.
- Шаляпин — Отмечая 120-летие со дня рождения Ф. И. Шаляпина. Письма Ю. Д. Беляеву / Публ. и примеч. С. Ковалевой // Музыкальная академия. 1993. Вып. 3. С. 106–108.

References

- Amfiteatrov, A. V. (1917). 'Pamyati Yu. D. Belyaeva', *Russkaya volya* (Petrograd), 5, Jan. 6, 4.
- Arabazhin, K. I. (1917). 'Yu. D. Belyaev', *Iskusstvo* (Petrograd), 1–2, 7–8.
- Auslander, S. A. (1913). 'Teatry', *Apollon* (Saint Petersburg), 2, 65–67.

- Belyaev, Yu. D. (1899). *V. F. Komissarzhevskaya: Kriticheskii etyud*. Saint Petersburg: Tovarishchestvo pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud», 22 p.
- Belyaev, Yu. D. (1900). *L. B. Yavorskaya: Kritiko-biograficheskii etyud*. Saint Petersburg: Tovarishchestvo pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud», 27 p.
- Belyi, A. (1990). *Nachalo veka. Vospominaniya*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2, 687 p.
- Don-Aminado (1991). *Poezd na tret'em puti*. Moscow: Kniga, 336 p.
- Gladkov, A. K. (1980). 'Iz dnevnikov i «poputnykh zapisei»', in: Gladkov A. K. *Teatr. Vospominaniya i razmyshleniya*. Moscow: Iskusstvo, 9–82.
- Glinskii, B. B. (1917). 'Yu. D. Belyaev. (Nekrolog)', *Istoricheskii vestnik* (Saint Petersburg), 1, 471–488.
- Gurevich, L. Ya. (1917). 'Yu. D. Belyaev', *Rech'* (Saint Petersburg), 5, Jan. 6, 2.
- Ivanov, G. V. (1993). 'Zakat nad Peterburgom', in: Ivanov G. V. *Sobranie sochinenii*. 3 vols. Moscow: Soglasie. Vol. 3, 456–470.
- [Kamyshnikov, L. M.] (1917). 'Yurii Belyaev', *Yuzhnaya mysl'* (Odessa), 1788, Jan. 8, 2.
- Kovaleva, S., ed. (1993). 'Otmehchaya 120-letie so dnya rozhdeniya Shalyapina. Pis'ma Yu. D. Belyaevu', *Muzykal'naya akademiya* (Moscow), 3, 106–108.
- Krymov, V. P. (1917). 'Vospominaniya o Yurii Belyaevе', *Stolitsa i usad'ba* (Saint Petersburg), 74, 13–14.
- Krymov, V. P. (1971). *Portrety neobychnykh lyudei*. Paris: [s. n.], 298 p.
- Ksyunin, A. I. (1917). 'Yurii Belyaev', *Novoe vremya* (Saint Petersburg), 14669, Jan. 6, 7.
- [Kugel', A. R.] (1917). 'Yu. D. Belyaev', *Den'* (Saint Petersburg), 5, Jan. 6, 4–5.
- [Kugel', A. R.] (1917). 'Zametki', *Teatr i iskusstvo* (Saint Petersburg), 2, 35–36.
- Kugel', A. R. (1926). *List'ya s dereva: Vospominaniya*. Leningrad: Vremya, 212 p.
- Kuzina, L. N., ed. (1961). Sukhotin, M. S. 'Iz dnevnika', in: *Lev Tolstoi* (Literaturnoe nasledstvo; T. 69). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 2, 148–224.
- [Lerner, N. O.] (1917). 'Yurii Belyaev i Pushkin', *Stolitsa i usad'ba* (Saint Petersburg), 77–78, 21.
- Lyutsii. (1917). 'Poslednee prosti', *Veчерnee vremya* (Saint Petersburg), 1715, Jan. 8, 3.
- Markiz Poza. (1917). 'Pamyati Yurii Belyaeva', *Yuzhnaya kopeika* (Kiev), 2195, Jan. 6, 5.
- Men'shikov, M. O. (1917). 'Pamyati Yu. D. Belyaeva', *Novoe vremya* (Saint Petersburg), 14671, Jan. 8, 5.
- Nesterov, M. V. (1988). [Pis'mo M. V. Nesterova A. A. Turyginu ot 2 marta 1901 goda], in: Nesterov M. V. *Pis'ma. Izbrannoe*. Leningrad: Iskusstvo, 190.
- [Noskov, N. D.] (1917). 'Pamyati pochivshego', *Petrogradskii listok*, 5, Jan. 6, 3.
- Pil'skii, P. M. (1929). *Roman s teatrom*. Riga: Knigoizdatel'stvo «Obshchedostupnaya biblioteka» B. Shereshevskogo, 210 p.
- Pleshcheev, A. A. (1917). 'Dorogaya ten'. (Otryvki iz vospominanii o Yu. D. Belyaevе)', *Istoricheskii vestnik* (Saint Petersburg), 2, 201–209.
- Pleshcheev, A. A. (1917). 'Klochki o Belyaevе. (Iz vospominanii)', *Novoe vremya* (Saint Petersburg), 14670, Jan. 7, 13.
- Pleshcheev, A. A. (1927). 'V dramaticheskom teatre. (Klochok iz vospominanii)', *Vozrozhdenie* (Paris), 723, May 26, 4.
- Pleshcheev, A. A. (1927). 'Yurii Belyaev. Desyatiletie ego smerti', *Vozrozhdenie* (Paris), 593, Jan. 16, 2.
- Pogozhev, A. P. (1959). 'Zapiski metranpazha', *Svoboda* (München), 10, 27–29.

- Prozorova N. A., ed. (2007). Ryshkov, V. A. 'Vospominaniya nezametnogo cheloveka', in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2003–2004 god.* Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 245–438.
- Reginin, V. A. (1917). 'Spektakl' pamyati Belyaeva', *Birzhevyye vedomosti* (Saint Petersburg), 11619, Feb. 24, 5.
- Rennikov, A. M. (2020). *Bylo vse, budet vse. Memuarnyye i npravstvenno-filosofskie proizvedeniya.* Saint Petersburg: Aleteiya, 732 p.
- Rozanov, V. V. (2006). Iz pripominanii i myslei ob A. S. Suvorine, in: Rozanov V. V. *Sobranie sochinenii.* Moscow: Respublika; Algoritm, 2006. Vol. 22, 259–290.
- Satirikon* (1911), 49.
- Shabel'skaya, E. A. (1907). *Vekselya antreprenershi: Roman-khronika.* Saint Petersburg: Tipografiya V. A. Tikhanova, VI, 154 p.
- Shumikhin, S. V., ed. (1995). 'Iz knigi vospominanii «Most vzdokhov cherez Nevu»', *Novoe literaturnoe obozrenie* (Moscow), 14, 5–20.
- [Sokolovskii, I. L.] (1917). 'Dnevnik zhurnalista', *Odesskie novosti*, 10298, Jan. 8, 4.
- Sosnitskii, Yu. O. (1917). 'Pamyati Yu. D. Belyaeva', *Novoe vremya* (Saint Petersburg), Jan. 7, 14.
- Stark E. A. (1917). 'Pamyati Yu. D. Belyaeva', *Obozrenie teatrov* (Saint Petersburg), 3330–3331, Jan. 9, 11–12.
- Teffi, N. A. (1917). 'Evangelistu poezii', *Russkoe slovo* (Moscow), 15, Jan. 19, 2.
- Telyakovskii, V. A. (1965). *Vospominaniya.* Leningrad; Moscow: Iskusstvo, 481 p.
- Telyakovskii, V. A. (2006). *Dnevniky direktora Imperatorskikh teatrov, 1903–1906.* Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 746 p.
- Telyakovskii, V. A. (2011). *Dnevniky direktora Imperatorskikh teatrov, 1906–1909.* Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 924 p.
- [Vasilevskii, I. M.] (1916). 'Lyubimets zdeshnei publiki', *Zhurnal zhurnalov* (Petrograd), 28, 3–4.
- Vil'de, N. N. (1917). 'Drug tenei', *Rampa i zhizn'* (Moscow), 3, 8–9.
- [Vorovskii, V. V.] (1905). 'Teatral'noe obozrenie', *Zritel'* (Saint Petersburg), 5, 13.
- Zapyataya. (1917). 'Malen'kii fel'eton. Mimokhodom', *Krymskii vestnik* (Sevastopol'), 13, Jan. 15, 3.

А. В. Никитина

СТРАННОСТИ ЛЮДОЕДСТВА ЯГИ (МОТИВ КОРМЛЕНИЯ / ПОЕДАНИЯ)

Резюме

Рассмотрено людоедство как одна из функциональных характеристик Бабы-Яги. Внимание было сфокусировано на типе Яги — похитительницы детей и людоедки. Задачей исследования было выявление специфических черт людоедства Яги, различающих Ягу и сказочную ведьму. Для анализа взяты различные по времени и региональной принадлежности тексты сказок, в которых Яга предстает людоедкой, прежде всего — варианты сюжета 327 — 327С, F 'Мальчик и ведьма' и 327А 'Дети (брат и сестра) у ведьмы'. Поскольку интерес представлял также вопрос определения времени появления Яги-людоедки и ее генезиса, предпочтение отдавалось текстовому материалу наиболее ранних сказочных сборников, включая лубочные и полулубочные, а также рукописным источникам. Одним из наиболее интересных выявленных специфических элементов людоедства и Яги, и ведьмы оказался мотив кормления / поедания. Подтверждена вероятность того, что подтип Яги-людоедки возник на основе переводных и качественно переработанных западноевропейских сказок, активно осваиваемых в начале XIX в. околотитурными и литературными процессами.

Ключевые слова: сказка, ведьма, людоедство, Баба-Яга, избушка на курьих ножках, пряничный домик, небесная мельница

Alla V. Nikitina

THE ODDITIES OF BABA YAGA'S CANNIBALISM (THE FEEDING/EATING MOTIF)

Abstract

This study considers Baba Yaga's cannibalism as one of her functional characteristics and focuses on the representations of Baba Yaga as a kidnapping cannibal. This article seeks to reveal the specific features of Yaga's cannibalism that distinguish her from fairy tale witches.

© А. В. Никитина, 2024

The analysis is based on tales from different historical times and geographical locations. The texts examined by the author are variants and combinations of several subtypes of the tale type ATU 327, mainly "The Devil/Witch Carries the Hero Home in a Sack" (ATU 327C), "The Witch and the Fisher Boy" (ATU 327F), and "The Children with the Witch" (ATU 327A). In order to determine the time and genesis of the image of Yaga as a cannibal, the author selected texts that are found in the earliest available anthologies of fairy tales, including those contained in popular printed books with pictures (*lubki*) or without them, and in manuscripts. Among the distinctive traits of cannibalism featured by both Yaga and the witch, the feeding/eating motif is especially interesting. This study confirms that the cannibalistic subtype of Baba Yaga likely emerged from translated and thoroughly reworked Western European tales, which were actively developed in the literature and related arts of the early nineteenth century.

Keywords: fairy tale, witch, cannibalism, Baba Yaga, hut on chicken's legs, gingerbread house, celestial mill

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-96-113

В народном представлении людоедство Бабы-Яги принимается как данность. Однако есть основания для сомнений в исконности и давности такой органичной для этого образа функциональной характеристики, и главным основанием являются сказочные тексты на сюжеты с Ягой-людоедкой или с устойчивым мотивом людоедства Яги.

1. Людоедка по определению

В Указателе сюжетов восточнославянской сказки [СУС] есть сюжет 333В, который так и обозначен — 'Людоедка'; сюжет редкий: зафиксированы всего четыре текста, и только в одном из них (он же самый ранний по фиксации, 1852 г.) фигурирует Яга:

«Был-жил старик со старухой, у них была дочка. Дочка была мянинница и пошла к крестне пирог относить (крестная девочки — Яга-Ягинишна. — *А. Н.*) (...) И сама идет Яга-Ягинишна и стала спрашивать: „Что, дочка, не видала ли чего дорогой, как ко мне шла?“ — „Видела много“ (...) „Рассказывай же все“ (...) „Видела: ворота заперты ногой“ . — „Это мой запор, это мой железный“ . — „Видела: на дворе стоит в кадке кровь“ . — „Это мое сусло, это мое хорошее“ . — „Видела: на крыльце лежат ребятишки“ . — „Это мои поросятишка“ . — „Сени заперты рукой...“ — „Это мой запор, это мой золотой“ . (...) „Видела: в избе мохнатую башку“ . — „Это мой веник, это мой кудрявый“ , — сказала Яга-Ягинишна и рассердилась (...): „Хам-хам, съем тебя!“ Так и съела дочь»¹.

¹ Текст дан в сокращении, см.: [Смирнов, № 151], зап. 1852 г. в Казанской губ.; условное название «Баба-яга» подтверждает его сказочность, но, возможно, правильнее считать его пограничной формой между сказкой и быличкой; у М. Н. Власовой, например, упоминается записанный на Пинеге рассказ «О двух доманушках», очень близкий к приведенной сказке, в котором одна из

Подчеркнем: это единственный из обнаруженных на сюжет 333В текст с Ягой; пришедшая к крестной со съедобным гостинцем (пирогом) крестница через постепенное узнавание странностей жилища крестной сама становится объектом поедания. Интерес здесь представляет то, что, во-первых, съедается крестница, то есть *своя* по определению, а во-вторых, что основанием для съедения является спровоцированное самой Ягой (Видала ль чего? Рассказывай...) любопытство духовной дочери.

И то и другое своеобразно интерпретировано в известной сказке «Василиса Прекрасная» [Афанасьев, № 104]: на третий день пребывания у Яги Василиса молча прислуживает воротившейся обедать хозяйке дома: «„Что ж ты ничего не говоришь со мною? — сказала Баба Яга. — Стоишь, как немая!“ — „Не смела, — отвечала Василиса, — а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чём“. — „Спрашивай; только *не всякий вопрос к добру ведет* (здесь и далее курсив наш. — А. Н.): много будешь знать, скоро состареешься!“» И Василиса спрашивает о виденных ею в лесу трех всадниках — белом, красном и черном², — но ничего не спрашивает о трех парах рук, выполняющих поручения Яги по дому, за что слышит одобрительное: «Хорошо, что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и *слишком любопытных ем!*» Отметим, что решающим судьбу Василисы положительно (и отпускают, и дают то, за чем пришла) является конфликт «*своего*» и «*чуждого*» — на вопрос Яги, как ей удается исполнять всю работу, Василиса отвечает: «„Мне помогает благословение моей матери“ (<...> „Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! *Не нужно мне благословенных*“...»

Подчеркнем, что в Указателе эта сказка обозначена как 480В* 'Девушка отправлена к яге за огнем'³; о своеобразной ее исключительности говорит в примечании В. Я. Пропп: «В данной форме сказка *представляет собой*

доманушек (домовых женского пола) — аналог Яги и функционально, и по атрибутике [Власова 1995, с. 125].

² В тексте [Смирнов, № 151] всадники тоже есть, но их не три, а два — на белой лошади и на черной, и они не просто встречаются крестнице Яги, но вступают с ней в разговор и предупреждают: «Не ходи, сказал мужик, *она тебя съест*». И если Яга-Ягинишна объясняет крестнице: мужик на белой лошади — «это мое белое небо», а на черной — «это моя земля, моя черная», охватывая таким образом все пространство — от неба до земли, — то Яга, которой служит Василиса, говорит о всадниках как о подчиненном ей времени — «белый день» (=утро), «красное солнце» (=полдень) и «черная ночь» — «все *мои* слуги верные!» С учетом мифологической сути Яги как имеющей власть над человеческой жизнью, просятся параллели: утро — детство; полдень — расцвет, жизни середина; ночь — старость и смерть; поедание же — одна из древнейших форм смерти.

³ Вероятно, обозначение в СУС дано именно по рассмотренному сюжетному варианту, который действительно является редким: в качестве аналогов указаны еще две русские сказки (всего их три) и две украинские, белорусских нет.

литературную обработку народного подлинника. Полных аналогий в русском сказочном репертуаре нет, и данный вариант единственный нам известный. Тем не менее сказка не может считаться подделкой, так как ее основные слагаемые (баба-яга, 3 всадника и пр.) встречаются и в других сказках» [Афанасьев, с. 482].

Оба текста почти одного времени фиксации (текст из сборника А. М. Смирнова — 1852 г., из сборника А. Н. Афанасьева — 1859 г.), и оба — единичные прецедентные случаи представления Яги как людоедки⁴; потому едва ли возможен вывод, что в середине XIX в. людоедство является сложившейся функциональной характеристикой Яги. Еще не завершились активные околосказочные процессы начала XIX в.: фольклорная сказка еще существует в устном бытовании, опыт письменной фиксации устного текста спорадический и весьма несовершенный, при этом множатся лубочные сказочные издания — а значит, и авторская обработка народных источников, — и стремительно развивается сказка литературная.

Первые отечественные издания словарного типа по славянской и русской мифологии ни конца XVIII [Попов; Чулков], ни начала XIX в. [Кайсаров; Глинка] информации о людоедстве Яги не содержат. Хотя в словарной статье у М. Чулкова говорится о том, что Бабе-Яге «приносили *кровавую жертву*, думая, что она питает ею двух своих внучек, коих ей присвоили, и *успокаивается* при том и *сама пролиянием крови*».

Самые ранние зафиксированные сказки с Ягой-людоедкой принадлежат, как ни странно (ибо речь идет об обработках), лубочным и полубочным изданиям конца XVIII в.; так, среди сказок «Старой погудки»⁵ есть «Сказка о сизом орле» [Новиков 1971, с. 234–238 (№ 46)], которую, вероятно, надо считать базовым вариантом известной сказки «Гуси-лебеди» [Афанасьев, № 113], Курская губ. (усл. 480А* ‘Сестры ищут братца’). Людоедство Яги в ней не столь уж очевидно, поскольку сразу не понять, куда и для чего уносит орел маленького братца, — унес-уташил и все (в позднем курском тексте все яснее — гуси-лебеди «маленьких детей крадывали» для Бабы-Яги, которая «ела людей как *цыплят*»). Даже когда сестры добираются до избушки Яги и находят братца играющим у окошка, ничто не указывает на то, что Яга

⁴ У А. М. Смирнова есть близкий к казанскому тексту вариант из Псковской губ. (усл. название «Людоедка», зап. 1870 г.; СУС 33В), и людоедство в нем представлено даже более ярко и обостренно, поскольку людоедка — родная мать героини, пришедшей ее навестить, но она не указывается как Баба-Яга, см.: [Смирнов, № 102].

⁵ Полное название сборника — «Старая погудка на новый лад, или полное собрание древних простонародных сказок» (1794–1795); нами в первую очередь использована подборка, опубликованная Н. В. Новиковым, — перепечатка двенадцати из 42 сказок и повестей «Старой погудки», о чем он сообщает в комментариях, см.: [Новиков 1971, с. 280].

намеревается им отобедать. И только когда младшей сестре удается братца забрать, а отправленный вдогонку орел возвращается ни с чем и принимается «бить (!) Ягу, приговаривая, зачем она пускала девку в избушку и *для чего ее не съела*», — только тогда можно прийти к выводу, что Яга здесь похитительница и людоедка. Похоже, что в последней трети XIX в. восприятие Яги как людоедки получает все большее распространение⁶.

2. Похитительница и людоедка

Чистого функционального типа Яги-людоедки нет, есть одна из обозначенных В. Я. Проппом форм — Яга-похитительница: «Она похищает детей и пытается их изжарить, после чего следует бегство и спасение» [Пропп, с. 53]⁷. То есть людоедство Яги не оспаривается, оно объясняет похищение — добывание ради съедения. В отличие от конкретизированного Н. В. Новиковым определения этого типа как ‘похитительницы детей’ [Новиков 1974, с. 174–180], характеристика Проппа позволяет рассматривать функционирование Яги в расширенном спектре и разных ракурсах, так как:

— встречаются похищения Ягой взрослых (фиксации не часты, но они есть);

— существуют варианты сказок на сюжеты с похищением, в которых жертва не похищается, но приходит к Яге сама и затем ею удерживается; иными словами, само похищение может принимать разные формы и толковаться неоднозначно;

— наконец, съедение добытого отнюдь не всегда является целью похищения, даже когда речь идет о детях; приходится также учитывать гендерный и возрастной аспекты, так как намерение съесть девочку / девушку фиксируется много реже, и цели похищения взрослых обоого пола далеко не однозначны.

Тип Яги-похитительницы (и -людоедки) актуален для ряда сказочных сюжетов и мотивов, из которых самым популярным и разнообразно представленным в русском сказочном фонде оказался сюжет 327 в вариантах (прежде всего 327С, F ‘Мальчик и ведьма’ и 327А ‘Дети (брат и сестра) у ведьмы’); его влияние на появление Яги-людоедки признается наиболее значимым. При этом настораживает, что в обоих представленных Н. В. Новиковым собра-

⁶ См. у М. Н. Власовой цитату из записей П. С. Ефименко этого времени по Архангельской губ.: «Баба-Яга почитается воровкою детей, поэтому и пугают детей: „У! У! Хам те... Баба-то Яга схватит... поди-ко, поди, вот она, тут и есть за дверями!“» [Власова 2001, с. 573].

⁷ О трех базовых формах (типах) Бабы-Яги — помощнице-дарительнице, похитительнице и воительнице — см.: [Пропп, с. 52–53]. Как отметил Н. В. Новиков, подробной характеристики ни один из этих типов у Проппа не получил, из каждого отбирались «только те черты, которые показывали, что она „может иметь какую-то связь с царством мертвых“» [Новиков 1974, с. 134–135].

ниях русских сказочных материалов: [Новиков 1971] (XVI—XVIII вв.) и [Новиков 1961] (начало XIX в.) — тексты на сюжет 327 отсутствуют. Возможно, это означает, что сюжет не был востребован и его значимость и популярность стали проявляться только во 2-й трети XIX в.; а возможно, формы, в которых он бытовал, не являлись сказками и потому в сборники не вошли, см.: [Новиков 1961, с. 1—2].

В пользу последнего предположения говорит следующее замечание: «Впервые в нашей литературе подлинную сказку о Бабе-Яге на сюжет „Ивашко (Жихорко и пр.) и ведьма“ (327С) пересказал М. Н. Макаров» [Новиков 1974, с. 133—134]. Пересказ содержится в примечании к стихотворению «Кривич-христианин и Ягая. *Древняя смоленская повесть*» [Макаров 1827, с. 16—17]⁸. Место бытования «древней повести» (Смоленск), печатный орган («Вестник Европы») и время издания, по сути, подтверждают факт литературной обработки источника и вероятность если не заимствования, то оформления под западноевропейским влиянием. В дополнение приведем мнение Н. А. Тарховой об этом пересказе: «М. Н. Макаров создал сказку, которая (...) восходила к сюжету „Ивашка и ведьма“ и „Терешечка“. Она превратилась в историю, рассказывающую о падении в Древней Руси идолопоклонничества и распространении христианства. *Это первая в истории русской фольклористики сознательная фальсификация народной сказки* — случай крайней тенденциозности в обработке сказочного сюжета» [Тархова, с. 11].

Какой на самом деле была «подлинная» русская народная сказка о мальчике и ведьме (327С, F), можно лишь предполагать, поскольку известные ранние опубликованные тексты этого варианта относятся к последней трети XIX в.⁹

О других вариантах сюжета 327, особенно 327А ‘дети (брат и сестра) у ведьмы’, можно с уверенностью сказать, что они представляют собой примеры адаптации для отечественного читателя восточного и западноевропейского сказочного материала (также адаптированного) — переводы, смешение с элементами фольклорной сказки и разного рода и уровня обработки в стиле лубочной и складывающейся литературной традиции начала XIX в.¹⁰

⁸ Если это и не «древняя повесть», то легенда: В. Ф. Райан указывает, что образ Яги «восходит к древним легендам о злом демоне, похищающем и поедаящем детей» [Райан, с. 130, 147], ссылаясь при этом на статьи о Яге в словарях М. Н. Власовой [Власова 1995] и Т. А. Новичковой [Новичкова]. При этом Т. А. Новичкова дает ссылку на того же М. Н. Макарова [Макаров 1838].

⁹ О сложности датировки ранних фиксаций говорит то обстоятельство, что ни к одному тексту на сюжет 327С в сборнике А. Н. Афанасьева указания времени записи нет.

¹⁰ [Новиков 1961, с. 30; Тархова, с. 10—11].

3. Два людоедских варианта сюжета 327

Как уже было отмечено, вариант 327С, F оказал существенное влияние на формирование подтипа Яги-людоедки и потому важен для понимания специфики ее функционирования. Но прежде чем обозначить позиции, характеризующие здесь Ягу как людоедку, укажем, что данный вариант сюжета 327 очень распространен в отечественном сказочном фонде (60 текстов), но при этом является редкостью в смысле целостности и самодостаточности — он почти не входит в контаминации и редко бывает вставным.

По СУС 327С, F — вариант мужской (главный герой здесь мальчик, условный семилетка), адаптированный под детскую аудиторию, что означает не только композиционную простоту и безыскусность повествования, но и обытовление. Последнее сближает большинство редакций сюжета 327 со сказками бытового типа (где не волшебство, а обман и хитрость) и бытовым мифологическим рассказом (где вредить может соседка или даже родственница). И это затрагивает специфику подачи Яги в сюжете 327:

во-первых, Яга здесь является вторым главным персонажем, тогда как в большинстве сказочных сюжетов она персонаж эпизодический, вводный;

во-вторых, ориентированность на детей и западноевропейское влияние (или происхождение?) объясняют функциональное уравнивание, вплоть до отождествления, Яги с ведьмой. В Указателях сюжетов (с опорой на западноевропейскую классификацию) антагонист, где он есть в названиях сюжета 327 (как раз 327С, F и 327А), *ведьма* — практически инвариант; однако в подавляющем большинстве русских сказок на сюжет 327 фигурирует Яга; анализ текстов при этом показывает, что превалирование лишь номинальное: антагонист называется Ягой, но функционально соответствует ведьме. Произошло обытовление, опрощение Яги до ведьмы, более понятной, более отвечающей обыденной жизни; образ оказался радикально „вычищен“, оставлена и актуализирована однонаправленная функция — источник страха быть утешенным и съеденным, т. е. лишиться защиты семьи-рода, безвозвратно утратить эту связь. Результатом трансформации к XX в. стало низведение древнего мифологического образа до уровня «страшилки» для младшего детского возраста: «Ну вот если пойдешь куда — вот тебя там поймает Баба-Яга (и съест)...» [Кадикина, с. 77]. Анализ «страшилок» конца XX в. отмечает устаревание этой роли Яги и продолжение снижения актуальности¹¹. Добавим, что рассмотренный материал дает предсказуемо высокую частотность женского

¹¹ Согласно возрастной периодизации детских страхов, данной детским психологом А. И. Захаровым, Яга актуализируется в 2–4 года: «Волк и Баба-Яга символизируют угрозу для жизни, физическое уничтожение, прекращение жизни. (Эти образы) (...) предваряют появление психологически мотивированного страха смерти у детей в 6–7 лет» [Кадикина, с. 77].

исполнения сказок на сюжет 327, детское исполнение (обычно девочками) встречается реже, мужское — единичное.

Наибольшую значимость характеристики людоедства Яги в вариантах сюжета 327 обретают в двойственности разработки мотива кормления / поедания и во взаимодействии разных форм проявления оппозиции свой — чужой.

Еда и у ведьмы, и у Яги — инструмент для добывания еды. В сказке «Гензель и Гретель» братьев Гримм (327А) пряничный домик — приманка людоедки: «...была она (...) злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку она построила для приманки. Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала...» [Гримм, с. 65]. Брата с сестрой к чудесному домику приводит птичка (манок ведьмы), и, мучимые голодом, они не могут не попасться: «Подошли они (...) видят — сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца. „Вот мы за нее и примемся, — сказал Гензель, — и то-то будет у нас славное угощение!..“ (...) „Э, милые детки... милости просим, входите в избушку, худо вам тут не будет“. Она взяла их (...) за руки и ввела в свою избушку...» [Гримм, с. 64]. Яга в сказках на сюжет 327С, F также занимается добыванием мальчика, приманивая его едой, но желание съесть его, как правило, объявляется уже после отлова, см.: а) Яга отдает добытого дочери и велит приготовить из него жаркое: «Топи печь жарко и на-жарко... Да ево, с...а сына, жарь!» [Зеленин 2002, № 115] (Вятская губ.); б) заявление Яги самому похищенному герою: «попался ты мне, сжарю да съем» и т. д.

— Для Яги-людоедки работающий на добывание (похищение) героя мотив приманивания едой ослаблен, потому что, в отличие от ситуации в сказке «Гензель и Гретель», в русских вариантах 327С, F отсутствует мотив *голода*: во многих вариантах с мальчиком-рыбаком его приходит кормить матушка, принося то, что сама настряпала, — эта еда, что важно, для героя *своя*. К тому же кормление может быть взаимообразным: герой может определяться как кормилец — он ловит рыбу на прокорм семьи: мать приходит к нему с едой (кормит), и герой ест принесенное, а ей отдает свой улов — еду для отца-матери. Поэтому в 327С, F приманивание едой в исполнении Яги может быть: а) имитацией материнского подзывания сына, чтобы накормить; еда при этом может только перечисляться (то, чем собралась кормить матушка); б) зазыванием на что-то особо вкусное, праздничное: «Мальчик, мальчик, пойдем именинного есть!» [Власова 2011, № 44] (Архангельская обл.). В этом случае приманка для героя в целом ряде текстов, включающих мотив кормления, связана с едой ритуальной — блинами, кашей, пирогами...

— Еду-приманку может стряпать сама Яга, однако чаще по ее указанию готовят дочери: «„Напеки, говорит старшей дочери, блинов да позови

глинышка“. Напекла дочь блинов, вынесла на берег...»; «На другой день баба-яга настряпала пирогов и шанег и послала старшую дочь на берег караулить мальчика и приманить его стряпней...» [Зеленин 2002, № 97] (Вятская губ.); подчеркнем: эта еда — *чужая* для героя.

— В сказке «Гензель и Гретель» ведьма заводит изголодавшихся детей в свой съедобный дом, и (подобно классической Яге в сказках типа «квест») она их кормит-поит, укладывает спать, они засыпают с мыслью, что попали в рай. Ведьма выдергивает их из иллюзий поутру: мальчик заперт в хлеву, а его сестре предстоит работа по дому и откармливание братца. Людоедка Яга, добыв мальчика (часто приманив его на еду иллюзорную — обман), притаскивает его в дом и запирает в голбец, в коник (залавок), на / под / за печь и т. д.; все перечисленные места известны как хранилища съестных запасов; о его откармливании речи нет.

— Ведьма в 327А всегда одна; у Яги же в 327С, F всегда есть одна — три дочери (работницы редки), которым и поручается готовить из добытого «кушанье» для матушки. Примечательно, что возможна готовка с расчетом на дочерей или гостей — приятельниц Яги, см. ее указания: «*Ижжарь мне ёго к утру, а я приду, поем и тут же и вам оставлю...*» [Коргуев, № 76] (бывш. Олонецкая губ.); «Дачушечка мая! Вазьми сяго хлопчика, абмый да, вытапивши печь, укинй, и як ён зжарицца, пареж и пастав на стале, а я пайду да *пазаву кумачек* сваих; придем да и *будем гулять...*» [Афанасьев, № 109] (Брянская губ.) и т. д.

— Ведьма из сказки «Гензель и Гретель» предпочитает сырого не есть — варит; и у Яги сыроядение не в чести — всего в одном тексте из шестидесяти она ловит и поедает героя сырым-неготовленным, но и Яга в том тексте — медведица [Смирнов, № 120] (Вятская губ., зап. 1873 г.). Почти всегда Яга поручает готовку дочерям, сама берется, только когда уже некому; притом героя надо не печь, не варить, а требуется сильная прожарка. Стоит подчеркнуть, что огонь печи для Яги и ее дочерей — *свой* (семейно-родовой), а для героя — *чужой*, однако ему удастся приготовить на этом огне и дочерей Яги, и саму Ягу. На предложение сесть / лечь на лопату «пирожком» или «пряничком» он отвечает обманом (не знает как, просит показать) и направляет «образец» в печь... — «еда» готовит еду из того, кто собирався есть. А людоедка Яга обманывается, поедая одну за другой *своих* дочерей, полагая, что лакомится героем (*чужим*): «Прилетела баба Яга, вытащила из печи жаркое и все его съела, а косточки разложила по полу и стала на них кататься... „Покататься было, / Поваляться было / на Жихарьковых косточках!“ А Жихарько из-под лавочки ей *отвечает*: „Покатайся, Яга, / Поваляйся, Яга, / На дочерниных косточках!“ Услыхала это баба Яга, рассвирипела и зубами заскрежетала

и забранилась: „Ах ты разбойник, Жихарько, ты еще жив да и дочь мою изжарил?..“»¹²

Встретился текст, в котором жаркое из Яги съедают ее собственные сыновья: «У ей сыновья... пришли с промысла, а мати нету, не знают, где взеть. (<...> печь отворили, што-ле закусывать хотят, а косьё лежит. Один говорит: „То Олексанко сожжоной“. Хам, хам, хам. Думают, Олексанка едят, а мать съели» [Ончуков 1908, № 38] (Архангельская губ.). И еще один поздний текст, уникальный тем, что Ягу в нем съедает сам герой: «Она лёгл'а на л'опату-ту... Он взяў да бросиў, да и испёк, и съей её...»¹³

4. Русские аналоги сказки «Гензель и Гретель»

Как ни странно, сказка из сборника братьев Grimm «Гензель и Гретель» в русском сказочном фонде представлена слабо. Статистика такова:

— на этот сюжетный вариант (327А ‘Брат и сестра у ведьмы’) нашлось всего восемь текстов: один курский, три из бывшей Олонецкой губернии, два вятских и по одному из Архангельской и Новгородской областей, то есть превалирует севернорусский материал;

— основное время записи — XX в.¹⁴, но курский текст и один из вятских¹⁵ относятся к середине XIX в. (причем вятский еще и рукописный);

— Яга фигурирует только в трех текстах из указанных (в остальных — *ведьма, старуха, мельник* и даже *козел*), что, скорее всего, объясняется малым интересом к данному сюжетному варианту; похоже, русская публика предпочитала другие варианты сюжета 327, в которых героини имели дело с Ягой порознь, один на один;

— бо́льшая часть аналогов — контаминации, чаще всего с 1960G I ‘Небесная избушка’, реже — с 715A ‘Чудесные жерновки’, 450 ‘Братец и сестрица’ и 313Н* ‘Бегство от ведьмы’; в контаминациях 327А сжимается до мотива обмана и отправки Ягой в печь.

Один¹⁶ из двух текстов, представляющих чистый сюжет, — краткий пересказ сказки «Гензель и Гретель»: брат и сестра оставлены в лесу

¹² [Ончуков 2000, № 3], Тобольская губ.; текст в издании дан в приложении.

¹³ [Балуевская, № 3], Вологодская обл., зап. в 1995 г. от А. П. Дербиной, 84 лет.

¹⁴ [Онегина, № 9] («Жил-был поп», Заонежье, зап. 1956 г.; Баба-Яга — ведьма); [Власова 2011, № 64] («Брошенные дети», Архангельская обл., зап. 1928 г.; Баба-Яга — старуха); [Зеленин 2002, № 11] («Про козла», Вятская губ., зап. 1908 г.; в функции Бабы-Яги — козел); [Разумова (оп.), № 186] («Дети у ведьмы», бывш. Олонецкая губ., зап. 1967 г.); [Власова, Жекулина, № 50] («Дети у Бабы-Яги», Новгородская обл., зап. 1976 г.); [Онегина (оп.), № 218] («Дети у ведьмы», Заонежье; зап. 1957 г.).

¹⁵ [Афанасьев, № 114], Курская губ.; [Смирнов, № 143], Вятская губ., ркп 1850-х гг.

¹⁶ [Власова 2011, № 64], Архангельская обл., зап. 1928 г. Довольно близкий пересказ немецкой сказки с припоминанием отдельных подробностей (например, уточка, перевозящая детей),

и ищут дорогу домой; они набредают на чудесный дом («изба из преников сделана, из сахару») и принимают его есть («колупают»), так как очень голодны; на шум из домика выглядывает старушка («Кто там колотитца?») и выпускает их; она велит принести воды, затопить печь и пытается заправить в нее девочку («ползи, девка, в печь!»); та притворяется неумейкой, просит научить; показывая, как надо, старуха оказывается в печи и сгорает; дети находят дорогу домой. Второй текст из архивной описи дает схематичное изложение сюжета: брат и сестра съедают у бабы-яги суп, кладут в котел лапоть; баба-яга хочет их сжечь в печи, но оказывается там сама; ее богатство достается детям¹⁷.

Два вятских текста с контаминацией сюжетов 1960G1 и 327A представляют особый интерес; в более раннем тексте (сер. XIX в.) фигурирует Яга, в другом — козел. Начало практически одинаковое: двое сирот едят на печке горох и роняют горошину под печь, она прорастает и вытягивается до неба. Далее в раннем тексте сестрица и братец вместе лезут по стеблю на небо: «...долезли до неба, там меленка¹⁸ стоит. Они стали на ней молотить горошѣк. Тут пришла Эгибоба: „Фу, фу, фу, кто на моей меленке мелет“. Она стала их искати: „Фу, фу, свернися, избушка в три угла, фу, фу, свернися, избушка, в два угла“. Избушка свернулася в два угла, узко стало, и она их поймала...» [Смирнов, № 143]. Яга здесь — хозяйка чудесной меленки и каноническая людоедка: она сажает пойманных детей «в подполье» и велит дочерям «истопить печь и изпетчи их да и съесть». Далее все по традиционной схеме 327С: обман и зажаривание трех дочерей Яги; их съедение Ягой и катание-валяние на дочерних костях; отправка в печь самой Яги; концовка предсказуемая: забрав «все пожитки и деньги», братец и сестрица возвращаются домой и, став взрослыми, удачно устраивают свои судьбы: он женится «на царской дочери», а сестрица вышла за «придворнова, пригожова молодца, за московского купца».

Второй, поздний текст с аналогом Яги — козлом [Зеленин 2002, № 11] представляет более развернутую контаминацию сюжетов, в которой 327А — промежуточное звено в цепочке, но фрагмент привлекает внимание в плане насыщенности значимыми деталями.

1. Небесная избушка козла — аналог типичного жилища Яги: «(Сестра отправляется на небо одна). Лезла да лезла и увидела: избушка на курьих нож-

но при этом отсутствует ряд существенных элементов, забыты: птичка, заманивающая к домику ведьмы; разлучение детей (мальчик — в хлев, девочка — на черную работу и откармливать брата); проверка готовности братца (ощупывание пальца).

¹⁷ [Разумова (оп.), № 186], бывш. Олонецкая губ., зап. 1967 г.

¹⁸ Здесь мельница — дом с рабочим помещением (с жерновыми) и жилой частью.

ках повёртыватца. Она сказала: „Избушка, избушка! К лесу задом, а ко мне передом!“ — Обернулась избушка к лесу задом, а к ней передом. Она зашла...»; здесь и беспокойные курьи ноги, и формульный поворот; причем несмотря на то что все происходит на небе, лес — тут как тут, все традиционно.

2. Козел пребывает в состоянии разъятости: «Лежит козёл на полатах, ноги на грядках, зубы на спиче, глаза на полече, а борода на божнице», — что сравнимо с формульным описанием лежащей в своей избушке Яги¹⁹. Сестра, застав козла спящим, находит в углу жернова и принимается молоть; его пробуждает звук работы жерновов и приговаривания мелющей. Проснувшийся козел, как трансформер, принимается собирать себя в единое целое: «Козел увидал, вот и стал гаркать: „Ноги, идите ко мне! Руки, идите ко мне! Голова, иди ко мне! Глаза, идите ко мне! Борода, иди ко мне!“ — А она тем временем и убежала».

3. В следующий раз сестра и брат отправляются на небо вместе, она берет его с собой с условием не смеяться, но он нарушает запрет, и его смех будит козла: «Только ступили в избушку, брат увидел козла и захохотал: „Ха-ха-ха! Посмотри-ко, сестра! Это што такое?“ Козел пробудился и стал звать: „Ноги, идите ко мне! Руки, идите ко мне! Голова, иди ко мне! Глаза, идите ко мне! Борода, иди ко мне!“ — оне пришли...»

4. Как и в раннем тексте с Ягой, здесь дан эпизод свертывания пространства избушки словом, благодаря чему козел хватает незваных гостей: «...он (козел) соскочил и сказал: „Избушка, избушка, сделайся о три уголка!“ — она сделалась, и он стал иметь брата и сестру. Когда поймал, посадил их в подпольё и стал кормить».

5. Козел откармливает пойманных и характерным способом проверяет их готовность для жарки: через пару дней он дает им нож и велит отрезать от рук по пальцу, чтобы попробовать. Они находят лутошку, отрезают от нее «по суставчику» и подают козлу. Он бросает в печь — лутошка «не закипела». «Козёл думат: „Нет, есчо не сальны, не время жарить“...» Еще через два дня козел опять подает нож и говорит отрезать по пальцу от ног, те подают по кусочку «свившейся берестины»: «Козёл бросил в печь — берестина завесчела; тогда козёл подумал: „Тепере сала много, нужно сжарить“».

Далее все традиционно: сажание на лопате в печь с демонстрацией, как надо садиться правильно, сестра «не обробела» и «ухнула» козла в печь,

¹⁹ Яга при первом контакте с нею героя / героини (имеется в виду тип помощницы) зачастую предстает „разъятой“, как набор разобщенных частей, — ноги, «титки», нос, язык: «Сидит Яга-Яги-нишна, Овдотья Кузминишна, нос в потолок, титки через порог, сопли через грядку, языком сажу загребает...» [Смирнов, № 150] (Казанская губ.); но самосборка Яги, как это продельывает в данном тексте козел, собирая себя *словом* в единое целое, фактически не встречается.

«заслонку закрыла и клюшкой приперла». Оригинальным переходом к следующему сюжету (450 'Сестрица Аленушка и братец Иванушка') становится связанный с «запекающимся» в печи козлом очередной запрет сестры братцу — чтобы не лизал бегущий из печки козлийный «росол», «не то он сам сделается козелком»; сестра выходит «на улицу», и братец запрет нарушает.

Небольшое отвлечение по данному тексту в связи с приписываемым Яге и аналоговым персонажам плохим зрением, слепотой: здесь обыгрывается взаимодействие визуальных и звуковых маркеров. В первое посещение избушки сестрой козел спит и пробуждается от звуков мелющих жерновов и гóлоса (сестра мелет и приговаривает); затем фактически сразу сказочник использует глагол «увидял» (но глаза у козла в тот момент «на поличе»), и это становится знаком к началу трансформации-сборки, которая происходит «по слову»: «...и стал гаркáть <кричать, звать>: „Ноги, идите... Руки, идите...“» и т. д. Во второе посещение опять-таки звук — смех брата — будит козла, и тот снова собирает себя, подзывая криком части своего тела. Похоже, что и в собранном виде козел видит плохо: он ловит детей, сжимая опять-таки словом пространство избушки, и определяет откормленность объекта не на ощупь, как это делает ведьма в сказке «Гензель и Гретель», а на слух: «...бросил в печь — лутошка не закипела. Козёл думат: „Нет, есчо не сáльны, не время жарить“ <...> бросил в печь — берестина завересчела; тогда козёл подумал: „Тепере сала много, нужно сжарить“...»

Наконец, стоит остановиться еще на одном севернорусском тексте из группы 327А (+715А), поскольку разработка сюжета в нем также довольно оригинальна и здесь фигурирует именно Яга. В сказке «Жил-был поп»²⁰ похода на небо нет, все происходит в «этом» мире: бедные дети-сироты («Ни отца не было, ни матери. Есть-пить у них нечего было: когда ели, когда ничего не ели») видят, как мимо едет Яга: «...едет Баба Яга, пестом погоняет, помелом следы запахивает. Проезжает в свой дом...» Сестрица усыпляет братца песенкой («Глазок, усни, усни, другой!») и отправляется к Яге; она подсматривает, как та мелет у себя в подполье: «вернет-повернет да жерновом подернет. А оттуда пойдет хлеба мякушка, масла кадушка, семени масленка да супа поваренка». Девочка улучает момент и, завернув то, что намолола Яга, в передник, уносит домой. Но все принесенное заканчивается, и девочка вновь собирается к Яге, только усыпить братца ей на этот раз не удастся (не спела про другой глаз), и они идут вдвоем. Здесь также есть запрет сестры смеяться: «Ну, пойдём. Только ты не смейся, а то Баба Яга нас обоих съест»; но мальчик смеется, и Яга их обнаруживает: «Барашек и ярочка пришли. Ну-тко, идите

²⁰ [Онегина, № 9], Заонежье.

сюда!» Сестра учит братца, как садиться на лопату, чтобы Яга не заправила его в печь; Ягу удается обмануть — она гибнет в печи. Чудесные жернова они забирают домой.

Здесь в тандеме брата и сестры роль ведущего принадлежит сестре, братец — ведомый, на сестру, как на старшую (и потенциальную жену — мать — хозяйку), ложится забота о брате, и в первую очередь — поиск еды (исконная женская функция кормления). Сестра обладает некоторым знанием: она знает усыпляющую песенку, знает, что можно и чего нельзя делать (запреты смеяться, лизать «росол»), знает, как обмануть Ягу и не оказаться съеденными. В сказке братьев Гримм, напротив, более инициативен и находчив брат, хотя «честь» отправить ведьму в печь все же выпадает сестре [Гримм, с. 65].

5. Еще несколько слов о людоедстве Яги

Проявления *людоедства* Яги в других сказках на сюжеты, в которых она враждебна герою или ему помогает, довольно редки, и чаще всего представляют собой:

— угрозы съесть героя, которые на деле не реализуются (например, в некоторых приветственных формулах Ягой на встречу незваного гостя): «...а нониче русский дух в виду является, в уста мечется» [Афанасьев, № 172]; «...сам пришел, как баран на стол» [Красноженова, № 19] (Красноярский край); «Съем я тебя, молодець, я тридцать годов цёловецьёго мяса не ела...» [Коргуев, № 7] (бывш. Олонецкая губ.) и т. д.;

— проявление Ягой агрессии при встрече с героем — без слов сразу к делу: «Только лишь она увидела Сампсона Лукьяновича, то бросилась на него и хотела его когтями разорвать и живого сожрать...» [Новиков 1961, с. 97, № 5] («Сказка о славном и чудном богатыре Сампсоне...» из лубочного сборника 1820 г.); «Разевает рот — хочет Ваню съись эта Яга ягишна...» [Зеленин 1997, № 1] (Пермская губ.) и т. д.

Обратная сторона страха (как известно, герой остается героем и побеждает, пока не боится) — развлекательная непритязательность, грубость, сниженность в изображении воплощения страха, идущая от скоморошества, игры, народного театра, — полно представлена в лубке — сказках на потешных листах и потешных элементах в лубочной сказке, вернувшихся оттуда в народную сказку²¹.

Пример использования «низовой стилистики» в отношении людоедки-Яги — балагурное (солдатское, «оснащенное рифмами и словечками не для печати») описание Яги, собирающей на стол: «Они зашли. Яга Ягишна

²¹ [Новиков 1961, с. 138–139; 142].

лежит <...> „Фу-фу, русского духу отроду не слыхала, русский дух ко мне на двор пришел!“ — „Напой-накорми, тогда вестей расспроси!“ Она сейчас п...ла — стол поддёрнула, др...ула — штей плеснула, ногу подняла и пирог подала, титечками потрясла и молочка поднесла, ножки возняла и ложечек подала...» [Зеленин 1997, № 9] (Пермская губ.).

Вместо послесловия

Гензель и Гретель засыпают в чудесной избушке ведьмы, сытые и в кроватках под белыми одеяльцами, с мыслью, что попали в рай. Мотив попадания в чудесное место, в обетованную страну, где *голода нет*, издавна (с XV в.) живет в немецкой народной поэзии, см.: «На белом свете есть одна / Весьма чудесная страна. / И не солгу, ей-богу, / Что сам туда бы побежал, / Когда бы знал дорогу. / <...> Там стены башен и домов / Из кренделей и пирогов. / И в каждом закоулке / Растут на липах и дубах / Поджаристые булки. / <...> А если выпить захотел — / Вино в любом колодце...» [Гинзбург, с. 59] («Про страну Шлараффию»; полный текст см. [Гинзбург, с. 59—64]). И возникает вопрос: не описание ли жилищ Шлараффии легло в основу создания образа пряничного дома ведьмы (и Яги)? Возможно, именно оно, позаимствованное и адаптированное, повлияло на авторов ранних отечественных сказочных сборников при создании гастрономических небылиц, подобных этой: «<...> Приезжают батюшка с матушкой / На колесах / И повезли меня под небёсы. / Под небёсью в пирогах церква складена, / Двери прянишны, / Пробои кокурошны, / Калацом заперта, / Сосулькой засунута. / Во церкви топяты / Свецы морковны, / Висит кадила репина. / Я взошел на паперти, / Калац перекусил, сосульку перломил / И двери растворил. / Как поп вышел, присел, / Тут я его и сѣл»²².

Литература

- Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. 516 с.
- Балуевская — Сказки, былички и бывальщины Анастасии Петровны Дербиной (Кичмонгско-Городецкий р-н Вологодской области): Хрестоматия / Сост., науч. ред. С. В. Балуевская. Вологда: Центр народной культуры, 2018. 140 с.
- Власова 1995 — Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий: Иллюстрированный словарь. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.
- Власова 2001 — Власова М. Н. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука-классика, 2001. 672 с.

²² [Новиков 1961, с. 218—219, № 47] («Шли песты (?) пророки); зап. неизвестного лица в д. Сунеевой Нижегородской губ., в 1830—1840-х гг.; текст соответствует СУС 1930 'Страна обетованная').

- Власова 2011 — Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. 680 с.
- Власова, Жекулина — Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры: По записям 1963–1999 гг. / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб.: Алетейя, 2001. 542 с. (Памятники русского фольклора).
- Гинзбург — Волшебный рог мальчика: Из немецкой народной поэзии / Предисл., коммент., пер. Л. Гинзбурга. М.: Дет. лит., 1971. 96 с.
- Глинка — *Глинка Г.* Древняя религия славян. Митава: Тип. И. Ф. Штефенгагена и сына, 1804. 23 с.
- Гримм — *Братья Гримм.* Сказки / Пер. с нем. Г. Петникова; сост. И. Солодуниной; послесл. Г. Шевченко; ил. С. Голощапова. М.: Правда, 1989. 480 с.
- Зеленин 1997 — Великорусские сказки Пермской губернии: Сборник Д. К. Зеленина / Изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 584 с. (1-е изд. — Пг., 1914).
- Зеленин 2002 — Великорусские сказки Вятской губернии: Сборник Д. К. Зеленина / Изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб.: Тропа Троянова, 2002. 736 с. (1-е изд. — Пг., 1915).
- Кадикина — *Кадикина О. А.* Фигуры детских страхов // Языки страха: женские и мужские стратегии поведения: Ст. и материалы междунар. науч.-практ. конф. (С.-Петербург, 3–5 октября 2003 г.) / Под ред. Н. М. Герасимовой, Е. Л. Мадлевской. СПб.: Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры, 2004. С. 77–82.
- Кайсаров — *Кайсаров А. С.* Славянская мифология. М.: Тип. Дубровина и Мерзлякова, 1807. [8], 211, [5] с.; 2-е изд. с загл.: Славянская и российская мифология. М.: Тип. Дубровина и Мерзлякова, 1810. [2], 211, [5] с. (впервые — на нем. яз.: *Kajsarov A. S.* Versuch einer Slavischen Mythologie. Göttingen: Gedruckt mit barmeierischen Schriften bei J. C. Baier, 1804. 117 S.).
- Коргуев — Сказки М. М. Коргуева / Зап. и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. Кн. 1. 660 с; Кн. 2. 676 с. (Сказки Карельского Беломорья; Т. 1).
- Красноженова — Сказки Красноярского края: Сб. М. В. Красноженовой / Под общ. ред. М. К. Азадовского и Н. П. Андреева. Л.: Гослитиздат, 1937. 294 с.
- Макаров 1827 — *Макаров М. Н.* Кривич-христианин и Ягая: Древняя смоленская повесть // Вестник Европы. 1827. № 13. С. 3–20.
- Макаров 1838 — *Макаров М. Н.* Русские предания: [В 3 кн.] М.: Тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1838. [Кн. 1]. 102 с.; Тип. А. Семена, 1838. [Кн. 2]. 187 с.; Тип. Н. Степанова, 1840. [Кн. 3]. 57 с.
- Новиков 1961 — Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 396 с.
- Новиков 1971 — Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Новикова. Л.: Наука, 1971. 288 с.
- Новиков 1974 — *Новиков Н. В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974. 256 с.
- Новичкова — Русский демонологический словарь / Авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб.: Петербургский писатель, 1995. 632 с.
- Онегина — Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск: Карелия, 1986. 296 с.
- Ончуков 1908 — Северные сказки: Сб. Н. Е. Ончукова. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. 646 с. (Записки Имп. РГО по отделению этнографии; Т. 33).

- Ончуков 2000 — Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокш-озерские и самарские сказки) / Вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой; подгот. текстов В. И. Жекулиной. СПб.: Алетейя, 2000. 488 с.
- Попов — *Попов М.* Описание древнего славенского языческого баснословия... СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1768. [14], 48 с.
- Пропп — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 367 с.
- Разумова — Русские народные сказки Пудожского края / Изд. подгот. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1982. 366 с.
- Райан — *Райан В. Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 720 с.
- Смирнов — Сборник великорусских сказок Архива РГО / Изд. А. М. Смирнов. Пг.: Тип. Рос. акад. наук, 1917. Вып. 1–2. 504 с. (Записки РГО по отделению этнографии; Т. 44).
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барог, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков; отв. ред. К. В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 440 с.
- Тархова — Литературная сказка пушкинского времени / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. А. Тарховой. М.: Правда, 1988. 480 с.
- [Чулков] — *Чулков М.* Словарь русских суеверий. СПб.: Тип. Шнора, 1782. 281 с.

References

- Afanas'ev, A. N., ed. (1957). *Narodnye russkie skazki*. 3 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 1. 516 p.
- Azadovskii, M. K., Andreev, N. P., eds. (1937). *Skazki Krasnoyarskogo kraia. Sbornik M. V. Krasnozhenovoi*. Leningrad: Goslitizdat, 294 p.
- Baluevskaya, S. V., ed. (2018). *Skazki, bylichki i byval'shchiny Anastasii Petrovny Derbinoi (Kichmongsko-Gorodetskii raion Vologodskoi oblasti): Khrestomatiya*. Vologda: Tsentr narodnoi kul'tury, 140 p.
- Barag, L. G., Berезovskii, I. P., Kabashnikov, K. P., Novikov N. V., eds. (1979). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka*. Leningrad: Nauka, 440 p.
- Chulkov, M. (1782). *Slovar' russkikh sueverii*. Saint Petersburg: Tipografiya Shnora, 281 p.
- Eremina, V. I., Zhekulina, V. I., eds. (2000). *Neizdannye skazki iz sobraniya N. E. Onchukova (tavdinskie, shokshozerskie i samarskie skazki)*. Saint Petersburg: Aleteiya, 488 p.
- Ginzburg, L., ed., transl. (1971). *Volshebnyi rog mal'chika. Iz nemetskoj narodnoj poezii*. Moscow: Detskaya literatura, 96 p.
- Glinka, G. (1804). *Drevnyaya religiya slavyan*. Mitava: Tipografiya I. F. Shtefengagena i syna, 23 p.
- Grimm, W., Grimm, J., eds. (1989). *Skazki*. Moscow: Pravda, 480 p.
- Kadikina, O. A. (2004). 'Figury detskikh strakhov', in: Gerasimova, N. M., Madlevskaya, E. L., eds., *Yazyki strakha: zhenskie i muzhskie strategii povedeniya. Stat'i i materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Saint Petersburg, 2003, Okt. 3–5). Saint Petersburg: Proppovskii tsentr: gumanitarnye issledovaniya v oblasti traditsionnoi kul'tury, 77–82.
- Kaisarov. A. S. (1807). *Slavyanskaya mifologiya*. Moscow: Tipografiya Dubrovina i Merzlyakova, [8], 211, [5] p.; 2nd ed.: *Slavyanskaya i rossijskaya mifologiya*. Moscow: Tipografiya Dubrovina i Merzlyakova, 1810. [2], 211, [5] p. (na nemetskom yazyke: Kajsarov, A. S. (1804). *Versuch einer Slavischen Mythologie*. Göttingen: Gedruckt mit barmeierischen Schriften bei J. C. Baier, 117 S.).

- Makarov, M. N. (1827). 'Krivich-khristianin i Yagaya. Drevnyaya smolenskaya povest', *Vestnik Evropy*, 13, 3–20.
- Makarov, M. N. (1838, 1840). *Russkie predaniya*. [3 vols.] Moscow: Tipografiya Lazarevykh instituta vostochnykh yazykov. [Vol. 1], 102 p.; Tipografiya A. Semena. [Vol. 2], 187 p.; Tipografiya N. Stepanova. [Vol. 3], 57 p.
- Nechaev, A. N., ed. (1939). *Skazki M. M. Korgueva*. 2 vols. Petrozavodsk: Kargosizdat. Vol. 1, 660 p.; Vol. 2, 676 p.
- Novichkova T. A., ed. (1995). *Russkii demonologicheskii slovar'*. Saint Petersburg: Peterburgskii pisatel', 632 p.
- Novikov, N. V., ed. (1961). *Russkie skazki v zapisyakh i publikatsiyakh pervoi poloviny XIX veka*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 396 p.
- Novikov, N. V., ed. (1971). *Russkie skazki v rannikh zapisyakh i publikatsiyakh (XVI–XVIII veka)*. Leningrad: Nauka, 288 p.
- Novikov, N. V. (1974). *Obrazy vostochnoslavvianskoi volshebnoi skazki*. Leningrad: Nauka, 256 p.
- Onchukov, N. E., ed. (1908). *Severnye skazki. Sbornik N. E. Onchukova*. Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina, 646 p. (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. Vol. 33).
- Onegina, N. F., ed. (1986). *Skazki Zaonezh'ya*. Petrozavodsk: Kareliya, 296 p.
- Popov, M. (1768). *Opisanie drevnego slavenskogo yazycheskogo basnosloviya...* Saint Petersburg: Tipografiya Sukhoputnogo kadetskogo korpusa, [14], 48 p.
- Propp, V. Ya. (1986). *Istoricheskie korni volshebnoi skazki*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 367 p.
- Raian, V. F. (2006). *Banya v polnoch'*. *Istoricheskiy obzor magii i gadanii v Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 720 p.
- Razumova, A. P., Sen'kina, T. I., eds. (1982). *Russkie narodnye skazki Pudozhskogo kraja*. Petrozavodsk: Kareliya, 366 p.
- Smirnov, A. M., ed. (1917). *Sbornik Velikorusskikh skazok Arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Petrograd: Tipografiya Rossiiskoi akademii nauk. Vol. 1–2, 504 p. (Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. Vol. 44).
- Tarkhova, N. A., ed. (1988). *Literaturnaya skazka pushkinskogo vremeni*. Moscow: Pravda, 480 p.
- Vlasova, M. N., ed. (1995). *Novaya ABEVEGA russkikh sueverii: Illustrirovannyi slovar'*. Saint Petersburg: Severo-Zapad, 383 p.
- Vlasova, M. N., ed. (2001). *Russkie sueveriya: Entsiklopedicheskii slovar'*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 672 c.
- Vlasova, M. N., ed. (2011). *Neizdannye materialy ekspeditsii na Russkii Sever 1926–1928 godov. Skazki. Legendy. Bylichki. Detskii fol'klor*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 680 p.
- Vlasova, M. N., Zhekulina, V. I., eds. (2001). *Traditsionnyi fol'klor Novgorodskoi oblasti. Skazki. Legendy. Predaniya. Bylichki. Zagovory. Po zapisyam 1963–1999 godov*. Saint Petersburg: Aleteiya, 542 p.
- Zelenin, D. K., ed. (1997). *Velikorusskie skazki Permskoi gubernii. Sbornik D. K. Zelenina*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 584 p. (1st ed.: Petrograd, 1914).
- Zelenin, D. K., ed. (2002). *Velikorusskie skazki Vyatskoi gubernii. Sbornik D. K. Zelenina*. Saint Petersburg: Tropa Troyanova, 736 p. (1st ed.: Petrograd, 1915).

М. В. Рейли

ТЕМА «МОЛОКА» В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Резюме

В статье дается текстологический анализ «молочной» темы в русских волшебных сказках в сюжетах «Чудесное бегство», «Звериное молоко», «Красавица-жена» («Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»), «Конек-горбунок», «Муж-рак».

Ключевые слова: волшебные сказки, молоко, лягушка-первопредок, Баба-Яга, Конек-горбунок, мифология

Marina V. Reilly

THE THEME OF MILK IN RUSSIAN FAIRY TALES

Abstract

The article provides a textual analysis of the role of dairy in Russian fairy tales. The article considers the following motifs: The Miraculous Escape, The Animal Milk, The Beautiful Wife ("Go there, I don't know where, bring that, I don't know what"), The Little Humpbacked Horse, and The Cancer Husband.

Keywords: fairy tales, milk, frog ancestor, Baba Yaga, mythology

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-114-123

В русских волшебных сказках иногда встречается «молочная» тема. Это касается сюжетов СУС 313, 315, 440, 465А, 531. Любопытно, как именно она претворяется в каждом из них и какая картина возникает в целом.

Наиболее разработана и интриγουща роль молока в сюжете «Красавица жена» («Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что») (СУС 465А),

© М. В. Рейли, 2024

где оно сопряжено с образом лягушки. Последняя, в свою очередь, связана с женским родовым началом. Представления об этой связи, сюжеты о происхождении лягушек от превращенных в них женщин были широко распространены. В Сербии и Полесье зафиксировано поверье, «согласно которому убийство человеком жабы предвещало смерть матери», что опять же говорит о вероятной связи образа жабы с материнским родом¹. Кроме того, в большинстве текстов прослеживается устойчивая связь между лягушкой и молоком. В чем же она выражается?

В сюжете СЭС 465А лягушка играет роль главного информатора. Она единственная знает, где находится «то, не знаю что» и как туда добраться. В своем сакральном знании она превосходит даже самую старшую и самую «ведающую» из трех сестер-ягишен. Так, Яга говорит своему зятю: «„Я вам помогу вашему горю. Отдохни немного“. (...) А сама (...) пошла узнавать, где достать такое чудовище, которое приказано доставить царю. Собрала всех птиц, зверей. Никто не мог откликнуться, что знают такого чуда, кроме одной лягушки. Лягушка-квакушка только могла дать слово, что я это могу достать». Она «эту лягушку берет, наливает *свежим молоком* большую банку и дает своему зятю», рассказывая ему, как с ее помощью переправиться через огненную реку, найти искомое «чудовище» и вернуться обратно [Бахтин, с. 26]²; «Вышла из кельи, села на конёк и начала кричать громким голосом: „Сбирайтесь, слетайтесь, сполчайтесь!“ Сошлись все гадины, и спрашивает их старуха, не знают ли они, куда идти, какие вещи делать. Все сказали, что не знают, только одна старая лягушка, хромая чуть-чуть ползет. Старуха на нее и закричала: „Ползи скорей, старая!“ Приползла лягушка и говорит: „Дайте мне отдохнуть, так я скажу“. Старуха и говорит лягушке: „Ты возьми мово зятя и доведи туда, не знай куда“» [Садовников, № 9]; «„Ах, зятюшка! Ведь про это диво даже я не слыхивала! Постой-ка, авось мои слуги ведают“. Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, и вдруг — откуда только взялись! — набежали всякие звери, налетели всякие птицы. „Гой есте,

¹ Лягушка (Жаба) — лунный и женский знак, символ рождения, плодovitости, перевоплощения и воскрешения от «Ригведы» до современного Полесья и Белоруссии. Древние представления о лягушке как символе возрождения жизни сохранились, например, еще в коптском Египте. На амулете лягушки от матери Хекет, древнеегипетской богини плодородия, было написано: «Я есмь воскресение». Хекет, сотворившая людей и помогающая при родах, изображалась либо в облике лягушки, либо в виде женщины с лягушкой на голове и соотносилась с загробным царством URL: <http://www.a700.ru/animals/water-animals/34-lyagushka-slavjanskaya-mifologiya.htm> (дата обращения: 15.04.2019); см. также: [Гура, с. 381, 382]. Подробнее о функции лягушки в волшебных сказках и ее трансформациях см.: [Рейли].

² Здесь на память приходит «лягушка-холодушка», которую крестьяне запускали в сосуд с молоком, чтобы молоко некисло в жару.

звери лесные и птицы воздушные! Вы, звери, везде рыскаете; вы, птицы, всюду летаете: не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?“ Все звери и птицы в один голос отвечали: „Нет, мы про то не слыхивали!“ Распустила их старуха по своим местам <...> воротилась в горницу, достала свою волшебную книгу, развернула ее — и тотчас явились к ней два великана: „Что угодно, что надобно?“ — „А вот что, слуги мои верные! Понесите меня вместе с зятем на окиян-море широкое и станьте как раз на середине — на самой пучине“. Тотчас подхватили они стрельца со старухою, понесли их, словно вихри буйные, на окиян-море широкое и стали на середине — на самой пучине: сами как столбы стоят, а стрельца со старухою на руках держат. Крикнула старуха громким голосом — и приплыли к ней все гады и рыбы морские: так и кишат! <...> „Гой есте, гады и рыбы морские! Вы везде плаваете, у всех островов бываєте: не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?“ Все гады и рыбы в один голос отвечали: „Нет! Мы про то не слыхивали!“ Вдруг протеснилась вперед старая колченогая лягушка, которая уж лет тридцать как в отставке жила, и говорит: „Ква-ква! Я знаю, где этакое диво найти“. — „Ну, милая, тебя-то мне и надобно!“ — сказала старуха, взяла лягушку и велела великанам себя и зятя домой отнесть. <...> Стала старуха лягушку допытывать: „Как и какую дорогою моему зятю идти?“ Отвечает лягушка: „Это место на краю света — далеко-далеко! Я бы сама его проводила, да уж больно стара, еле ноги волочу; мне туда в пятьдесят лет не допрыгать“. Старуха принесла большую банку, *налила свежим молоком*, посадила в нее лягушку и дает зятю: „Неси, говорит, эту банку в руках, а лягушка пусть тебе дорогу показывает“ <...> приходит к огненной реке; за тою рекой высокая гора стоит, в той горе дверь видна. „Ква-ква! — говорит лягушка. — Выпусти меня из банки; надо нам через реку переправиться“. Стрелец вынул ее из банки и пустил наземь. „Ну, добрый молодец, садись на меня, да не жалея; небось не задавишь!“ Стрелец сел на лягушку и прижал ее к земле: начала лягушка дуться, дулась, дулась и сделалась такая большая, словно стог сеной. У стрельца только и на уме, как бы не свалиться: „Коли свалюсь, до смерти ушибусь!“ Лягушка надулась да как прыгнет — перепрыгнула через огненную реку и сделалась опять маленькою. „Теперь, добрый молодец, ступай в эту дверь, а я тебя здесь подожду“» [Афанасьев, № 212].

Молоко в этом сюжете появляется не случайно. Кроме того, что оно представляет собой божественную субстанцию, оно означает еще и семейные кровные узы и является символом материнства, т. е. снова возвращает нас к родовым связям. Оно же, как и кровь, является передатчиком жизненной силы. В русских же (и не только) сказках, былинах, быличках Змей (змеи)

либо Баба-Яга сосут груди у красавиц, забирая у них жизненную силу³. К тому же оно оказывает, судя по всему, исцеляющее и омолаживающее действие.

Иногда лягушка имеет *самостоятельный статус*, она может *сама вызваться* оказать помощь герою и «проинструктировать» его, потребовав при этом, чтобы ее опять же положили в молоко: «...а лягушка-квакушка говорит: „Я знаю. Возьмите меня домой, положите в *молоко*, и куда я носом буду глядеть, туда и путь пусть держит“»; «Вдруг лягушка и спрашивает: „Что видишь над собой, под собой и вокруг себя?“ — „Надо мной небеса, подо мной — мать сыра земля, а вокруг — белый свет, впереди огонь горит“. Это стоит *золотая стена, от востока до запада, от земли до неба*. Она *молоко выпила и стала большая*⁴». Сел герой на нее, «а она как пригнула и *стену перескочила*» [Карнаухова, № 53].

В ряде случаев лягушка не только проявляет самостоятельность, но и диктует свои условия вещим старухам, что говорит о ее превосходящем статусе старшего тотемного первопретка. Так, Яга говорит: «„*Скокушка-баушка* живёт в болоти триста лет, она, наверно, знает, полечу-ко я к ней“. Прилетает на двух голиках к *Скокушки-баушки* в болото и спрашивает: „Знаеш, Скокушка-баушка, где ‘то, не знай што’?“ — „Знаю“{...} — „Так скажи“». И тут Скокушка показывает свой норов: «Нет, не скажу. Тогда я скажу, когда ты меня проводишь до огненной реки в *пáрёном молоки*, тогда я тебе скажу, а раньше не скажу». Тогда Яга «берёт она Скокушку на себя и приносит к себе»; «берет кувшин *молока и начала парить*. Вот когда она *напарила*, садила эту баушку-Скокушку, лягушку то есть, и приносит к своему зятю». На прощанье Яга дает герою своего коня. «Вот когда он доехал до огненной реки, коня у него уж не стало. Осталсе один кувшин, и стал за нитоцку вытгивать эту скокушку. Когда он вытянул Скокушку, она ёму и говорит: „Садись,

³ Являясь пищей для новорожденных, молоко было символом инициации и возрождения в древнегреческих орфических обрядах, в митраизме, исламе и во время крещения у ранних христиан. Считалось, что кровь (т. е. жизненная сила) мужчин превращается в сперму, а кровь женщин — в молоко. В быличках таким образом обычно развивается тема воздаяния за грехи: и жабы, и змеи — воплощения погубленных девушкой нерожденных младенцев, которые сосут молоко из груди погубившей их матери. Кроме того, в народных верованиях славян лягушка (жаба) — животное, родственное или тождественное змее. В Польше встречается поверье, что лягушка, семь лет не видевшая солнца, превращается в летающего змея [Гура, с. 380].

⁴ У славян молоко «обнаруживает связь с небом и атмосферными явлениями — дождем и молнией (громом)» [Толстая, с. 284]. А. Гура подчеркивает, что «к наиболее характерным особенностям следует отнести молочную тему, в разнообразных видах возникающую в народных представлениях о лягушке. Это и выдаивание лягушкой (или ведьмой-лягушкой) молока у коров, и отбирание молока с помощью лягушки как вид порчи, и пропажа у коровы молока как следствие нарушения запрета убивать лягушку, и, наоборот, благотворное влияние лягушки на удои молока» [Гура, с. 391].

Ондрей, на меня, пока не поздно“ ⟨...⟩ — „Што ты, баушка, эка маленька, я тебя роздавлю“. — „Ну, садись“ ⟨...⟩ — „Ну, ланно, седу“. Сел, и эта лягушка стала подниматьце кверху, кверху, стала выше лесу и всё ёго упивала в себя, только видна одна голова. Вот она и заговорила: „Ну, дёржись крепче“. Как эта лягушка скоцит, так и прыгнула через огненную реку. Выпустила его» [Коргуев, № 2].

Очевидно, что молоко не только способствует трансформации лягушки, но и помогает ей инициировать героя путем «упивания» (= *заглатывания*) героя в себя и исторжения обратно. Очевидно, лягушка и сохраняется в молоке, и оздоравливается, и набирается от него сил, в том числе и магических. Недаром Яга за ее *верную службу* назначает ей *по три банки молока в день давать* [Афанасьев, № 212].

Лягушка выполняет роль помощника героя, медиатора, осуществляя последнюю переправу в иной мир: переносит героя из земного царства туда, где находится искомая диковинка. Обычно это убежище находится за обширной водной / огненной преградой: за *морем*, во дворце *морского царя*, в *большом болоте*, за *огненной рекой*, за *золотой стеной*, «от востока до запада, от земли до неба», т. е. в «ином мире».

Возникает вопрос: что за молоко дает Яга лягушке? В сказках на сюжет СУС 465А нигде нет сведений о том, чтобы у Яги была корова. Она повелительница зверей и птиц — тотемистических предков в царстве мертвых. Закономерным представляется продолжение этой темы в сюжете «Звериное молоко», где «сестра (мать) сговаривается с любовником (разбойником, чародеем, змеем, чертом, Кашеем, железным волком) погубить юношу и посылает его за молоком волчицы, медведицы и львицы, притворившись больной; связывает его; герой спасается с помощью зверей — волчонка, медвежонка и львенка; расправляется с врагом, наказывает притворщицу» [СУС 315, с. 115—116]. В целом в разных текстах этот мотив развивается однообразно, поэтому рассмотрим его коротко на примере текста Афанасьева.

Так, герой собирается отправиться в соседнее государство, где «случилась беда немалая — вымер весь народ». Отец не согласен, т. е. он идет без благословения родителей, а следовательно, начинает свой поход в состоянии пороговом, лишенный защиты рода: «Коли так, я и сам пойду»; пошел, «а сестра не захотела от него отстать и сама пошла». По пути попадают к трем ягишнам, причем уже первая из них, проявляя провидческое знание, предупреждает Ивана царевича: «Сам бы туда шел, а сестру напрасно взял; она тебе много вреда сделает». Далее сестра знакомится со Змеем Горынычем. Знакомство происходит у реки (пограничное пространство) и в отсутствие брата (тот ушел на охоту), т. е. и эта защита у сестры отсутствует. Кроме

того, Змей превращается в такого молодца и красавца, «что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать». Змей хочет известить брата и советует сестре: «„Вот что: притворись больною и пожелай волчьего молока; он пойдет молоко добывать — авось голову свернет!“ Воротился брат, сестра лежит на постели, жалуется на болезнь свою и говорит: „Братец! Во сне я видела, будто от волчьего молока поздороваю; нельзя ли где добыть? А то смерть моя приходит“». Потом так же посылает за медвежьим и львиным молоком. Каждое из животных дает молоко и своего детеныша [Афанасьев, № 204]; ср.: [Афанасьев, № 202, 203, 205; РССиДВ, № 3; Потанин, № 29]. Как очевидно, звериное молоко обладает чудесными исцеляющими свойствами, что вполне соотносимо с его ролью в сюжете СУС 465А. Молоко традиционно считается пищей богов, эликсиром жизни, символом возрождения и бессмертия. В индийской традиции, в ведическом мифе о сотворении мира, боги и асуры пахтали молочный океан (млечный путь), чтобы создать солнце и луну, чудесные предметы и, в конце концов, эликсир бессмертия — амриту или сому. При ведийском жертвоприношении молоко, смешиваемое с сомой, понималось как символ потока жизни⁵.

С трансформирующей силой молока мы сталкиваемся в текстах на сюжет «*Конек-горбунок*» [СУС 531], где герой по подсказке пойманной им кобылицы добывает коня себе «по силе». Далее он выполняет все царские поручения с помощью кобылицы и своего коня. Последнее поручение — добыть царю девицу, на которой тот предполагает жениться. Девица требует, чтобы царь искупался в *кипяченом кислом молоке*: если справедливый — не сгорит, если несправедливый — сгорит. Царь требует, чтобы сначала Забытай попробовал. Герой купается в молоке благополучно, превращаясь в итоге в красавца, царь же сгорает. Герой женится на девице-королеве [Карнаухова, № 46; ср.: Куприяниха, № 1].

Таким образом, процесс очищения и трансформации удается пройти только герою, «несправедливый» же царь «сгорает» в молоке. Возможно, «сжигающее» молоко соотносимо с огненной рекой между миром живых и мертвых, если, конечно, «сгореть» здесь не значит «свариться».

Если посмотреть на сказку «Гуси-лебеди» [СУС 313I], то в ней в качестве последней преграды на пути к бабе-яге сестра Ивашки встречает молочную реку с кисельными берегами («Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега. „Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?“ — „Съешь моего простого киселика с молоком, скажу“»), которая становится ее союзницей на обратном пути, пряча от преследователей [Афанасьев, № 113].

⁵ URL: <http://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/milk/> (дата обращения: 30.01.2019).

Эта река сродни огненной реке, разделяющей мир живых и мир мертвых, но она скорее напоминает о небесном царстве изобилия, где растет яблоня с молодильными яблоками и текут источники с живой и мертвой водой⁶. Не случайно брат девочки сидит на лавочке и играет «золотыми яблочками»⁷.

«Пропуском» в иной мир служит молоко в тексте на сюжет «Бегство от ведьмы» [СУС 327С (?)], где героиня в поисках братьев доходит до высокой горы — одному из прообразов пути в иное царство — и видит на дороге кобылью голову: «Шла-шла, до горы дошла, увидела лошадину голову. Стала ее спрашивать. А она говорит: „Ты молоком меня напои, а потом и спрашивай“. Ну, она ее молоком напоила. Та ей и дала полотенце да клубочек. И говорит: „Будет тебя кто звать — не обвертывайся!“» [Крн.-Лев. Дети, № 42]. Лошадиная голова в этом тексте выполняет ту же функцию, что и баба-ягдарительница — хранительница входа в царство мертвых [Афанасьев, т. 1, с. 462, 463 — примеч. к текстам № 99, 102–103], а молоко в данном случае является «пропуском» в это царство.

Молоко в сюжете СУС 313 подает Яга своей племяннице, действуя в интересах героя, когда та останавливается у нее на отдых: «„Я тебе помогу!“ — „Помоги, помоги, баушка!“ — „А вот прилетят ко мне десять голубиц, я их напою-накормлю; потом прилетит Марфа Токмановна, дочь ево (морского царя), и со своей служанкой. Когда же ей стану всяко кушанье подавать, последнее кушанье — картошки с молоком, — скажу ей, што ‘вот тебе, Марфа Токмановна, женишкá-то!’ Она хотит меня ударить. (Я тебя посажу за печку, ты сиди). Из-за печки выскакивай и тут её лови! Если поймашь, то ты будешь человек, а не поймашь — погибнешь!“» [Зеленин, Перм., № 55].

Здесь, помимо того что молоко продолжает фигурировать как пища иного мира, возможно, нашел свое отражение один из моментов свадебного обряда, где молоко является последним блюдом, «выгоном»: «Принесут потом женихам последнее, молоко топленое — „выгон“ называютце» [Русская свадьба, с. 254].

Как пища иного мира используется молоко в тексте на сюжет «Мужрак» [СУС 440]. Бездетные старик со старухой берут в сыновья поросенка, найденного в болоте у «чушки с поросятами». Сын вырастает, женится на царской дочери, по ночам превращается в красавца, а днем остается поросенком. Жена по совету своей матери сжигает его свиную шкуру. Вихрь уносит

⁶ См., например, как это происходит в сюжете «Царь-девица» (СУС 551).

⁷ Изобилие библейской «земли обетованной» символизируется тем, что там «течет молоко и мед» (Исх. 3: 8, 17; Лев. 20: 24 и др.).

его в «хрустальный монастырь». Жена отправляется на поиски, с помощью святой Середы, святой Пятницы и Святой Троицы попадает в хрустальный монастырь, где ее встречает мать мужа. Дважды, когда она приходит, мать дает сыну *молоко*, и он *засыпает* (=сон, подобный смерти). На третий раз молоко не выпивается, они встречаются и возвращаются домой [Зиновьев, № 47].

Схожей функцией, вероятно, обладает *молоко*, которым вполне по-бытовому поит героя Мать Северного ветра: «Идёт и идёт, изголодал, што уж идти не может, на коленках ползёт. И видит крутую гору. И подошел к этой горы, упёр головой в гору, открылась дверь, и на пороге стоит старушка. „О, Феденька, бедной, как ты голодной, попадай в избу“. Вот она, старушка, взяла ёго за рúки, ввёла в избу, роздела, дала ему стакан молока и кусочик маленькой хлеба и рюмку вина. „Ну, топерь, Федя, ты полежи часика два, а потом тебе даю, потому што тебе сразу давать много ись нельзя“» [Коргуев, № 9].

В конечном итоге становятся очевидны такие функции молока в русских волшебных сказках, как исцеление, укрепление, трансформация, инициация, приобщение к материнскому роду и объединение двух родов, молоко — пища «инога мира» и «пропуск» в этот мир.

Таким образом, если рассматривать сказки в совокупности как некий прототекст, то мы видим, как в каждом из сюжетов разворачивается одна из составляющих общих мифологических и обрядовых представлений о молоке, а объединение этих отдельных частей дает нам довольно объемную и в целом не утилитарную картину восприятия молока в крестьянской среде, которую сохранила волшебная сказка с древнейших времен.

Литература

- Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984. Т. 1. 512 с.; 1985. Т. 2. 464 с.; Т. 3. 496 с.
- Бахтин — Сказки Ленинградской области / Собр. и подгот. к печати В. Бахтин, П. Ширяева. Л.: Лениздат, 1976. 288 с.
- Власова — Власова М. Н. Из истории экспедиций Отдела фольклора ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) в Новгородскую область (1963–1987): Экспедиционные дневники В. В. Митрофановой (1965, 1967) // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2013. Вып. 8 / Отв. ред. Ю. И. Марченко. С. 302–332.
- Гура — Гура А. В. Символика животных в мифологии славян. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Зеленин, Перм. — Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 584 с.
- Зиновьев — Русские сказки Забайкалья / Подгот. текстов, сост., предисл. и примеч. В. П. Зиновьева. Иркутск: Вост.-Сибир. кн. изд-во, 1983. 352 с.
- Карнаухова — Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст., коммент. И. В. Карнауховой. М.; Л.: Academia, 1934. 446 с.
- Коргуев — Сказки М. М. Коргуева / Зап. и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. Кн. 1. 660 с; Кн. 2. 676 с. (Сказки Карельского Беломорья; Т. 1).

- Крн.-Лев. Дети — Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. 680 с.
- КС — Русские сказки в Карелии: (Старые записи) / Подгот. текстов, ст., коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск: Госиздат К-ФСРС, 1947. 246 с.
- Куприяниха — Сказки Куприянихи / Запись сказок, ст. о творчестве Куприянихи и коммент. А. М. Новиковой, И. А. Оссовета; вступ. ст. и общ. ред. И. П. Плотников. Воронеж: Воронеж. книгоизд-во, 1937. 271 с.
- Потанин — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества по этнографии. Томск: Паровая тип. Н. И. Орловой, 1906. Т. 1, вып. 2: Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний / Под ред. Г. Н. Потанина. 290 с.
- Рейли — *Рейли М. В.* «Престрашная, прегрозная лягуха» русских волшебных сказок // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2018. Вып. 10: Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: К юбилею Юрия Александровича Новикова. С. 239–258.
- РССиДВ — Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / Сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск: Наука, 1993. 352 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Русская мифология — Русская мифология: Энциклопедия / Сост. Н. Эриашвили, Е. Мадлевская, В. Павловский. М.: Эксмо; МИДГАРД, 2007. 171 с. (Тайны древних цивилизаций).
- Русская свадьба — Русская свадьба / Сост. Д. Балашов, Ю. Марченко, Н. Калмыкова. М.: Современник, 1985. 392 с.
- Садовников — Сказки и предания Самарского края / Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1884. 388 с. (Записки РГО по Отделению этнографии; Т. 12).
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. / Сост. Л. Г. Барг, К. А. Кабашников, Н. В. Новиков; отв. ред. К. В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 440 с.
- Толстая — *Толстая С. М.* Молоко // Славянские древности. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 284–288.

References

- Afanas'ev, A. N. (1984–1985). *Narodnye russkie skazki*. 3 vols. Moscow: Nauka. Vol. 1, 512 p.; Vol. 2, 464 p.; Vol. 3, 496 p.
- Azadovskii, M. K., ed. (1947). *Russkie skazki v Karelii (Starye zapisi)*. Petrozavodsk: Gosizdat Karelo-Finskoi SSR, 246 p.
- Bakhtin, V., Shiryayeva, P., eds. (1976). *Skazki Leningradskoi oblasti*. Leningrad: Lenizdat, 288 p.
- Balashov, D., Marchenko, Yu., Kalmykova, N., eds. (1985). *Russkaya svad'ba*. Moscow: Sovremennik, 392 p.
- Barag, L. G., Kabashnikov, K. A., Novikov, N. V., eds. (1979). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka*. Leningrad: Nauka, 440 p.
- Eriashvili, N., Madlevskaya, E., Pavlovskii, V. (2007). *Russkaya mifologiya. Entsiklopediya*. Moscow: Eksmo, MIDGARD, 171 p. (Tainy drevnikh tsivilizatsii).
- Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v mifologii slavyan*. Moscow: Indrik, 912 p.
- Karnaukhova, I. V., ed. (1934). *Skazki i predaniya Severnogo kraya*. Moscow; Leningrad: Academia, 446 p.

- Matveeva, R. P., Leonova, T. G., eds. (1993). *Russkie skazki Sibiri i Dal'nego Vostoka: Volshebnyye. O zhivotnykh*. Novosibirsk: Nauka, 352 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka).
- Nechaev, A. N., ed. (1939). *Skazki M. M. Korgueva*. Petrozavodsk: Kargosizdat, Vol. 1, 660 p.; Vol. 2, 676 p. (Skazki Karel'skogo Belomor'ya. Vol. 1).
- Plotnikov, I. P., Novikova, A. M., Ossovetskii, I. A., eds. (1937). *Skazki Kupriyanikhi*. Voronezh: Voronezhskoe knigoizdatel'stvo, 271 p.
- Potantin, G. N., ed. (1906). *Zapiski Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po etnografii*. T. 1, vyp. 2: *Russkie i inorodcheskie skazki Eniseiskoi i Tomskoi gubernii*. Tomsk: Parovaya tipografiya N. I. Orlovoi, 290 p.
- Reili, M. V. (2018). '«Prestrashnaya, pregroznaya lyagukha» russkikh volshebnykh skazok', in: Vlasova M. N., Kaneva, T. S., eds., *Iz istorii russkoi fol'kloristiki*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 10. *Sovremennyye metody i podkhody v izuchenii traditsionnoi narodnoi kul'tury: K yubileyu Yuriya Aleksandrovicha Novikova*, 239–258.
- Sadovnikov, D. N., ed. (1884). *Skazki i predaniya Samarskogo kraya*. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 388 p. (Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po Otdeleniyu etnografii. Vol. 12).
- Tolstaya, S. M. (2004). 'Moloko', in: Tolstaya, S. M., ed., *Slavyanskije drevnosti*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 3, 284–288.
- Vlasova, M. N. (2011). *Neizdannyye materialy ekspeditsii na Russkii Sever 1926–1928 godov: Skazki. Legendy. Bylichki. Detskii fol'klor*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 680 p.
- Vlasova, M. N. (2013). 'Iz istorii ekspeditsii Otdela fol'klora Instituta russkoi literatury Rossiiskoi akademii nauk (Pushkinskii Dom) v Novgorodskuyu oblast' (1963–1987). *Ekspeditsionnyye dnevniki V. V. Mitrofanovoi (1965, 1967)*, in: Marchenko, Yu. I., ed., *Iz istorii russkoi fol'kloristiki*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 8, 302–332.
- Zelenin, D. K. (1997). *Velikorusskie skazki Permskoi gubernii*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 584 p.
- Zinov'ev, V. P., ed. (1983). *Russkie skazki Zabaikal'ya*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 352 p.

И. В. Федорова

«ПУТЕШЕСТВИЕ» НА ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК КИЕВСКОГО МЕЩАНИНА ВЛАДИМИРА СМИРНОВА — НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК О РУССКОМ ПАЛОМНИЧЕСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.¹

Резюме

В научный оборот вводится фрагмент паломнического дневника, принадлежавшего киевскому мещанину Владимиру Смирнову и сохранившегося в рукописях РГБ. Ф. 310 (собр. Ундольского). № 1032 и РГБ. Ф. 17 (собр. Барсова). № 521.2. Богомолье совершено в 1836–1838 гг. Маршрут проходил через Святую гору в Иерусалим, однако обстоятельства заставили автора задержаться на Афоне продолжительное время. Сохранившаяся часть дневника описывает пребывание Владимира Смирнова в русском скиту пророка Илии, где он вместе с другими монахами пережил эпидемию чумы 1836–1837 гг. Подневные записи очевидца, рассказывающие о трагических событиях в скиту во время эпидемии, об истории пострижения автора в монахи и выборов нового настоятеля, подробности бытового характера, касающиеся паломнической практики 1830-х гг., с одной стороны, не традиционны для паломнических текстов этого времени. С другой стороны, они превращают дневник Смирнова в ценнейший источник для истории русского присутствия на Афоне, уникальность которого определена еще и тем, что от первой трети столетия сохранились лишь единичные записки богомольцев о посещении Святой горы.

Ключевые слова: паломничество, Палестина, Иерусалим, Афон, русский скит пророка Илии, иеромонах Аникита (князь С. А. Ширинский-Шихматов), дневник паломника, паломническая литература

¹ Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2024 г.

Irina V. Fedorova

THE "JOURNEY" TO THE CHRISTIAN EAST OF THE KIEVAN TOWNSMAN VLADIMIR SMIRNOV — AN UNKNOWN SOURCE ABOUT A RUSSIAN PILGRIMAGE IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Abstract

This article introduces the first part of a pilgrimage diary written by the Kievan townsman Vladimir Smirnov in 1836–1838. The extant part of the diary is preserved in two fragments, which are found in two different manuscripts in the Russian State Library in Moscow: Fond 310 (Collection of V. M. Undolskii), no. 1032 and Fond 17 (Collection of E. V. Barsov), no. 521.2. The destination of Smirnov's pilgrimage was Jerusalem, but circumstances forced him to stay on Mount Athos much longer than he planned. In the extant part of his diary, Smirnov describes his stay in the Russian Skete of Prophet Elijah on the Holy Mountain, where he and other monks survived the plague epidemic of 1836–1837. His diary entries are exceptional among pilgrimage texts from that time because they present an eyewitness account of the tragic events at the hermitage during the epidemic, of the author's tonsure as a monk, and of the election of a new abbot. They also give details concerning everyday pilgrimage practice in the 1830s. This information makes Smirnov's diary a valuable source for the history of the Russian presence on Mount Athos, particularly because there are very few pilgrims' accounts of the Holy Mountain from the first third of the 19th century.

Keywords: pilgrimage, Palestine, Jerusalem, Mount Athos, Russian Skete of Prophet Elijah, Hieromonk Anikita (Prince S. A. Shirinsky-Shikhmatov), pilgrim's diary, pilgrimage literature

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-124-178

Несмотря на все богатство и жанровое разнообразие репертуара русской паломнической литературы XIX в.,² от первой половины столетия описаний богомолий по местам Христианского Востока сохранилось не много, поэтому каждый источник, вводимый в научный оборот, вызывает интерес и способен открыть новую страницу в истории русского странничества или дополнить уже существующее представление о нем. К числу таких произведений отнесем и текст, сохранившийся в рукописи РГБ. Ф. 310 (собр. Ундольского). № 1032³ под названием «Краткое описание путешествия за границу, во Иерусалим, для поклонения Живоносному гробу Христову и прочим тамо самим Богом освященным святым местам киевского мещанина Владимира Смирнова 1836, 1837 и 1838 годов»⁴. Первые сведения о рукописи Путешествия

² Наиболее полно представление об этом периоде развития паломнической литературы отражает библиографическое пособие: [Stavrou, Weisensel, p. 135–718].

³ Далее — рукопись Ундольского.

⁴ Далее — Путешествие или Путешествие Владимира Смирнова.

находим в описании собрания В. М. Ундольского: «В библиотеке Ундольского встречается путешествие киевского мещанина, а потом Троицкого монаха Владимира Смирнова (1836—1838); это — автограф автора на 57 листах, в 4°, № 1032» [Викторов, с. 21]. Эти сведения о рукописи были заимствованы в библиографическое пособие С. И. Пономарева [Пономарев, с. 17, № 66]. В новейшей монографии Т. А. Исаченко, рассматривающей русско-афонские связи XVI—XIX вв. на материале паломнических записок, рукопись Ундольского не названа, но указан один лист из дневника киевского мещанина, сохранившийся в собрании Барсова, — РГБ. Ф. 17 (собр. Барсова). № 521.2⁵. Этот фрагмент исследовательница, следуя за описью собрания, назвала «Рассказ Владимира Смирнова о разрушенном на Афоне русском монастыре» [Исаченко, с. 233 (примеч. 2), 234]. Таким образом, о паломничестве Владимира Смирнова науке известно с XIX в., однако его описание так и не стало объектом специального рассмотрения: текст Путешествия не опубликован, а потому «закрыт» для исследователей. Наша задача — ввести в научный оборот Путешествие Владимира Смирнова и определить его ценность для изучения истории русского присутствия на Афоне и отечественной паломнической литературы.

Как следует из заголовка, паломничество киевского мещанина было протяженным и заняло три года (1836—1838), однако в рукописи Ундольского сохранилась только первая часть описания странствования, посвященная пребыванию на Афоне. Таким образом, значительная часть рассказа о богомолье на Святой земле, если автор там побывал, в настоящее время утрачена⁶. Сохранившаяся рукопись представляет значительный интерес для истории организации паломнического движения в 30-х гг. XIX в. и русского присутствия на Святой горе, точнее — истории русского Ильинского скита.

Следуя за хронологией паломничества и его маршрутом, в повествовании можно выделить несколько частей: предисловие с традиционным для него мотивом отложенного путешествия в Палестину на богомолье (л. 1—1 об.); история получения документов для поездки в Киеве и отъезд в Одессу (л. 2—4 об.); дорога до Одессы и жизнь в городе до отправления в Константинополь (л. 5—18 об.); морской путь от Одессы к Константинополю и посеще-

⁵ Далее — Барсовская рукопись.

⁶ С частичной сохранностью паломнических описаний в рукописях — независимо от времени богомолья и его описания — исследователям приходится сталкиваться достаточно часто, однако их ценности для науки это обстоятельство не уменьшает. Таковы, например, неполный текст «Сказание путешествия от Константинополя до святого града Иерусалима», известный в рукописи нач. XVIII в. (РНБ. Собр. Погодина. № 916), или записки Арсения Митрофанова, обрывающиеся сообщением о прибытии на Афон летом 1835 г. [Хождение ко святым местам].

ние бывшей столицы Византии (л. 18 об. — 24 об.); путь до Афона (л. 25 — 28); описание пребывания автора на Святой горе с 24 августа 1836 г. по 25 марта 1837 г. (л. 28 — 57 об.). Из листа, сохранившегося в собрании Барсова, следует, что на Афоне автор находился как минимум до середины лета 1837 г.: запись приурочена к 26 июля 1837 г. (Барсовская рукопись, л. 1).

Первые части рукописи Ундольского интересны с точки зрения бытовых подробностей. Автор рассказывает о сборах в дорогу, получении паспортов в Киеве и Одессе, о жизни в портовом городе и тяготах морского путешествия до Константинополя и Афона. Фактографичности дневника способствует включение копий документов, полученных паломником в Киеве (л. 2 — 3), на основании которых в Одессе был выдан заграничный паспорт (л. 13 об. — 14), описаны условия и препятствия, с которыми сталкивались потенциальные богомольцы, выправляя документы (л. 7 об. — 13). На страницах дневника Смирнов привел и список припасов, закупленных на целый год по совету вернувшихся из Иерусалима богомольцев: «...галетовъ сухихъ, которыя способны в тамошнихъ мѣстахъ и на морѣ, такжѣже макаронѣвъ, круп, пшена, икры и рыбы солоной и прочаго. Само нужнейшее всего, ради тамошнихъ климатовъ и заразительныхъ повѣтрій, надобно брать чесноку, уксусу и нюхательнова спирту» (л. 14 — 14 об.). Рачительность автора проявилась и в росписи финансовых трат, которые он понес, еще не покинув страну (см., например, л. 17). Таким образом, дневник содержит сведения о тех нуждах, о которых странники, отправляясь в паломничество из разных уголков страны, даже не догадывались, а сталкиваясь с проблемами на месте и не имея возможности успешно их решить, вынуждены были возвращаться на родину. Сообщение об этом находим и в дневнике нашего автора (л. 14 об.). Для исследователей паломнического движения эта сторона дневника Смирнова — уникальный источник, позволяющий реконструировать бытовую сторону богомолья начала XIX в., так как в описаниях старшей традиции ей внимания не уделялось.

На Афон Владимир Смирнов прибыл спустя несколько лет после поражения Турции в войне с Россией, результатом которого стало заключение Адрианопольского мирного договора (1829 г.). И хотя с 1830 г. русские снова стали посещать Святую гору, письменных свидетельств о таких паломничествах пока не обнаружено. Задерживаться на Афоне киевский мещанин не планировал, однако из-за болезни, подкосившей его еще на корабле, не смог продолжить путешествие в Иерусалим вместе со своими спутниками: «25-го августа изъ числа нашихъ поклонниковъ 6 человекъ отъправились во Иерусалимъ, а мы — 6 человекъ — остались здѣсь...» (л. 28 об.).

На страницах Путешествия перед читателем проходит жизнь русского Ильинского скита в течение полугода, на которые выпали тяжелые испытания

эпидемией бубонной чумы. Дневник Смирнова — подневные записи очевидца, пережившего (и выжившего!) вместе со скитскими монахами эти тяжелые месяцы, что и определяет его значимость и ценность для науки, так как подобного рода источников от этого времени не сохранилось. «Чумная болезнь» в скиту началась 21 сентября 1836 г., когда из Константинополя вернулся заболевший иеромонах Палладий (л. 31 об.): его смерть повлекла за собой череду других смертей. Как писал наш автор, «одно горь постигает другое, бѣда за бѣдою, скорь за скорбию» (л. 33). Карантин в скиту протат объявил 8 октября, а 12 числа умер настоятель — иеросхимонах Парфений, не дошедший до братской могилы. Его смерть и похороны стали еще одним потрясением для насельников скита: «...вырыли въблизу могилу и бѣзо всякаго принадлежашаго обряда вытащили крычками и зарыли землю» (л. 34 об.). Каждый день в скиту был отмечен смертями, а Владимир Смирнов стал их летописцем. Благодаря дневнику известно, кто из насельников скита когда и как умер (см. л. 36–42 об.). Представить ужас, сковавший скит, можно и из рассказа о смерти монаха Феодосия, которого так впечатлило происходящее вокруг, что он испугался до смерти: «И отъ страху здѣлалось ему дурно, и отъ того приключилась чумная болѣзнь и потомъ смерть» (л. 41). Физиологические подробности болезни и доставляемых ею страданий, описанные Владимиром Смирновым (см. рассказ о монахах Матфее и Макарии на л. 39), подчеркивают масштаб эпидемии, свирепствовавшей в Ильинском скиту. Но в страшное время случались и чудеса: так автор оценил историю спасения от болезни монаха Макария, который еще живым лег в приготовленную для него могилу — «очень былъ болѣнь», а утром из нее вылез живым «и послѣ здѣлался здоровъ» (л. 39).

Дневниковые записи Владимира Смирнова — это и страницы его жизни, наполненные не только страхом, скорбью об умерших монахах, тревогами и надеждами, но и значительным событием в его жизни — пострижением в монахи с именем Василий (об этом см. на л. 36 об.—37). Хотя, как следует из текста, прощаться с миром он не планировал и, можно думать, не был готов к постригу духовно, потому как монашество для него — «великое дѣло» (л. 36 об.). Причиной душевных волнений автора стала еще и невозможность в ситуации карантина получить пастырское окормление, которое ему заменили привезенные из России книги: «Лествица» и «Добротолубие» (см. л. 37 об.)⁷.

⁷ Как следует из дневника, Владимир Смирнов был начитан в Писании, на что указывают цитаты из него, встречающиеся в разных частях текста. Видимо, это имел в виду и схимонах Савва, называя киевского мещанина «письменным» человеком (л. 37). В своей речи использует автор и пословицы, придающие живость и сочность повествованию и заостряющие внимание на отдельных событиях. В некоторых случаях Смирнов пытается изъясняться даже высоким стилем

Отметим это сообщение, так как оно актуально для освещения вопроса о круге чтения паломников, отправлявшихся на Христианский Восток, и уникально, потому что подобных свидетельств паломнические тексты рассматриваемого времени не сохранили⁸.

По признанию Владимира Смирнова, он вел дневник для себя, на память (см. л. 25) и стремился к объективности описания («истинно и праведно», л. 25 об.), однако в ряде моментов его свидетельства противоречат сложившемуся в историографии представлению о том, что происходило во время эпидемии «у русских». Считается, что она прекратилась после того, как в скит из монастыря Ксиропотам была принесена частица Животворящего Креста Господня, отслужено всенощное бдение, а после водоосвящения и литии имущество монахов и скитские постройки окропили святой водой⁹. В дневнике Владимира Смирнова сообщения о принесении реликвии не находим, но в нем подробно описано, как оставшиеся в живых монахи спустя сорок дней карантина готовили скит для освидетельствования специальной комиссией — «опредѣленный отъ протата лѣкаръ и прочие члѣны». Для этого братия должна была, по постановлению протата, «сами себя очистить» (л. 47 об.), чем монахи и занимались 12–13 января 1837 г.: «Пришли въ скитѣ. Начали изъ церкви и изъ келий всѣ выносить на дворъ — ризницу и прочие вѣщы — всѣ окуривали и вѣздѣ въ саду на древахъ и на маслинахъ развѣшали церковныя сосуды, кресты и Евангелія. Всѣ уксусомъ обливали и на дворъ всѣ на воздухъ поставляли» (л. 47 об.). 13 января прибыла комиссия и стала «расспрашивать обо всѣмъ подробно: как вы сие бѣдствѣнное время провождали и какъ еще васъ Богъ помиловалъ, въ живыхъ остались» (л. 48 об.). 15 января в скиту состоялось всенощное бдение: служил приглашенный преосвященный Панкратий. После освящения воды состоялся крестный ход: «Освятивши воду, подняли хоругвы и мѣстныя образа, пошли съ крестнымъ ходомъ. {...} Обѣщедши кругомъ всѣго скита, възшли въ церковь. Облачили преосвященнаго, и началась поздняя литургия. Послѣ литургии пошли всѣ на фондарики, угощали всѣхъ кофеемъ» (л. 52 об. — 53). Скит преосвященный

(«...чувствительно благодарилъ, не въ силахъ даже отвѣтствовать за всѣ ихъ доброжелательства, которыхъ премного получилъ» (л. 16)), хотя иногда обращение к нему кажется неуместным, так как контрастирует с объектом описания: «...Богъ освободилъ отъ ига мучительнаго поносной чумы...» (л. 50 об.) или «...нашъ русский скитъ пророка Илии былъ во осадѣ, по[д] игомъ мучительнымъ поносной заразительной болѣзни чумы...» (л. 51 об.). При этом, судя по количеству орфографических ошибок и описок, ошибкам в согласовании, у паломника не было большого опыта владения пером, но в мастерстве рассказчика ему трудно отказать.

⁸ Останавливаться подробно на этом вопросе в рамках статьи не будем, так как он требует отдельного исследования.

⁹ Подробнее об этом см.: [Парфений, инок, с. 238–239; Игнатий, инок, с. 25].

покинул после обеда, а «братия, своя, скитская, и прихожии кельяши» устроили совет — «кого игуменомъ или настоятелемъ здѣлать» (л. 53 об.). Как известно, настоятелем Ильинского скита в 1837 г. был поставлен уроженец России иеросхимонах Павел. Опираясь на документы, сохранившиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. 1871. Д. 2269. Л. 126 об.), П. Троицкий представляет иеросхимонаха Павла «деятельным подвижником», который во время чумы служил литургию, пек просфоры, причащал умирающих и отпевал скончавшихся, а став настоятелем, увеличил братию и восстановил в Ильинском скиту общежительный устав [Троицкий, с. 221]. Дневник киевского мещанина также свидетельствует о том, что отец Павел в дни эпидемии вел себя самоотверженно: служил литургии и панихиды по умершим, тогда как монахи старались не покидать свои кельи (см. л. 35, 39 об.). Однако в изложении Смирнова история избрания отца Павла настоятелем представлена как бесчестный подкуп греков, «лакомых на денги», которые, как считал автор дневника, у будущего настоятеля были «въ рукахъ и послѣ умѣршихъ много захватилъ себѣ» (л. 53 об.—54).

Поставление в игумены состоялось 17 января и описано в дневнике так: «...проѣсты приказали отъворить церковь, сами възошли и нашихъ принуждали, но никто не пошли. Сами одни проѣсты въвошли въ церковь, надѣли на отца Павла мантию, поставили его въ настоятельскую форму. А мы въне церкви стояли: двѣри отъворены и намъ слышно, какъ пели „аксиось“, то есть „достойнь“. Послѣ вышли изъ церкви и говорятъ: „Вотъ вамъ игумень, почитайте и повинуйтеся ему“. Тутъ вся братия отъказалась — не признають настоятелемъ, ибо неправильно поставленъ на мздѣ. Поспорили, пороптали и такъ оставили. А отецъ Павелъ, хотя силою и неправдою вътиорся въ настоятели, началъ всѣмъ скитомъ управлять и распорежатся» (л. 54—54 об.). Эти строки отсылают к началу конфликта, произошедшего в скиту в 1837—1839 гг. между выходцами из Малороссии, к которым принадлежал и наш автор, с иноками-великороссами¹⁰. В истории Ильинского скита противостояние внутри братии описывалось по-разному, в зависимости от того, чью сторону принимал свидетельствующий о нем. Так, рассказ о нем сборщика скита инока Игнатия созвучен дневнику Смирнова¹¹, а в жизнеописании иеросхимонаха Павла, записанном на Афоне иноком Парфением (в миру Петр Агеев), скитский монах предстает как кроткий и «непамятозлюбивый» подвижник, смерть

¹⁰ Об этом см.: [Парфений, инок, с. 239; Троицкий, с. 221].

¹¹ Инок Игнатий отмечал, что братия хотела видеть настоятелем иеромонаха Аникиту, в то время отсутствовавшего в скиту [Игнатий, инок, с. 25—26].

которого в 1840 г. оплакивала вся русская братия Святой горы [Парфений, инок, с. 238–242].

Усомниться в объективности оценки ситуации Владимиром Смирновым и заподозрить его в предвзятом отношении к отцу Павлу заставляет его же дневник. Из него следует, что во время эпидемии протат потенциальным настоятелем русского скита видел исключительно иеросхимонаха Павла, а в случае его смерти планировал закрыть Ильинский скит: «...слышали отъ грѣковъ мнение таковое: естли какъ скоро иеросхимонахъ Павелъ помретъ, то хотятъ малагию, или купчую грамоту отобрать, а оставшихъ всѣхъ разогнать и совсѣмъ русской скить уничтожить» (л. 41 об.).

Завершая обзор содержания дневника Владимира Смирнова, акцентируем внимание на сохранившемся в нем документе, органично вписавшемся в историю эпидемии, запечатленную автором, — письмо выжившей братии иеромонаху Аниките (в миру князь С. А. Ширинский-Шихматов), покинувшему Ильинский скит незадолго до начала заболевания в связи с назначением настоятелем церкви при Русской миссии в Афинах. Письмо стало ответом на его послание в скит. И если его содержание автор дневника обозначил в нескольких словах («...онъ очень насъ утѣшаетъ и ободряетъ, чтобы не отъчаявались, а на милость Божию возлагались...» — л. 43), — то ответ монахов приведен полностью (л. 44–45), включая перечень живых и умерших, о чем просил иеромонах Аникита («...сердечно просить увѣдомить его подробно, кто помѣрли и кто въ живыхъ остались» — л. 43 об.).

Все сказанное убеждает в ценности дневника Владимира Смирнова для реконструкции истории отечественного паломничества и русского присутствия на Святой горе в 30-х гг. XIX в. и подчеркивает его своеобразие среди паломнических описаний, традиционно представляющих собою рассказ об афонских обителях, скитах, реликвиях и фиксацию связанных с ними преданий. Нетипичность своего описания осознавал и наш автор. На листе, сохранившемся в собрании Барсова, он спустя какое-то время после пережитых событий признавался: «...не с темъ намѣрениемъ проживалъ, чтобы каковой-либо памятникъ или путешествѣнникъ составить, а единствѣнно возбусердствовалъ помолится и на всѣхъ святыхъ мѣстахъ поклонится, что только при[по]мню и что въ бытность мою прилучися ми видѣть и слышать, то истину скажу, не солъгу» (Барсовская рукопись, л. 1). Приписка с этого же листа проясняет его дальнейшую судьбу: «Киевский мѣщанинъ Владимиръ Смирновъ въ маломъ образѣ постриженъ во святой Афонской горѣ. Нынѣ бла[го]-д[атью] Бож[ьей] въ Св[ятой] Тр[оице]-Сер[гиевой] лавр[е]» (Там же, л. 1 об.).

Так желание поклониться Гробу Господню в Иерусалиме привело в монахи богомольца, духовный путь которого пролегал от Святой горы до Троице-

Сергиевой лавры. Нет сомнений, что в этом для автора дневника проявился Божий Промысл, о котором говорят стихи Псалтири, предпосланные Владимиром Смирновым (иноком Василием) записям: «Пути Твоя, Господи, скажи ми и стезямъ Твоимъ научи мя» (Пс. 24: 4).

Текст Путешествия Владимира Смирнова публикуется по рукописи РГБ. Ф. 310 (собр. Ундольского). № 1032 с сохранением авторской орфографии; сокращения текста и пропуски букв в словах, мешающие пониманию текста, восстановлены в квадратных скобках, знаки пунктуации расставлены в соответствии с современной нормой.

Приложение

Краткое описание путешествия за границу, во Иерусалим, для поклонения Живоносному гробу Христову и прочим тамо самим Богом освященным святым местам киевского мещанина Владимира Смирнова 1836, 1837 и 1838 годов¹ //

л. 1

Пути твоя, Господи, скажи ми
и стезямъ твоимъ научи мя.
Псаломъ 24, стихъ 4

Всякое доброе намѣрение и благое предприятие есть Божий даръ, ниспосылается отъ Оца свѣтовъ всякому благочестивому христианину въ пользу и назидание душевнаго спасения. Мню, яко всякий православно здравомыслящий христианинъ въ томъ противоречить не станетъ. Сей то Божий даръ воспламенилъ во мнѣ отъ многихъ лѣтъ сильное и непрерывное желание поклонится Живоносному гробу Христову и прочимъ тамо самимъ Богомъ освященнымъ святымъ мѣстамъ. Но какъ по разнымъ препятствованиямъ долгое время неисполняемо было, то по случаю моего звания, то по недостатке на таковое путешествие капитала. //

л. 1 об.

Благословенъ тотъ день и часъ, в онъ же благоволи Богъ по неизреченной своей благости прежде бытия моего, по утверждению Давидову, «несодѣланное мое видѣть очи твои»*, предопредѣленное мнѣ во исполнение превести. Хотя очень по затруднительнымъ обстоятельствамъ, такъ какъ въ первой разъ и по неопытности въ такомъ предприятии, но какъ на гражданскимъ

¹ В ркп название написано на обороте листа, служащего обложкой тетради, переплет отсутствует.

законамъ и чиноположениямъ, такъ и со стороны общественной, казенныхъ и партикулярныхъ притенсий. Узнавши ходъ дѣла, своими трудами и добротныхъ подателей, собравши хотя небольшое количество сумы, а наипаче изобилувала и поспѣшествовала благодать Божия, челоуѣколюбие и вспомошествование ближнихъ. Начало же принялъ сице // и сего 1836-го года, л. 2
мѣсяца майя 24 дня, изъпрося отъ общества киевскихъ мещанъ, Киевской градской думы двухъгодовой мѣщанской паспортъ извѣстнаго содержания, при ономъ же свидѣтельство: «По указу Его императорскаго величества, изъ Киевской градской думы киевскому мѣщанину Владимиру Михайлову Смирнову, которой поданнымъ въ сию думу прошениемъ, изъясняя, что для получения ему отъ начальства паспорта на слѣдование его во Иерусалимъ для поклонения Гробу Господню потребно имѣть свидѣтельство въ томъ, что къ нему ни отъ кого никакихъ притенсий — равно и отъ общества, въ коемъ онъ состоитъ — препятствий не имѣется. Просиль за учинениемъ объ ономъ выправки выдать ему свидѣтельство опредѣльна какъ за учение по дѣламъ сей думы // и киевскаго городаваго магистрата справки. Къ проситѣлю л. 2 об.
Смирнову никакихъ дѣнежныхъ притензий не оказалось, партикулярныхъ долговъ и мѣщанскихъ податей въ доимки не числится и на испрошение имъ отъ начальства къ слѣдованию во Иерусалимъ двухъ годичнаго паспорта отъ общества киевскихъ мѣщанъ, коему онъ подвѣдомъ, никакихъ препятствий не имееется. Для чего въ засвидѣтельствование вышеписанному Смирнову свидѣтельство выдать. И сие ему за подписомъ и печатью дано майя 24 дня 1836 года. Подлинное подписали градский глава Дѣхтеревъ, главные — Лыцковъ, Новицкий и Балабуха, титулярный совѣтникъ Выдуберцовъ». К симъ двумя докумѣнтамъ приписан третій: «Его превосходительству господину, состоящему въ должности киевскаго губернатора, // дѣйствительному стат- л. 3
скому совѣтнику и кавалеру Федору Лукичу Переверзеву* [от] киевскаго мѣщанина Владимира Михайлова прошение. Возъмѣвъ намѣрение отъ правится во святой градъ Иерусалимъ для поклонения Живоносному Гробу Христову, для того прилагая два документа, выданныя мнѣ изъ Киевской градской думы: плакатный паспортъ за номѣромъ 1900 и свидѣтельство тоже за номеромъ 9033 о не имѣнии ко мнѣ какъ отъ общества, так и казны никакихъ денежныхъ и партикулярныхъ притенсий. Имѣю честь всепокорнейше просить Вашего превосходительства о снабжении меня на слѣдование въ помянутый святой градъ Иерусалимъ паспортомъ. Подлинное подписалъ киевский мѣщанинъ Владимиръ Смирновъ 1836-го года майя 27-го дня». //
Совокупи сий два документа съ прошениемъ, самъ лично подаю его превос- л. 3 об.
ходительству господину, состоящему въ должности Киевскаго губернатора, дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Федору Лукичу Переверзеву

и всепокорнейше прошу о снабжении меня на путешествованіемъ паспорта для поклонения Живоносному Гробу Христову во святой градъ Иерусалимъ. Который принялъ отъ меня, съперва строго сказалъ: «Зачемъ ты отъправляешься за границу, воежировать?» На что ему отвѣчалъ: «Некакъ нѣтъ, Ваше превосходительство, а истинно усердствую поклониться Живоносному Гробу Христову!» И послѣ очень ласкаво обошелся со мною и пожелалъ мнѣ благополучнаго пути, и сказалъ, что получишь паспортъ въ моей канцелярии.

л. 4 Спустя несколько дней прихожу // въ губернаторскую канцелярію, получаю слѣдующаго содержания билѣтъ: «Объявитель сего киевскій мѣщанинъ Владимиръ Михайловъ Смирновъ слѣдуетъ въ городъ Одессу отъ нижеписаннаго числа срокомъ на два мѣсяца, коему за границу препятствія не имееется. 1836-го года июня 5-го дня. На подлинномъ подписалъ въ должности Киевскаго губернатора дѣйствительный статскій совѣтникъ Федоръ Береверзевъ».

Получа билѣтъ, началъ приготавливаться къ путешествію въ назначенный путь, какъ то пищи и одѣжды теплой и холодной изъправя, потребная къ удовольствию. А особѣннымъ долгомъ поставилъ сходить по обоймъ пещерамъ поклонится мощамъ свитымъ угодникамъ печерскимъ, испроси у нихъ благословенія на таковой далный путь. // Такъ же и во святой Киево-Печерской лаврѣ за долгъ поставилъ поклонится тезоименитому ангелу своему — святому благовѣрному и равноапостолному великому князю Владимиру и прочимъ святымъ мощамъ, во святой лаврѣ находящимся. А особливо помолился предъ чудотворной иконой Успения Божия Матере, которая находится над Царскими вратами и спускается на лентахъ*.

Въ то время какую я чувствовалъ радость и жалость сердца, что будто бы я съ какимъ-то блаженствомъ расстался. И это былъ знакъ, особеннымъ какимъ-то предчувствованиемъ. Послѣ сего распростился со всѣми родными своими и зъ благоприятелями моими, а особливо во святой Киево-Печерской лаврѣ съ монашествующими, коихъ доволное число было снакомыхъ и благодѣтелей. Истинно сказать, что съ такою жалостию сердечною меня сопровожали и напутствовали благоприятными благословеніями! //

л. 5 Сего июня 15-го числа отъправился изъ богоспасаемаго града Киева. 16-го проѣзжая Василковъ, 18-го — Бѣлую Церковь, 20-го — городъ Умань, 22-го — городъ Богополе*. 25-го приѣсжалъ въ градъ Адѣссы, будто бы какъ въ лѣсъ. Здесь мнѣ не было не знакомыхъ, ни родни, только высокаго зданія стены одни. Остановился на постояломъ дворѣ, пробылъ двои сутки, затемъ временемъ развѣдывалъ, гдѣ бы удобнее найтить квартиру. Въдругъ попадаетъ незнакомый челоувѣкъ, но вѣрно добродѣльной, рекемандуетъ мнѣ квартиру близъ городской Адѣской полиціи, на Немецькой улице, въ домѣ въдовы купчихи Авдотьи Андреевны Мироновой. Куда и прихожу, и рассматриваю.

Хотя неболша, но особѣнная комната на дворѣ, отъчего мнѣ и понравилась, гдѣ пребывалъ и очень спокойно. Когда расспросила меня хазяйка, и я имъ объявилъ, что отправляюсь во святыи градъ Иерусалимъ. Послѣ сего, хатя они и сами не богатова // состояния, однако всегда присылали мнѣ отъ своего *л. 5 об.* стола кушать. За что вознаградить имъ самъ Спаситель по неложному своему словѣси, аще говоритъ онъ: «Сотворитѣ милость мѣншихъ сихъ братии моеи, мнѣ сие принадлежитъ и мѣзда моя со мною есть»*. Ибо и азъ, грѣшный и недостойный Владимиръ, любовь ради Спасителя моего решился въ толь далный и странныи путь, возлагаясь на его святую волю, вѣвѣряя сѣбя въсесилной его деснице, якоже хоцетъ онъ своими судьбами, такъ пусть и управитъ мною. И аще что прискорбное и несносное прилучится, всеравнодушно долженъ принимать и переносить за сей малый трудъ мой, естли непротивно будетъ премилосердному Создателю моему принять хотя малую частицу сердечнаго усердия моего, // а наипаче по неизреченному милосердию благодатию своею *л. 6* благодѣтелямъ и благотворителямъ моимъ воздасть сторицею въ сей жизни всеми благими, а въ вѣчной — неувядающимъ блаженствомъ.

Сего июня 24-го числа приѣхалъ Воронежской губернии Толшевской пустыни* монахъ Поликарпъ то же для отъправления во Иерусалимъ. Онъ остановился въ домѣ у соборнаго священника, и я съ нимъ познакомился.

Сего июля 1-го числа на день рождения ея императорскаго величества государони императрицы Александры Феодоровны* в Адескомъ Преображенскомъ соборѣ* были на всеношней, а поутру на литургии. Послѣ литургии пригласила насъ обоихъ съ монахомъ ея превосходительство генеральша Пулхерия Яковлевна Сабанеева* на чай и обѣдать // удостоила насъ съ собою *л. 6 об.* вѣмѣстѣ. За таковое ея доброжелательство удостоить Христось Спаситель того обѣда, о которомъ сказалъ: «Блаженъ тотъ, иже снестъ обѣдъ въ Царствии небѣснемъ»*.

Сего июля 2-го пошли мы съ монахомъ въ монастырь на фанталъ*. Подспѣли къ вечерни. Послѣ вечерни позвали насъ въ трапезу вечерять. Здѣсь знакомый мнѣ случилъся монахъ — отецъ Феодосий, который и просфоры печетъ. Позвалъ къ сѣбѣ въ келию, угощалъ насъ фруктами и виномъ краснымъ. За сию братскую его любовь воздасть ему чемъ знаетъ самъ Богъ.

3-го июля были мы на утрени и на литургии. Послѣ литургии тоже приглашены были въ трапезу зъ братиею обѣдать. Тутъ меня удостоили читать житие святыхъ отецъ. Послѣ обѣда повель меня отецъ Феодосий смотреть маякъ, такъ называемый фонарь, которой устроинъ // для ношнаго плаванія *л. 7* кораблей. Здесь устроено очень мудро: 16-ть лампъ въродѣ звѣзды, и горитъ масло съверху сего фонаря. Видъ хорошей, и день прекрасной. И мы рассматривали множество кораблей, въ виду было которыя отъходятъ, а которыя

приходятъ, на немъ находятся шесть матросовъ казенныхъ, которыя управляють фонаремъ, и смотритель над ними — ундеръ-офицеръ. Возвратясь отътуда въ келию, и насъ отецъ Феодосий пошолъ провожать очень далеко. И тутъ мы съ нимъ распростились пріяельски. И онъ намъ пожелалъ благополучнаго пути.

л. 7 об. Проходя мы мѣжду адѣскими садами, коихъ многое множество господскихъ, купеческихъ и разныхъ жителей. // Изъ числа коихъ мы възошли во единъ садъ, священнический, у котораго монахъ квартируетъ. При этомъ случаи приѣзжаетъ сюда священническая дочь, и намъ позволила по саду походить. Въ то время поспѣли шпанскія вишни. И намъ позволили кушать, сколько угодно, еще и съ собою на дорогу набрать.

И такъ пришли мы в Адессѣ, переначали, и сего июля 4-го начали узнавать ходъ дѣла о получении заграничныхъ паспортовъ. Но какъ въ первой расъ и по неопытности въ такомъ предприятии, съ великою затруднительностию едва могли узнать силу начатія. Ходили въ полицію и съпрашивали объ оныхъ обстоятельствахъ. На что сказали намъ, что надобно имѣть непременно поручителей и расписку изъ части о не имени дѣнежныхъ казенныхъ л. 8 и партикулярныхъ притенсій. // Но какъ здесь, въ чужомъ городѣ, не имѣя никого — не знакомыхъ, не пріяелей, а чужой кто можетъ поручится въ таковыхъ обстоятельствахъ? Отъчего мы въ то время въ болшомъ беспокойствии и въ смущении находились.

5-го июля въторично приходимъ мы въ полицію и говоримъ, что въ такомъ случае, не имѣя никого знакомыхъ, не можемъ поручителей представить. На что отъвѣчаютъ намъ, что иначе никакъ невозможно. А вотъ вамъ другой способъ: естли не можетъ поручителей представить, то надобно публиковать въ троихъ адѣскихъ газетахъ. На что мы и согласились. Заплатили за публикавку по 3 р[убля] 50 ко[пеек].

Сего 15-го июля на день ангела моего святаго благовѣрнаго и равноапостольнаго великаго князя Владимира* в адескомъ Преображенскомъ соборѣ былъ я на всѣношной, а поутру на литургии, и Апостоль* читалъ. //

л. 8 об. 16-го июля, по прошествии срока публикаций, являемся мы въ полицію съ надѣждою получить желаемое. Напротивъ того — жесточайшее прискорбие. Объявляютъ намъ, хотя и кончилась объ вашемъ дѣлѣ публикация, но господинъ полицеместеръ заключилъ таковую резолюцію, чтобы непременно доставили объ себѣ поручителей.

Въ то время находясь мы съ монахомъ въ болшомъ унынии и рассуждая въ себѣ, что имѣли чистыя документы, ограниченныя и засвидѣтельствованныя отъ начальства, не имѣя никакихъ законныхъ препятствий в толь съ великою затруднительностию и въ недоумение приходили, что и начать.

А прочия были тоже поклонники, что и самой таварищъ сего монаха. Имѣли тоже законныя увольнения отъ общества, только не засвидѣтельствованныя губернаторомъ, того ради имъ и не выдали заграничныя паспорта, // кото- л. 9
рыя отъправились обратно на свое жительство, а некоторые отъсылали свои билѣты для засвидѣльствования губернаторомъ, а сами дожидались здесь за причие. Пришло мнѣ на память, когда такъ въ маловременномъ и суетномъ семъ мирѣ, по-видимому, и своему мнению будто бы во всемъ исправно, и то столь сильныя неудобныя и затруднительныя мытарства², то что будетъ въ будущемъ вѣкъ! Каковыя неудобныя и непостижимыя мытарства, на которыхъ судии немилостивы, изъстязатели жестоки, тамо праведникъ едва спасается. Азь же, многогрешный Владимиръ, гдѣ явлюся тогда, и каковый отвѣтъ воздамъ судии праведному, когда такъ сильно ослѣпленъ суетою мира сего, в сие провождаю вся дни живота моего, в сластехъ и страстехъ, валяюся какъ въ тинномъ блатѣ, и на мысль никогда не приидѣ положить конецъ грѣховному моему обычаю ко исправлению и къ назиданию душевному. //

Сего июля 20-го были мы вмѣстѣ съ монахомъ Поликарпомъ въ со- л. 9 об.
борѣ на всеношной, поутру на литургии. Выходимъ изъ церкви и такъ очень скорбим, что наше дѣло приостановилось, не знаемъ, что начать и къ кому прибѣгнуть, не имея некакова случая, не знакомыхъ, кто бы пособилъ нашему горю. Но какъ послѣ бури и непогоды всегда бываетъ прекрасное ведро*, такъ и послѣ скорби и печали последуетъ радость. По словамъ пророка Давида, вечеръ водворится плачь, а за утра — радость*. При томъ же надобно и отъ Бога помощи просить, ибо безъ Бога ничто намъ не бываетъ. Посылаетъ иногда и скорби въ ползу нашу, посему равнодушно и переносить должны, аще радость — не весма радоваться, помня, что скоро переменяется, аще скорбь — не весма сокрушатся, помня, что и сие во всю жизнь нашу не продолжается, а чѣмъ-нибудь и кончается. И не уповать на свой вымыселъ, а паче возла[га] емся на волю Божию. И яко же въ семъ мирѣ въ видимыхъ вещахъ, // хотя л. 10
по затруднителнымъ обстоятельствамъ, какъ-нибудь нахарили себѣ способъ ко исполнению дѣловъ нашихъ, такожде въ невидимыхъ и непостижимыхъ вещахъ ты самъ, Господи, руководствуй неизреченнымъ твоимъ промысломъ, ими же веси судьбами доведи насъ въ тихое твое пристанище, въ вѣчное блаженство. Мню, яко Божиимъ провидениемъ отъ благаго Бога благое намъ ниспосылается.

Вышедши мы изъ собора, стоимъ на паперти въ смущении духа, разговариваемъ между собою о своемъ положении. Вдругъ подходитъ къ намъ одинъ изъ чиновниковъ губернаторской канцелярии и спрашиваетъ насъ,

² Здесь и далее испр., в ркп матарства.

откуда вы. На что отъвѣчалъ монахъ, что изъ Воронѣжской епархии, изъ Толшевской пустыни. А я отъвѣчалъ, что киевский мещанинъ. Спрашиваетъ онъ, куда жъ вы отъправляетесь. На что отъвѣчаемъ ему: «Во святой градъ Иерусалимъ! // Для поклонения Живоносному гробу Христову». При том же объявляемъ прискорбное свое положение, не знаемъ, какия мѣры принять. Сей добродушный чиновникъ, вѣрно, благочестивую и христианскую имѣть душу, соболѣзнуетъ сердечно и совѣтуетъ намъ явится въ губернаторскую канцелярию. Сею благоприятною ласкою онъ очень насъ утѣшилъ, какъ некогда ангель Господень сказалъ: «Радуйся, Товия!»* Такъ и мы обрадованы были и его за такую снисходительность премного благодарили, и приятно распрострились.

21-го июля являемся мы въ губернаторскую канцелярию, показываемъ свои билѣты. И тутъ рассмотрели, что законныя документы и никакихъ препятствій не имеется. Подписали намъ на билетахъ и сказали, чтобы так же и въ въ полиции подписали. Въ то же время обращаемся мы въ полицию, и какъ расъ находимъ // самага полицмѣстера въ присутствии. Допускаютъ насъ къ зѣрцалу, и мы достодолжное воздали почтение полицместеру и подаемъ ему свои билѣты, и онъ расматриваетъ и видитъ, что подписали въ канцелярии. Въдругъ раз[г]нѣвался, закричалъ на насъ за то, что были въ канцелярии, и никакова намъ резону не сказалъ. Тутъ мы еще болѣе заскорбили и стали рассуждать: тутъ великъ намъ подвигъ предлѣжить, надобно силнова духа и болшую крепость имѣть не съ маловажными людми обращаться, но толь съ великими лицами расговаривать. И такъ задумались, не знали, что и дѣлать, а что унывать, — то хуже. Подкрепили себя тою надѣждою, которою ободрили насъ въ канцелярии, и, собравшись несколько съ силами, решились опять итить въ губернаторскую канцелярию. // Что назначено отъ Всевышняго промысла быть, тому не миновать! Хотя бы не точию всѣ человекѣки препятствовали, но и горы валились бы, и то никакой преграды не могли бы зделать. Воле бо Божией кто противитися можетъ!

Приходимъ мы въ канцелярию и объявляемъ, что были у самага полицместера лично въ присутствии и онъ намъ некакова резону не опредѣлилъ. Здѣсь столоначалникъ, который находится, выслушавши наши слова, сейчасъ пишетъ записку полицместеру, въ которой прописываетъ, чтобы сихъ поклонниковъ — монаха Поликарпа и мѣщанина Владимира, рассмотревши по законнымъ правиламъ не предвидится некакова препятствія, а посему и въ полиции не задѣрживать. Написавши и запечатавши, даетъ намъ въ руки, чтобы доставить полицместеру. // Тутъ еще мы сумневались и сокрушались, тутъ какова крѣпкова духа надобно въ такомъ случае. Однако немедленно

приходимъ въ полицію, еще и полицмстеръ въ присутствіи, вручаемъ мы сию записку, и онъ распечаталъ и прочиталъ, и сказалъ такъ: «Ну нечева съ вами дѣлать, надобно отъпустить». Подписавши наши билѣты и завели въ шнуровую книгу. И такъ сказалъ намъ: «Идите съ Богомъ!»

Мы того же числа приходили въ канцелярію, отдаемъ свои билѣты, и тутъ самъ столоначальникъ видитъ, что подписаны. Принялъ отъ насъ и говорить, что чрезъ два дни приходите, получите заграничные паспорта. Этотъ день великъ очень для насъ былъ не потому, чтобы болѣе въ немъ часовъ было, а потому, что намъ много подвиговъ предлежало. // «Сей день, егоже сотвори *л. 12 об.* Господь, возрадуемся и возвеселимся в онъ»*.

Сей день для насъ былъ прискорбень въкупѣ и радостень. Напримерь, естли бы кто содѣржался въ темницѣ долгое время, послѣ того пришолъ бы тотъ назначенный день, въ которой его освободили, въ какой бы онъ радости находился и съ какимъ веселиемъ бы общаго всемъ свѣта наслаждался. Такъ мы несравненно более восхищались, получа такую дражайшую свободу къ предъназначенной цели, совершенно ощущали въ себѣ какую-то неизъглаголанную радость.

23-го июля являемся мы въ канцелярію, какъ преждѣ намъ [было] сказано — чрезъ два дни. Сейчасъ намъ говорятъ, что готовы ваши паспорта. И мы тутъ заплатили по 1 с[еребряному] р[ублю] 60 коп., и спрашиваютъ, есть ли у насъ сума по гражданскому положению въ 500 с[еребряных] р[ублей], которыя должны налично показать. Тутъ монахъ показалъ денги, означенное число, а они // пересчитали и сказали: «Хорошо». Спрашиваютъ и меня, есть ли таковая же сума. Хотя у меня и не находилось толикое число суммы, однако я сказалъ, что имѣю, на что они увѣрились и не потребовали у меня. Выдаютъ намъ слѣдующаго содѣржания паспортъ:

«По указу его величества государя императора Николая Павловича, самодержца Всероссийскаго, и прочая, и прочая, и прочая

№ 2705 Примѣты:

Лѣта — 30

Ростъ — средний

Волосы — тем[но]-русые

Лобъ, лицѣ — чистое

Брови — тем[но]-русые

Глаза — голубые

Носъ, ротъ — умеренные

Особые прим[еты] — нетъ

Объявляется чресь сие всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлѣжитъ, что показатель сего киевский мѣщанинъ Владимиръ Смирновъ отъправляется въ Турецкия владѣнія // срокомъ на одинъ годъ отъ нижеписаннаго числа. Того ради всѣ высокия области приглашаются по состоянню чина и достоинства, кому сие предъявится. Нашимъ же воинскимъ и гражданскимъ управителямъ поставляется въ обязанность означеннаго Смирнова, какъ нынѣ изъ России ѣдущаго, такъ и потомъ въ Россию возвращающагося, не токмо свободно и безъ задержания вездѣ пропускать, но всякое благоволение и вспоможение оказывать. Во свидѣтельство того и для свободного проѣзда данъ сей паспортъ отъ Адескаго градоначальства съ приложениемъ его императорскаго величества печати. Въ Одессѣ 7 июля двадцать третьяго дня 1836-го года. // Его императорскаго величества всемилостивѣйшаго государя моего дѣйствительный статский совѣтникъ, Одѣский градоначальникъ и кавалеръ Левшинъ*».³

Получа мы свои паспорта заграничны, очень обрадованы были радостію неизъглаголанною и благодарили премилосердаго Бога за великую и богатую его милость, что онъ послѣ великой скорби посылаетъ несравненно более утешения.

24-го июля начали мы приго[то]вляться въ путь. Въ это время возвратившись были поклонники изъ Иерусалима, и мы расспрашивали ихъ, чево требуется на таковой путь, какой пищи и прочихъ вещей. И они намъ совѣтовали брать съ собою галетовъ сухихъ, которыя способны в тамошнихъ мѣстахъ и на морѣ, такжѣже макаронъ, круп, пшена, икры и рыбы солоной и прочаго. // Само нужнейшее всего, ради тамошнихъ климатовъ и заразительныхъ повѣтрий, надобно брать чесноку, уксусу и нюхателнова спирту. За что мы ихъ благодарили. И по совѣту ихъ на целой годъ съснаго припасу накупили.

25-го июля приѣхали сюда изъ Воронежа преосвященнаго Антонія* духовникъ, иеромонахъ отецъ Варлаамъ и съ нимъ два келейника: одинъ племянникъ его, а другой чужой, имена ихъ — Николай и Василий.

26-го июля начали и они хлопотать тоже нащотъ получения заграничныхъ паспортовъ. Съ великимъ трудомъ отыскивали поручителей. А прочии то же съ ними были приѣхавши. [Если] имѣли билѣты, неподписанныи губернаторомъ, то возвращались обратно. //

27-го июля вѣторой разъ пригласила насъ госпожа генералша Сабанеева на чай вѣмѣстѣ съ духовникомъ иеромонахомъ Варлаамомъ, ибо она ему знакома, потому что была въ Воронежѣ на поклонении мощей святителю Митрофану* и исповѣдывалась у него, по сей причинѣ и знакома. И въ знакъ

³ В ркп в правом верхнем углу автором изображена печать, поставленная на паспорте.

усерднейшаго высокопочтения къ нему оказала свою благодарность тѣмъ, что поручилась сама за него. Потому имъ скоро и выдали заграничные паспорта, а мы ихъ дожидались, дабы вѣмѣстѣ отъправляться въ путь.

3-го августа приходимъ мы въ таможду и спрашиваемъ, когда будетъ отъправляться судно въ Царьградъ. Здесь есть одинъ чиновникъ Константинъ Ивановичъ // — переводчикъ на многие языки знаетъ, особливо на греческомъ очень хорошо. Стали мы усерднейше его просить, чтобы онъ узналъ, есть ли судно готовое. На что онъ согласился. Пошолъ сейчасъ въ переговорную и справился, что есть готовой корабль и скоро будетъ отъправляться сего августа 5-го числа корабль под греческимъ флагомъ, капитанъ — грекъ, Федоръ Ангели. Тутъ и сторговались по 4 талера до Царяграда съ каждаго человѣка. л. 15 об.

4-го августа пошли заявлять паспорта, что и подписали съ сею надписью: «Сей паспортъ въ Одесской портовой тамождѣ явленъ и въ книгу записанъ 4-го августа 1836-го года. Членъ *(далее слово нрзб)* столоначальникъ Башмаковъ».

5-го августа хозяйка квартиры, на которой стою, Авдотья Андреевна, // поутру очень рано отправляется на фанталъ въ монастырь, ибо они эту недѣлю л. 16 говѣли. И тамъ будутъ приобщаться святыхъ тайнъ. Приносятъ мнѣ 10-ть франзолъ, такъ называемые бѣлые хлѣбы, и записку, въ которой переписаны были имена живые и покойные для поминовения у Гроба Господня. И тутъ очень благоприятно распрощались и пожелали мнѣ сердечно благополучнаго пути, за что и я ихъ чувствительно благодарилъ, не въ силахъ даже отъвѣтствовать за всѣ ихъ доброжелательства, которыхъ премного получилъ. Во-первыхъ, за квартиру нечево не взяли и кушать всѣгда со своего стола присылали, еще и на путь 10-ть хлѣбовъ дали въ число 10-ти заповедей. За такое ихъ добродушие премилосердый Господь Богъ удостоить отъ всѣхъ 10-ти заповѣдей добродетели собрать хотя по малой частице въ житницу сокровенную на небесехъ, // когда здесь въ суетномъ симъ мири умѣютъ отличать люди отъ л. 16 об. людей за труды и по делам награждаютъ чинами и достоинствами, а за преступления — угрозами и наказаниями. Какъ здесь, въ видимомъ семь мирѣ, не остается всякая добродетель безъ награждения, а зло безъ наказания, такъ наипаче въ будущей жизни, когда придетъ судия правѣдный во славу святыхъ ангель, тогда приметъ кийждо по дѣломъ своимъ. И за чашу студеной воды приметъ мзду небесную, так и за праздное слово человѣцы отвѣтъ воздадутъ. За всѣмъ тѣмъ удостой нас, Господи, вѣчнаго своего блаженства!

Послѣ того началъ я укладывать и увязывать свой колабалыкъ, такъ называемая поклажа. Увязавши, пошолъ на квартиру, гдѣ отецъ Варлаамъ стоялъ. // И они тоже укладываются. Со всѣмъ тутъ я распростился съ любезными л. 17

благоприятелями — Андреемъ Михайловичемъ и съ Иваномъ Александровичемъ. Нанялъ извозчика за 80 ка[пеек] перевести поклажу до таможни, поклавши на повозку. И такъ отъправился благополучно. Тутъ на дорогѣ заезжаю въ домъ къ Аннѣ Ивановнѣ Богдановой, и она мнѣ препоручаетъ обязанность — посылку во святую Афонскую гору: 100 аршинъ сукна и письмо со вложениемъ денегъ, 21 ф[унт], имперяль российский. Простился съ ними. И такъ совѣмъ изъ Одессы отъправился.

Приѣзжаю въ карантинъ, гдѣ потребовали отъ меня паспортъ и подписали тако: «Означеннаго въ семь паспортѣ Владимира Смирнова по надлежащемъ осмотрѣ пропустить // чрезъ карантинъ на судно шкипера Федора Ангели и на ономъ изъ порта за границу выпустить. Помѣта сия учинена въ Одескомъ портовомъ карантинномъ правлении. Августа 5-го дня 1836-го года. Непременный членъ Томашевский».

Тутъ приѣхали матросы на баркасъ, забрали мою поклажу и меня посадили. Приѣхали на судно. Тутъ уже и прочии поклонники всѣ собрались. Послѣ выходили съ судна и прохаживались по набережной и купались въ морѣ. Вода очень солоная, и потому весма полѣзная и здравая. Тутъ на набѣрежной есть маркитантъ, всякия съесныя припасы продаетъ и прочая разныя товары, толко очень дорого — вдвое противъ города.

6-го августа праздникъ Преображения Господня*. Рано поутру иеромонахъ отецъ Варлаамъ // читалъ акафистъ Спасителю, а мы пели. Послѣ того посылали чрезъ карантинъ въ городъ купить яблокъ. Очень скоро принесли, и тутъ раздѣлили по частѣ.

Въ 12-мъ часу приѣзжаетъ брамвахта осматривать судно. Бѣрутъ солдата, которой находился для осторожности, дабы не сообщались съ прочими суднами, отбираютъ отъ насъ паспорта для переключки всѣхъ по одному. Прѣждѣ начинаютъ съ капитана и матросовъ, которыхъ находилось 16, и пассажировъ, то есть поклонникъ, 15 мужчинъ и женщины, и всѣхъ — 33 человекъ. Перещитали и записали, и паспорта намъ поотдавали, и отъѣхали.

Капитанъ приказалъ сей часъ съпустить парусы. Каравль трехмачтовой полонъ, нагруженъ пшеницей. Мы находились на палубѣ, а трумъ закрыть наглухо. Всѣ помолившись Богу и пустились въ ходъ. //

День очень былъ ясной и прекрасной, но къ вѣчеру здѣлался вѣтръ противной, и корабль лавировался въблизу Адесса. Ночью былъ попутной вѣтръ.

8-го числа проѣзжаемъ островъ Святыхъ Елены, такъ называется, близу коего проплываемъ. Островъ сей пустой, растения на немъ некакова нетъ — не дровъ, не травы, толко одни каменные скалы. Расстояния имѣетъ не болѣе какъ 200-ти сажень вокругъ. На немъ устроенъ маякъ, или фонарь. Тутъ живетъ какой-нибудь опредѣленной человекъ, засвѣчаетъ огонь въ ночное

время для плаванія кораблей, дабы не попали на скалу и не претерпели бы бѣдственнаго случая.

9-го числа день былъ очень хорошей: солнце сияло, тихо, вѣтру не было. Къ вѣчеру нахмарило и дощъ пошолъ, а ночь здѣлалась темная, и сильная гроза и молнія. Дощъ лиль, какъ // изъ вѣдра. Вихоръ и бури поднялись несносная. *л. 19* Ветеръ силно рветъ и визжитъ, парусы всѣ оборвал, волны столь велики поднимаются, какъ будто большія каменные палаты. Какъ ударить волна, такъ весь корабль и покроетъ. Трумъ закрыть наглухо, и окошки на палубѣ отъворили. Вода с одной стороны ударится на корабль, а на другую сторону стекаетъ в окошки. Тутъ матросамъ большая работа. Ночь темная, а на мачты лазютъ и парусы прибираютъ. Въ это время и капитанъ силно испугался, и мы всѣ находились въ болшомъ страхѣ, какова на сухой земли никто из насъ во всю жизнь свою не видалъ. Какъ видимая смерть страшна! Тутъ всѣ усердно Богу молились и со слезами просили, и часть повторяли сии слова апостолския, когда они были въ сильномъ обуревании: «Господи, спаси ны, погибаем!»* Отъ силнаго дождя и холоднаго севернаго вѣтра захолодились, и съесные припасы все перемочились. // Это первой страшной случай⁴ и ужасной былъ. *л. 19 об.* Тутъ узнали, каково морское путешествие. Какъ пословица гово[ри]тца: «Кто на морѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ».

10-го числа поутру всѣ объмокши и захолодившись и [о]гъ силнаго качания сильныя рвоты поднѣвшись. Со мною не было рвоты, а прочія еле живы оставшись, безъ чувствъ валялись по палубѣ. Однако благодарили премилосердаго Господа Бога, что еще въ живыхъ остались. Тутъ капитанъ просилъ отца Варлаама молѣбенъ отслужить. На что онъ согласился⁵, хотя съ великою нуждою, ибо очень закачался. Сталъ служить молебенъ святителю Николаю съ акафистомъ и съ водоосвященіемъ, а мы пѣли. Послѣ того какой прекрасной здѣлался день! Солнце воссияло, и вѣтеръ попутной, и такъ скоро корабль плыветъ, что некая тройка лошадей не можетъ сравниться. // А волны тоже очень велики, что корабль не⁶ можетъ уплыть, ударяютъ въздъ *л. 20* и плѣшутъ на корабль.

Въ это время очень весело плыть, такъ что и забыли бывшее горѣ, начали помалу оживлятся и обсушиватся. Кто сталъ себѣ пищу варить, а кто самоваръ нагрѣвать. Такъ мы съ братомъ Димитриемъ согрѣли самоваръ и напились чаю. Вотъ здесь такъ очень дорого стоитъ чашка чаю, ибо на сухой землѣ, хотя бы пол-года не пилъ чаю, то и тогда не будетъ такой приятности, какъ

⁴ В ркп слово написано над строкой.

⁵ В ркп слово написано над строкой.

⁶ В ркп слово написано над строкой.

здѣсь, послѣ бури и непогоды. Ибо⁷ некакой пищи невозможно употреблять — вся внутренность расстроена, и показывается всѣ горкимъ, какъ полынь. А чай такую имѣть способную силу вѣнутри всѣ смягчить и здѣлаеть опѣтитъ, позоветъ на пищу. Потому онъ и дорогимъ и даже реткоснымъ называется

л. 20 об. здѣсь, // ибо у кого хотя и свой есть чай, да составить некому: въ ѣто время всѣ заполумертво валяются. Таково есть морское плавание. Сегодня такъ скоро шло судно, что въпреждѣ три дни столко не ушло, какъ сего дни во единъ день.

11-го числа также былъ хорошей и попутной вѣтеръ. Въ половине дня открываются цареградския бѣрега, и тутъ кораблей премногое множество въ виду. Къ вѣчеру приближаемся къ Царюграду*. Показывается толко одна крепость и маякъ, устроенный для ношнаго свѣта. Въѣзжаемъ въ проливъ, и тутъ изъ Чернаго моря такъ быстро вода течеть, къ тому же и вѣтеръ попутной, и день очень былъ прекрасной, солнце сияло. И такъ весело въѣзжаемъ. И тутъ представляется величественной и прекрасной видъ Царяграда по обо-

л. 21 имъ странамъ // пролива, которой простирается не менее какъ на 40 вѣрствъ.

Остановились въ пристани, такъ называемой Арнауткь*. Вышли на бѣрегъ. Тутъ есть большой базаръ. Виноградъ дешевой 15 паръ око, то есть три фунта, на русской щотъ — по 3 капейки за фунтъ.

12-го числа поутру рано капитанъ и 4 матроса и насъ, поклонниковъ, 6 человекъ на баркасъ поѣхали въ Буюкторъ*. Тутъ отъкрывается несравненно болѣе и красивый видъ Царяграда. Густое строение домовъ, множество высокихъ кипарисовъ и великолѣпныя султановы дворцы, и огромныя бывшия грѣческия храмы, которыя нынѣ обращены въ турецкыи мѣчети, и при нихъ высокия тонкия и острия башни, на которыя восходятъ турки: крычатъ въ мѣчетѣ на свою службу. Еще жалостнее смотреть на огромнейшій храмъ Софии, Премудрости Божии*, которой находится въ турецкомъ владѣнии. //

л. 21 об. Еще досто[й]на замечания редкость среди пролива на водѣ, построень похожий на дворець, что намъ переводили, сказывали, въ какой это знакъ построень. У султана некогда родился сынъ, тогда собраны были болшия велможи и турецкыи волхвы и гадатели на балъ. Въ то время предсказали волхвы, что сынъ новорожденной отъ змѣи умереть. Для того и воспитыванъ въ этомъ дворцѣ. Были приставники и смотрители, никуда ни выпускали. Но какъ в одно время, какъ для малова дитяти, приносятъ въ корзинѣ во утѣшение винограду, то отътуда выползла змия, ужалила младенца, отъ чего онъ и померъ.

Приѣхали на пристань въ Буюкторъ. Тутъ разныхъ короблей и с разными флаками турецкихъ, немѣцкихъ, гишпанскихъ, [и]тальянскихъ и грѣче-

⁷ Испр., в ркп обо.

скихъ, — всѣхъ до 500 тысящъ. И маленькихъ лодокъ тоже до 5000 тысящъ, которыми людей перевозють и гуляють, и въ томъ удовольствіе поставляють, какъ гуси плавають. // Выходимъ на бѣрегъ. Пошли въ российскую канцелярию. И тутъ какая неприятность представляется: улицы очень узкии, едва тремъ человѣкамъ разминутся можно, и тутъ всякая нечистота валяется, и собакъ премножество лѣзгать такъ, что и пройтить невозможно. Дома высоки, трехъэтажныя и четырехъэтажныя, да еще перемѣты з дома на домъ, отъчего и улицы тѣмны. л. 22

Приходимъ въ российскую канцелярию. Тутъ самъ управляющій очень приятно съ нами обошелся, спрашивалъ объ російскихъ обстоятелствахъ. На что мы отвѣчали: «Слава Богу! Всѣ благополучно». Также спросилъ, куда вы намерены отъправляться. На то отвѣчали: «Желаемъ преждѣ заѣхать во святую Афонскую гору, а потомъ во Иерусалимъ». На что онъ говоритъ: «Доброе ваше дѣло! Такъ я и въ паспортахъ пропишу». Тутъ отъобралъ отъ насъ одеския паспорта, а «константинопольскія буду выдавать еще», — говоритъ: «Будите ли брать // турецкия ферманы?» На что мы отвѣчаемъ: «Какъ вы л. 22 об. посоветуетъ». Онъ говоритъ: «Въ прежнее время, когда было бѣспокойствие, тогда нужны были, а нынѣ безопасно. Однако всѣ лучше, какъ есть». На что мы согласились взять и заплатили по 26 левовъ, а левъ на российской щотъ — 25 копеекъ. Паспорта константинопольскія переменяются бѣсплатно. И сказалъ намъ, чтобъ завтрашний день⁸ притить и получить. Отъсель пошли на пристань. Два пошли пѣшии, а мы, 4 человѣка, наняли лодку за 4 лева до Арнаутки. Възошли на судно, и я очень раслабъ. А къ вѣчеру еще болѣе: то въ жаръ, то въ холодъ бросить. Тутъ братъ Димитрій согрѣлъ чаю, и я напился и укрылся. И такъ сильно въспотѣлъ, а чрезъ ночь необыкновенной со мною здѣлался жаръ, что я не въ силахъ даже и встать, и всю ночь бѣсъ сна провѣлъ. //

13-го числу поутру капитанъ приказываетъ матросамъ съниматься съ л. 23 якоря⁹. И, поднявши парусы, поплыли на пристань въ Буюкторъ, гдѣ и остановились. Наши поклонники пошли опять въ канцелярию, а я не могъ и всѣстать, оставался на кораблѣ и просилъ брата Димитрія, чтобъ и мой паспортъ възялъ. Въ то время проѣзжалъ въблизу по проливу султанъ на шлюпкѣ, которая была съ вызолоченными калонами и накрыта тонкимъ бѣлымъ калѣнкоромъ, и 20 человѣкъ турковъ — грѣбцовъ, тоже въ бѣлыхъ каленкоровыхъ рубашкахъ, рукава засученные по локоть, и въ красныхъ суконныхъ

⁸ В ркп слово написано над строкой.

⁹ Испр., в ркп якокоря.

шапках¹⁰ — фесахъ. Въ половина дня приходятъ наши изъ канцелярии. Братъ Димитрий принесъ и мой паспортъ. Толко нащотъ фермана надобно явится всѣмъ лично въ турецкую канцелярию, куда не в силахъ былъ я идти. Взяли
 л. 23 об. меня двое под руки // — братъ Димитрий и Василий — и повѣли. Пришли въ канцелярию, и тутъ переписали всѣхъ имена и ферманы въ руки отдали. Тогда раздѣлились наши надвое: трое мужчинъ и двѣ женщины прямо во Иерусалимъ, а насъ — 12 человекъ — стали искать судна въ Афонскую гору.

14-го числа отыскали небольшой корабль и сторговались по 50 левовъ съ человекъ, куда и перевезли насъ матросы на баркасъ, на другой корабль. Прочия всѣ наши поклонники покупаютъ и прохаживаются, а я не могу встать, лѣжу въ кораблѣ.

15-го числа праздникъ Успения Пресвятыя Богородицы*. Духовникъ — иеромонахъ отецъ Варлаамъ — подходитъ ко мнѣ и говорить: «Ты очень болѣнъ, опасно, чтобы не померъ на пути. Тѣбѣ надобно приобъщится святыхъ таинъ». Я ему говорю: «Какъ вамъ угодно». Тутъ онъ меня высповѣдалъ и приказалъ брату Димитрию довѣсти меня до церкви Святителя Николая*,
 л. 24 куда я съ помощью палки и дошелъ. // Тутъ служилъ грѣческий архимандритъ, и народу множество. И сидѣлъ во олтарѣ, ибо стоять не могъ. Послѣ литургии меня приобъщили святыхъ бѣсмертныхъ и животворящихъ Христовыхъ тайнъ. Воистину, о дивное чудо, источникъ жизни всѣмъ вѣрующимъ православнымъ христианомъ есть Пречистая Богородица! Тутъ я узналъ неизреченное чудо Божией Матери, что какъ она печется о грѣшникахъ, не хошетъ некому погибнути, но всѣмъ въ покаяние и в разумъ истинный прийти.

Когда я въ Киево-Печерской лаврѣ въ послѣдний расъ поклонялся пред чудотворной иконой Успения Божий Матери¹¹, необыкновенную чувствовалъ какую-то жалость сердечную. Сие предвѣщала Пресвятая Богородица дражайшую свою милость! Удостоила меня, превеликаво грѣшника, пречистаго тѣла и кровѣ Сына Своего, Христа Бога нашего еще въ столь славномъ своемъ Царѣградѣ, гдѣ преждѣ въ древния времена вручила мастерамъ чудотворную свою Успения икону, и меня, хотя не во Влахернской, // а въ Николской церкви, но въ тотъ самой день преславнаго своего Успения. Благодарю, хвалю, почитаю и величаю пречистую Владычицу нашу Богородицу, всегласно проповѣдую великую и богатую ея милость, не таю благодареній оказанныхъ на мнѣ великогрѣшномъ. Чудо въ чудеси, страшно ужасно въ здѣшнихъ мѣстахъ по здѣшнимъ климатомъ моровой язвы — чумной болѣзни — боятся и опасаются. А когда болѣнъ человекъ какою-нибудь болѣзнию, то къ нему не под-

¹⁰ В ркп слово написано над строкой.

¹¹ В ркп слово написано над строкой.

ходять и блиско. Какъ меня не выкинули живаго въ морѣ! Милосердиемъ и заступлениемъ царицы Небесныя сохраненъ и целъ остался, и усерднейше просилъ премилосердную Божию Матерь въ своемъ жребии, во святой Афонской горѣ, хотя бы на бѣрегу скончаться.

Послѣ литургии довелъ меня братъ Димитрій до карабля. Послѣ принятия святыхъ тайнъ почувствовалъ я несколько облѣгчения, однако всѣ лежалъ.

16-го числа капитанъ приказываетъ матросамъ съниматся съ якоря и, поднявши парусы, и такъ отправились изъ Царяграда. //

17-го числа былъ хорошей и попутной вѣтеръ.

л. 25

18-го числа, проѣзжая Чанаколы и Дарданелы*, по обоимъ сторонамъ пролива турецкия болший крѣпости. Въ половина дня здѣлался сильной вѣтеръ, и поднялась несносная буря. Тутъ надобно выгъзжать изъ Мраморнаго, или такъ называемаго Бѣлаго моря*, въ большое отъкрытое морѣ архипѣлагъ. Судно небольшое, и капитанъ убоялся, не осмѣлился пустится въ сильную бурю. На правой сторонѣ высочайшей крутой бѣрегъ, несколько затишно. Тутъ остановились на якорѣ. Прѣждѣ насъ тоже одно судно остановившись. И во всю ночь бѣспрерывная буря шумѣла. Опасно было на одномъ якорѣ, бросили и другой. И такъ сильно качаетъ, что даже весь корабль трещить, отъчего въ болшомъ страхѣ и ужасѣ находились. И это въторой морской бѣдствѣнной случай. Я и такъ очень болѣнъ, а въ то время едва толко духъ переводилъ. Сие замѣчание истинно для своей памяти веду, аще премилосердому Господу Богу угодно будетъ жизнь мою продолжить на послѣдующее время въ знакъ таковаго далнаго путешествия моего. // Естли же сии худейшии моихъ трудовъ строки въ явление и слухи боголюбивыхъ и благочестивыхъ любителей и почитателей святаго Божия града Иерусалима и живоноснаго гроба Христова и любящихъ любопытствовать таковаго путешествия, кому сие во извѣстие придетъ — началствующимъ и велможамъ, или предъ самое великое лице монаршее, не точию хотя бы предъ нелицемернымъ Судиею, предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, — то такъ истинно и праведно есть.

л. 25 об.

19-го числа поутру поехали матросы на баркасъ по воду съ збочонками. И тутъ на горѣ есть селение. Покупали хлѣбъ и виноградъ. Съ половина дня сталъ немного вѣтръ затихать. Сънялись съ якоря и подняли парусы, пустились во отъкрытое болшое морѣ. Волны болшия, отъ силнаго вѣтра морѣ росколыхавшись, судно небольшое не можетъ уйтить отъ волнъ, такъ и заливааетъ. Всѣхъ перемочило, а колабалыкъ и съесные припасы были покладѣны въ трюмъ и закрыты наглухо. Въ левой сторонѣ въ виду было прекрасное при возморье местоположение — бывший прежний прославный¹²

¹² В ркп слово написано над строкой.

елиногрѣческий городъ Троя или Трояда*, а нынѣ толко примѣтны турецкия
 л. 26 башни и крепости. // Проѣхавши небольшое расстояние, капитанъ видитъ,
 что неудобно плыть на правой сторонѣ. Пристали к острову, спустили якорь,
 матросы и поклонники почти всѣ изъ корабля, тутъ же и меня¹³ съ великимъ
 трудомъ высадили на баркасъ и вышли на бѣрехъ. Тутъ я несколько отдох-
 нулъ, а то на кораблѣ очень закачало. Пошли некоторые въ селение, которое
 на горѣ, покупать хлѣбы, винограду, арбузовъ. А которые оставались, начали
 огонь разводить и пищу варить. Тутъ на берегу и начевали.

20-го числа собрались всѣ на корабль. Снялись съ якоря и поѣхали.
 Съ нами былъ Афонской горы Симонскаго монастыря игумень*. Тутъ бли-
 ско проплываемъ островъ на левой сторонѣ этого монастыря. Здѣсь есть
 кунакъ по-грѣчески, или хуторъ. Остановили корабль. Игумень, капитанъ
 и два матроса на баркасѣ поѣхали въ тотъ хуторъ и тамъ обѣдали. А прочие
 матросы оставались, якорь не спускали, а корабль лавировался въ морѣ. День
 л. 26 об. прекрасной // и вѣтеръ хорошей, отъчего и роптание учинили на капитана.
 Послѣ подѣхали къ бѣрегу, забрали ихъ. Тутъ привѣзли они винограду бол-
 шую корзину и раздѣлили всѣмъ фунта по два. А я нечево не кушалъ, всѣ
 лѣжалъ. И поплыли въ путь.

Ветеръ былъ попутной, къ вѣчеру при захождѣнии солнца¹⁴ показалась
 святая Афонская гора, будто бы какъ болшой стогъ сѣна. Расстояния было
 не менее какъ 200 вѣрствъ. Доволно высока, что некакова острова болшова
 не видно за 200 вѣрствъ.

21-го числа тоже вѣтеръ попутной. Тутъ раздѣляется морской путь надвое:
 во Иерусалимъ прямо мѣжду островами Милитомъ и Ливнами*, а мы пово-
 ротили направо.

22-го числа проплываемъ острова Самотракъ или Самофракъ^{15*}, а къ
 вечеру приближаемся къ Афонской горѣ. Въ сию ночь здѣлалась тишина
 велия.

23-го числа поутру такъ очень тихо: корабль стоитъ неподвижно близъ
 л. 27 Афонской горы. Солнце восьсияло. // Въдругъ представился прекраснейший
 видъ Афонской горы, которая покрыта вся зеленымъ лѣсомъ, мѣжду коимъ
 видны бѣлѣются болшия монастыри, а едва примѣтно бѣлѣются, будто какія
 неболшия кущи, это кѣлии. День былъ красный и очень жаркой, и мы целой
 день и съ мѣста не двинулись, отъчего очень было скучно. И блиско бѣрега,
 а доплыть неможно. Гдѣ блись и на веслахъ едва могли къ вѣчѣру приблизит-

¹³ В ркп слово написано над строкой.

¹⁴ В ркп слово написано над строкой.

¹⁵ В ркп слово написано над строкой.

ся. Капитанъ еще хотѣлъ въ другую пристань съ другой стороны останавитися. А игумень Симонской немного зналъ по-русски говорить, переводилъ капитану, что здѣсь блиско русской скитъ пророка Илии*. И мы стали убѣдительно просить капитана, и онъ согласился. Сей часъ начали выгружаться на пристань Пантократорскую*. Уже стало темно. Приходятъ изъ Ильинскаго скита двое: одинъ — монахъ отецъ Иларионъ, мнѣ знакомый, и братъ Николай. Тутъ какъ приятно поздоровались, и они // говорили, что мы весь день смотрели: судно блиско, а подойти не можетъ, вѣрно какия-нибудь поклонники. Побѣжали сейчасъ они въ скитъ, расстояния не менее будетъ какъ 4 вѣрсты. Вѣскорости приходятъ опять съ огнемъ — съ фонаремъ, ибо тогда ночь была темная. Приносятъ намъ во флягѣ раки, такъ называемой водки, и кувшинъ краснаго вина. Послѣ морскаго путешествия очень приятно повѣчеряли и ихъ поблагодарили за братскую ихъ любовь. Я ничего не кушалъ, а всѣ очень нездоровъ. Иеромонаха отца Варлаама въ Пантократорской монастырь позвали, тамъ и начевалъ. А намъ отгѣпѣрили арсану, такъ называемую кладовую. Колабалыкъ нашъ весь перенесли, и мы тутъ начевали.

л. 27 об.

24-го августа поутру рано собрались наши всѣ поклонники и пошли въ русской Ильинской скитъ. А я одинъ оставался здѣсь, ибо не въ силахъ былъ пѣшой итти. Послѣ обѣда приѣзжаетъ сюда старецъ, начальникъ скитской. Я полагалъ, что какой-нибудь простой монахъ, потому что очень просто, но весма благосклонно со мною обошелся, спрашивалъ меня обо всѣмъ: изъ какова города изъ России, и давно ли нездоровъ сталъ. // И я объявилъ объ всѣмъ и сказалъ ему, что посылка со мною есть въ скитъ — 100 аршинъ сукна и письмо со вложениемъ денегъ, 21 ф[унт]. И тутъ онъ распрощался и сказалъ: «Я за тобой пришлю». И такъ точно, не болѣе какъ чересъ часъ приехалъ одинъ братъ Никита на мулъ, такъ называемая неболшая лошадь. Посадилъ меня верхомъ, а самъ придѣрживалъ, ибо я самъ не въ силахъ и дѣржатся. К тому же и дорога уская мѣжду лѣсомъ, на гору очень круто и по камнямъ, отъчего съ великимъ трудомъ приѣхали въ скитъ. О велие чудо, какое въ здѣшнихъ мѣстахъ завѣдение хранится отъ древнихъ времѣнъ, когда приходятъ поклонники, то с радостию и восхищениемъ вѣстречаютъ. И ради меня, такого грѣшника и недостойнаго изъ числа поклонниковъ, зазвонили во всѣ звоны, и всѣ братия вышли за ворота вѣстречать. И отгворили цѣрковь, я възошелъ. Тутъ вынесены части мощей, въ это время братия пѣли «Достойно есть»*. Я прикладывался къ намѣстнымъ образамъ и къ свитымъ мощамъ. Послѣ дали мнѣ священной воды напиться. //

л. 28

Вышедши изъ церкви, приглашали меня въ трапезу кушать, но я очень слабъ, просилъ, чтобы дали покой. Хотѣли вѣнутри отгвѣсти келию, но начальникъ приказалъ за оградю въ саду, на волномъ воздухѣ. И на горѣ, куда

л. 28 об.

и привели меня, келейка хотя небольшая, но спокойная. Тутъ монахъ отецъ Иларионъ согрѣлъ самоваръ, напоилъ меня чаемъ, послѣ принесъ трапѣзнаво братскова супу. И я немного покушалъ, и благодарилъ за приятелскую братскую любовь его.

л. 29 25-го августа изъ числа нашихъ поклонниковъ 6 человекъ отъправились во Иерусалимъ, а мы — 6 человекъ — остались здѣсь: духовникъ отецъ Варлаамъ и его два келейника, и другихъ два, и я — шестой. Живу я въ кельи здѣсь, а всѣ нездоровъ. Отецъ Иларионъ и братъ Николай служатъ мнѣ, яко ближнѣму, яко брату своему, ибо я изъ келии некуда не выхожу¹⁶. За таковую ихъ сердечную любовь приметъ самъ Спаситель въ вѣчный свой покровъ, по неложному словѣси // болѣнъ бѣхъ: «И послужистѣ ми, мѣншихъ сихъ братии моей, мнѣ послужистѣ, вѣннидитъ въ радость Господа своего»*.

Скитъ сей пророка Илии стоитъ отъ бѣрега не очень въдали, отъ моря съ во[с]точной стороны, и всѣ келии на востокъ построены. Хотя я не здоровъ, по малу выхожу изъ келии и предъ самыми двѣрми виситъ виноградъ, но мнѣ по слабости здравия кушать невозможно. Воздухъ предивной и видъ на морѣ премилой. И я смотрю, утѣшаюсь и тѣмъ несколько укрѣпляюсь. Вокругъ келий разная зелень и трава, и всякия плодовиыя древа близъ моей келии. Въ саду отъвѣли и духовнику отцу Варлааму келию. Часто онъ меня посещалъ. И я с помощью палки къ нимъ хаживалъ. //

л. 29,
вклейка

26-го августа послѣ утрени стали соборовать масломъ двоихъ здѣшнихъ монаховъ. Приходятъ и за мной. И взяли двое под руки (отецъ Иларионъ и братъ Николай), привели въ церковь и посадили въ форму *(так!)*. Выходитъ изъ олтаря три священника. Отецъ Варлаамъ началствовалъ, отецъ Парфений* съ правой стороны, отецъ Павелъ съ лѣвой, и насъ болныхъ было трое. Послѣ маслосвятия отъвѣли меня въ келию. //

л. 29
л. 29 об.

1-го сентября прошу отца Илариона, чтобъ протопить мою келию по слабости моего здоровья, ибо келия камѣнная и небольшая сырость, а слабому въ камѣнной очень тяжко. Но какъ пѣчка здѣсь была худая, невозможно протопить, то старецъ или начальникъ приказалъ меня въ другую келию перевести, // которая тутъ же въ саду, толко на горѣ, выше всѣхъ келий, къ тому же и дѣревянная. И для меня немощнаго способнѣй, и видъ еще лучше, и воздухъ свѣжее. О сей келии сказывали мнѣ здѣшнии братии монахи, что здѣсь жилъ одинъ старецъ монахъ 30 лѣтъ, самъ трудился, лѣсъ на себѣ носилъ, и построилъ своими руками. За несколько лѣтъ передъ нами скончался, а послѣ такого старца сей уголокъ и мнѣ достался.

¹⁶ В ркп далее вымарана часть предложения.

2-го сентября духовникъ отецъ Варлаамъ нанялъ три мула для себя, для келейника Николая и для провожатаго, и поѣхали по монастырямъ для поклонения святымъ мощамъ и чудотворнымъ иконамъ. И мнѣ очень желательно было тоже поклонится, но какъ весьма слабъ здоровьемъ, того ради дома оставался.

5-го числа отецъ Варлаамъ возвращаются съ поклонения.

6-го числа паки взявши¹⁷ другова келейника — Василия — и тоже провожатаго, отъправляются для поклонения въ другую половину монастырей, ибо первой расъ толко одну половину обошли. А я дома тоже оставался. Сейчасъ приходитъ ко мнѣ начальникъ — // старецъ иеросхимо[на]хъ отецъ л. 30 Парфений — для посещения меня и спрашиваетъ: «Что ты воздоравливаешь ли?». Я ему говорю: «Благодарение премилосердому Господу Богу и вашими святыми молитвами чувствую несколько облѣгчения». Онъ говоритъ: «Про-хаживайся помалу». На что я отъвѣчалъ: «Сколко могу, выхожу изъ келии и въблизу прохаживаюсь и воздухомъ ожившиюсь». Послѣ сего меня благословиль, а я его просиль, чтобъ помолился за меня. Онъ говоритъ: «Мы всѣгда поминаемъ на проскомидии». За что я его благодариль, и онъ пожелалъ мнѣ быть здоровому. Простился и пошолъ.

8-го числа — праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы*. Съ вѣчера была всѣношная, я не могъ итить по немощи въ церковь, а въ келии по силѣ, по возможности, помолился и немного прочиталъ. Къ литургии поприходили съ другихъ келий¹⁸ монахи, такъ называемыя келтяшы, которыя живутъ по двое и по трое. Послѣ обѣда пригласили ихъ обрѣзывать виноградъ, и свои братия всѣ вмѣстѣ собрались множество. Вышли на виноградъ, // у всякова въ рукѣ л. 30 об. ножъ и маленькая корзинка. Собирають и въ одно мѣсто съкладываютъ. И я вышолъ на гору повыше — смотреть и любопытствовать, какъ обрѣзываютъ. Тутъ возють на двухъ мулахъ, привязаны по два параута (так!), наподобие бочонковъ, деревянные. Въ скиту здѣлано точило или потатырь дѣревянной, изъ каштановыхъ достокъ, наподобие хорошаго колодѣзы четырехъугольной. Вмѣщается въ него 10 бочекъ вина. Съверху здѣлана решетка деревяная, на нее кладутъ виноградъ, и по немъ топчетъ одинъ монахъ ногами. Вотъ чего я удостоился, не точию виноградъ кушать, но видѣть, какъ и вино дѣлають!

14-го сентября — праздникъ Воздвижения Честнаго и Животворящаго Креста Господня¹⁹*. Съ полунощи въ первомъ часу началось бѣдѣние. И я въ первой расъ, (Господи, благослови!) пошолъ въ церковь, хотя болѣе сидѣлъ,

¹⁷ Испр., в ркп всявши.

¹⁸ В ркп слово написано над строкой.

¹⁹ В ркп слово написано над строкой.

но и за то много премилосердаго Господа²⁰ благодариль, что въ сей великий праздникъ Воздвижения²¹ Честнаго Креста и меня воздвигъ Господь отъ болѣзненнаго // одра. Въ сей день праздникъ²² установленъ святою²³ церковию пречестный крестъ Господень воздвигать. Посему должно и всякому православному христианину на себя крестъ возлагать и въ дѣржавѣ крепости силою честнаго креста Господня противу силъ вражиихъ возлагать. Крестъ Господень разными видами изображается: крестъ есть силно несносное ударение, крестъ есть невинно напрасное укорение, крестъ есть болѣзней съ любовию терпение. Всякъ по своей силѣ крестъ свой неси по неложному Христову спасителному словеси: «Аще кто хоцетъ ко мнѣ иди, долженъ крестъ свой нести»*. Аще кто крестъ свой несетъ, то всякому Спаситель речеть: «Суть нецый отъ здѣ стоящихъ или слышащихъ, не имуть въкусити смерти, дондѣже видять Царствие Боже, пришедшее въ силѣ»*.

20-го сентября, когда уигралось и устоялось въ потатырѣ виноградное вино, начали точить и въ бочки наливать. Тутъ и я сталъ помалу помогать. Какое сладкое и приятное вино! Очень опѣтитно пить, а послѣ невозможно и съ мѣста прочь сойти. // Хорашо здѣсь и весело жить, бѣзопасно и не обо чемъ тужить! Но, увы (къ соболезнованию сердечному отъносится) недолго таковымъ сладкимъ веселиемъ наслаждались, но скоро сладкое съ горкимъ повстречались.

21-го сентября приехалъ изъ Царяграда здѣшний скитский иеромонахъ Палладий, который посылаемъ былъ отъ скита за покупкою. Заразился тамо чумной болѣзнию, коею нанесъ не точию одному скиту, но всѣй святой Афонской горѣ страшное, ужасное и горѣстное страдание. Приехалъ очень болѣнъ. Призвали с Карей* лѣкаря, который²⁴ освидѣтелствовалъ, далъ лѣкарства и сказалъ, что это²⁵ — чумная заразительная болѣзнь. Заплатили ему за лѣкарства, а онъ въ руки денегъ не взялъ, а чрезъ укусъ*. Но какъ наши русы неопытны въ таковомъ случаи, полагали за ни что и обращались просто, что и самой старецъ — началникъ, постригалъ сего иеромонаха въ схиму съ наимѣнованиемъ изъ Паладия [в] Павла, который въ скоромъ времени и померъ.

²⁰ *Испр., в ркп Господом.*

²¹ *В ркп слово написано над строкой.*

²² *В ркп слово написано над строкой.*

²³ *В ркп слово написано над строкой.*

²⁴ *В ркп слово написано над строкой.*

²⁵ *В ркп слово написано над строкой.*

26-го сентября похоронили по надлѣжащему долгу. Послѣ коего остав- шися вѣщи начальникъ раздалъ // прочимъ монахамъ, отъчего многия сею л. 32 болѣзнию заразились. Что явное доказательство появилось.

30-го сентября два монаха — ²⁶Ияковъ, Иустинъ²⁶ — во единъ день²⁷ скоропостижно помѣрли. И то еще некакой предосторожности не приняли, а думали, что это всѣ случайно.

1-го октября — праздникъ Покровъ Пресвятыя Богородицы*. Поутру было бѣдѣние, на литургию поприходили съ другихъ келий монахи. Послѣ обѣдали всѣ въ трапезѣ, послѣ разговаривали и сострадали всѣ объ такомъ горестномъ случае. Послѣ того узнали на Карей и во всѣхъ грѣческихъ мо- настыряхъ, что у пророка Илии въ скиту здѣлался сей неприятной ударъ. Духовникъ отецъ Варлаамъ, имѣя непрерывное желание отъправится во Иерусалимъ, для поклонения гробу Христову того ради.

6-го октября посылаетъ меня и двоихъ своихъ келейниковъ и четвертаго переводчика для узнания продажной келеи, желая, чтобы свою собственную иметь, куда ²⁸и насъ въ нею оставить²⁸. Мы и пошли. Приходимъ на Карею: тутъ всякия лавки с разными товарами. // Тутъ подходятъ къ намъ грѣчес- л. 32 об. кий монахи и спрашиваютъ: «Вы изъ рускова скита?» На что мы отвѣчали: «Такъ точно». ²⁹И говорятъ²⁹: «У васъ неблагополучно, идитѣ съ Богомъ». Далѣе насъ не допустили, завернули назадъ. Тутъ близъ Карей есть келии продажныя, гдѣ пришли мы смотреть. Тутъ хозяинъ — иеромонахъ грѣкъ — повель насъ³⁰ въ церковь, храмъ Василия Великаго*. Хорошо расписана, толко в алтарѣ трещина, для того и хоцетъ продать. При ней шесть келий, можно шесть человекъ содѣржаться. Повѣлъ насъ помаший <так!>, которая болшая, такъ называемой садъ, гдѣ маслинъ, ореховъ и винограду премножество. Спросили мы, што стоитъ, [какой] цѣны. На что онъ сказалъ 4000 левовъ, послѣ вынесъ большой кувшинъ краснова вина. Говорить, это здѣшняго плода. Мы доволно напились. Вино прекрасное! И попрощались. Говорить, что самъ духовникъ придетъ посмотреть, естли понравится³¹, и будетъ торговатся. //

Далее пошли мы смотреть. То же келия продается, то же машия болшая, л. 33 ореховъ, маслинъ и винограду доволно, и церковь сънаружи харошая — храмъ Всѣхъ святыхъ. Но жалко, что хозяина дома не было. И такъ мы пошли далѣе. Тутъ есть келия, живѣтъ нашъ российский иеросхимонахъ отецъ Иосифъ,

²⁶⁻²⁶ В ркп написано над строкой.

²⁷ В ркп слово написано над строкой.

²⁸⁻²⁸ В ркп написано над строкой.

²⁹⁻²⁹ В ркп написано над строкой.

³⁰ В ркп слово написано над строкой.

³¹ Испр., в ркп понравится.

которой принялъ насъ преласково. Поспели къ вѣчерни. Самъ онъ служилъ, а мы пѣли. Церковь неболшая, но хорошая. Храмъ Въведение Божией Матери. Послѣ прекрасно повѣчереяли, и потчивалъ краснымъ виномъ.

7-го октября поутру служилъ утреню и Часы* вѣмѣстѣ, а мы тоже пѣли и читали. Послѣ приятно попрощались и просили къ себѣ. Онъ обѣщался прийти.

Приходимъ мы въ скитъ и что находимъ? Увы, пѣчаль неснос[ная]. Одно горѣ постигаетъ другое, бѣда за бѣдою, скорбь за скорбию. Какое видимый миръ сей непостояненъ и превратенъ! По внѣшности будто бы прекрасный, а скоро дѣлается очень опасной, такъ что во едину ночь много переменъ можетъ быть. Но что я говорю во едину ночь! А во единъ // часть всѣ встречается у насъ — радость и плачь! Въчарась пошли — была радость, а нынѣ пришли — плачь обрѣли. Да какъ же и не плачь, [если] сего дня два монаха, отецъ Иларионъ и Пименъ, чумною болѣзнию померли. И вся братия плакали и скорбели. Отецъ Пименъ хорошей былъ пѣвчий, отецъ Иларионъ — мой приятель и благодѣтель былъ такой! За то ево, Господи, со святыми упокой!

Это одно горѣ. А другое и того болѣ: отцу Варлааму несчастье повстрѣчалось, здѣлался очень болѣнъ. Первое, что некому было послужить ему, а второе — сильная рожа. Лице всѣ опухло и глазами ничего не можетъ видеть. И мы очень перепугались. Думали, что и его чума захватила. Къ вѣчеру пришелъ этотъ иеросхимонахъ отецъ Иосифъ и посовѣтовалъ наскоблить бузиновой коры съ мѣломъ на синюю бумагу. И обвязали.

8-го октября поутру дали знать на Карею въ синодъ объ томъ, что два монаха скоропостижно во единъ день помѣрли. Приходить отъ протата, // или синода Назиръ, архимандритъ, или духовный чинъ, и съ нимъ военныя сардары, или салдаты, и капитанъ. И перещитали насъ всѣхъ на лицо, которыхъ находилось 28 человекъ, и 5 умѣршихъ. Записали живыхъ и мертвыхъ и приказали, чтобы никуда не изъходить изъ скита для того, чтобы другихъ монастырей не заразить сею болѣзнию: «Поставимъ вокругъ скита 10-ть человекъ сардаровъ-часовыхъ, если кто изъ васъ пойдетъ, то будутъ изъ ружья стрелять. И каждый день будутъ васъ изъ дали окликать, а вы сами остерегайтесь и одинъ съ другимъ не соединяйтесь». Сказавъ сии слова, и пошли отъ насъ. Вотъ своя воля завѣли въ какую неволю!

Въ то время въ какомъ мы страхъ и ужасъ находились: вьнутри бѣда, а сьнаружи страхъ. Я тако мню, если бы кто приговоренъ былъ къ смерти и стоялъ бы надъ нимъ с обнаженнымъ мѣчемъ, чего бы онъ дожидаль того, когда мѣчъ вонзить и конецъ его совѣршить. Такъ и мы ожидаемъ часа, яко овцы заколѣния. //

9-го октября отцу Варлааму стало лѣгче, опухоль прошла. И мы несколько л. 34 об. обрадовались.

12-го числа были всѣ на утрени. Во время чтения Псалтири вдругъ здѣлалась тревога. Начальникъ старецъ иеросхимонахъ отецъ Парфений и прежде сего не выходилъ изъ келии два дни, былъ болѣнъ, а в сие время сильной распалилъ его жаръ, какъ огонь. Не въ силахъ самъ былъ итить, для того ударилъ въ колоколь. Тутъ все изъпужались необычнаго звона и вышли изъ церкви. И онъ просилъ, чтобы довели его (самъ пожелалъ) до могилы, чтобъ менее затруднений хоронить, куда не дошелъ: на дорогѣ есть съ сѣномъ сарай, упалъ на сено и лежалъ. Послѣ утрени выходимъ изъ церкви, а онъ уже и скончался. Тутъ опредѣлили двухъ братьевъ, вырыли въблизу могилу и бѣзо всякаго принадлежашаго обряда вытащили крычками и зарыли землю. Отецъ Варлаамъ, смотря на сие странное положение, такъ горестно заплакалъ и сказалъ: «Неужели такъ и миѣ будетъ, когда старецъ такой начальникомъ // былъ 30 лѣтъ, и то не похоронили съ подобающею честью». Послѣ того отецъ л. 35 Варлаамъ и отецъ Павелъ отъправили погребѣние, а мы пѣли.

Того же дни пришли окликать сардары, которыя стерегутъ, и капитанъ съ ними, спрашиваютъ: «Всѣ ли живы?». А мы отвѣчали, что начальникъ помѣръ. Тутъ они сей часъ дали знать въ протать, а какъ на русовъ имѣютъ всегда негодование, а еще болѣе за то, что въ рускомъ скиту оказалась чума. Приходить капитанъ и говорить, что приказали изъ протата, сколько васъ есть живыхъ, чтобъ всѣхъ выслать въ морѣ купатся, а послѣ вамъ будутъ свѣжые одѣжды даваться, а въ скиту всѣ будутъ огнѣмъ палить. Вотъ какая ихъ цель! Видятъ, что начальникъ нашъ померъ, а насъ совсѣмъ хотятъ послѣднихъ уничтожить. Тогда каковое намъ было горѣ и бѣда! Не знали, что дѣлать и дѣваться куда. Собрались всѣ въ церковь и со слѣзами Богу молились. И согласились: такъ лучше гнѣвомъ Божиимъ по единому будемъ умирать, нежели чрезмѣрно вынуждать. // Время теперь севѣрное, и вода холодная, а есть л. 35 об. такая старички слабыя! Это бѣс причины можетъ смѣрть послѣдовать.

13-го октября капитанъ пришолъ окликать изъдали, что всѣ ли живы. И спрашиваетъ, согласны ли вы купатся въ морѣ. На что мы отвѣчали: «Лучше здѣсь всѣ помрѣмъ, а некуда не пойдѣмъ». Послѣ того насъ не принуждали, а толко каждый день перекликали.

Здѣсь въ скиту, былъ князь Шехматовъ, иеромонахъ отецъ Аникита, который по усердию своему съ помощью добрыхъ дателей въ честь и память новопрославленнаго російскаго нашего чудотворца святителя Митрофана заложилъ небольшую церковь, но какъ его потребовали въ посолство въ Амифею или Афины, то препоручилъ сие богоугодное дѣло и[з] здѣшнихъ старцовъ

одному схимонаху отцу Феодору*. Но сей въ несчастную годину поносною чумною болѣзнию 16-го октября скоропостижно скончался. //

л. 36 20-го октября иеродиаконъ отецъ Феодосій, который³² былъ зараженъ чумою, и выведенъ изъ скита, и затворенъ въ особѣнной келии, но какъ его сильной жаръ распалилъ, то онъ отбилъ двѣрь въ самую полночь, въ бѣспмятствѣ подошолъ къ келии отца Варлаама, сильно застучалъ, и очень перепугалъ. Подходилъ и къ прочимъ келиямъ. И я услышалъ необыкновенный шумъ, тоже перепугался. Скоро зазвонили на утреню, и мы пошли. И съ фонарями стали искать, и нашли его въ саду, съ правой стороны близъ церкви, — скончался.

25-го числа монахъ Варлаамъ и монахъ Никифоръ, бывший Николай, постриженъ въ монахи любѣзныи мой благодѣтель (со святыми упокой, Господи!), обои тою же чумою вмѣстѣ помѣрли. И такъ же жестоко и жалостно погрѣбли бѣзъ всякаго подобающаго законнаго чиноположения. Въблизу одну небольшую вырыли яму, въ которую крючками тащили, и съверху мало землю закрыли. //

л. 36 об. Отецъ Варлаамъ, видя такое болѣзненное и непрерывное страдание, собралъ насъ къ себѣ, и отъ жалости сердца говорить: «Дѣти (ибо совершенной отецъ, потому что духовникъ и посему что утѣшалъ, какъ детей), въ сие горѣстное и плачевное время страшная видима смѣрть всѣгда — каждой день и часъ — предъ глазами стоитъ. Чего намъ остается дожидать? Хочу я васъ въ монашество постригать». На что я ему отвѣчаю: «Какъ вамъ заблагорасудится! Своихъ постригайте, а я не могу: сие великое дѣло — монашество понести». Онъ говорить: «Естьли постригать, то всѣхъ вмѣстѣ».

31-го октября, въ субботу, двоихъ — Василия и Феодора — постригъ въ монахи с наименованиемъ Виталия и Феодосия. Послѣ литургии былъ у него обѣдъ, а новопостриженныи монахи служили послѣ обѣда, краснова вина подносили. //

л. 37 1-го ноября, въ воскресенье, послѣ утрени духовникъ отецъ Варлаамъ племянника своего Николая и меня, грѣшнаго Владимира, обоихъ постригъ въ мантию съ переименованиемъ: племянника — Никодимъ, а мнѣ сказалъ, «вотъ тебѣ мое прежнее имя — Василий, и праздновать въ тотъ жѣ день, [что] князю Владимиру, нареченному во святомъ крещении Василию*». Послѣ литургии такъ же былъ у него обѣдъ, а мы служили. И тутъ насъ поздравляли.

Восприемный отецъ былъ схимонахъ Савва — простой, не книжный, оставивши бѣзъ всякаго подобающаго укрѣпления новоначалнымъ духовнаго окормления, сие точию ко мнѣ сказалъ: «Ты еси писменный, якоже тебѣ Богъ

³² Испр., в ркп котокорый.

научить, тако живи». И тако азъ, аки овца, бѣзъ пастыря оставши, ни отъ кого не окормляемъ, не сподобихся въ юности моеи и въ началѣ моего монашествования, ни же слѣдъ кого видѣти здраваго и праваго расъсуждения, совѣта же и поучения отъ кого-либо начатку. // Мню, яко неизреченнымъ благоутробиемъ своимъ Богъ устроилъ пребывание мнѣ наединѣ, ибо келия моя удалена отъ всѣхъ и стоитъ на высокой долини. Тогда Господу поспѣшествующу, начавъ прочитывати полѣзныя отечественныя книги, а именно преподобнаго Иоанна Лѣствичника и Добротолюбие*, которые у меня находились, привезены изъ России. И аки слѣпаго мя Господу вразумившу, возложась на Его святой промыслъ вѣздѣсущий и всѣвѣдущий, познахъ, яко въ зеркалѣ, како бы мнѣ подобало и какимъ образомъ бѣдное мое монашество начати. И уразумѣхъ, каковыя благодати Божия лишихся, не предавши себѣ совершенно искусному старцу духовному въ послушание душею и тѣломъ. Отъ своего невѣжества ни отъ кого на таковое великое и святое дѣло не сподобихся наставления улучити. // И увѣдѣхъ, яко бѣдное мое мнимое уединение несть моей меры, но совѣршенныхъ и бѣстрастныхъ единому на единѣ жити. Но какъ въ новоначалии неопытнаго монашества моего различныя страшилища и приведѣния вражия нападали на меня, маломощнаго. Многожды плакахъ и рыдахъ до изнеможения, яко малое отроча по умершей матери своей за многия благословныя вины, препятствующия въ таковомъ продолжении. Прочее недоумѣваяся, умыслихъ царскимъ путемъ житие свое проходити: вмѣсто отца и учителя Бога имѣти себѣ наставника и учение святыхъ отецъ, вѣдущи сей путь монашества, свидѣтельствуемъ святыми отцами отъ святаго Писания въ таковомъ благомъ моемъ продолжении. Богу поспѣшившу, прочитывахъ святое Писание и отъ того благодатию Христовою отъ части многогрѣшная душа моя обрѣте великую отъраду, многожеланный покой и благое утѣшение. //

8-го ноября праздникъ — Соборъ святаго архангела Михайла*. Здѣсь, въ скиту, въ ризницѣ на хорахъ есть храмъ, но мы не были въ немъ на литургии, потому что скить запертъ, а мы находились внѣ скита. Правило всякое отъправляли въ келии отца Варлаама. И книгъ у него множество!

Въдругъ какой ужасной случай повстречался. Келейникъ отца Варлаама, монахъ Виталий, какъ-то нечаянно или неосторожно отъ какой-либо вещи заразился чумною болѣзнию, ибо послѣ умѣршихъ оставшия вѣщи, которыя огнемъ палили, а которыя въ воду валили, а многия по на двору валялись, отъчего и монахъ Виталий заразился. Силной жаръ распалилъ его, и три дня только болѣнь была.

10-го ноября скончался. 10 дней толко былъ въ монашествѣ. И до сего числа еще не было внѣ скита чумной болѣзни, и мы надеждою питались. А какъ Виталий померъ скоропостижно, то мы всѣ чрезмерно

л. 39 отъчаявались. // Отъ сего дня и я пересталъ ходить въ келию ко отцу Варлааму, отъчего онъ силно заскорбилъ и даже горѣстно плакалъ и рыдалъ, что всѣ его ближнии и знаемии оставили, толко племянникъ ево — монахъ Никодимъ — никуда отъ него не выходилъ.

13-го ноября два не постриженныя брата — Матфей и Платонъ — тоже чумою померли.

16-го ноября схимонахъ Иовъ, трапезной — добрѣйшій былъ старецъ — чумою скончался.

18-го ноября монахъ Амвросий, который чумныхъ хоронилъ, отъ того и самъ скончался. А два монаха — ³³Матфей и Макарий³³ — тоже чумою были заражены, которая появляется всѣгда [в] нижнихъ пахахъ величиною съ куриное яйцо. Находится под кожою, видомъ красная, а когда под мышку подойдѣтъ — и почернеетъ, и тогда челоуѣкъ умираетъ. Но они ускорили: ножами³⁴ разрезали, черною икрою прикладывали и пошла отътуда материя, и отъ того выходилась. Вотъ еще достойно замечания, что есть чудно и смѣшно. Изъ числа сихъ двухъ одинъ монахъ Макарий очень былъ болѣнъ, и ему вырыли заживо яму. И онъ самъ лажился въ нее, а мы поутру посмотримъ — отецъ Варлаамъ съ крыльца, а я зъ горы, — а онъ вылазитъ изъ ямы. И послѣ здѣлался здоровъ. //

л. 39 об. 19-го ноября духовникъ отецъ Варлаамъ ходилъ въ скитъ и възялъ запасныхъ Христовыхъ тайнъ и насъ приобщалъ у себя въ келии.

21-го ноября — праздникъ Въвѣдения Божией Матери*. Въ скиту иеросхимонахъ Павелъ служилъ литургию, а мы сънаружи близъ церкви стояли и слушали.

23-го ноября схимонахъ Дамианъ — почтенный старецъ — чумою скончался. А еще изъ числа поклонниковъ изъ Адесы съ фантала изъ монастыря иеромонахъ Далматъ: высокой былъ ростомъ и мужественной собою, но когда чумою заразился и силнымъ жаромъ распалился, то не могъ на четырехъ на рукахъ и на ногахъ черезъ келию переполсти, а чрезъ великую силу въ бѣспмятствѣ выходилъ изъ келии и по на двору валялся. И тутъ я очень перепугался, потому что близъ моей келии, хотя моя келия и выше всѣхъ, однако изъ окошка всѣ видно и слышно, а особливо ночью порою — темно, какой страхъ и ужасъ! Одинъ стонетъ тамъ, а другой въ другомъ мѣстѣ.

л. 40 24-го ноября иеромонахъ Далматъ чумою скончался, и ташили его крючками. // Тутъ и отецъ Варлаамъ изъ кѣлии вышелъ смотреть. И отъ горести сердца слѣзно заплакалъ и сказалъ: «Неужели и намъ такая несчастная

³³⁻³³ В ркп написано над строкой.

³⁴ В ркп слово написано над строкой.

участь будетъ?» А я уже и ис келии отъ страху не выходилъ. Какой можеть болѣе быть ужась, [чем] каждой часъ ожидаемъ смерти — хуже самава опаснейшева мора и горше всякаго несноснейшаго горя! Хотя у насъ и была въ России холѣра, но не столь страшна и опасна, и не такъ прилипчива, а эта чумная болѣзнь какъ огонь, поядающая и пожирающая, нельзя некакой вѣщи чумной дотронутся, и некакой надѣжды нѣтъ отъ нее избавится. И близко къ чумному человѣку подойтить невозможно: отъ воздуху заражаются! И сею чумною жертвою пожирается или, лучше сказать надо, — вѣдомая и непо-стижимая болѣзнь. Какъ и сей покойный иеромонахъ отецъ Далмать часто разговаривалъ, что былъ одинъ богоугодной старецъ и просилъ Бога показать ему, какая чумная болѣзнь. И явился ему ангелъ Господень съ пламеннымъ мечемъ и сказалъ ему: «Это гнѣвъ Божий!» Когда такъ, то куда ³⁵от руки³⁵ Господней скрытися и утить! //

25-го ноября дали знать намъ изъ Пантократорскаго монастыря, чтобы *л. 40 об.* пришли мы на переговоры къ нимъ. Вотъ мы собрались — иеромонахъ Павелъ, драгоманъ, или перевотчикъ монахъ Галактионъ, иеромонахъ Варлаамъ, схимонахъ Стефанъ, монахъ Зосима, тут же и я — шесть человѣкъ. И пошли. Не дошедши съ полверсты до монастыря, остановились на речкѣ у мѣлницы. И тутъ дожидались ихъ не болѣе какъ съ полчаса. И приходятъ сюда самые первые проэстосы и пройгумены — восемь человѣкъ. Тутъ и капитанъ пришоль, который съ сардарами караулять скить нашъ. И долго разговоръ имѣли обо всѣмъ, не зближаясь одни з другимъ такъ, какъ на 10-ть сажень. Они сидѣли на травѣ, а мы стояли. Приказывали намъ, чтобы какъ можно всеми силами остерегаться и близко одинъ з другимъ не соединятся. Тутъ объявили намъ, что отъ князя Шехматова есть прислано въ протать, или въ синодъ на Карею письмо русамъ и денегъ 5000 лѣвовъ для строения церкви, которая заложена въ скиту, // — храмъ во имя святителя Митрофана. Драгоманъ *л. 41* монахъ Галактионъ всѣ это намъ переводилъ. И послѣ распрощались: они пошли въ монастырь, а мы пришли благополучно въ скить.

Сего же числа новопостриженной монахъ Феодосий, ученикъ отца Исаии, чумою скончался. Вотъ еще удивления достойно, отъ чего онъ здѣлался болѣнъ. Какъ послѣ пересказывалъ отецъ Исая, ибо они въ одной келии съ нимъ жили, когда покойный иеромонахъ Далмать скончался вьнизу подъ ними (келия ихъ двухъэтажная) и тащили его хоронить крючками, тогда сей покойный монахъ Феодосий изъ окошка смотрелъ и ужасался. И отъ страху здѣлалось ему дурно, и отъ того приключилась чумная болѣзнь и потомъ смерть.

³⁵⁻³⁵ В ркп написано над строкой.

Въ тотъ же день приходили наши руския посѣщать насъ — иеромонахъ отецъ Самуиль, Новгородской епархии Юрьева монастыря*, Иванъ Павлычъ съ товарищами своими Воронежской губернии Толшевской пустыни изъ числа поклонниковъ, приехавши послѣ насъ. Скитъ уже былъ запертъ, и они купили у Ставреникитскаго монастыря свои келии. Имѣли съ нами переговръ въ рас-
 л. 41 об. стоянии на дватцать сажень, // толко что слышно голосъ. Здѣсь и капитанъ съ сардарами стоялъ, чтобы одни з другими не зближались. Тутъ насъ премного утѣшали и укрепляли, дабы мы не отъчаявались, а чтобы на милость Божию возлагались. Еще сказывали, что они слышали отъ грѣковъ мнение таковое: естли какъ скоро иеросхимонахъ Павелъ помретъ, то хотятъ малагию, или купчую грамоту отобрать, а оставшихъ всѣхъ разогнать и совсѣмъ русской скитъ уничтожить. Тутъ мы еще болѣе [з]аскорбили.

Къ тому же еще горе за горемъ едино не прошло, а другое настаеть. На кого была моя надѣжда, утѣшение и въ нуждахъ моихъ едино толко мое³⁶ прибѣжище — отецъ и покровитель, отецъ мой духовный, постриженный иеромонахъ отецъ Варлаамъ. Въдругъ нечаянно, Богъ вѣсть, не знаю отъчего, то здѣлался очень нездоровъ.

26-го ноября выхожу я изъ келии и смотрю з горы, а уже отца Варлаама вывѣли изъ келии и послали на дворъ полсте[ль], и положили его. Племянникъ его Никодимъ и монахъ Макарий, которыя при немъ служили, очень сильной жарь распалилъ. // Увидѣлъ меня и едва могъ проговорить: «Василий, что ты меня оставилъ, не придешь ко мнѣ». На что я ему отъвѣчаю: «Батюшка дражайший, отецъ мой и благодѣтель! Очень боюсь притить къ Вамъ, не могу, да еще Вамъ ничего и не помогу. Да будетъ воля Господня над Вами. Естли что отъ Бога назначено быть, тому не миновать. Простите меня, Господа ради, въ чемъ согрѣшилъ предъ Вами, и благословитѣ!» На что онъ сказалъ: «Богъ тебя проститъ, и я прощаю и благословляю». И такъ я пошолъ въ свою келию и болѣе не видался съ нимъ.

27-го ноября духовный мой отецъ Варлаамъ жестокою чумою и скончался. Завѣрнули его пойте[ль]ю и близъ келии под [д]вумя высокими кипарисами вырыли неглубокою яму, и просто похоронили его безъ всякаго подобающаго священнаго служения. Когда я узналъ, сильно плакалъ и рыдалъ, Псалтирь читалъ и за упокой его поминалъ. Послѣ его оставшееся имущество, котораго очень было много — ризница хорошая и книгъ множество, повиносили всѣ
 л. 42 об. изъ келии на дворъ. Которое курили, // а которое огнемъ палили. А я уже и изъ келии некуда не выходилъ, потому что всякия вѣщи валялись на дворѣ. Боялся, чтобы врагъ не вложилъ помысль какую-нибудь вещь възять, а чресъ

³⁶ В ркп слово написано над строкой.

то чтобы и жизнь не пострадать. И кромѣ того, великъ страх и ужась: ожидаю смерти каждой часъ. И отъ скорби до такой степени дошолъ, недоумѣваю и самъ себѣ не довѣряю: рука или нога заломить, или въ боку уколѣтъ, или блоха укуситъ, — такъ и думаешь, что приключилась чума, и даже выходишь изъ границы своего ума.

Послѣ сего покойнаго отца Варлаама такъ полагали, что прекратилась чума, но напротивъ того.

4-го декабря племянникъ его монахъ Никодимъ тою же чумою скончался. А капитанъ приходитъ каждой день окликать насъ: кто померъ и кто въ живыхъ остались. И даетъ знать в протать, на Карею, а отътуда все приказываютъ ему, какъ съ нами поступать. // Покойному духовнику моему отцу Варлааму очень желалось поклониться живоносному гробу Христову. Но Богъ не привѣлъ. Часто онъ говорилъ: «Блаженны тѣ, которыя поѣхали во Иерусалимъ». Богъ вѣсть, мудрено объ томъ судить! Разумна суть Богови отъ вѣка вся дѣла его! Кто блаженнее, тѣ, которыя удостоились во Иерусалимѣ быть, или тѣ, которыя скончались о Господѣ во святой Афонской горѣ, да еще поносною смѣртію — чумою. Можетъ, за то Господь Богъ отъпуститъ множество грѣховъ. л. 43

10-го декабря приносятъ капитанъ съ Кареи княжеское письмо. Стали читать. Тутъ мы очень обрадовались! Въ которомъ онъ очень насъ утѣшаетъ и ободряетъ, чтобы не отъчаявались, а на милость Божию возлагались, егоже любить Богъ того, аще и за грѣхи временно наказуетъ. // Однако какъ отъ добраго Отца и промыслителя Творца всѣ должно съ радостію принимать и равнодушно претерпевать, хотя здѣсь въ маловременной сей жизни и наказуетъ мало, да тамо, въ будущей, помилуетъ вѣчно. За таковое его прекрасное наставление мы очень благодарили. Еще въ томъ же писмѣ сердечно просить увѣдомить его подробно, кто помѣрли и кто въ живыхъ остались. Другое письмо получено отъ него въ протать, или синодъ, въ которомъ просить всѣхъ преестосовъ и проигуменовъ греческихъ, чтобы употребили всѣ мѣры и старание о защищении русовъ отъ чумной болѣзни. Тутъ капитанъ приказалъ, чтобы письмо написали и принесли къ Пантократорскому монастырю для отъправления князю Шехматову въ Амарею или Афины. Монахъ отецъ Зосима — писарь, написавши письмо. // л. 43 об.

12-го декабря собрались мы — иеросхимонахъ Павель, драгоманъ-перевотчикъ, монахъ Галактионъ, схимонахъ Стефанъ, монахъ Зосима, я (пятый монахъ Василий) — и пошли. Остановились близъ Пантократорскаго монастыря, на пѣску близъ моря, и дожидались проэстосовъ. Скоро приходятъ 8-мь человекъ. Сѣли на песку и начали спрашивать про нашу тоску. На что мы отъвѣчали: «Теперь слава Богу! Благодаримъ Его за милость премногу, сколько находимся въ живыхъ, всѣ здоровы». Здѣсь есть нашъ российский л. 44

архимандритъ отецъ Антоній, знаетъ хорошо по-грѣчески. Начали писмо переводить, не зближаясь [ближе] на шесть сажень: тоже опасаяся заразы. Въ руки не приняли, а подробно всѣ съ подлиннаго переписали, въ которомъ прописывали такъ: «Достопочтенейшій отецъ Аникита, приятное Ваше писмо получили мы 10-го декабря, которымъ премного были обрадованы. Также и Васъ увѣдомляемъ, что мы дѣржимъ карантинный терминъ отъ 4-го декабря, а сего вѣрнаго не можемъ сказать, // прекратилъ ли Господь Богъ праведный свой гнѣвъ или еще продолжить. Для того Васъ извѣщаемъ, кто помѣрли и кто въ живыхъ остались, и любви Вашей здѣсь реестръ предлагаемъ.

ЖИВЫЯ

первый	иеросхимонахъ	Павель
въторый	схимонахъ	Савва
третий	схимонахъ	Феодоръ
четвертый	схимонахъ	Климентъ
пятый	схимонахъ	Матфей
шестый	схимонахъ	Стефанъ
седмый	схимонахъ	Исайя
осмый	монахъ	Зосима
девятый	монахъ	Василий
десятый	монахъ	Макарий
одинацет[ый]	монахъ	Галактионъ
двѣнатц[атый]	монахъ	Порфирий
тринатц[атый]	монахъ	Григорий

МѢРТВЫЯ

первый	иеромонахъ	Палладій
въторый	монахъ	Иоаннъ
третий	монахъ	Пимень //
четвертый	монахъ	Ияковъ
пятый	монахъ	Иларионъ
шестый	иеросхимонахъ	Парфений
седмый	схимонахъ	Феодоръ*
осмый	иеродиаконъ	Феодосій
девятый	монахъ	Варлаамъ
десятый	монахъ	Никифоръ
одинацетый	монахъ	Виталий

двѣнатца[тый]	монахъ	Амвросий
тринатца[тый]	братъ	Матфей
четырнац[атый]	братъ	Платанъ
пятнаце[тый]	схимонахъ	Иовъ
шестнаце[тый]	иеромонахъ	Далматъ
седмнацет[ый]	монахъ	Феодосий
осмнатце[тый]	схимонахъ	Дамианъ
деветнац[етый]	иеромонахъ	Варлаамъ
дватцат[ый]	монахъ	Никодимъ

Переписавши письмо, приказываютъ намъ, дабы какъ имѣли осторожность мѣжду собою, и говорятъ, что будемъ всенощную служить за васъ, чтобы утолил Богъ правѣдный гнѣвъ свой. И такъ распрощались: они пошли въ монастырь, а мы — въ скитъ. //

13-го декабря приходитъ капитанъ окликать насъ, что всѣ ли живы и благополучны. Мы отвѣчаемъ: «Слава Богу, здоровы и болныхъ не предвидится». Онъ говоритъ: «Всѣми силами остерегайтесь, сами въ видимую бѣду не вдавайтесь, ибо сия опаснейшая чума, для того много требуется здравейшаго ума, и она не скоро кончается и очень долго продолжается: послѣ послѣдняго умѣршаго даже до 30-ти дней и болѣе. И вамъ карантинной срокъ назначенъ на сорокъ дней, а естли кто изъ васъ помретъ, то отъ того числа опять будутъ сорокъ дней считать. И теперь на Кареи и въ синодѣ очень рады, что у васъ въ скиту благо[получно, и будутъ за васъ всѣнощную служить въ протатѣ, чтобы Богъ избавилъ васъ отъ мучительнаго сего ига, отъ поносной ужасной чумной заразы».

И послѣ сего капитанъ приходилъ каждой день окликать, но мы отвѣчали: «Слава Богу! Болныхъ не оказывается!» И отъ того мы несколько восхищались и на милость Божию возлагались.

Я же, многогрѣшный Василий, не зналъ, какъ премилосердаго Господа Бога благодарить, какъ онъ меня со бѣззаконии моими не погубилъ, но еще дражайшую жизнь продолжилъ. Ожидаетъ и отъ меня, недостойнаго, покаяния! // Предивное, непостижимое и неизреченное милосердие Божие! Силенъ Богъ мѣртва и живить, кому умирать, а кому оживать! И даже недоумѣвался, какъ въ живыхъ остался: изъ числа шести человекъ поклонниковъ толко я одинъ. Кажется, и полагаю своимъ худѣйшимъ мнениемъ, чресъ то Богъ сохранилъ, что я некуда изъ келии не изходилъ,³⁷ близко не с кѣмъ не говорилъ³⁷ и нѣкакой вѣщи послѣ умѣршихъ взять себѣ и на

³⁷⁻³⁷ В ркп написано над строкой.

мысль не положилъ. При том же пресладчайшее имя Иисусово въ памяти моей всѣгда имѣлъ и несумненную надѣжду полагалъ на пречистую Богородицу — сильную помощницу, съпоручницу грѣшникомъ во спасение, что она можетъ испросить у Сына своего и Бога нашего избавить отъ наглыя смерти и смертоносныя язвы, а особѣнно во святомъ своемъ жребии — Афонской горѣ. Елика хочеть, вся можетъ испросить! И прещедрому воздателю моему угодно было божественными своими судбами такового менѣ великаго грѣшника въ живыхъ оставить!

25-го декабря — праздникъ Рождество Христово*. В сей всерадостнейший день «народился намъ Спаситель, всей вселенной Просветитель!»* Просвѣтилъ и наше малое стадо, потѣмныя сердца чумною заразою, ибо въ сей день первой расъ пошли въ церковь на молитвословие. И до сего днѣ рассеяны были и въ церковь не ходили. //

л. 46 об.

1837-мой новой годъ генваря 1-го числа начали всенощную служить съ перваго часа съ полночи. Въ церкви насъ очень мало, а съспособныхъ пѣть и читать совсѣмъ никого нѣтъ. Послѣ чумной заразы остались толко старыя, слѣпныя да хромыя. Отецъ Павелъ служилъ, а я на правомъ крылосѣ пѣлъ. Отецъ Зосима на лѣвомъ крылосѣ пѣлъ, а еще понамарь монахъ Порфи[ри]й полагалъ читать: на лѣвомъ крылосѣ празднику канонъ читалъ. А я святому Василию великому читалъ. Также и литургия была Василия Великаго*. Послѣ литургии въ трапезу не ходили, а на кухнѣ пищу варили, и мы въ келии всякъ себѣ брали, также по чаше краснаго вина давали.

6-го генваря праздникъ Богоявление Господне*. Всѣношная была съ перваго часа и литургия во свое время. Богъ и Господь явилъ намъ, грѣшнымъ и уничиженнымъ, великую и богатую свою милость, что болныхъ никого не появляется, а темъ самымъ и увѣряемся, что премилосердный Господь Богъ явилъ пресладчайшую свою любовь. А въпредъ возлагаемся на его святую волю, аще изволить избавить насъ³⁸ и отъ грѣховъ. //

л. 47

8-го числа приходитъ съ Карей капитанъ, выкликаеть драгомана, то есть перевотчика, на переговоры. Объявляетъ, что отъ протата, или отъ синода, приказали, чтобы все возможности употребили [и] сами себѣ очистили. Получа[ли] мы таковое радостное ободрение.

9-го числа начали, хотя и немного насъ количествомъ осталось, однако все вмѣсте соединились — изъ церкви и изъ келий совсѣмъ повыносились, стали вѣздѣ вымывать и все вонь выкидать: что возможное — курили, а что непотребное на огонь кидали.

³⁸ В ркп слово написано над строкой.

10-го генваря приходитъ капитанъ, вызываетъ драгомана и говорить, что синодь опредѣление на васъ таковое положилъ, за продолжение четырехъ месяцевъ требуетъ 5000-щъ левовъ за содержание 10-ти человѣкъ сардаровъ и капитана. А когда не доставите въ протатъ толикое число суммы, до техъ поръ не будутъ никуда васъ выпускать. //

12-го генваря иеросхимонахъ Павель, драгоманъ монахъ Галактионъ, л. 47 об. схимонахъ Исаяя и монахъ Зосима собрались и взяли означенное число суммы, понесли отдавать. Тамъ не допустили ихъ за полверсты до Карея. Приходитъ назирь — члѣнъ изъ протата, принялъ у нихъ чрезъ *уксусъ*³⁹ денги и сказалъ, чтобы вы постарались сами себя очистить, потому что завтрашний день придутъ къ вамъ опредѣленный отъ протата лѣкаръ и прочие члѣны освидѣтельствовать васъ. И такъ распрощались. Пришли въ скить. Начали изъ церкви и изъ келий всѣ выносить на дворъ — ризницу и прочие вѣщи — всѣ окуривали и вѣздѣ въ саду на деревьяхъ и на маслинахъ развѣшали церковныя сосуды, кресты и Евангелія. Всѣ уксусомъ обливали и на дворъ всѣ на воздухѣ поставляли. Такъ и я изъ [с]воей келии, хотя и не общался съ ними, однако всѣ выносилъ на воздухъ, въ саду на деревьяхъ развѣшалъ и всѣ вѣщи окуривалъ. И келию свою вымывалъ.

Того же дня къ вечеру пришли къ намъ въ скить капитанъ и 10-ть сардаровъ, которыя насъ караулили. И они вѣздѣ осматривали, не увѣряясь на насъ. И для // опасности расклали на дворѣ большой огонь, и всю ночь не спали, л. 48 попеременно стерегли, дабы какихъ неприятностей не повстречалось, потому что всякия дорогія вѣщи и церковное украшение, — всѣ на дворѣ начевало.

13-го генваря поутру стали прибираться. Всѣ въ церковь повносили и въ свои келии свои вѣщи поскладали. Начали Часы читать. Прочитавши, въ трапезѣ всѣ вмѣстѣ — капитанъ, садары и мы — обѣдали. Послѣ обѣда пошли на виноградникъ, сухія лозы обрѣзывать. Тут же и я вмѣстѣ съ ними пошолъ и сталъ обрѣзывать. Вотъ узналъ я, сколько имеетъ виноградъ сортовъ. Первый, называемый Лѣмиотъ, самый лутчий сортъ. Вѣторый — Красный попадья, третій — простой бѣлый, корень старый имеетъ, не болѣе какъ три четверти отъ зе[м]ли. Лѣмиотъ обрѣзывается на одну почку, потому что крепокъ. Попадья на двѣ почки, простой бѣлый на три. Есть еще кроватный виноградъ, растеть предъ всякою келиею, можно его на вторый и на третій этажъ провѣсти. //

Там же въскорости въдругъ услышали ружейный выстрелъ. Это тотъ былъ л. 48 об. знакъ, что дали о себѣ знать, и мы увидали, что ѣдутъ на мулахъ верхомъ присутствующий изъ протата и съ ними лѣкаръ и капитанъ. Для приѣзду ихъ

³⁹ *Испр., в ркп иксусъ.*

завзвонили во всѣ звоны и церковь отъворили. Тутъ и мы пришли, пропѣли «Достойно есть», и они приложились къ намѣстнымъ образамъ и къ святымъ мощамъ. Послѣ пошли на фондарикъ*. Это было уже предъ вѣчернею. Стали ихъ кофеемъ угощать и закуску подали. И они стали спрашивать обо всѣмъ подробно: какъ вы сие бѣдствѣнное время проводжали и какъ еще васъ Богъ помиловалъ, въ живыхъ остались. А мы отъ вѣликой радости съ восторгомъ отвѣчали: «Слава премилосердому Богу за его милость премногу, что онъ насъ не до конца погубилъ, ни же въ вѣкъ враждавъ не по бѣззакониямъ нашимъ воздалъ, ни же по грѣхомъ нашимъ сотворилъ, но яко же щидритъ
л. 49 отецъ сыны, тако ущедри и насъ смиренныхъ Господь»*. // Вотъ какъ пословица говорится: «Горѣ за горемъ, бѣды за бѣдою, едино еще не прошло, а другое настаеть, едино стали было забывать, а другое начало повторять».

Сего же самага дня одинъ старецъ на кипорѣ, то есть на огородѣ, схи-монахъ Феодоръ померъ, но еще виликая милость Божия явилась съ нами, что не чумною болѣзнию, но должною смертию, ибо очень былъ старъ и слабъ. При семъ случае пошли всѣ присутствующи и лѣкаръ, и капитанъ свидѣлствовать. Осмотрели его кругомъ, не нашли некакихъ знаковъ, и тѣмъ увѣрились и болѣе не тревожились. Настоящимъ порядкомъ убрали и по надлѣжащему долгу монашескому похоронили. А лѣкаръ сказалъ: «Это съчастье ваше, что чума не оказалась, а то бы еще вамъ на карантинѣ назначили выдѣрживать отъ сего числа на сорокъ дней». Похоронивши, пошли всѣ въ скитъ. Тутъ у насъ и начевали. А поутру съ подобающимъ звономъ провожали. //

л. 50 ⁴⁰14-го генваря отъдание праздника Богоявления Господня*. Отъдалъ, или лучше сказать, отъпустилъ намъ Богъ и Господь грехи и неправды наши, ибо отъ сего дня начали мы духомъ оживляться и тѣломъ укрѣпляться. Господи, благослови! Сего дня въ первый разъ пошли мы двое [со] ⁴¹съхи-монахомъ Исайею⁴¹ по надобности просить преосвященнейшаго епископа Панкратия для отъправления священнослужения всѣношнаго бѣдѣния и литургии по совѣту и согласию оставшейся малое число всѣй братии. Оный епископъ живетъ на Кареи на споко⁴² въ своей келии. Идучи мы на Карею, тутъ есть на пути келия святаго пророка Илии, которую купилъ изъ числа поклонниковъ, приехавшихъ послѣ насъ, Староскольский Иванъ Павлычъ. Куда мы и приходимъ. Въ то время они были въ саду на виноградникѣ, обрѣзывали сухия лозы, и бобы пропалывали, и протчия огородныя дѣла обработывали. Тутъ съ нами увидались и весма очень обрадовались и поздаровались, // спрашивали, какъ

⁴⁰ В ркп л. 49 об. — пустой.

⁴¹⁻⁴¹ В ркп написано над строкой.

⁴² Испр., в ркп покой.

вась Богъ освободилъ отъ ига мучительнаго поносной чумы, а мы отъвѣчали: «Благодаримъ Господа Бога, что онъ по своей богатой милости еще даровалъ намъ наслаждаться дражайшею свободою! Карантинной терминъ выдѣржали сорокъ дней послѣ послѣдняго умершаго, и въчарашняго дня были у насъ въ скиту изъ протата члѣны, освидѣтельствовали насъ и разрешили намъ свободу. И теперъ мы идемъ просить преосвященейшаго Панкратия служить бдѣние». Однако Иванъ Павлычъ сомневается и намъ не увѣряется, и въ келию даже свою не позвалъ насъ, И такъ на виноградникѣ постояли, приятно поговорили. И къ себѣ ихъ на всеношную просили, ибо Иванъ Павлычъ харашо знаетъ ноту и келейникъ-ученикъ у него Василий очень харашо поеть. И они общались приятить. И такъ съ ними распрощались, пошли далѣе немного рядомъ. У нихъ и сады вънизу, келия // Святая Троица. Тутъ живутъ наши л. 51
російския два монаха — Варсонофій и Висарионъ. Застали ихъ въ келии. И они очень тоже обрадовались намъ и отъ радости говорятъ: «Что, затворники, выпустили васъ на волю?» А мы благодаримъ Бога, что онъ даровалъ намъ такую долю. Тутъ приняли насъ преласково, поставили намъ закуску и угощали краснымъ виномъ. Поговорили и къ себѣ тоже просили, а онѣ общались приятить. Послѣ попрощались и пошли.

Приходимъ на Карею. Тутъ встрѣчаютъ насъ русы наши и съ радостію восклицаютъ всѣ: «Слава Богу за его милость премногу! Еще вы остались въ живыхъ, а мы уже не надеялись видетъ васъ здоровыхъ». То же самое и грѣки повторяли (эхы кало русиконъ понукла денехи профитолий), то есть хорошо у русскихъ чумы нетъ, у пророка Илии. Тутъ всѣ очень съ любо[въ]ю насъ принимаютъ, разныя закуски поставляютъ и краснымъ и бѣлымъ виномъ угощаютъ. // И такъ очень довольное время походили мы по Карей, приятно л. 51 об.
поздаровались и просили всѣхъ русскихъ къ себѣ въ скитъ. И они общались къ намъ приятить.

Послѣ приходимъ мы къ преосвященнейшему Панкратію. Застали его у себя въ келии. Достодолжное поклонение воздали ему. И онъ насъ принялъ благосклонно. Приняли мы отъ него благословение. Онъ умеетъ говорить немного по-русски. Спрашиваетъ насъ: «Зачемъ вы пришли?» Мы объявляемъ, что какъ вамъ небезызвестно, нашъ русский скитъ пророка Илии былъ во осадѣ, по[д] игомъ мучительнымъ поносной заразительной болѣзни чумы, а теперъ выдержали карантинъ и получили отъ вышшаго здѣшняго начальства, отъ протата, разрешение. Того ради съ согласія оставшейся убогой нашей братии смиреннейше просимъ вашу святыню, пожалуйста къ намъ въ скитъ принести премилосердому Господу Богу благодарение за его святой промыслъ, отъ//служить все[но]щное бдение и литургию. На что онъ съ великою радо- л. 52
стію согласился и сказалъ, что буду непременно, и благословилъ насъ въ путь.

Приходимъ мы въ скитъ уже въ вечеру. Немного погода увидали наши, что ѣдитъ на мулѣ верхомъ преосвященный и съ нимъ два иеромонаха и два иеродиакона, грѣки. Для [в]стречи ихъ зазвонили во всѣ звоны, и мы вышли за ворота, встретили ихъ, отъперли церковъ. Они приложились ко образамъ, а мы пропели «Достойно есть» и отъпустъ*. Изъ церкви повѣли на фондарикъ, то есть въ гостиную комнату. Тутъ они и начевали. Къ ночи собралось довольно: пришли къ намъ кельяши руския и грѣки.

15-го генваря съ полуночи началось бдение. Самъ преосвященнейшій служилъ. Предъ шестопсалмиемъ* самъ и речь говорилъ о умѣршихъ, толко л. 52 об. по-грѣчески, то мы мало разумели. // Я только и понялъ два слова (микро и мигало). Какъ послѣ намъ перевотчикъ сказывалъ, здѣ умѣршихъ братьиѣ наглою чумою малыхъ и великихъ всѣхъ прийметъ Господь въ вѣчныя своя кровы. Всенощную очень медленно служилъ. Певчии были наши руския. Поприходили съ келиѣй Иванъ Павлычъ съ своими учениками, иеромонахъ отецъ Самуиль, да еще хароший певчій монахъ отецъ Софроній и протчии кельяши. Всенощная отъшла, гаразда рассвело. Не болѣе какъ съ часъ отдохнувши, начали въ переборъ звонить. И тутъ отъкудава что взялось! Всѣ наши русы кельяши, грѣки и болгары поприходили многое множество соучаствовать нашему благополучию. Самъ преосвященнейшій сталъ воду святить. Освятивши воду, подняли хоругвы и мѣстныя образа, пошли съ крестнымъ ходомъ. л. 53 О великое чудо! Въ то время какая радость и сладость! // Все восклицаютъ и Бога восхваляютъ. Воистину правильно сие написано: «Съ плачущими плакаться, съ радующимиси радоватися»*. Когда мы находились въ бѣтствии, то сострадали и болѣзновали объ насъ, а теперь несравненно болѣе соучаствуютъ радости нашей и о всѣхъ объщей ползѣ. И тутъ мы, кажется, и забыли свое бѣтствование. Со всѣмъ освященнымъ соборомъ самъ преосвященнейшій ходилъ по всѣхъ могилахъ умѣршихъ чумою въ разныхъ мѣстахъ. Кто гдѣ упалъ, тамъ и скончался: на виноградникъ и въ саду, и близъ церкви. Надо всѣми ходилъ и надъ каждымъ литию отъправлялъ и разрешительную молитву читалъ. Объшедши кругомъ всѣго скита, взошли въ церковъ. Облачили преосвященнаго, и началась поздняя литургия. Послѣ литургии пошли всѣ на фондарикъ, угощали всѣхъ кофеемъ. Преосвященный остался съ немногими иеромонахами на фондарикъ обѣдать, а протчии всѣ приглашены были въ трапезу. И тутъ обѣдъ былъ богатой и вина краснаго довольно. //

Послѣ обѣда преосвященнейшаго Панкратія выпроводили съ подобающимъ звономъ, а протчия братия, своя, скитская, и прихожии кельяши собраны были всѣ на фондарикъ. И было угощение велие кофеемъ и краснымъ виномъ. И поставлена была закуска — смоквы, изюмъ и орехи. И былъ тутъ совѣтъ, кого игуменомъ или настоятелемъ здѣлать. И тутъ вышло бол-

шое разногласие: которые хотѣли, чтобъ здешняго иеросхимонаха Павла, а которыя хотели, чтобъ со стороны, изъ другихъ келий кого-нибудь поставить. И такъ поговорили, похлопотали и некакова резону не здѣлали. Къ вечеру разошлись всякъ на свою келию, остались одни только свои, скитския.

16-го генваря иеросхимонахъ Павелъ, видя таковое несогласие, дабы не пришло въ большое растройство, // обращается къ грѣкамъ въ Панто- л. 54
краторский монастырь. А такъ какъ грѣки очень лакомыя на денги, далъ имъ большое количество сумы и больше того еще обѣщаль дать, потому что у него вся сума была въ рукахъ и послѣ умѣршихъ много захватилъ себѣ. И чресъ то старался и просилъ ихъ, дабы ускорить поставить его игуменомъ.

17-го генваря приходятъ изъ Пантократорскаго монастыря шесть про- игуменовъ, или проѣстосовъ. Собираютъ, хотя малое число, всю братию на фондарики и объявляютъ, что мы хотимъ вамъ поставить иеросхимонаха Павла игуменомъ. Ему должно и быть, но такъ какъ онъ⁴³ неправымъ путемъ пошолъ, накупилъ за денги, того ради мало кто согласенъ былъ на его сторону. Однако проѣстосы приказали отворить церковь, сами взошли и нашихъ принуждали, но никто не пошли. // Сами одни проѣстосы взошли л. 54 об.
въ церковь, надѣли на отца Павла мантию, поставили его въ настоятельскую форму. А мы вне церкви стояли: двѣри отворены, и намъ слышно, какъ пели «аксиосъ», то есть «достойнъ». Послѣ вышли изъ церкви и говорятъ: «Вотъ вамъ игумень, почитайте и повинуйтеся ему». Тутъ вся братия отъказалась — не признаютъ настоятелемъ, ибо неправильно поставленъ на мздѣ. Поспорили, пороптали и такъ оставили. А отецъ Павелъ, хотя силою и неправдою вѣтюрся въ настоятели, началъ всѣмъ скитомъ управлять и распорезается*.

28-го февраля — недѣля Сыропустная*. Къ литургии множество кельяшовъ съ разныхъ келий поприходили. Послѣ литургии всѣ вмѣстѣ въ трапѣзе съваею братиею обѣдали. Послѣ обѣда всѣ прощались, а которыя у насъ въ скиту говѣтъ, [те] оставались.

1-го марта — первый понедельник святаго Великаго поста и святаго // преподобномученицы Евдокии*. Часы начали съ половина дни. Послѣ Часовъ л. 55
вѣси два дни (въ понедельник и въторникъ) обѣда не бываетъ. А вотъ каковъ здѣсь уставъ: дается по укруху бѣлаго хлѣба съ теплою водою, а болѣе ничего.

5-го марта — пятница первыя недѣля поста⁴⁴. Собрались мы трое — схимонахъ Исаяя, схимонахъ Стефанъ, тутъ же и я съ ними — пошли къ духовнику въ Вѣдѣнскую келию. Подоспели къ вечерни. Духовникъ — иеросхимонахъ отецъ Иосифъ — сталъ вечерню служить, а мы пели. Послѣ вѣчерни

⁴³ В ркп слово написано над строкой.

⁴⁴ В ркп слово написано над строкой.

еще пришли кельяши, началъ духовникъ насъ всѣхъ исповѣдывать. Послѣ исповѣди правило читали въ церкви. Начевали у отца Иосифа. Келья очень теплая, и онъ насъ хорошо упокоилъ.

6-го въ субботу утрено началъ служить съ полночи. Послѣ утрени сталъ молитвы читать ко святому причащению. И тутъ еще пришли много съ другихъ келий. Всѣ вмѣстѣ съ нами слушали. Прочитавши молитвы, сейчасъ началъ духовникъ литургию служить. Приобщались святыхъ бесмертныхъ Христовыхъ таинъ. // Все монахи, и я тутъ же, въ мантияхъ. Литургия отъ-
 л. 55 об. ошла порану. Послѣ литургии у отца Иосифа былъ хорошей обѣдъ, и краснова вина поставлялъ по чаше. Послѣ обѣда немного отдохнули и пошли вмѣстѣ всѣ, и отецъ духовникъ, на Карею. Куда пришли только что — самой торгъ. Вотъ предивное чудо! Карея по-гречески значить средина. Тутъ каждой субботы базаръ бываетъ⁴⁵. И что же тутъ видится: всѣ одни монахи всякой свое рукодѣлие приносить продавать — кто ложечки, кто крестики, кто⁴⁶ шапки и камилавки вязанья и сукна. Кто-либо какимъ рукодѣлиемъ занимается, то и приносить. Сюда приѣзжаютъ греки-купцы съ другихъ острововъ и привозятъ пшеницу, вино, масло, рыбу и промениваютъ на рукодѣлие. Здѣсь есть соборъ, или протать: въ присутствии и съ каждаго монастыря по одному проэстосу засѣдаютъ члены, рассуждаютъ дѣла и совѣршаютъ малаги, или купчии бумаги, [если] кто продаетъ или покупаетъ келию съ машиною, то есть
 л. 56 зъ землю. // А протчия неудоборешительныя дѣла, здѣсь же живетъ изъ турецкихъ одинъ чиновникъ, называемый агга, то уже онъ судить и рассуждаетъ. И такъ мы довольное время походи[ли], полюбопытствовали, посмотрели на монашеский базаръ. Возвращаемся въ скитъ, подоспели къ вечерни.

7-го марта — первая⁴⁷ недѣля Великаго поста — Православие*. Утрени была съ полночи. Литургию служилъ иеросхимонахъ Павелъ. Кельяшовъ много, то есть монаховъ, поприходили, и обѣдали всѣ съ нами въ трапезѣ.

8-го марта — понедельникъ вѣторыя недѣли. Послѣ утрени собрались вся братия — старыя и малыя — и нанятыхъ было пять человекъ, пошли всѣ на виноградникъ отъкапывать корни виноградныя, чтобы нагрелся отъ солнца и скарей розги пустилъ. Вотъ каковы труды во святой Афонской горѣ! Копаютъ не заступами, но по здешнему такъ называемыми дикилями. // Здѣланы
 л. 56 об. наподобие сошниковъ, з двумя рогами, вѣсомъ 15-ть фунтовъ, насажены на длинной руковатѣ⁴⁸, и ударяютъ съ плеча, потому здѣсь заступомъ копать невозможно, ибо грунтъ земли более чреповатой и каменистой.

⁴⁵ В ркп слово написано над строкой.

⁴⁶ В ркп слово написано над строкой.

⁴⁷ В ркп слово написано над строкой.

⁴⁸ Испр., в ркп куковатъ.

9-го марта стали бобы полоть, которья посажены были еще въ Филиповку*. Отъ сего числа начали каждой день въ саду и на кипрѣ, то есть на огородѣ, гряды копать и разныя овощи садить: лукъ, чеснокъ и картофель, еще здешнему названію — трассь.

24-го марта поутру рано пошли всѣ вмѣстѣ ревить, то есть греческой горохъ садить, въ саду на возвышенномъ мѣсте. Въ это время многое множество шли монаховъ кельяшовъ чрезъ нашъ скитъ, а намъ съ горы видно, къ празднику въ Ватопетской монастырь*. Очень желательно и мнѣ быть въ монастырѣ на храмовомъ праздникѣ, но такъ какъ у насъ въ // скиту храмъ л. 57 въ трапезной церкви, того ради нельзя отълучится, потому что братии мало, да и способныхъ нетъ, и всенощную некому петь.

25-го марта — праздникъ Благовѣщення Пресвятыя Богородицы*, четвертокъ четвертыя недели поста. Всенощную съ полночи начали служить въ храмовой трапезной церкви. Тутъ и литургия была Златоустава. Прихожихъ монаховъ очень было мало, потому что все ушли въ Ватопетской монастырь на праздникъ. Послѣ литургии обѣдъ былъ хорошей, и прихожий приглашены были вмѣстѣ съ нами обѣдать. Была рыба жаркая, называемая хѣля. Здесь она считается самую лутшею и первою рыбою. Видъ имеетъ подобие Угра или змей. Не умеючи ее варить, то многие отъ нее умирають, ибо имеетъ въ себѣ ядъ. А вотъ какъ ее дѣлають. Отъварюють въ кипяткѣ и воду выливають, послѣ объжаривають на железной проволоцѣ надъ жаромъ, и жиръ изъ нее стекаетъ. И кушать — очень превкусная. // Еще второй сортъ рыба, по-гре- л. 57 об. чески называемая октоподия, то есть осминогая. Еще называютъ ее жаба, или морской паукъ. Она имеетъ восемь хвостовъ, шолоха на ней изредка, наподобие бородавокъ. Находится въ морѣ близъ берега и под камнями. О ней сказывають, что когда по неосторожности бывають люди по какой-либо надобности въ морѣ, купаются или по-другому какому⁴⁹ случаю, то она нечаянно ухватываетъ человѣка за ноги, а когда станеть отърывать, то она обьвивает, и за руки оными бородавками крепко въпивается. И въ то время, естли не будетъ другова человѣка подать помощи — ножомъ отърезать всѣ хвосты, то она и утополяетъ человѣка. Того ради очень опасно купатся въ морѣ, да еще к тому же и одному. Вотъ какое отъ рыбы происшествие!

⁵⁰1837-го года Богъ меня удостоилъ, за молитвы Пресвятыя Богородицы, л. 1 жилъ я изъо дня въ день одинъ годъ во святой Афонской горѣ, въ рускомъ Пророко-Ильинскомъ скиту. Оная гора, выдавшися мысомъ въ морѣ, отъ

⁴⁹ В ркп слово написано над строкой.

⁵⁰ Далее текст публикуется по листу, сохранившемуся в собрании Барсова: РГБ. Ф. 17 (собр. Барсова). № 521.2.

матер[иков]ой земли въ длину простирается на 80-ть верстѣ, в ширину на 20-ть верстѣ. Скитъ русской съ восточной стороны, а монастырь Русиконъ или, какъ грѣки называютъ, Русикъ*, зѣ западной стороны. Только я о немъ мало свѣдений имѣлъ, такъ какъ я не с темъ намѣрениемъ проживалъ, чтобы каковой-либо памятникъ или путешественникъ составить, а единствѣнно воззусердствовалъ помолитися и на всѣхъ святыхъ мѣстахъ поклонится, что только при[по]мню и что въ бытность мою прилучися ми видѣть и слышать, то истину скажу, не солгую.

Предъ наступлениемъ праздника святаго великомученика Пантелеймона*, 26-го июля, изъ своего скита первый — я, 2-й — схимонахъ Мисаиль, л. 1 об. 3-й — монахъ Зосима // 4-й — Иванъ Павловичъ изъ купцовъ, 5-й — келейникъ его Василий, 6-й — почтенной старецъ иеромонахъ Иосифъ, — всѣ шестеро пошли вмѣстѣ чрезъ Карею, такъ называемый базаръ, гдѣ монахи продаютъ всякъ свое рукодѣлие. Отъ Карей до монастыря на половинѣ пути находимъ мы развалины стѣнъ, приметно, келий и церквѣй, некоторыя подвалы или пещеры, гдѣ виднеются кости обнажены. Тутъ иеромо[на]хъ отслужилъ литию за упокой здѣ лѣжащихъ, а мы пѣли. При случае не мѣшаетъ пословицу сказать — «за что купили, за то и продаемъ», «если люди ложь, такъ и мы то жъ». Сему почтенному старцу было около 70-ти лѣтъ въ нашу бытность. Онъ природной русской, жилъ уже 30-ть лѣтъ во Святой горѣ. Онъ то устно лично сказывалъ намъ, что на семъ мѣсте, говоритъ, преждѣ былъ Русикъ монастырь, и вотъ лѣтъ 60-ть тому назадъ, когда здѣсь жили монахи, половина грековъ, а другая — русскихъ, то по какому-то наваждѣнню вражю иновѣрныя или будто бы сами же грѣки всѣхъ русовъ перерезали. И с того времени опустель монастырь. Посему-то старецъ и служилъ литию. Какъ видно и изъ сей же записки печатной⁵¹, что уже монастырь сей и мы, очевидно, видѣли на третиемъ мѣстѣ выстроены.

Приписка на левом поле: Киевский мѣщанинъ Владимиръ Смирновъ въ маломъ образѣ постриженъ* во святой Афонской горѣ. Нынѣ бла[го]д[атье] Бож[ьей] въ Св[ятой] Тр[оице]-Сер[гиевой] лавр[е].

⁵¹ В ркп слово написано над строкой.

Комментарии

С. 132. ...«несодѣланное мое видѣть очи твои»... — цитата из Псалтири (Пс. 138: 16).

С. 133. Федор Лукич Переверзев — тайный советник, сенатор; киевский губернатор (1835–1839).

С. 134. ...помолился пред чудотворной иконой Успения Божия Матере, которая находится над Царскими вратами и спускается на лентах. — Киево-Печерская икона Успения Пресвятой Богородицы почитается как одна из древнейших икон Русской православной церкви. По преданию, сама Богоматерь вручила ее византийским зодчим, которые в 1073 г. принесли икону преподобным Антонию и Феодосию Печерским. С XVII в. образ помещался в Успенском соборе Киево-Печерской лавры над царскими вратами, по окончании литургии его опускали для поклонения богомольцев. Посещение лавры и ее главную святыню автор вспомнит на страницах своего дневника еще раз (см. л. 24).

...16-го проѣзжая Василковъ, 18-го — Бѣлую Церковь, 20-го — городъ Умань, 22-го — городъ Богополье. — В Путешествии описан маршрут из Киева до Одессы, ставший традиционным для паломников в Иерусалим с петровского времени. Васильков — город в 25 км к югу от Киева, расположен на р. Стугне. Белая Церковь — город, расположенный в 80 км к югу от Киева, на реке Рось. Умань — город, находящийся у слияния рек Каменки и Уманки, к западу от г. Черкассы. Богополь — небольшой город на р. Южный Буг, ныне район г. Первомайска Николаевской обл. Украины.

С. 135. «Сотворитъ милость мѣншихъ сихъ братии моей, мнѣ сие принадлежить и мзда моя со мною есть». — Переданная по памяти цитата из Евангелия от Матфея (Мф. 25: 40).

Толшевская пустынь — Спасо-Преображенский Толшевский мужской монастырь располагался в 40 верстах от г. Воронежа.

...день рождения ея императорскаго величества государони императрицы Александры Феодоровны... — Александра Федоровна Романова (01.07.1798 — 20.10.1860), супруга императора Николая I. Одесский Спасо-Преображенский собор — крупнейший православный храм Одессы.

Пульхерия Яковлевна Сабанеева — супруга генерала И. В. Сабанеева (урожд. Борецкая). В свое время женитьба генерала на Пульхерии Яковлевне, состоявшей в браке с военным врачом Шиповским, вызвала немало шума в обществе. В доме генерала Сабанеева бывал А. С. Пушкин.

«Блажень тотъ, иже снесетъ обѣдъ въ Царствии небѣснемъ» — вольная передача слов Евангелия (Лк. 14: 15).

...въ монастырь на фанталь... — Оборудованные источники питьевой воды в XVIII в. называли фонталами (позднее — фонтан). В Одессе так называли местность, где из-под известняков выходили минерализованные подпочвенные воды. В приморской, южной части города в перв. пол. XIX в. вокруг трех крупных источников возникли дачные поселки. Вероятно, о части города под названием Большой Фонтан, где в 1824 г. был основан мужской монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы, и идет речь в Путешествии.

С. 136. ...день ангела моего святаго благовѣрнаго и равноапостольнаго великаго князя Владимира... — День памяти св. равноап. кн. Владимира, Крестителя Руси, отмечается 28 июля (15 июля по старому стилю).

Апостол — богослужебная книга, составляющая часть Нового Завета, включающая Деяния и Послания апостолов.

С. 137. ведро — Имеется в виду ведро, т. е. ясная погода.

По словам пророка Давида, вечеръ водворится плачь, а за утра — радость. — Цитата из Псалтири (Пс. 29: 6).

С. 138. ...некогда ангель Господень сказали: «Радуйся, Товия!» — Автор вспоминает историю путешествия ангела Рафаила и Товии, сына Товита, рассказанной в библейской Книге Товита.

С. 139. «*Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь*». — Цитата из Псалтири (Пс. 117: 24).

С. 140. ...*Одѣский градоначальникъ и кавалеръ Левшинъ*. — А. И. Левшин (1798–1879), государственный деятель, историк, писатель; одесский градоначальник (1831–1837).

...*преосвященнаго Антония*... — Антоний (Смирницкий), архиепископ Воронежский и Задонский (1773–1847). С 2003 г. почитается как местночтимый святой Воронежской и Липецкой епархий.

Святитель Митрофан — Митрофан (в схиме Макарий) Воронежский (1623–1703) — первый епископ Воронежский; причислен к лику святых в 1832 г.

С. 142. ...*праздникъ Преображения Господня*. — Православный двенадцатый праздник. Отмечается 6 (19) августа в воспоминание о Преображении Иисуса Христа перед ближайшими учениками — Петром, Иаковом, Иоанном.

С. 143. ...*повторяли сии слова апостольския, когда они был въ сильномъ обуревании: «Господи, спаси ны, погибаем!»* — Автор отсылает к евангельской истории о буре, разыгравшейся на море, и обращении испуганных учеников к Спасителю со словами: «Господи, спаси ны, погибаем!» (Мф. 8: 25).

С. 144. *Царьград* — характерное для средневековых русских текстов название Константинополя, столицы Византии. Его часто использовали в своих описаниях паломники даже в XIX в.

Остановились въ пристани, такъ называемой Арнауткъ. — Арнауткёй — пристань Стамбула и его главный транспортный узел.

...*поѣхали въ Буюкторъ*. — Очевидно, речь идет об одном из самых больших Принцевых островов Буюкада, расположенного в Мраморном море недалеко от побережья Стамбула.

Храм Софии, Премудрости Божией — собор Святой Софии в Константинополе, всемирно известный памятник византийского зодчества, символ Византии. После завоевания города турками превращен в мечеть Айя-София.

С. 146. *Успение Пресвятой Богородицы* — праздник, отмечаемый церковью 15 (28) августа в память об окончании земного жизненного пути Божией Матери.

Церковь Святителя Николая. — Вероятно, речь идет о посвященной чудотворцу Николаю церкви во Влахерне.

С. 147. ...*Чанаколы и Дарданелы*... — Залив Чанаккале, как и одноименный город-порт, расположен на побережье пролива Дарданеллы, соединяющего Мраморное и Эгейское моря.

...*изъ Мраморнаго, или такъ называемаго Бълаго моря*... — Мраморное море расположено между европейской и малоазиатской частями Турции. Проливом Босфор оно связано с Черным морем, а с Эгейским морем — проливом Дарданеллы.

С. 148. *Троя или Трояда* — древний город-крепость в Малой Азии на полуострове Трояда у побережья Эгейского моря.

Съ нами былъ Афонской горы Симонскаго монастыря игумень. — Очевидно, речь идет о монастыре Симонопетра, обители, построенной на Афоне в XIII в.

...*мѣжду островами Милитомъ и Ливнами*... — Вероятно, речь идет об острове в Эгейском море Лесбос, или Митилини (по названию самого крупного города на нем), через который проходил морской путь к Иерусалиму. Какой географический объект автор называет Ливнами — непонятно.

...*острова Самотракъ или Самофракъ*. — Остров Самофракия (Самотраки) находится в северной части Эгейского моря.

С. 149. ...*русской скит пророка Илии*. — Общежительный скит во имя святого пророка Илии (Свято-Ильинский) расположен на северо-востоке горы Афон, близ Кареи. Основан в 1757 г. Паисием (Величковским).

...*пристань Пантократорскую*. — Речь идет о причале монастыря Пантократор на Святой горе. «*Достойно есть*» — Молитва и одно из известных песнопений в честь Пресвятой Богородицы.

С. 150. *«И послужистъ ми, мѣншихъ сихъ братии моеи, мнѣ послужистъ, вънидѣтъ въ радость Господа своего»*. — Автор по памяти цитирует Евангелие (Мф. 25: 40).

...отецъ Парфений... — Речь идет об иеромонахе Парфении, настоятеле Ильинского скита. Во время Греческого национально-освободительного восстания (1821–1829), когда турецкие войска оккупировали Афон, иеромонах Парфений с сопровождающими монахами (среди которых был и будущий настоятель скита иеромонах Павел) вывез в Россию святыни Ильинского скита (в числе которых — частица Древа Креста Господня) и церковное имущество. В России афонские монахи проживали в Екатерино-Лебяжской пустыни. Считается, что иеромонах Парфений посещал Санкт-Петербург и встречался с императором Александром I. В 1830 г. вернулся на Афон. Подробнее об этом см.: [Троицкий, с. 220–221]. Иеромонах Аникита (в миру князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов) в своих воспоминаниях называл иеромонаха Парфения своим духовным отцом [Путешествие иеромонаха Аникиты, с. 56].

С. 151. *8-го числа — праздник Рождества Пресвятыя Богородицы*. — Дванадцатый православный праздник, отмечается 8 (21) сентября.

...праздникъ Воздвижения Честнаго и Животворящаго Креста Господня. — Церковь отмечает праздник 14 (27) сентября в память о том, как в 326 г. в Иерусалиме царицей Еленой чудом обретен крест, на котором распяли Иисуса Христа.

С. 152. *«Аще кто хоцетъ ко мнѣ ийти, должень крестъ свой нести»*. — Цитата из Евангелия (Мф. 16: 24; Лк. 9: 23).

«Суть нецѣи отъ здѣ стоящихъ или слышащихъ (...) видять Царствие Боже, пришедшее въ силу». — Автор цитирует Евангелие (Мф. 16: 28).

Каря — единственный город на Афоне и его столица. Здесь расположено местное правительство — протат, который наш автор иногда называет синодом или собором.

...онъ въ руки денегъ не възьялъ, а чрезъ укусъ. — Во время чумы укус использовали как средство для дезинфекции.

С. 153. *1-го октября — праздник Покровъ Пресвятыя Богородицы*. — Непереходящий праздник, который церковь отмечает 1 (14) октября.

...повель нась въ церковь, храмъ Василия Великаго. — Возможно, имеется в виду калива (хижина) св. Василия. Помимо 20 монастырей, на Афоне имеются и другие монашеские учреждения — скиты, кельи, каливы и др., принадлежащие какому-либо из монастырей. В рассказе Владимира Смирнова о попытке купить келью, очевидно, речь идет о таких монашеских учреждениях.

С. 154. *Часы* — краткое богослужение, установленное Церковью для воспоминания некоторых священных событий.

С. 156. *...князь Шехматовъ, иеромонахъ отецъ Аникита (...) новопрославленнаго российскаго нашего чудотворца святителя Митрофана заложилъ небольшую церковь, но какъ его потребовали въ посолство въ Амифею или Афины, то препоручилъ сие богоугодное дѣло и[з] здѣшнихъ старцовъ одному схимонаху отцу Феодору*. — Иеромонах Аникита (в миру князь С. А. Ширинский-Шихматов; 1783—1837), находясь в Ильинском скиту на Афоне, в 1836 г. заложил храм во имя свт. Митрофана Воронежского, но достроить его не успел. В августе 1836 г. он был назначен настоятелем церкви при Русской миссии в Афинах, поэтому постройку храма поручил схимонаху Феодору. По воле иеромонаха Аникиты он был погребен в Ильинском скиту, что отмечено и в записках паломников позднего времени: «...в скитской ризнице в особом ковчеге хранятся останки известного своею высокою духовною жизнью иеромонаха о. Аникиты, происходившаго из рода князей Ширинских-Шихматовых. В 1835 году он поступил на жительство в сей скит, но по воле начальства должен был занять место настоятеля при русской посольской церкви в Афинах, где 7-го июня 1837 года он мирно скончался на 54 году своей жизни, завещав останки свои перевести в скит, что и было исполнено» [Пудовкин, с. 132].

С. 156. ...праздновать въ тотъ жѣ день, [что] князю Владимиру, нареченному во святомъ крещении Василию. — День памяти святого равноапостольного князя Владимира — 15 (28) июля. В крещении князь получил христианское имя Василий.

С. 157. ...полезныя отечественныя книги, а именно преподобнаго Иоанна Лѣствичника и Добротолубие... — Речь идет о книге «Лествица» христианского богослова и философа, игумена Синайского монастыря Иоанна Лествичника, представляющей собой руководство к нравственному самосовершенствованию, и сборнике духовных произведений «Добротолубие».

8-го ноября праздник — Соборъ святаго архангела Михайла. — Полное название праздника православной церкви — Собор архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных, 8 (21) ноября.

С. 158. 21-го ноября — праздникъ Въвѣдения Божией Матери. — Один из двенадцатых праздников, Введение во храм Пресвятой Богородицы, установлен в честь приведения Девы Марии ее родителями в иерусалимский храм для посвящения Богу, совершается 21 ноября (4 декабря).

С. 160. ...Новгородской епархии Юрьева монастыря... — Юрьев (Юрьев-Георгиевский) монастырь в честь великомученика Георгия является одним из древнейших в России, расположен на берегу реки Волхов на южной окраине Великого Новгорода.

Ставроникиитский монастырь — Монастырь Ставроникиита находится в восточной части Святой горы. Один из самых маленьких афонских монастырей.

С. 162. ...иеросхимонахъ Парфений... схимонахъ Феодоръ... — Об этих отцах, подвизавшихся в Ильинском скиту, можно составить представление из лаконичных характеристик, данных им иеромонахом Аникитой. Об иеросхимонахе Парфении, настоятеле скита, он писал: «Старец настоятель иеромонах Парфений, уже близ 40 лет иночествующий в скиту сем и по бывшему во время восстания греческого от турок разорения афонским монастырям, паки оный обновивший, принял нас как искренних братьев и даже уступил мне на жительство свою келлию, знаменитую тем, что строитель скита игумен Паисий (молдавский, известный святостию своего жития) жил в ней и занимался переводом с греческого на славянский язык книги Добротолубия Исаака Сирина» [Путешествие иеромонаха Аникиты, с. 47]. Схимонах Феодор — спутник иеромонаха Аникиты, сопровождавший его во время паломничества по Христианскому Востоку. О его смерти в 1836 г. во время чумы в Ильинском скиту сообщал в комментариях к тексту Путешествия иеромонаха Аникиты священник Василий Жмакин [Там же, с. 37, примеч. 1]. Сам автор называл отца Феодора «почтеннейшим», замечая, что он «премного послужил мне всякою помощию и советами и молитвами» [Там же, с. 37–38].

С. 164. 25-го декабря — праздникъ Рождество Христово. — Один из главных христианских праздников, установленный в честь рождения Иисуса Христа в Вифлееме.

«Народился намъ Спаситель, всей вселенной Просветитель!» — Цитата из рождественского канта. Литургия Василия Великого — чинопоследование литургии византийского обряда, совершаемое только десять раз в году. Ее составление приписывается святителю Василию Великому, архиепископу Кесарии Каппадокийской.

6-го генваря праздникъ Богоявление Господне. — Христианский праздник Крещение (Богоявление) Господне (6 (19) января) установлен в память крещения Иисуса Христа в реке Иордан Иоанном Крестителем.

С. 166. Фондарик (архондарик) — комната, где собирается совет старцев, а также гостиница для паломников.

«...не до конца погубилъ, ни же въ вѣкъ враждавъ не по бѣззакониямъ нашимъ воздалъ, ни же по зрѣхомъ нашимъ сотворилъ, но яко же щидритъ отецъ сыны, тако ущедри и насъ смиренныхъ Господь». — неточная цитата из Псалтири (Пс. 102: 9–10, 13).

...отдание праздника Богоявления Господня. — Последний день поспразднства, т. е. дни после праздника, в которые Церковь прославляет событие и его участников. Как правило, поспразднство продолжается неделю.

С. 168. *Отпуст* — заключительное благословение народа священнослужителем, произносимое им по окончании богослужения.

Шестопсалмие — одна из важнейших частей утреннего богослужения Православной Церкви, состоящая из шести избранных псалмов.

«Съ плачущими плакаться, съ радующимиси радоватися». — Автор цитирует Послание к Римлянам (Рим. 12: 15).

С. 169. ...отецъ Павелъ, хотя силою и неправдою вътиорся въ настоятели, началъ всѣмъ скитомъ управлять и распоредатся. — Уроженец России иеросхимонах Павел настоятелем Ильинского скита на Афоне пробыл недолго († 1840 г.). Из-за конфликтов выходцев из Малороссии с иноками-великороссами он дважды изгонялся вместе с последними из скита. Подробнее см.: [Троицкий, с. 221]. Составить представление о жизни и духовной роли отца Павла для русского Афона можно по его жизнеописанию, читающемуся в книге инока Парфения (Петра Агеева), см.: [Парфений, инок, с. 235–243].

Сыропустная неделя — последнее воскресенье перед началом Великого поста, Прощеное воскресенье.

...преподобномученицы Евдокии. — Евдокия Илиопольская, христианская святая, почитаемая как преподобномученица (память — 1 (14) марта).

С. 170. ...первая недѣля Великаго поста — *Православие*. — Первая неделя, то есть воскресный день, Великого поста называется Неделей Православия или Торжества Православия.

С. 171. *Филипповка* — просторечное название Рождественского поста (Филиппов пост), установленного в христианской традиции в честь Рождества Христова (начинается в день апостола Филиппа, 14 (28) ноября).

Ватопедский монастырь — один из самых древних и богатых святогорских монастырей, второй в иерархии афонских обителей.

Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы — двенадцатый праздник, 25 марта (7 апреля), установленный в память о явлении архангела Гавриила Деве Марии с известием о грядущем рождении от нее Спасителя.

С. 172. ...а монастырь Русиконъ или, какъ грѣки называютъ, Русикъ... — Монастырь Святого Пантелеимона на Афоне (известный как Русикон или Новый Руссик), один из 20 «правящих» монастырей на Святой Горе, традиционно считается русским.

Праздник святого великомученика Пантелеимона — совершается ежегодно 27 июля (9 августа).

...въ маломъ образѣ пострижень... — Об этом Владимир Смирнов подробно рассказал на страницах своего дневника (см. с. 156).

Литература

Викторов — Викторов А. Собрание славяно-русских рукописей В. М. Ундольского: Библиографический очерк. М.: Универ. тип., 1870. 64 с.

Игнатий, инок — [Игнатий, инок]. Историческое описание русского св. славного пророка Илии скита, что на Афоне. М.: Тип. В. Готье, 1860. 68 с.

Исаченко — Исаченко Т. А. Святая гора Афон в сказаниях, воспоминаниях и зарисовках русских паломников XVI–XIX веков. М.: Пашков дом, 2023. 443 с.

Парфений, инок — Парфений, инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле: в четырех частях. М.: Тип. Ал. Семена, 1856. Ч. 4. 308 с.

- Пономарев — [Пономарев С. И.] Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах: (Материалы для библиографии). СПб.: Тип. Академии наук, 1877. 128 с.
- Пудовкин — Пудовкин С. А., свящ. Мое путешествие в Иерусалим и на Афон в 1902/03 году. Новочеркасск: Тип. В. И. Бабенко, 1906. 164 с.
- Путешествие иеромонаха Аникиты — Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. СПб.: Тип. А. Катанского и К°, 1891. 127 с.
- Троицкий — Троицкий П. Илии пророка мужской скит // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. 22. С. 219–227.
- Хождение ко святым местам — Хождение ко святым местам в 1832–1836 годах инока Глинской пустыни Арсения Митрофанова, впоследствии бывшего настоятелем и архимандритом Святогорской Успенской общежительной пустыни. М.: Универ. тип., 1884. 24 с.
- Stavrou, Weisensel — Stavrou Theofanis G., Weisensel P. R. Russian travelers to the Christian East from the twelfth to the twentieth century. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. 925 p.

References

- Ignatii, inok (1860). *Istoricheskoe opisanie russkogo svyatogo slavnogo proroka Ilii skita, chto na Afone*. Moscow: Tipografiya V. Got'e. 68 p.
- Isachenko, T. A. (2023). *Svyataya gora Aфон v skazaniyakh, vospominaniyakh i zarisovkakh russkikh palomnikov XVI–XIX vekov*. Moscow: Pashkov dom, 443 p.
- Khozhdenie ko svyatym mestam v 1832–1836 godakh inoka Glinskoi pustyni Arseniya Mitrofanova, vposledstvii byvshago nastoyatelem i arhimandritom Svyatogorskoj Uspenskoi obshchezhitel'noi pustyni*. (1884). Moscow: Universitetskaya tipografiya, 24 p.
- Parfenii, inok (1856). *Skazanie o stranstvii i puteshestvii po Rossii, Moldavii, Turtsii i Svyatoi Zemle: v chetyrekh chastyakh*. Moscow: Tipografiya Al. Semena. Vol. 4, 308 p.
- Ponomarev, S. I. (1877). *Ierusalim i Palestina v russkoi literature, nauke, zhivopisi i perevodakh. (Materialy dlya bibliografii)*. St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk, 128 p.
- Pudovkin, S. A. (1906). *Moe puteshestvie v Ierusalim i na Aфон v 1902/03 godu*. Novocherkassk: Tipografiya V. I. Babenko, 164 p.
- Puteshestvie ieromonakha Anikity po svyatym mestam Vostoka v 1834–1836 godakh* (1891). Saint Petersburg: Tipografiya A. Katanskogo i K°, 127 p.
- Troitskii, P. (2009). 'Ilii proroka muzhskoi skit', in; *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnyaya entsiklopediya». Vol. 22, 219–227.
- Viktorov, A. (1870). *Sobranie slavyano-russkikh rukopisei V. M. Undol'skogo. Bibliograficheskii ocherk*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 64 p.

В. А. Лукина, В. И. Симанков

«ПЕРВЫЙ ПАРИЖСКИЙ ГРАВЕР»:
ДВА ЗАТЕРЯННЫХ ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА
К ЭДМОНУ ЭДУЕНУ

Резюме

«Московские ведомости» 26 ноября (8 декабря) 1869 г. сообщили о выходе первого тома нового собрания сочинений Тургенева «с портретом автора, гравированным на стали первым парижским гравером» Эдуеном. Какова история этого портрета? До сих пор было известно только об одном письме Тургенева к французскому художнику и аквафортисту Эдмону Эдуену (1820–1889). Авторы статьи обнаружили еще два письма писателя к «первому парижскому граверу». Одно из них было недавно выставлено на онлайн-аукционе Сотбис, а второе находится в рукописном отделе Боудинского колледжа в США. Эти находки заставили уточнить многие детали, ранее оставшиеся затемненными, включая контакты писателя с Максимом Дюканом и братьями Салаевыми.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, второе «салаевское» собрание сочинений (1868–1871), отдельные издания романа «Дым» (1868), офорт Э. Эдуена, неизвестные письма, М. Дюкан, «Утраченные силы»

Valentina A. Lukina, Vitaliy I. Simankov

“THE BEST PARISIAN ENGRAVER”:
TWO NEWLY FOUND LETTERS BY IVAN TURGENEV
TO EDMOND HÉDOUIN

Abstract

In late 1869, the newspaper *Moskovskie vedomosti* announced a new edition of the collected writings of Ivan Turgenev by the publishing house of the Salaev brothers. The first volume of the edition contained “a portrait of the author engraved on steel by Hédouin, the best Parisian engraver.” What is the provenance of this portrait? Until now, only one letter

© В. А. Лукина, В. И. Симанков, 2024

addressed by Ivan Turgenev to Edmond Hédouin (1820–1889) has been known. The authors of this article identified two more letters. One of them was recently put up for auction at Sotheby's, while the other was found in the Department of Special Collections and Archives of Bowdoin College Library (USA). The article presents the first publication of these letters. The newly found letters allowed the authors to clarify many issues, including Ivan Turgenev's contacts with Maxime Du Camp and the Salaev brothers.

Keywords: Ivan Turgenev, Turgenev's Collected Writings published by the Salaev brothers, novel *Smoke* by Turgenev, Edmond Hédouin's portrait of Ivan Turgenev, Turgenev's unpublished letters, Maxime Du Camp, *Les Forces perdues*

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-179-215

Г-н Эдуэн, без сомнения, серьезный художник, у него уверенная кисть и чутье на цвет. Я полагаю, что он выработает собственную манеру.

*Шарль Бодлер*¹

В марте 1867 г. Тургенев отправился в Москву, чтобы самолично доставить только что завершённый роман «Дым» в редакцию журнала «Русский вестник». Сразу по прибытии, 8 (20) марта, он передал рукопись М. Н. Каткову. За неделю до этого редактор журнала получил из Петербурга восторженное письмо от Б. М. Маркевича, своего единомышленника и конфиденнта, пророчившего несомненный успех новому роману. В своем письме от 28 февраля (12 марта) 1867 г., отправленном на следующий день после двухдневного чтения, проходившего в узком кругу на квартире у В. П. Боткина, Маркевич не скупился на похвалы: «...Тургенев, приехавший накануне, начал читать нам свое новое, длинное произведение, которое через несколько дней везет к Вам в „Русский вестник“. Два дня, не отрываясь, прошли в слушании и чтении этой превосходной вещи, по мастерству и магистральности приемов лучшей из всего, что было до сих пор написано Тургеневым. Я, разумеется, не попал ни на бал, ни к (Д. А.) Толстому вчера, к которому собирался ехать с Вашим письмом. Поздравляю „Русский вестник“ с этим приобретением. Все мы, слушатели (нас было четверо: Боткин, П. В. Анненков, Соллогуб и я), все мы жуировали этим художественным блюдом, как Лукулл должен был наслаждаться соловьиными языками, приготовленными его ученым рабом-поваром.

¹ «M. Hédouin est certainement un peintre de mérite, qui possède une touche ferme et qui entend la couleur; il parviendra sans doute à se constituer une originalité particulière» [Salon de 1846, p. 58]. Пер. цит. по: [Бодлер, с. 94].

Отношение автора к своему предмету, к участвующим в драме лицам отличается свободой и откровенностью, в которых чуялся сильный недостаток во многих вещах Тургенева; здесь же *les hommes et les choses sont nommées par leur nom* (все и вся названы своими именами, *франц.* — В. Л., В. С.) и автор ни перед кем не глассандирует (?) и ни в ком не *ищет*. Это относительно, так сказать, политической стороны произведения; что же касается до психологии драмы... но я увлекаюсь. Сами прочтете, посудите»².

В первые дни пребывания в Москве Тургенев встретился также с Ф. И. Салаевым, купцом 2-й гильдии, возглавлявшим с 1858 г. книгопродавческую и книгоиздательскую фирму братьев Салаевых³. Книжный магазин братьев Салаевых находился тогда на Никольской улице, а сам Ф. И. Салаев проживал в Калачном переулке, в доме Комаровской⁴. В ходе переговоров был заключен договор не только на будущее отдельное издание романа «Дым», которое изначально предполагалось выпустить уже через три месяца после журнальной публикации⁵, но и на издание нового собрания сочинений.

² РГБ. Ф. 120. К. 7. № 31. Л. 31–31 об. Частично фрагмент впервые опубликован: [Тургенев 1965, с. 520; коммент. Е. И. Кийко]; то же: [Тургенев, Соч., т. 7, с. 522–523]. Примечательно, что отзыв Маркевича о «Дыме», изложенный в частном письме к Каткову, полностью согласуется со словами анонимного сотрудника «Московских ведомостей», автора фельетона «Записки москвича», напечатанного 23 марта (4 апреля) 1867 г.: «О романе г. Тургенева мы можем сказать со слов читавших его, что это одно из лучших произведений первого из современных русских художников» [Записки москвича].

³ Эта встреча состоялась 9 (21) или, что более вероятно, 10 (22) марта 1867 г. О деловых и личных отношениях Тургенева и Ф. И. Салаева, преимущественно во второй половине 1870-х гг., см.: [Миронов, с. 323–335]. Сотрудничество с Салаевым в 1860-е гг. и начале 1870-х гг. до сих пор остается практически неизученным, прежде всего из-за малой документированности.

⁴ См., например: [Справочная книга, с. 550]. Кроме того, в Петербурге Салаевы вели торговлю через Д. Е. Кожанчикова. Поскольку в ряде источников наблюдается разнобой при указании дат рождения и смерти Ф. И. Салаева, укажем, что, согласно метрическим книгам церкви свв. Бориса и Глеба у Арбатских ворот Москвы, он родился в семье Ивана Григорьевича и Ульяны Федоровны Салаевых 10 февраля 1819 г., а скончался 27 марта 1879 г. «от аневризма». Возраст на время смерти (59 лет) в метрической книге указан с ошибкой в один год: на самом деле Салаеву уже исполнилось 60 лет. См.: ЦГАМ. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 343. Л. 8 об. (запись о рождении); Ф. 203. Оп. 68. Д. 43. Л. 502 об. (запись о смерти).

⁵ «Я запродал книгопродавцу Салаеву отдельное издание моего романа; он должен выдать его *три* месяца спустя после появления в „Русском вестнике“ (...) — писал Тургенев Н. А. Любимову 24 марта (5 апреля) 1867 г., — но я все-таки желаю справиться — точно ли *три* месяца обычный в таких случаях срок?» [Тургенев, Письма, т. 7, с. 156]. На деле первое отдельное издание «Дыма» вышло не через три, а через шесть месяцев после журнальной публикации (см. ниже). Из того же письма к Любимову может сложиться впечатление, что Салаев имел отношение и к публикации отдельного издания предыдущего романа писателя [Тургенев 1862]. На это, казалось бы, косвенно указывает упоминание о том, что условия «при продаже отдельным изданием „Отцов и детей“» были те же, что и для отдельного издания «Дыма». Однако данное впечатление ошибочно: «Отцы

Предыдущее, так называемое «карлсруйское»⁶ или первое «салаевское», собрание сочинений 1865 г. в пяти томах также было издано братьями Салаевыми и положило начало пятнадцатилетнему сотрудничеству, на протяжении которого одно за другим вышли в свет четыре собрания сочинений писателя.

Экземпляр контракта на второе «салаевское» издание не сохранился, однако содержание некоторых его пунктов может быть в общих чертах восстановлено по другим источникам. Так, известно, что для второго издания Тургенев обязался написать «огромное предисловие в сотню страниц», в котором собирался изложить «свои литературные и житейские воспоминания за четверть века»⁷. Этим «огромным предисловием» решено было открыть новое собрание сочинений, поместив его перед «Записками охотника» в первом томе. Известно также, что, согласно изначальному замыслу, издание должно было состоять из семи томов⁸, один из которых (седьмой) впервые целиком отводился под драматические произведения⁹, а само печатание предполагалось

и дети» были выпущены К. Т. Солдатенковым (что не было обозначено на титуле). Об этом свидетельствует соответствующее объявление в «Московских ведомостях»: «На днях вышел из печати отдельно книгой последний роман И. С. Тургенева: „Отцы и дети“, издания г. К. Солдатенкова» (Московские ведомости. 1862. № 197, 8 сент. С. 1578).

⁶ По месту издания, так как первое «салаевское» издание печаталось в Придворной типографии Фридриха Вильгельма Гаспера в Карлсруэ (W. Hasper'sche Hofbuchdruckerei), отсюда его условное название — «карлсруйское» [Тургенев 1865]. Хотя на титуле обозначен 1865 г., в действительности «карлсруйское» издание вышло в 1864 г. и было благосклонно встречено критикой. Так, В. Р. Зотов еще в конце 1864 г. отмечал: «В настоящее время выходит новое собрание сочинений одного из самых симпатичных и талантливых современных писателей, имя которого было всегда дорого русской публике, хотя он никогда не старался подделаться под ее вкус, не угождал ей, не льстил ее ошибкам и заблуждениям. (...) Это издание, на котором выставлен уже 1865 год, напечатано в Карлсруэ, очень опрятно и красиво. Рассказы расположены в нем в хронологическом порядке» [Зотов, стб. 665–666]. Подробнее об издании 1865 г. см. статью карлсруйского исследователя Эриха Теодора Хока: [Носк].

⁷ Об этом Тургенев впервые упомянул в письме к Полине Виардо от 29 марта (10 апреля) 1867 г. [Тургенев, Письма, т. 7, с. 166, 279. Подл. по-франц.].

⁸ Задумывавшееся как семитомное, издание на деле вышло в восьми томах (или частях, как обозначалось на обложках). Первые семь томов вышли на протяжении 1868–1869 гг., а последний, «дополнительный», том вышел в 1871 г. и вобрал в себя произведения, написанные Тургеневым уже после заключения основного контракта с Салаевым: повести и рассказы «Странная история», «Степной король Лир», «Стук... стук... стук!..», а также очерк «Казнь Тропмана», который впоследствии войдет в цикл «Литературные и житейские воспоминания». См.: [Тургенев 1871]. За этот (восьмой) том Тургеневу было заплачено особо (см. письмо к М. М. Стасюлевичу от 4 (16) октября 1870 г. [Тургенев, Письма, т. 10, с. 244]).

⁹ В издание 1865 г. уже были включены «Завтрак у предводителя» и «Разговор на большой дороге», однако они не были выделены в отдельный том, а вошли (в хронологическом порядке) в состав второго тома вместе с прозаическими произведениями.

начать с 1 (13) января 1869 г.¹⁰ Не случайно в марте 1867 г., на третий день пребывания в Москве и, очевидно, после предварительной договоренности с Салаевым, Тургенев сообщал В. П. Боткину, что «о новом издании раньше года и думать нечего», так как предыдущее еще не было распродано¹¹.

Однако уже в июне того же 1867 г. Салаев обратился к Тургеневу с предложением приступить к выпуску нового собрания сочинений *ранее* обозначенного в контракте срока. Что же произошло за истекшие три месяца? Прежде всего, в мартовской книжке «Русского вестника»¹² наконец вышел в свет роман «Дым», приковавший к себе внимание всей читающей публики. Очевидно, что на фоне успеха «Дыма» существенно возрос и спрос на собрание сочинений Тургенева, так что тираж «карлсруйского» издания, насчитывавший в марте «гораздо более трехсот экземпляров»¹³, стал стремительно распродаваться. «Салаев мне пишет, — замечал по этому поводу Тургенев в письме к П. В. Анненкову от 16 (28) июня, — что после появления „Дыма“ мое карлсруйское издание пошло так шибко, что он желает начать печатание нового не с 1869 года, как было сказано в контракте, а с 1868» [Тургенев, Письма, т. 8, с. 9].

Через полгода после журнальной публикации «Дыма» последовало первое отдельное издание [Тургенев 1868а], потребовавшее от Тургенева немалых усилий по восстановлению катковских «усечений»¹⁴. Хотя на титуле стоит «1868», книга вышла в конце 1867 г., подтверждение чему находится в объявлении «Московских ведомостей» от 8 (20) ноября 1867 г.: «В книжном магазине Салаева, в МОСКВЕ, на Никольской улице, поступили в продажу только что отпечатанные издания: ДЫМ. Новая повесть И. С. Тургенева. М. 1868 г. Ц. 1 р. 50 коп., с перес. 1 р. 75 коп. {...}»¹⁵.

¹⁰ На данный пункт контракта Тургенев прямо ссылается в письме к М. М. Стасюлевичу от 12 (24) ноября 1867 г. [Тургенев, Письма, т. 8, с. 64].

¹¹ См. письмо Тургенева от 10 (22) марта 1867 г. [Тургенев, Письма, т. 7, с. 134].

¹² Мартовская книжка «Русского вестника» за 1867 г. фактически вышла в свет в апреле. Так, «Московские ведомости» лишь 14 (26) апреля сообщили: «Третья книжка „Русского вестника“ вышла и раздается гг. подписавшимся...» (Московские ведомости. 1867. № 83, 14 апр. С. 1). Задержка произошла прежде всего из-за романа «Дым», который еще в конце марта ст. ст. не был полностью набран (см. упомянутое выше письмо Тургенева к Н. А. Любимову [Тургенев, Письма, т. 7, с. 156]).

¹³ Эту цифру Тургенев называет в упомянутом выше письме к В. П. Боткину от 10 (22) марта 1867 г. [Тургенев, Письма, т. 7, с. 134].

¹⁴ См. письмо к П. В. Анненкову от 24 апреля (6 мая) 1867 г. [Тургенев, Письма, т. 7, с. 189]. О сокращениях и исправлениях, внесенных М. Н. Катковым и восстановленных впоследствии Тургеневым в отдельном издании романа, см. коммент Е. И. Кийко [Тургенев, Соч., т. 7, с. 524–526].

¹⁵ Московские ведомости. 1867. № 245, 8 нояб. С. 4.

Именно здесь роману впервые было предпослано специальное предисловие. В нем Тургенев попытался объяснить с той частью публики, которая не приняла его новый роман и прежде всего «мысль, положенную в основание характеру Потугина». «Отвечать на обвинения в отступничестве, в клевете, в недобросовестном незнании России и т. п., автор, конечно, не станет», — резюмировал писатель и приводил далее по-французски высказывание из «*Journal d'un Poëte*» («Дневника Поэта») Альфреда де Виньи, незадолго до этого выпущенного Луи Ратисбоном, другом поэта и его душеприказчиком: «Литература имеет то роковое свойство, что положение в ней никогда не бывает завоевано окончательно. С каждым произведением имя писателя разыгрывается попеременно с самыми недостойными. Каждое новое произведение — это почти дебют. Вот почему в литературе нельзя сделать карьеру»¹⁶.

Не вызывает сомнений, что Тургенев цитирует де Виньи по первому отдельному изданию «Дневника поэта», вышедшему в Париже в начале 1867 г. [см.: Vigny 1867]¹⁷. Уже 17 января н. ст. 1867 г. выход книги проанонсировал Жон Лемуан, редактор «*Journal des débats*»: «Наш друг и собрат, г. Луи Ратисбон, назначенный по завещанию Альфреда де Виньи наследником всех его сочинений, как законченных, так и незаконченных, выпускает завтра в издательстве Мишеля Леви „Дневник поэта“» [Lemoigne]. 19 января н. ст. в той же газете появилось сообщение о поступлении книги в продажу: согласно объявлению, томик «в 18 долю листа» можно было приобрести за три франка как в магазине издательства «*Michel Lévy frères, éditeurs*» на улице Вивьен, 2бис, так и в лавке «*Librairie Nouvelle*» на Итальянском бульваре, 15¹⁸ (с 1862 г. это издательство и магазин также принадлежали М. Леви).

¹⁶ Рус. пер. цит. по: [Тургенев, Соч., т. 7, с. 408]. Ср. перевод, выполненный по критическому изданию «Дневника Поэта» из Полного собрания сочинений де Виньи 1948 г. [Vigny 1948, т. 2, р. 1105]: «В литературе есть нечто роковое: завоевать в ней положение раз и навсегда невозможно. При выходе каждого нового сочинения ваше имя снова ставится на карту, снова разыгрывается в лотерею наравне с самыми недостойными. Каждое сочинение — почти дебют. Потому в сочинительстве карьеры не бывает» [Виньи, с. 179; запись от ноября 1838 г.].

¹⁷ Ранее источник цитаты из де Виньи, приведенной Тургеневым, не был установлен. Ср.: [Тургенев 1965, т. 9, с. 558; Тургенев, Соч., т. 7, с. 558].

¹⁸ Ср.: «En vente, chez Michel Lévy frères, éditeurs, rue Vivienne, 2bis, et boulevard des Italiens, 15, à la librairie Nouvelle: (...) *Alfred de Vigny. Journal d'un poète*, recueilli et publié sur des notes intimes d'Alfred de Vigny, par Louis Ratisbonne. 1 vol. grand in-18. 3 fr.» (*Journal des débats*. 1867. 19 janvier. P. 3). Книга зарегистрирована в «Библиографии Франции» от 9 февраля н. ст. 1867 г.: *Bibliographie de la France*. 1867. № 6, 9 février. P. 64. № 1294.

Ранее, с апреля по октябрь 1866 г., «Дневник поэта» печатался в четырех выпусках журнала «Revue moderne» [см.: Vigny 1866]. Эта публикация также вряд ли ускользнула от внимания Тургенева, тем более что в «Revue moderne» печатались многие его знакомые и приятели, в том числе Огюст Ложель, Андре Лефевр, Морис Санд, Пауль Гейзе, Мориц Гартман и др. Работая над предисловием к «Дыму», Тургенев, однако, имел в виду именно отдельное издание «Дневника поэта». На это прямо указывает помета в черновом автографе предисловия к первому отдельному изданию «Дыма» (беловой автограф предисловия неизвестен). В сохранившейся рукописи текст французской цитаты из де Виньи переписан лишь до половины: «Les lettres ont cela de fatal ~ remis en lotterie», — а далее Тургеневым проставлена помета: «стр. 133»¹⁹, отсылающая к странице, откуда следовало добавить окончание при перебеливании. Указанный номер страницы соответствует отдельному изданию 1867 г., а не журнальной публикации в «Revue moderne», где приведенная Тургеневым цитата находится на с. 554.

Судя по всему, отдельное издание «Дыма» пользовалось немалой популярностью и было коммерчески успешным, так что уже в июле 1868 г. Салаев вынужден был выпустить его повторно [Тургенев 1868b]. Об этом 11 (23) июля аккуратно известили своих читателей «Московские ведомости»: «В книжном магазине САЛАЕВА в Москве, на Никольской улице поступили в продажу только что вышедшие из печати книги: ДЫМ. Новая повесть И. С. Тургенева. Издание второе. 1868 г. Ц. 1 р. 50 к. (...)»²⁰. «Дым» оказался единственным романом Тургенева, который при жизни писателя вышел отдельным изданием (вне собрания сочинений) дважды.

Итак, к началу 1868 г. тираж «карлсруйского» собрания сочинений, по уверению Салаева, был почти полностью распродан²¹. Немало способствовало этому также рекламное объявление, помещенное во всех экземплярах первого отдельного издания «Дыма» на последней (ненумерованной) странице (с. 223 по общей пагинации):

¹⁹ См.: BN. Slave 75. F. 1r.

²⁰ Московские ведомости. 1868. № 150, 11 июля. С. 1. Во втором издании Тургенев несколько расширил предисловие, введенное в первом отдельном издании, и прибавил заключительный абзац: «Печатаю второе отдельное издание „Дыма“, автор не находит нужным прибавить что-либо новое к словам, которые он предпослал первому изданию. Он радуется тому, что его книгу читают; он надеется, что она принесет пользу, несмотря на неизбежные недостатки» (см.: [Тургенев, Соч., т. 7, с. 408; с. 558 — коммент. Е. И. Кийко]).

²¹ См. письмо Тургенева к Н. Х. Кетчеру от 31 января (12 февраля) 1868 г. [Тургенев, Письма, т. 8, с. 112].

«В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ САЛАЕВЫХ
ПРОДАЮТСЯ:
ПОЛНЫЕ СОЧИНЕНИЯ
ИВ. С. ТУРГЕНЕВА,
закрывающиеся в 5 томах, отпечатанные за границей —
в Карлсруэ — в 1865 году.
Цена 6 р. с пер. 7 р.»²².

По мере приближения сроков выхода отдельного издания «Дыма» Салаев начал усиленно «бомбардировать»²³ писателя просьбами об ускорении подготовки и нового собрания сочинений. Речь шла, в первую очередь, о «Литературных воспоминаниях», рукопись которых для первого тома Тургенев изначально обязался доставить в Москву уже в апреле 1868 г.²⁴, однако обещания своего, как это часто случалось, не сдержал, так что, по его собственным словам, «Салаев уже начинал приходить в отчаяние»²⁵.

Из-за задержки с «Литературными воспоминаниями», работа над которыми продвигалась крайне нелегко и растянулась в итоге на два года²⁶, печатание нового издания решено было начать не с первого, а со второго тома. Предполагалось, что он должен был выйти «совершенно идентичным»²⁷ второму тому издания 1865 г. За ним один за другим последовали тома с третьего по пятый, также не требовавшие больших переделок, хотя ряд исправлений был все же Тургеневым внесен. Подготовка этих четырех томов заняла (с перерывами

²² Далее перечислялось содержание всех пяти томов. Данное объявление обнаруживается во всех без исключения экземплярах первого отдельного издания «Дыма», которые нам приходилось держать в руках и просматривать *de visu* (в Библиотеке ИРЛИ, РНБ и БАН). В электронных (оцифрованных) экземплярах оно, как правило, отсутствует. Аналогичное рекламное объявление можно также встретить, как ни странно, в экземплярах второго отдельного издания, которое является, по-видимому, более редким, чем первое. Как правило, его можно обнаружить в экземплярах, сохранивших переплеты XIX в., — например, в РНБ (шифр 18.265.2.61, где сохранились также оригинальные обложки).

²³ См. письмо к П. В. Анненкову от 14 (26) ноября 1867 г. [Тургенев, Письма, т. 8, с. 65].

²⁴ См. письмо к И. П. Борису от 18 (30) ноября 1867 г.: [Тургенев, Письма, т. 8, с. 67]. Впоследствии срок этот был отложен на май (см.: [Там же, с. 184]. Письмо к П. В. Анненкову от 13 (25) апреля 1868 г.), затем еще неоднократно переносился вплоть до осени 1869 г. Последний фрагмент был отослан в Москву лишь в сентябре ст. ст. 1869 г. См. письмо к М. В. Авдееву от 21 сентября (3 октября) 1869 г. [Тургенев, Письма, т. 10, с. 49].

²⁵ См. письмо к И. П. Борису от 12 (24) февраля 1869 г. [Тургенев, Письма, т. 9, с. 146].

²⁶ См. об этом вступительную статью Л. Н. Назаровой [Тургенев, Соч., т. 11, с. 321–325].

²⁷ См. письмо к Н. Х. Кетчеру от 31 января (12 февраля) 1868 г. [Тургенев, Письма, т. 8, с. 112]. Стоит отметить, что состав тома все же изменился, так как из него были исключены два драматических произведения, вошедшие, как упоминалось выше, в новом «салаевском» издании в седьмом томе.

на завершение «Несчастной») летние и осенние месяцы 1868 г. Наконец, 19 (31) октября 1868 г. на первой полосе «Московских ведомостей» появился анонс о скором выходе нового собрания сочинений. В газетном объявлении особо подчеркивалась полнота будущего издания, а также подробно раскрывалось содержание тех томов, которые включали в себя «новые» произведения:

«В первых числах будущего ноября поступит в продажу новое издание
СОЧИНЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА,
В СЕМИ ТОМАХ.
ИЗДАНИЕ МОСКОВСКИХ КНИГОПРОДАВЦЕВ
БРАТЬЕВ САЛАЕВЫХ.

Это первое полное издание будет заключать сверх статей, помещенных в заграничном издании 1865 года, и написанные с тех пор сочинения г. Тургенева, именно:

а) „Дым“ — роман, „История лейтенанта Ергунова“, „Бригадир“, „Собака“ — очерки. Также статью, помещенную в „Современнике“: „Гамлет и Дон-Кихот“.

б) Драматические сочинения, комедии и сцены, как то: „Нахлебник“, „Холостяк“, „Месяц в деревне“, „Где тонко, там и рвется“, „Провинциалка“, „Безденежье“, „Неосторожность“.

Эти сочинения, тщательно проверенные и выправленные самим автором, составят отдельный седьмой том.

в) *Отрывки из литературных воспоминаний за последние 25 лет*, написанные г. Тургеневым собственно для этого издания и которые нигде, кроме нашего издания, не будут помещены (исключая только из них²⁸ помещен будет небольшой отрывок в одном из петербургских журналов)²⁹, и наконец, новую его повесть³⁰.

Все сочинения будут напечатаны на лучшей бумаге и с портретом автора, гравированным за границей лучшим художником на стали.

Цена за все семь томов 8 руб. 50 коп., с пересылкою 10 руб.

²⁸ Погрешность, допущенная в тексте, была исправлена в одном из последующих объявлений: «...исключая одного отрывка, который помещен будет в одном из петербургских журналов» (Московские ведомости. 1868. № 261, 3 дек. С. 1).

²⁹ Речь идет об очерке «Воспоминания о Белинском», помещенном в апрельской книжке «Вестника Европы» за 1869 г. В дальнейшем Салаев согласился на публикацию еще одного очерка — «Литературный вечер у П. А. Плетнева» в «Русском архиве» (1869. № 10), однако он появился уже накануне выхода первого тома второго «салаевского» издания с полным текстом «Литературных воспоминаний».

³⁰ Имеется в виду повесть «Несчастная», которая завершала шестой том второго «салаевского» издания.

Гг. иногородные могут адресоваться заблаговременно в Москву, в книжный магазин Салаева, откуда, по мере выхода, напечатанные томы немедленно будут высылаться»³¹.

Однако на деле читателям пришлось ждать еще целый месяц, прежде чем они смогли взять в руки только что отпечатанные четыре тома нового собрания сочинений — те самые упоминавшиеся тома со 2-го по 5-й, о поступлении в продажу которых было объявлено «Московскими ведомостями» лишь 3 (15) декабря 1868 г. Текст нового объявления во многом повторял анонс от 18 (31) октября, в то же время в него были внесены некоторые изменения. Так, впервые собрание сочинений было названо «полным», вместе с тем исчезло указание на то, что издание будет отпечатано на «лучшей» бумаге, а портрет гравирован «лучшим» художником на стали:

«В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ БРАТЬЕВ САЛАЕВЫХ
в Москве, на Никольской улице,
поступило в продажу новое издание:
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА.
Семь томов,
с портретом автора, гравированным на стали за границей.
ИЗДАНИЯ МОСКОВСКИХ КНИГОПРОДАВЦЕВ
БРАТЬЕВ САЛАЕВЫХ».

Далее, как и в октябрьском объявлении, следовало краткое содержание томов с новинками, после чего сообщалось о том, какие именно тома имеются в наличии, а на какие выдаются билеты: «2-й, 3-й, 4-й и 5-й томы выдаются и высылаются тотчас по требованию, а на 1-й, 6-й и 7-й томы выдается билет на получение; они будут выдаваться и высылаться тотчас по выходе из печати»³². Как видно, к этому времени, то есть к началу декабря ст. ст. 1868 г., все четыре тома (Т. 2—5) были уже отпечатаны.

Между тем к осени 1868 г. вопрос о первом томе вновь встал с особенной остротой. Дело в том, что, помимо обещанного «огромного предисловия», в собрании сочинений предполагалось еще одно новшество, о котором было упомянуто уже в самом раннем анонсе «Московских ведомостей»: в первом томе решено было поместить портрет Тургенева, причем для придания

³¹ Московские ведомости. 1868. № 226, 19 окт. С. 1.

³² Московские ведомости. 1868. № 261, 3 дек. С. 1.

дополнительного интереса особо оговаривалось, что он будет изготовлен за границей. По всей видимости, данный пункт был изначально включен в контракт с Салаевым, и согласно ему писатель брал на себя обязательства по изготовлению и доставке портрета в Москву. Аналогичный пункт присутствует, например, в договоре на собрание сочинений 1880 г., составленном по образцу предыдущих контрактов: «К каждому экземпляру этого нового издания прилагается портрет Тургенева, заказ, гравировку и пересылку которого беру я, Тургенев, на себя, с тем чтобы наследники Ф. И. Салаева приняли на себя половину всех сделанных по этому пункту издержек» [Тургенев, Письма, т. 16, кн. 2, с. 182; раздел: «Официальные письма и деловые бумаги»].

Где же взять портрет? Начиная со второго издания все последующие «салаевские» собрания сочинений неизменно выходили с портретом писателя, причем к выбору Тургенев всегда подходил довольно придирчиво и тщательно. Так, для издания 1874 г. (третьего «салаевского») портрет был изготовлен известным парижским гравером Полем Ражоном (Rajon; 1843–1888), а к собранию сочинений 1880 г. прилагался фотографический портрет, выполненный в ателье Альфонса Либеры (Liébert; 1827–1913) «новоизобретенным *фотогиптическим* способом», при котором, по словам самого Тургенева, с совершенной точностью сохраняются «малейшие черты оригинала», а «полученное изображение никогда не изглаживается и не стирается» [Тургенев, Соч., т. 10, с. 364]. В справедливости каждого слова можно удостовериться и сейчас, открыв первый том тургеневского собрания сочинений 1880 г.

Однако в первый раз, в том самом 1868 г., Тургенев, очевидно, обратился за советом к своему давнему знакомому Максиму Дюкану (Du Camp; 1822–1894), французскому литератору и путешественнику, сооснователю обновленного журнала «Revue de Paris», на страницах которого впервые увидел свет роман Флобера «Госпожа Бовари», а также одному из ведущих сотрудников влиятельного журнала «Revue des deux mondes», где он отвечал за многие отделы, включая отдел художественной критики³³.

Вопрос о времени знакомства Тургенева с Дюканом до сих пор остается не до конца проясненным. М. К. Клеман первым убедительно предположил, что оно состоялось «по-видимому, еще зимой 1856–1857 г.», когда Тургенев впервые после ссылки в Спасское приехал в Париж. Именно тогда,

³³ Об этой стороне деятельности Дюкана Тургенев был прекрасно осведомлен. См., например, его письмо к Дюкану от 26 апреля (8 мая) 1867 г. с просьбой упомянуть в обзоре Салона 1867 г. работу Луи Поме (портрет Жанны Поме, жены художника) [Тургенев, Письма, т. 7, с. 191, 378; коммент. К. Ф. Бикбулатовой], а также более раннее письмо к Полине Виардо от 17 (29) мая 1866 г. по аналогичному поводу [Там же, с. 38–39].

по мнению ученого, писатель «„готовя статью о современном состоянии французской литературы“, „изучал ее на месте“ и „познакомился со многими литераторами, особенно молодыми“» [Тургенев 1933, с. 593]³⁴. Независимо от Клемана к такому же выводу пришел позднее и Морис Партюрье, относивший, правда, знакомство Дюкана и Тургенева к чуть более раннему времени, а именно к осени (если точнее, то к ноябрю) — зиме 1856 г. [Parturier 1947, р. 564–565]³⁵. Он же обратил внимание на то, что уже 1 декабря н. ст. 1857 г. в журнале «Revue de Paris», к которому Дюкан имел самое непосредственное отношение, появился французский перевод комедии Тургенева «Завтрак у предводителя»³⁶, впервые увидевшей свет всего годом ранее, в августовской книжке «Современника» за 1856 г. [Parturier 1947, р. 564, примеч. 4]. Французский исследователь также справедливо предположил, что последующее сближение Тургенева и Дюкана произошло не в последнюю очередь благодаря Гюставу Флоберу [Ibid., р. 565], который с юности был связан с Дюканом тесными узами дружбы и предпринял вместе с ним поездку в Бретань в 1847 г., а затем с ноября 1849 г. по май 1851 г. — путешествие на Восток³⁷. Как показывают последние разыскания, основанные на опубликованных в полном объеме письмах Дюкана к Флоберу³⁸, дружба

³⁴ Предположение Клемана основывалось преимущественно на содержании двух писем Тургенева — к И. И. Панаеву от 16 (28) декабря 1856 г. (именно оно процитировано выше исследователем) и к С. Т. Аксакову от 27 декабря 1856 г. (8 января 1857 г.), где писатель, не называя прямо имя Дюкана, упомянул его как автора нашедшей книги стихотворений «Les Chants modernes», вышедшей в 1855 г. [Du Camp 1855a]. «Один стихотворец вообразит, что нужно „проводить“ реализм — и с усилием, с натянутой простотой воспекает „Пар“ и „Машины“...» — не без иронии замечал в нем Тургенев [Тургенев, Письма, т. 3, с. 165–166, 172], отсылая, по-видимому, к разделу «Chants de la Matière» сборника Дюкана [Du Camp 1855a, р. 243–320], включающему среди прочих стихотворения «La Vapeur» («Je suis jeune et pourtant si belle...») и «La Locomotive» («Voici le soir de la journée!..»).

³⁵ Андре Мазон также датировал знакомство писателей концом 1850-х гг. Он же высказал предположение, что Дюкан был «одним из первых литераторов, при посредстве которых Тургенев завязал отношения с парижским литературным миром» [Неизданные письма, с. 663]. Эта же дата зафиксирована в справке о Дюкане в аннотированном именном указателе во втором академическом издании Тургенева [Тургенев, Письма, т. 7, с. 413].

³⁶ Французский перевод комедии Тургенева «Завтрак у предводителя», выполненный совместно Тургеневым и Луи Виардо, вышел под заглавием «Le Partage» с указанием только имени Виардо в качестве переводчика. Зарегистрирован в библиографии французских переводов сочинений Тургенева, составленной П. Уоддингтоном и Ф. Монрейно [Waddington, Montreynaud, № 9].

³⁷ Подробнее см.: [Finot, р. 23–24, 28–31].

³⁸ См.: Du Camp 1978, а также электронное издание переписки Флобера: [Flaubert. Correspondance]. В отличие от писем Флобера, большая часть которых в 1877 г., по взаимному согласию, была уничтожена самим Дюканом, письма последнего к Флоберу сохранились в гораздо большем объеме

двух французских писателей длилась до самой смерти Флобера, последовавшей в 1880 г.³⁹ [см.: Suffel; Asklund]. Возвращаясь к отношениям Тургенева и Дюкана, стоит прибавить, что в письме Дюкана к Луи Виардо от 18 ноября н. ст. 1863 г. есть следующие строки: «...mon cher Viardot, serrez de ma part la main de Tourguénéff...» («...мой дорогой Виардо, пожмите от моего имени руку Тургеневу...»)⁴⁰. Приведенный фрагмент убедительно свидетельствует о доверительных отношениях между приятелями, сложившихся к этому времени.

Как бы то ни было, начиная с первой половины 1860-х гг. Тургенев и Дюкан неоднократно встречались в Париже, в том числе у самого Дюкана на ул. Роше, 43⁴¹, где он проживал с 1855 г. [Suffel, Ziegler, p. 391]; в салоне его возлюбленной Адель Юссон⁴², супруги давнего друга Дюкана — Армана Юссона (Husson; 1809–1874); на различных парижских выставках и т. д. Не удивительно поэтому, что имена обоих писателей соседствуют в письмах Флобера. Так, в письме от 22 февраля н. ст. 1865 г. Флобер сообщал своей племяннице Каролине: «Сегодня обедаю у г-жи Юссон, вместе с Тургеневым, Тэнном и Дюканом»⁴³ [Flaubert, p. 167].

В 1860-е гг. имя Дюкана нередко фигурирует и в переписке самого Тургенева. Особенно часто оно начинает упоминаться в связи с деятельным участием писателя в русской публикации романа Дюкана «Les Forces perdues» («Утраченные силы»), впервые увидевшего свет на страницах журнала «Revue nationale» в сентябре — ноябре 1866 г. Отдельное издание романа, в которое

[см.: Suffel, p. 56–57]. Решение уничтожить ту часть переписки, которая могла содержать скандальные или пикантные подробности времен молодости, было принято друзьями после обнаружения «Lettres à une inconnue» («Писем к незнакомке») П. Мериме. Об этом Дюкан подробно рассказал в своих воспоминаниях, впервые опубликованных после смерти Флобера в журнале «Revue des deux mondes» в 1881–1882 гг.: «Гюстав сохранил с дюжину моих писем, напомиравших ему о наших юношеских приключениях; из его писем ко мне я оставил семь или восемь штук, имеющих, по крайней мере в моих глазах, историческую ценность, так как они повествуют об утрате тех, кого мы любили. Все остальное было предано огню...» [цит. по: Du Camp 1906, t. 1, p. 177. Подл. по-франц.]. Флобер по какой-то причине выполнил свое намерение не полностью. В настоящее время известны 38 писем Флобера к Дюкану (1846–1880) и 155 писем Дюкана к Флоберу (1844–1880).

³⁹ Последнее письмо Флобера было получено Дюканом в день смерти друга, 8 мая н. ст. 1880 г. [см.: Du Camp 1906, t. 1, p. 1].

⁴⁰ BN. Nouvelles acquisitions françaises. № 16274. F. 63v.

⁴¹ См., например, письма к П. Виардо от 15 (27) ноября 1863 г. [Тургенев, Письма, т. 5, с. 221, 358] и от 17 (29) мая 1866 г. [Там же, т. 7, с. 38, 235].

⁴² Об отношениях Дюкана и А. Юссон см., например: [Suffel, Ziegler].

⁴³ Впервые на это письмо Флобера указал М. Партнурье [Parturier 1947, p. 565].

автор внес существенную правку по замечаниям Флобера⁴⁴ [см.: Du Camp 1978, р. 300–302], вышло в Париже у Мишеля Леви в середине марта н. ст. 1867 г. [Du Camp 1867c]⁴⁵, когда Тургенев был уже в России.

По приезде в Петербург Тургенев тотчас принялся усиленно хлопотать о судьбе «Утраченных сил», хотя самой книги у него на руках еще не было. Во всяком случае, в начале марта н. ст. 1867 г. он уже договорился о помещении французской новинки в «Собрании иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык»⁴⁶, выходявшем под редакцией Е. Н. Ахматовой, с которой писатель познакомился еще в 1864 г. [см.: Битюгова]. Значительная часть уцелевших писем Тургенева к Дюкану относится к периоду подготовки и выхода русского издания романа, появившегося с предисловием Тургенева в двух первых книжках петербургского ежемесячника за 1868 г.⁴⁷ Среди них и самое раннее из сохранившихся писем — от 10 (22) марта 1867 г. В нем Тургенев откликается на неизвестное письмо Дюкана, полученное им сразу по приезде в Москву, с сообщением о состоявшемся наконец выходе отдельного издания «Утраченных сил»: «Пришлите мне поскорее вашу книгу; я пробуду в Москве еще три недели. Все будет сделано, как вы того желаете. Мне доставит истинное удовольствие дать возможность русской публике оценить и столь замечательное сочинение, как „Утраченные силы“, и ваш талант, который, впрочем, не так уже неизвестен нашим читателям, как вы предполагаете» [Тургенев, Письма, т. 7, с. 135, 269. Подл. по-франц.].

Дюкан откликнулся тотчас же, 27 марта н. ст. 1867 г., — в настоящее время это единственное его известное письмо к Тургеневу. Ранее все письма Дюкана к Тургеневу считались утраченными⁴⁸. Лишь в 1968 г., после окончания первого академического издания, в Национальную библиотеку Франции был передан обширный корпус разнообразных тургеневских материалов, среди которых обнаружилось и указанное письмо Дюкана. Приведем его целиком⁴⁹.

⁴⁴ В основу «Утраченных сил» легла история семилетнего романа Дюкана с Валентиной Делессер; в перипетии их отношений был посвящен и Флобер. См., например: [Parturier 1931]; отд. оттиск этой статьи вышел в 1932 г. в количестве 35 экземпляров.

⁴⁵ О поступлении книги в продажу парижские газеты сообщили 15 марта н. ст. 1867 г. (см., например: *Journal des débats*. 1867. 15 mars. P. 3). Книга зарегистрирована в «Библиографии Франции» от 16 марта н. ст. под № 2185 (*Bibliographie de la France*. 1867. № 11, 16 mars. P. 116).

⁴⁶ Впервые объявление о том, что русский перевод романа Дюкана выйдет с предисловием Тургенева, появилось 5 (17) ноября 1867 г. в газете «Голос». См.: [Об издании в 1868 г.].

⁴⁷ Об участии Тургенева в этом издании см. подробнее: [Неизданные письма, с. 666–667; Parturier 1947, р. 566; Тургенев, Соч., т. 10, с. 586–588 (коммент. П. Р. Заборова)].

⁴⁸ См. сведения, приведенные в аннотированном указателе [Тургенев, Письма, т. 7, с. 414].

⁴⁹ BN. *Nouvelles acquisitions françaises*. № 16275. F. 172r.

27 mars 1867.
43, rue du Rocher.

Vous êtes le meilleur et le plus charmant des hommes, mon cher maître; que Dieu accorde une longue vie à Pégase, pour vous récompenser — grâce à vous le succès de mon livre est assuré en Russie et c'est à vous seul que j'en devrai. Je vais aller chez Michel Lévy vous faire adresser l'exemplaire; si vous le relisez vous verrez qu'avant de le mettre en volume, je l'ai fortement épousseté et que j'en ai retiré un tas de *je* et de phrases incidentes qui l'alourdissaient.

Toute notre maisonnée va bien et se rappelle à votre souvenir; Flaubert me graille d'une façon obscène et je travaille comme un nègre.

Tout à vous
Maxime Du Camp.

Ici toutes les têtes sont à l'envers à propos de la politique extérieure; rien ne serait moins extraordinaire qu'un coup d'état qui supprimerait la chambre.

Перевод:

27 марта 1867.
Улица Роше, 43.

Вы удивительнейший и прекраснейший человек, мой дорогой мэтр; дай Бог здоровья и долгих лет вашему Пэгазу⁵⁰, в вознаграждение за ваши труды — благодаря вам успех моей книги в России обеспечен, и успехом этим я одолжен исключительно вам. Я накажу Мишелю Леви прислать вам экземпляр; если вы перечитаете роман, то увидите, что перед напечатанием я еще раз хорошенько прошелся по всему тóму и убрал все ненужные «я», а также кучу излишних и громоздких оборотов.

Дома у нас все здоровы и передают вам привет; Флобер распекает меня самым непристойным образом, а между тем я работаю как негр.

Весь ваш
Максим Дюкан.

У нас у всех здесь голова идет кругом от внешней политики; если тут случится государственный переворот, из-за которого рухнет вся палата, то это никого совсем не удивит.

⁵⁰ Речь идет о любимой собаке Тургенева по кличке Пэгаз.

Уже после выхода «Утраченных сил» в России Тургенев напишет целую серию писем П. В. Анненкову с просьбой помочь получить от Е. Н. Ахматовой два обещанных ею авторских экземпляра. Самое раннее письмо по этому поводу датировано 24 января (5 февраля) 1868 г. В этот день Тургенев, прочтя, по его собственным словам, «в газетах (...)» объявление о выходе первой книжки „Собрания романов“, попросил Анненкова напомнить издательнице о ее обещании: «Мне они (экземпляры романа. — В. Л., В. С.) не нужны, но Дюкан ужасно интересуется ими» [Тургенев, Письма, т. 8, с. 107].

Несколько дней спустя он отправил Дюкану вырезку из газеты с упомянутым объявлением, прибавив: «Если у вас под рукой найдется кто-нибудь из русских и вы попросите его перевести прилагаемую тарабарщину, он скажет вам, что это объявление о выходе в свет перевода „Утраченных сил“ с моим предисловием. Два подчеркнутых слова — ваше имя, ни больше ни меньше. Я уже написал в С.-Петербург, чтобы узнать, почему, несмотря на обещание, мне до сих пор не прислали экземпляра. Уже добрых три недели, как книга вышла. Как только получу ее — пошлю ее или, вернее, сам занесу ее вам, ибо в воскресенье я уезжаю из Баден-Бадена и навещу вас (в Париже. — В. Л., В. С.) в понедельник или во вторник»⁵¹. Очевидно, это было объявление из газеты «Голос»⁵² от 13 (25) января 1868 г., в котором говорилось: «Вышла январская книжка СОБРАНИЯ РОМАНОВ. Утраченные силы, роман Максима Дюкана, с предисловием И. С. Тургенева...»⁵³.

Дальнейшее развитие событий приняло курьезно-комический характер. Отчасти этому способствовало содержание объявления в «Голосе», невольно вводившее читателей в заблуждение, поскольку в нем не было оговорено, что в январской книжке роман напечатан не полностью и в феврале последует окончание. Уже 4 (16) февраля Тургенев вновь сетует в письме к Анненкову: «А два экземпляра перевода Максима Дюкана с предисловием я все еще не получил и не буду в состоянии свезти их ему в Париж. Будьте другом и благодетелем, сходите еще к г-же Ахматовой и скажите ей, что я не того ожидал от ее аккуратности» [Тургенев, Письма, т. 8, с. 117]. Самому Дюкану Тургенев сообщал 6 (18) февраля в еще более экспрессивных тонах: «Я вне себя от того, что до сих пор не пришел экземпляр „Утраченных сил“; я написал издателю резкое письмо. Вы получите книгу на другой же день после ее доставки сюда» [Там же, с. 119, 239. Подл. по-франц.]. Однако и неделю спустя Тургенев про-

⁵¹ Письмо от 31 января (12 февраля) 1868 г. [Тургенев, Письма, т. 8, с. 111, 238. Подл. по-франц.].

⁵² Тургенев был подписан на «Голос» с апреля 1867 г. См. его письмо к П. В. Анненкову от 13 (25) апреля 1867 г. [Тургенев, Письма, т. 7, с. 180].

⁵³ Голос. 1868. № 13, 13 янв. С. 4.

должает негодовать в письме к Анненкову от 14 (26) февраля: «Я уже писал Вам, что все журналы мною благополучно получены; но экземпляры перевода дюкановского романа до сих не появились!!» [Там же, с. 129].

Наконец из «Голоса» от 14 (26) февраля 1868 г., полученного в Баден-Бадене пару дней спустя, стало известно о выходе второй книжки «Собрания иностранных романов...» с окончанием перевода «Утраченных сил»⁵⁴. Казалось бы, дело благополучно разрешилось, о чем Тургенев поспешил известить Дюкана 18 февраля (1 марта): «В конце концов я узнал, отчего задержалась присылка „Утраченных сил“. Ваш роман опубликован в двух частях, и вторая только что появилась в февральском номере; но теперь я получу ее в ближайшие дни и немедленно отправлю вам» [Тургенев, Письма, т. 8, с. 132, 241. Подл. по-франц.]. Тем не менее по прошествии трех дней Тургенев вновь напоминает Анненкову про свою просьбу [Там же, с. 133–134]. Настойчивость писателя была обусловлена еще и тем обстоятельством, что приближались сроки его поездки в Париж, откладывавшейся с января. Кроме того, подарок Дюкану долгожданный русский перевод, он, возможно, надеялся таким образом отблагодарить французского приятеля за помощь с корректурами перевода «Истории лейтенанта Ергунова», набиравшегося в это время для первой апрельской книжки «Revue des deux mondes»⁵⁵. Однако и следующая неделя прошла без долгожданной посылки из Петербурга. Отчаявшись получить обещанные экземпляры, 5 (17) марта Тургенев взывает к Анненкову: «Ахматова доконает меня своею неаккуратностью; мне бог знает как совестно перед М. Дюканом; по получении этого письма сделайте одолжение — подпишитесь на ее глупое „Собрание“, вырежьте оттуда роман Дюкана с моим предисловием и немедленно пришлите сюда» [Тургенев, Письма, т. 8, с. 145]. Так и не дождавшись никаких экземпляров, утром 12 (24) марта Тургенев прибыл в Париж, где провел в общей сложности около недели, очевидно увидевшись и с Дюканом⁵⁶. Лишь по возвращении в Баден-Баден он обнаружил посылку от верного Анненкова, которому отвечал 28 марта (9 апреля): «Я получил наконец два великолепно переплетенных экземпляра дюкановского романа от г-жи Ахматовой и один уже препроводил ему. Поблагодарите ее от моего имени: лучше поздно, чем никогда» [Там же, с. 171]. Второй («тургеневский») экземпляр в роскошном красно-коричневом кожаном переплете, с золотым обрезаем и золотым тиснением на корешке, а также на лицевой крышке: «Утраченные силы. / Роман / Максима Дюкана. / С предисловием /

⁵⁴ Голос. 1868. № 45, 14 февр. С. 4.

⁵⁵ См. об этом письма к Дюкану за февраль — март 1868 г. [Тургенев, Письма, т. 8, с. 118–119, 132, 144–145].

⁵⁶ См. письмо к Дюкану от 4 (16) марта 1868 г. [Тургенев, Письма, т. 8, с. 145, 246].

И. С. Тургенева»⁵⁷, — ныне хранится в Библиотеке Пушкинского Дома (шифр: 89 5²/9; инв. № 18971) [Дюкан]. Он поступил из собрания А. Ф. Онегина, оставившего следующую собственноручную запись на обороте переднего форзаца: «Из книг А. Ф. Онегина (Тургенева кажется экз.). Paris». Указанная владельческая помета, помимо прочих обстоятельств, позволяет внести русское издание романа Дюкана в список книг, имевшихся в личной библиотеке Тургенева.

Следует заметить, что приятели регулярно встречались не только в Париже, но и в Баден-Бадене, где Дюкан с 1863 г. бывал наездами практически каждый год, так как этого требовало его здоровье, сильно пошатнувшееся после возвращения из знаменитой экспедиции Гарибальди на Сицилию 1860 г., в которой он тайно принимал участие, сражаясь под командованием Иштвана Тюрра⁵⁸. В Баден-Бадене Дюкан и Тургенев, несомненно, часто виделись осенью 1867 г.⁵⁹, а также летом 1868 г.⁶⁰ Возможно, именно летом 1868 г. Дюкан впервые и порекомендовал писателю обратиться за портретом для нового собрания сочинений к французскому художнику Пьеру-Эдмону-Александру Эдуену (Hédouin, в русской передаче также: Эдуэн, Гедуен, Гедуин; 1820—1889).

Во второй половине 1860-х гг. парижская художественная критика уже заговорила об Эдмоне Эдуене как о замечательном гравере. Во многом этому способствовало деятельное участие художника в подготовке роскошного двухтомного издания Нового Завета с рисунками Александра Бида, принятого издательским домом «Nachette» («Ашетт»). Для этого издания Эдуен не только выполнил около 20 офортов [Beraldi, p. 72], но и отвечал за всю организационную часть, начиная с подбора художников. «Офорт ныне в великой моде, — констатировал влиятельный французский критик Филипп Бюрти в обзорной статье «La gravure et la photographie en 1867» («Гравюра и фотография в 1867 г.»). — На него делают ставку издатели при выпуске книг, требующих сотен тысяч франков. Так поступили и гг. Ашетты с изда-

⁵⁷ Имя Тургенева на лицевой обложке, как и на титульном листе, набрано большим келлем, чем имя Дюкана.

⁵⁸ Подробнее см.: [Finot, p. 55–57; Bruneau, p. 469–477]. Об экспедиции «тысячи» упоминает и Тургенев в своем предисловии к «Утраченным силам» [Тургенев, Соч., т. 10, с. 349–350].

⁵⁹ Так, 7 (19) октября 1867 г. Тургенев писал П. В. Анненкову: «Здесь живет французский писатель mr Дюкан, с которым я дружен и которому до некоторой степени обязан» [Тургенев, Письма, т. 8, с. 48–49]. Вопрос о том, чем именно писатель был обязан французскому собрату, до сих пор не ставился и остается непроясненным. Не исключено, что речь идет о содействии, оказанном Дюканом в публикации сочинений Тургенева на страницах «Revue de Paris» и «Revue des deux mondes».

⁶⁰ См. письмо Тургенева к Г. Флоберу от 16 (28) июля 1868 г. [Тургенев, Письма, т. 9, с. 45].

нием *Нового Завета*. Г-н Эдмон Эдуэну самолично подобрал сотрудников и распределил рисунки г. Бида между г-жой Генриеттой Браун, Бракмоном, Фламенгом, Гошерелем, Вейрасса, Муйероном, Селестеном Нантейлем и др.» [Burdy, p. 259].

Хотя само издание вышло только в 1873 г. [Les Saints Evangiles], отдельные офорты к нему в исполнении Эдуэна начали выставляться намного раньше, в том числе на парижских Салонах 1867, 1868 и 1869 гг. «Эдуэну является замечательным аквафортистом, — так отзывался о художнике другой французский критик и гравер Луи Леруа на страницах «Charivari» уже в 1866 г., — именно ему издательство „Ашетт“ доверило руководить изготовлением гравюр для большого издания Евангелий, иллюстрированного Бида» [Leroy 1866]. Два года спустя тот же Леруа причислит Эдуэна к «лучшим аквафортистам» Франции [Leroy 1868].

Почитателем таланта Эдуэна был и Дюкан, постоянный обозреватель парижских выставок на страницах «Revue des deux mondes», не пропустивший ни одного Салона с 1863 по 1867 г.⁶¹ Впервые имя Эдуэна появляется, как кажется, в его обзоре Всемирной выставки 1855 г., где внимание критика привлекла, в частности, картина «La Moisson à Chambaudoin» («Сбор урожая в Шамбодуэне»). Уже тогда Дюкан приметил в Эдуэне «особый», самобытный талант, способный со временем раскрыться во всей полноте, если только художник откажется от подражательности [Du Camp 1855b, p. 250–251]. В последующие годы Дюкан не выпускает Эдуэна из вида, неизменно приветствуя его успехи. Десять лет спустя в обзоре Салона 1865 г. он уделит целый абзац «очаровательной», «ультрасовременной» картине «Une allée des Tuileries» («Аллея в Тюильри»), особо отметив мастерство при передаче света, а также композицию картины, которая выдавала в Эдуэне «вдумчивого художника» («un artiste réfléchi») [Du Camp 1867b, p. 170–171].

Работы Эдуэна-офортиста также не оставили Дюкана равнодушным. Так, в одном из дюкановских обзоров упоминается цикл из десяти великолепных гравюр по рисункам Бида к изданию Нового Завета⁶², выставленных на парижском Салоне 1867 г. [Salon de 1867, p. 367]. На следующем Салоне, открывшемся 1 мая н. ст. 1868 г., Эдуэну представил пять своих работ: еще три офорта на евангельские темы, а также два гравированных портрета — французского драматурга Сентина⁶³ и Луи Россиньо (Rossigneaux; 1788–1864),

⁶¹ В 1867 г. вышел отдельный том, состоящий исключительно из «салонных» обзоров Дюкана [Du Camp 1867b]. Аналогичные томики выходили в 1855, 1857, 1859, 1861 гг.

⁶² См., например: [Du Camp 1867a, p. 141].

⁶³ Впервые воспроизведен в качестве фронтисписа в изд.: Picciola / Par X.-B. Saintine. 41e édition (contenant un portrait de l'auteur). Paris: Librairie de L. Hachette et Cie, 1867.

отца известного архитектора, рисовальщика и декоратора Шарля Россиньо⁶⁴ [Salon de 1868, p. 536]. За эти работы в августе 1868 г. жюри парижского Салона присудило Эдуэну медаль⁶⁵.

В отличие от Дюкана сам Тургенев, по всей видимости, пропустил Салон 1868 г. Во всяком случае, мы не располагаем сведениями о том, что он успел побывать в Париже до своего отъезда на родину, состоявшегося 2 (14) июня 1868 г. В России Тургенев провел на этот раз чуть больше месяца, в том числе не менее десяти дней в Москве, где предстал «перед светлые очи» Салаева⁶⁶, не преминувшего, конечно, поторопить писателя с выполнением взятых на себя обязательств. Неудивительно поэтому, что когда в скором времени всерьез назрел вопрос: у кого же заказывать портрет для первого тома, Дюкан мог посоветовать обратиться именно к Эдуэну⁶⁷, с которым он был к тому же хорошо знаком.

О поездке в Париж Тургенев начал задумываться еще в июле 1868 г., почти сразу по возвращении в Баден-Баден⁶⁸, однако осуществить свое намерение смог лишь поздней осенью. Очевидно, предварительная договоренность о первом сеансе была достигнута заранее — возможно, через Дюкана, хотя переписка по этому поводу не сохранилась. В пользу того, что Дюкан изначально выступил посредником между Тургеневым и Эдуэном, говорит тот факт, что французский романист взял впоследствии на себя часть хлопот, связанных с изготовлением портрета⁶⁹. Да и большая часть сведений об истории создания офорта, которыми исследователи располагали до сих пор, почерпнута именно из тургеневских писем к Дюкану. Имя Дюкана, как будет видно из дальнейшего изложения, постоянно упоминается и в переписке Тургенева с Эдуэном.

Вернемся, однако, к поздней осени 1868 г. Известно, что 4 (16) ноября 1868 г. писатель выехал из Баден-Бадена, 5 (17) ноября прибыл в Париж⁷⁰ и, проведя вечер с семьей дочери в театре Варьете, на следующее утро уже

⁶⁴ Ш. Россиньо является также автором виньеток и декоративных вставок к упоминавшемуся изданию Нового Завета с рисунками А. Бида; они также были частично гравированы Эдуэном.

⁶⁵ См., например: [Distribution des récompenses, p. 1196].

⁶⁶ См. письмо к И. П. Борисову от 14 (26) апреля 1868 г. [Тургенев, Письма, т. 9, с. 199].

⁶⁷ Опыт подобных заказов у художника уже был немалый. См. перечень выполненных им офортов, в том числе портретов: [Beraldi, p. 70–71].

⁶⁸ См. его письмо к Г. Флоберу от 16 (28) июля 1868 г. [Тургенев, Письма, т. 9, с. 44–45, 256].

⁶⁹ См., например, письма Тургенева к Дюкану от 1 (13) января 1869 г. и 14 (26) апреля 1869 г. [Тургенев, Письма, т. 9, с. 119, 283–284; 200, 308].

⁷⁰ Отметим небольшую неточность, вкраившуюся в Указатель мест пребывания Тургенева, где указано, что он прибыл во французскую столицу 7 (19) ноября 1868 г. [Тургенев, Письма, т. 9, с. 422], в то время как это произошло двумя днями ранее.

был в мастерской художника. «Я сегодня одурел от беготни из-за моего портрета, с которого будет сделан офорт и т. д. и т. д. и т. д.», — жаловался он несколько часов спустя в письме к Полине Виардо [Тургенев, Письма, т. 9, с. 83, 268. Подл. по-франц.]. Дом, где проживал Эдуен и где располагалась его небольшая, но содержавшаяся в величайшем порядке мастерская, находился на Университетской ул. (Rue l'Université), 58, на другом берегу Сены от гостиницы «Байрон» (ул. Лаффитт, 20), где по привычке остановился Тургенев. По словам Л. Леруа, побывавшего у художника в 1866 г., это было прекрасное место между улицами Бак и Бельшас. Критик запечатлел чрезвычайно симпатичный облик Эдуена, увидев в нем человека «честного и прямого» («franc et loyal»), единственный недостаток которого состоит только в том, что он «защищает своих отсутствующих друзей». Говоря о внешности художника, Леруа замечал: «Эдуен еще молод, несмотря на то что его борода начала покрываться серебром...». Не упустил критик случая указать на изрядную «ширину» пробора, намекая на проглядывающую лысину [Leroy 1866].

Дело с рисованием тургеневского портрета оказалось не таким быстрым, как рассчитывал писатель, и для всей процедуры потребовалось, по всей видимости, еще пара сеансов. Последний состоялся в субботу 9 (21) ноября, о чем Тургенев в тот же день известил П. Виардо: «Сегодня утром (...) я повидал дочь; потом завтракал с Этцелем; потом отправился к г-ну Эдуену, который делает мой портрет...» [Тургенев, Письма, т. 9, с. 88, 272. Подл. по-франц.]. В воскресенье Тургенев провел весь день в Круассе у Флобера, читавшего ему свой новый роман «Education sentimentale» («Воспитание чувств»), а во вторник вечером уже «катил» по направлению к Карлсруэ⁷¹, отказавшись даже от «удовольствия отобедать» с Сент-Бевом⁷².

Обосновавшись на зиму в столице Великого герцогства Баденского, куда к этому времени переехала семья Виардо, Тургенев тотчас известил своего московского издателя о подвижках в подготовке первого тома. Уже 16 (28) ноября 1868 г. он просил И. П. Борисова заглянуть на Никольскую: «Кстати, будьте так добры — сходите к Салаеву и скажите ему, что портрет заказан у первого парижского гравера, Э. Гедуина (E. Hédouin) — и что „Воспоминания“ приводятся к окончанию». И тут же поинтересовался продвижением собрания сочинений: «Выпустил ли он в свет первые томы нового

⁷¹ См. письмо к П. Виардо от 9 (21) ноября 1868 г. [Тургенев, Письма, т. 9, с. 88, 272. Подл. по-франц.].

⁷² См. письмо к Сент-Беву от 12 (24) ноября 1868 г. [Тургенев, Письма, т. 9, с. 88, 273. Подл. по-франц.].

издания?» [Тургенев, Письма, т. 9, с. 92]. Ответ Салаева неизвестен, однако надо полагать, что он не заставил себя ждать. Более того, 26 января ст. ст. 1869 г. Салаев оперативно поместил в «Московских ведомостях» новое объявление, анонсирующее скорый выход «Полного собрания сочинений И. С. Тургенева, с портретом автора, гравированным на стали первым парижским гравером *Гедуен*»⁷³. Нетрудно заметить, что прозвучавшая в объявлении характеристика Эдуена — «первый парижский гравер», как и огласовка его имени заимствованы Салаевым из процитированного выше письма Тургенева к Борисову.

В декабре 1868 г. Эдуен, очевидно, закончил работать над портретом и обратился к Тургеневу за уточнениями, касавшимися печатания офорта, так как не все технические детали были обговорены во время пребывания писателя в Париже. Среди прочего его интересовали формат будущего издания, точный размер изображения и полей, количество оттисков, которое требовалось отпечатать, и т. д. Получив от Салаева разъяснения по всем вопросам, Тургенев откликнулся 22 декабря 1868 г. (3 января 1869 г.): «Посылаю вам прилагаемый при сем верхний лист обложки моей книги, которую я только что получил из Москвы⁷⁴: это даст вам представление о точных размерах вашего in 8vo. Необходимое количество оттисков — 5030 (пять тысяч тридцать), а не 4000, как я вам писал ранее. Оттиски с большими полями не нужны. Мой издатель хочет, чтобы под портретом был еще и автограф; поэтому на следующей странице вы найдете нечто вроде иероглифа, который означает мое имя по-русски. Думаю, что искусный гравер сможет его воспроизвести. Необходимые денежные средства в вашем распоряжении — вам стоит сказать лишь слово». В том же письме Тургенев поблагодарил Эдуена за теплый отклик о своих сочинениях. Вероятно, в одну из встреч с художником, состоявшихся в Париже с 6 (18) по 9 (21) ноября, или позднее через Дюкана он преподнес ему несколько своих книг во французском переводе⁷⁵ [Тургенев, Письма, т. 9, с. 113, 281. Подл. по-франц.].

⁷³ Московские ведомости. 1869. № 21, 26 янв. С. 1; повторы: Там же. № 27, 2 февр. С. 1; № 34, 11 февр. С. 1.

⁷⁴ Очевидно, это была обложка от одного из четырех томов нового «салаевского» издания (т. 2–5), вышедших к этому времени и присланных Тургеневу в Карлсруэ.

⁷⁵ Не исключено, что это мог быть перевод романа «Дым», как раз в марте 1868 г. вышедший у Этцеля, а также, например, сборник «Nouvelles scènes de la vie russe» в переводе самого Тургенева и Л. Виардо. Об этих изданиях см.: [Waddington, Montreynaud, № 26, 35].

Приведенное письмо от 22 декабря 1868 г. (3 января 1869 г.) долгое время считалось единственным сохранившимся письмом Тургенева к Эдуэну⁷⁶, хотя ни у кого не вызывало сомнений, что переписка между ними была более обширной. Адресат приведенного письма был впервые установлен Морисом Партюрье [Parturier 1947, p. 579], процитировавшим фрагмент из него в своей статье о Тургеневе и Дюкане по аукционному каталогу парижского коллекционера, эксперта-оценщика Пьера Корнюо (1893–1967): «Catalogue Cognac, № 202, 1934». Из публикации Партюрье следует, что автограф был выставлен на продажу в Париже в 1934 г. как письмо к неизвестному. Тогда же, по-видимому, он был приобретен для Советского Союза, где со временем оказался в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ныне РГАЛИ)⁷⁷. Кроме того, французский исследователь глухо упомянул о «неопубликованном» письме к Эдуэну от «3 февраля 1869 г.», в котором Тургенев подтверждал получение офортов [Parturier 1947, p. 579]. Можно предположить, что и второе письмо также выставлялось на «Vente Cognac» в 1934 г., однако разыскать экземпляры этого каталога нам не удалось.

Между тем почти сто лет спустя, летом нынешнего года, неожиданно-негаданно стало известно о существовании еще одного письма Тургенева к Эдуэну, ранее не попадавшего в поле зрения исследователей и считавшегося утраченным. Цифровая копия первой страницы была представлена на сайте лондонского онлайн-аукциона Sotheby's «Books, Manuscripts and Music from Medieval to Modern», прошедшего 11 июля 2024 г.⁷⁸ Выставленный на торги автограф датирован 1 (13) января 1869 г. и позволяет в общих чертах восстановить содержание ответа, полученного Тургеневым от Эдуэна на предыдущее его письмо от 22 декабря 1868 г. (3 января 1869 г.). Так, выясняется, что именно Эдуэн отрицательно отнесся к идее Ф. И. Салаева воспроизвести под портретом подпись-автограф Тургенева, поскольку это могло, по его мнению, повредить офорту. Кроме того, художник назначил заоблачную цену за свою работу, составившую целую тысячу франков. При этом он не оговорил, что в указанную сумму не входят будущие расходы на бумагу и типографию, и это впоследствии стало неприятным сюрпризом для писателя. Приведем новонайденное письмо Тургенева в полном объеме.

⁷⁶ См. сведения, приведенные в аннотированном Указателе имен и названий [Тургенев, Письма, т. 9, с. 469].

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 102. Л. 7. Письмо хранится здесь до сих пор как письмо к неизвестному.

⁷⁸ www.sothebys.com. Обратная сторона письма восстановлена нами по тексту, пропускающему на первой странице.

1

Тургенев — Эдмону Эдуену
1 (13) января 1869 г. Карлсруэ

Carlsruhe.
Hôtel du prince Max.
Ce 13 janvier 1869.

Cher Monsieur,

Je me hâte de vous informer que les mille francs demandés vous seront envoyés dès demain par l'entremise du banquier G. Müller d'ici.

M. Ducamp me parle avec beaucoup d'éloges du portrait; vous serez bien aimable de m'en envoyer une ou deux épreuves dès que vous le pourrez.

Je me suis décidé à supprimer entièrement *l'autographe* — et j'en ai écrit à mon éditeur. C'est me traiter un peu trop en classique. — Pour le moment je ne saurais m'imaginer que cela puisse intéresser quelqu'un et cela ferait, comme vous le dites, un déplorable effet sous l'eau-forte. Ainsi point d'autographe.

Veillez bien, cher Monsieur, accepter l'expression de mes plus affectueux sentiments.

J. Tourguénéff.

Перевод:

Карлсруэ.
Гостиница «Принц Макс».
13 января 1869.

Милостивый государь,

Спешу уведомить вас, что запрошенная вами тысяча франков будет отправлена вам завтра через здешнего банкира Г. Мюллера.

Г-н Дюкан отзывается о моем портрете с великой похвалою; было бы весьма любезно с вашей стороны, если бы вы при первой возможности отправили мне один или два оттиска.

Я принял решение полностью изъять *автограф* — и написал об этом своему издателю. Автограф выставляет меня чуть ли не классиком. — В настоящий момент я и представить себе не могу, что он может кого-либо заинтересовать; к тому же, как вы говорите, это могло бы самым плачевным образом повредить всему офорту. Итак, никакого автографа.

Примите, милостивый государь, уверение в моих самых сердечных чувствах.

И. Тургенев.

Содержание письма к Эдуэну от 1 (13) января 1869 г. полностью перекликается с письмом Тургенева к Дюкану, написанным в тот же день: «Тысяча благодарностей за хлопоты, которые вы любезно взяли на себя по поводу моего портрета. Я решил изъять автограф и написал в этом смысле Эдуэну и своему издателю. Я решительно не считаю себя в достаточной мере классиком для этого и нахожу, что помещение портрета уже само по себе несколько выходит за допустимые рамки. Оставим это для издания „post mortem“, если таковому суждено когда-нибудь появиться, и постараемся, чтобы это случилось как можно позже. Я очень доволен, что вы довольны портретом» [Тургенев, Письма, т. 9, с. 119, 282–283. Подл. по-франц.]. Таким образом, новонайденное письмо восстанавливает по крайней мере одну лауну в переписке Тургенева и позволяет исключить соответствующую позицию из указателя его утраченных писем⁷⁹. Второе же упомянутое Тургеневым письмо, адресованное Ф. И. Салаеву, по-прежнему остается неизвестным.

Далее в переписке Тургенева и Эдуэна, по всей видимости, наступила двухнедельная пауза. В итоге в конце января н. ст. 1869 г. писатель получил из Парижа два долгожданных экземпляра офорта, запрошенных им 1 (13) января. Первое его впечатление от портрета было в целом весьма благосклонным, в отличие от мнения Полины и Луи Виардо, которым показалось, что писатель вышел на нем несколько мрачноватым. Один оттиск он сразу же отправил в Москву Салаеву, которому портрет пришелся по душе⁸⁰. Все это становится известно из следующего письма Тургенева к Эдуэну, обнаруженного нами в Рукописном отделе библиотеки Бюдинского колледжа (США), в фонде Ч. Г. Ливингстона⁸¹. Им оказалось то самое письмо от 3 февраля н. ст. 1869 г., которое мельком упомянул Партюрье в своей публикации 1947 г. Не исключено, что Чарльз Г. Ливингстон (1888–1966), специалист в области

⁷⁹ См.: [Утраченные письма, с. 328], где данное письмо к Эдуэну, как и недостающее письмо к Салаеву, датировано предположительно «концом декабря ст. ст. 1868». Можно предположить, что и второе письмо было также написано 1 (13) января 1869 г.

⁸⁰ По-видимому, писатель послал в Москву оттиск через И. П. Борисова, которому портрет тоже понравился. Об этом говорит ответное письмо Тургенева от 12 (24) марта 1869 г.: «И он (Салаев. — В. Л., В. С.), так же как Вы, доволен портретом» [Тургенев, Письма, т. 9, с. 181].

⁸¹ Charles H. Livingston Autograph Collection, George J. Mitchell Department of Special Collections & Archives, Bowdoin College Library. В описи ливингстоновского фонда письмо Тургенева зарегистрировано как «письмо-автограф к неизвестному гравёру» («ALS to an engraver»).

романского языкознания и страстный собиратель французских автографов, приобрел этот автограф в Париже в 1934 г. Воспроизведем его целиком⁸².

2

Тургенев — Эдмону Эдуену

22 января (3 февраля) 1869 г. Карлсруэ

Carlsruhe.

Hôtel prince Max.

Mercredi, 3 févr. 69.

Cher Monsieur,

Une indisposition qui m'a retenu au lit pendant trois jours m'a empêché de vous écrire aussitôt après la réception de vos eaux-fortes. Le portrait me semble excellent; mes amis d'ici trouvent l'expression un peu sombre — mais ce n'est pas un mal. — J'ai envoyé un exemplaire à mon éditeur de Moscou — et maintenant il faut que vous ayez la bonté de faire tirer les exemplaires sans perdre de temps — car cet éditeur me presse beaucoup.

Recevez mes remerciements sincères ainsi que l'assurance de mes sentiments les plus distingués.

J. Tourguéneff.

Перевод:

Карлсруэ.

Гостиница «Принц Макс».

Среда, 3 февр. 69.

Милостивый государь,

Недуг, из-за которого я пролежал в постели три дня, помешал мне отвечать тотчас после получения ваших офортов. Мне кажется, портрет вышел превосходно; мои здешние друзья, однако, находят мою физиономию несколько мрачноватой — но это не беда. — Я уже отправил один экземпляр своему

⁸² Благодарим Джеймса Танцера (James Tanzer), сотрудника Рукописного отдела библиотеки Боудинского колледжа (Special Collections & Archives, Bowdoin College Library), за предоставленную копию письма.

издателю в Москву — и было бы весьма любезно с вашей стороны, если бы вы отпечатали оставшиеся экземпляры, не теряя ни минуты, — издатель и так уж меня подгоняет.

Примите мою искреннюю благодарность и уверение в самых лучших чувствах.

И. Тургенев.

Стоит отметить, что промедление с ответом не в последнюю очередь было обусловлено «охотничьими похождениями» Тургенева, которые завершились как раз 20 января (1 февраля) 1869 г.⁸³ Во всяком случае, они образуют ощутимую брешь в его переписке, из которой полностью выпала почти неделя начиная с 16 (28) января и вплоть до 22 января (3 февраля). Переписка с Эдуеном, однако, не исчерпывается тремя известными нам письмами, что сулит новые находки в будущем.

По всей видимости, в марте или начале апреля 1869 г. весь тираж офортов для «салаевского» издания был окончательно готов. Как значится на каждом экземпляре, они были отпечатаны в знаменитой «Imprimerie Salmon», эстампной мастерской Альфреда-Фортюне Сальмона (Salmon; 1825–1894)⁸⁴, с которым постоянно работал Эдуен. Об окончании работ французский гравер поспешил известить заказчика, присовокупив и новый счет, составивший почти 800 франков. Раздосадованный Тургенев не стал скрывать своих чувств в письме к Дюкану от 14 (26) апреля 1869 г.: «Кстати, Эдуен взял с меня за гравюру, за офорт, 1000 франков. Когда он мне назначил эту цену, я решил, что сюда частично входит стоимость бумаги, печатания и т. д. Оказывается, нет; я получил и оплатил новый счет на 800 фр. — без малого. Тысяча франков за офорт одной головы дороговато, и не думаю, что я решусь взвалить все это на плечи своего издателя. Приму часть на себя, вот и все» [Тургенев, Письма, т. 9, с. 200, 308. Подл. по-франц.]. Так «первый гравер Парижа» обошелся Тургеневу в копейчку.

Прошло еще более полугодя, прежде чем эдуеновский портрет смогла лицезреть широкая публика в России. Лишь 26 ноября (8 декабря) 1869 г., как всегда на первой полосе, «Московские ведомости» оповестили своих читателей о выходе первого тома нового собрания сочинений Тургенева, который по иронии судьбы появился последним:

⁸³ См. письмо к И. П. Борисову от 12 (24) февраля 1869 г. [Тургенев, Письма, т. 9, с. 146].

⁸⁴ Под изображением в левом нижнем углу значится: «Imp. par Salmon» («Отпечатано Сальмоном»). Мастерская Сальмона славилась высоким качеством и новейшими техниками печати [Inizan, p. 83–85].

«У КНИГОПРОДАВЦА САЛАЕВА,
на Никольской улице, поступили в продажу только что отпечатанные:
СОЧИНЕНИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА
(1844–1868),
ИЗДАНИЕ БРАТЬЕВ САЛАЕВЫХ,
в 7-ми томах (около 200 печатных листов, более 3000 стран.),
с портретом автора,
гравированным на стали первым парижским гравером *Гедуен*.
М. 1869 г. Цена 8 р. 50 к., с перес. 10 р.,
в лучших шагреновых переплетах 11 р., с перес. 13 р.»⁸⁵.

Сам Эдуен, по-видимому, остался доволен своей работой. Во всяком случае, еще за полгода до выхода первого тома салаевского издания он представил портрет Тургенева на парижском Салоне, открывшемся 1 мая н. ст. 1869 г. [Salon de 1869, p. 584], однако работа эта прошла незамеченной среди критиков⁸⁶. Сведения об этой выставке ускользнули и от тургеноведов. Из восьми гравюр, экспонировавшихся Эдуеном на Салоне 1869 г. [Ibid., p. 583–584], заслуживают внимания по меньшей мере еще две работы: офорт к сонету Сюлли-Прюдома «Silence et nuit des bois» («Тишина в ночном лесу») для роскошного сборника «Сонеты и офорты», подбор рисунков для которого осуществлял Филипп Бюрти (Париж, 1869)⁸⁷, и гравюра с картины фламандского живописца Давида Тенирса-младшего «Рыбный рынок» (для ежемесячного журнала «Gazette des beaux-arts»)⁸⁸.

Эдмон Эдуен скончался в Париже в ночь с 12 на 13 января н. ст. 1889 г.⁸⁹ от «болезни сердца» [Nécrologie 1889a]. На смерть художника откликнулась не только французская, но и русская печать. Мы говорим здесь об анонимном некрологе, помещенном в газете «Художественные новости» 15 (27) января [см.: Некролог], редактором которой был А. И. Сомов, известный историк искусства и аквафортист. Примечательно, что русский некролог, составленный,

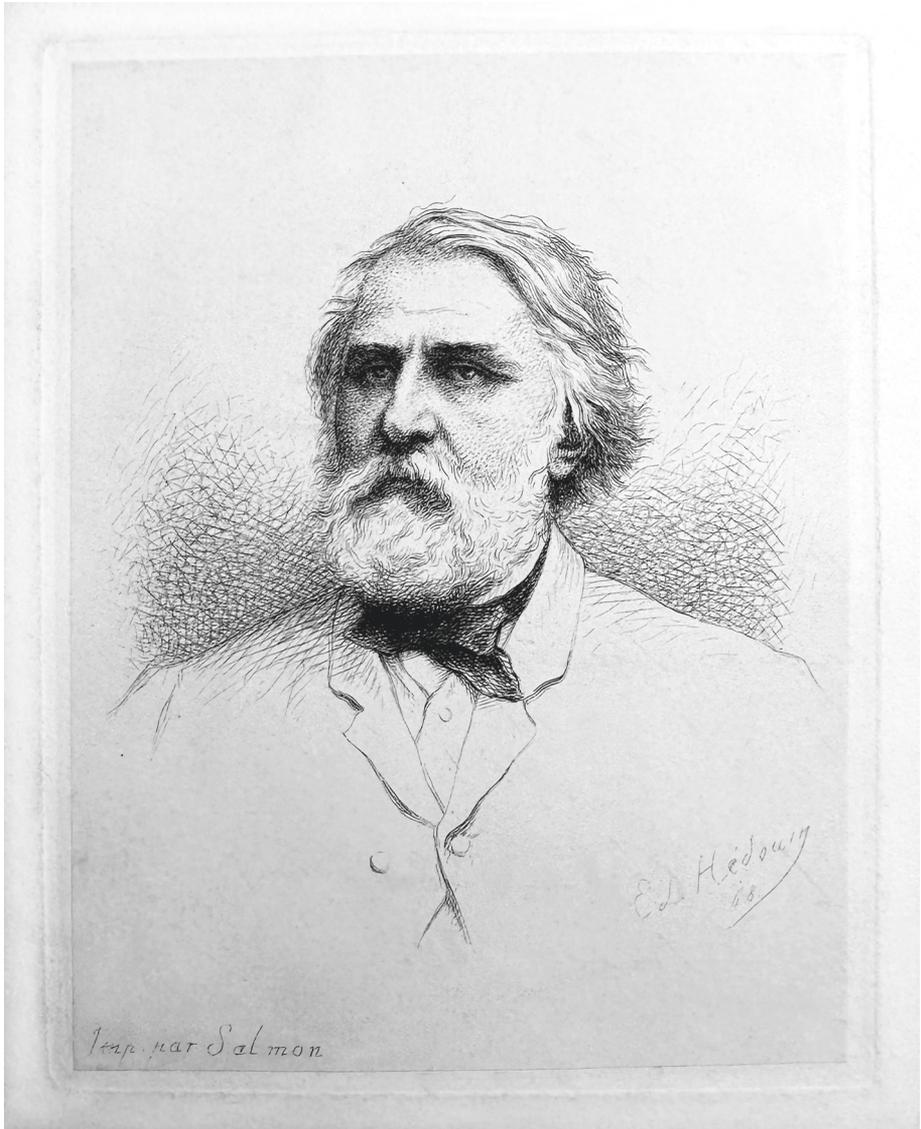
⁸⁵ Московские ведомости. 1869. № 257, 26 нояб. С. 1. Далее следовало подробное содержание всех семи томов. Отдельно указывалось, что подписчикам «выдается 1-й том». Повторы объявления см.: Там же. № 269, 11 дек. С. 2; № 277, 20 дек. С. 1.

⁸⁶ См., например, обзор Эдмона Абу в журнале «Revue des deux mondes» [About].

⁸⁷ См.: Sonnets et Eaux-fortes. Paris: Alphonse Lemerre Éditeur, 1869, без пар. Офорт Эдуена находится на л. 75. Он был воспроизведен также в обзоре, посвященном еще не вышедшей книге и опубликованном на страницах «Gazette des beaux-arts»: [Mantz, между с. 54 и 55].

⁸⁸ Офорт воспроизведен в составе статьи: [Blanc, между с. 210 и 211].

⁸⁹ «С глубокой скорбью узнали мы о смерти г. Эдмона Эдуена, скончавшегося скоропостижно за работой, в ночь с 12 на 13 января», — сообщила газета «Le Temps» 15 января н. ст. 1889 г. [Nécrologie 1889c].

И. С. Тургенев.
Офорт работы Э. Эдуена. Париж, 1868 г.

вероятнее всего, самим редактором⁹⁰, представляет собою вполне самостоятельную заметку на смерть Эдуена, а не перевод того или иного некролога из французской печати, как следовало бы ожидать. Какие-либо сведения о личных контактах Сомова и Эдуена отсутствуют, однако у нас нет сомнений в том, что таковые контакты имели место. На это указывает самый текст некролога:

«В Париже, 13 января н. ст., ум. талантливый живописец и превосходный аквафортист Эдмон *Эдуен* (Hédouin). Он род. в Булонь-сюр-Мэре в 1819 г.⁹¹, учился в Париже у Поля Делароша и Сел. Нантейля, но занялся не их родом живописи, а воспроизведением, подобно Ложе, Бретону и Милле, эпизодов сельской жизни с пейзажной обстановкою. Особенно успешно писал он сцены из народного быта Испании, природа которой передавалась его кистью с удивительною верностью. Как живописец, он получил второстепенную медаль в салоне 1844 г. и третьестепенную в 1857 г. Написанные им в 1857 г. „Собирательницы колосьев, застигнутые в поле бурей“ были куплены французским правительством и красуются в Люксембургской (так! — *В. Л., В. С.*) галерее. Вообще лучшие картины Эдуена относятся к 1844—1859 г.: к их числу принадлежат „Дровосеки в Пиренеях“, „Отдых“, „Арабская кофейня“, „Воспоминание об Испании“, „Вечер у арабов“, „Моряк“ и др. В 60-х годах написаны им, кроме многих картин в прежнем роде, четыре портрета артистов в парижском Théâtre Français и прекрасный „Вид аллеи Тюльери весною“. Но еще более важное положение во французском искусстве покойный занял своими трудами по части офорта, которым он преданся лет семнадцать тому назад. Они доставили ему в 1872 г. медаль 1-го класса и орден почетного легиона. Для „Луврской калькографии“ им воспроизведены „Купанье Дианы“ с Буше и „Отдых на охоте“ с Ш. Ванло. Когда явилась мода на украшение книг роскошными эстампами, Эдуен занял первое место среди граверов таких иллюстраций: он управлял изготовлением гравюр на темы из Евангелия по рисункам Бида и сам награвировал пять таких рисунков; им исполнены delicate гравюры к последнему изданию „Манон Леско“, к „Сантиментальному

⁹⁰ Сокращенный вариант некролога из «Художественных новостей» (1889) вошел впоследствии в статью об Эдуэне, составленную А. И. Сомовым для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. См.: [Эдуэн].

⁹¹ Согласно современным разысканиям, Эдуэн родился 16 июля н. ст. 1820 г. В некоторых французских некрологах действительно указывалось, что он родился «в 1819 г.» (см., например, «Figaro» и «Journal des débats»: [Nécrologie 1889a; 1889b]), однако другие газеты приводили более точную дату: «июль 1820 г.». Среди них «Le Temps» [Nécrologie 1889c] и «La Justice» [Nécrologie 1889d]. Ту же дату приводит в статье об Эдуэне и Анри Беральди, составитель французского справочника «Граверы XIX века», вышедшего в год смерти художника [Beraldi, p. 68].

путешествию“ Стерна, к „Исповеди“ Ж.-Ж. Руссо и, наконец, к сочинениям Мольера. За последние жюри прошлогоднего парижского салона единогласно присудило ему почетную медаль».

Любопытно, что Сомов порой дает описательные названия картинам Эдуэна. Так, например, «Сборщицы урожая в Шамбодуэне» («Glaneuses à Chambaudoin») превратились у Сомова в «Собирательниц колосьев, застигнутых в поле бурею», а «Аллея в Тюильри» («Une allée des Tuileries») получила название «Вид аллеи Тюльери весной». Не вполне верно и указание на то, что Эдуэн выступил на поприще гравера «лет семнадцать тому назад», то есть в начале 1870-х гг., между тем как это случилось значительно раньше. Показательно также, что Сомов вовсе не упоминает о портрете Тургенева.

Несмотря на незаурядный вклад Эдуэна в тургеневскую иконографию, имя французского художника в России осталось фактически неизвестным. Впрочем, и у себя на родине Эдуэн оказался довольно быстро забыт. О нем и по сей день не написано ни одной специальной статьи. Тем примечательнее, что до нас дошли три письма Тургенева, адресованные некогда знаменитому парижскому граверу.

Литература

- Битюгова — *Битюгова И. А.* Ахматова Елизавета Николаевна // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. Вып. 2. С. 262–263.
- Бодлер — *Бодлер Ш.* Об искусстве / Пер. с франц. Н. И. Столяровой и Л. Д. Липман; под ред. Ю. Н. Стефанова. М.: Искусство, 1986. 424 с.
- Виньи — *Виньи А. де.* Дневник Поэта. Письма последней любви / Пер. с франц. Е. В. Бавеской и Г. В. Копелевой; изд. подгот. Т. В. Соколова; отв. ред. А. Д. Михайлов. СПб.: Наука, 2004. 645 с.
- Дюкан — *Утраченные силы.* Роман Максима Дюкана / С предисл. И. С. Тургенева. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1868.
- Записки москвича — *Записки москвича* // Московские ведомости. 1867. № 66, 23 марта. С. 3.
- Зотов — *Зотов Вл.* Иван Сергеевич Тургенев: Статья I // Северное сияние. СПб.: Изд. В. Генкеля, 1864. Т. 3. Стб. 665–674.
- Мионов — *Мионов А. Г.* И. С. Тургенев и книгоиздательство братьев Салаевых в Москве // Книга: Исследования и материалы. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1961. Сб. 5. С. 323–356.
- Неизданные письма — *Неизданные письма И. С. Тургенева к Дю-Кану, Флоберу и Э. де Гонкуру* / Вступ. статьи André Mazon; публ. и примеч. M. Gorlin; пер. с франц. Е. Гунста // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. Т. 31–32: [Русская культура и Франция]. С. 663–706.
- Некролог — [Сомов А. И.]. Некролог: [Эдмон Эдуэн] // Художественные новости: Приложение к журналу «Вестник изящных искусств», издаваемому при Имп.

- Академии художеств под редакцией А. И. Сомова. 1889. Т. 7. № 2, 15 янв. Стб. 49–50.
- Об издании в 1868 г. — Об издании в 1868 году Собрания иностранных романов... // Голос. 1867. № 306, 5 (17) ноября. С. 3.
- Справочная книга — Справочная книга о лицах, получивших на 1869 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1869. 734 с.
- Тургенев 1862 — Отцы и дети. Соч. Ив. Тургенева. М.: Тип. В. Грачева и комп., 1862. 304 с.
- Тургенев 1865 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864) / Изд. братьев Салаевых: [В 5 т.]. Карлсруэ: Тип. В. Гаспера, 1865.
- Тургенев 1868a — Дым. Соч. Ив. Тургенева / Изд. братьев Салаевых. [1-е изд.]. М.: Тип. Грачева и К^о, [1867; на обл. 1868]. 222 с.
- Тургенев 1868b — Дым. Соч. Ив. Тургенева / Изд. братьев Салаевых. 2-е изд. М.: Тип. Грачева и К^о, 1868. 222 с.
- Тургенев 1871 — Сочинения И. С. Тургенева. Доп. том: 1868–1870 / Изд. братьев Салаевых. М.: Тип. Грачева и К^о, 1871. Ч. 8. 183 с.
- Тургенев 1933 — *Тургенев И. С.* Сочинения: [В 12 т.] / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Л.; М.: ГИХЛ, 1933. Т. 12. 756 с.
- Тургенев 1965 — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 9. 560 с.
- Тургенев, Письма — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1982–2024 (изд. продолжается).
- Тургенев, Соч. — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М.: Наука, 1978–1986.
- Утраченные письма — Утраченные письма И. С. Тургенева (1861–1870) / Сост. Е. М. Хмелевская, Н. А. Хмелевская // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л.: Наука, 1967. Вып. 3. С. 297–334.
- Эдуен — А. С—в [Сомов А.]. Эдуен (Пьер-Эдмон-Александр) // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1904. Т. 40. С. 183.
- About — Le Salon de 1869 / [Par] Edmond About // Revue des deux mondes. 1869. Т. 81. 1er juin. P. 725–758.
- Asklund — *Asklund F.* Maxime Du Camp et Gustave Flaubert: Deux écrivains au miroir de leur amitié (1840–1893): Thèse de doctorat. Orléans: Université d'Orléans, 2006. 786 p.
- Beraldi — Hédouin (Edmond) // Les graveurs du XIXe siècle: Guide de l'amateur d'estampes modernes: en 12 vol. / Par Henri Beraldi. Paris: L. Conquet, 1889. Vol. 8: Guérin — Lacoste. P. 68–74.
- Blanc — Galerie Delessert (2e et dernier article) / [Par] Charles Blanc // Gazette des beaux-arts. 1869. 1er mars. P. 201–222.
- Bruneau — *Bruneau J.* Louise Colet, Maxime Du Camp, Gustave Flaubert... et Garibaldi // Mélanges à la mémoire de Franco Simone. Genève: Editions Slatkine, 1984. Т. 3. P. 469–483.
- Burty — La gravure et la photographie en 1867 / [Par] Philippe Burty // Gazette des beaux-arts. 1867. 1re septembre. P. 252–271.
- Distribution des récompenses — Distribution des récompenses aux artistes exposants du Salon de 1868 et aux élèves de l'École impériale des beaux-arts // Le Moniteur universel. 1868. 14 août. № 227. P. 1195–1196.

- Du Camp 1855a — *Les Chants modernes* / Par Maxime Du Camp. Paris: Michel Lévy frères, 1855. 437 p.
- Du Camp 1855b — *Les Beaux-arts à l'Exposition universelle de 1855* / [Par] Maxime Du Camp. Paris: Librairie Nouvelle, 1855. 448 p.
- Du Camp 1867a — *Les Beaux-arts à l'Exposition universelle*. — *Les écoles étrangères et l'école française contemporaines* / [Par] Maxime Du Camp // *Revue des deux mondes*. 1867. T. 70. 1er juillet. P. 113–146.
- Du Camp 1867b — *Les Beaux-arts à l'Exposition universelle et aux Salons de 1863, 1864, 1865, 1866 & 1867* / [Par] Maxime Du Camp. Paris: Ve Jules Renouard, 1867. 352 p.
- Du Camp 1867c — *Les Forces perdues* / Par Maxime Du Camp. Paris: Michel Lévy frères, libraires éditeurs, 1867. 313 p.
- Du Camp 1906 — *Du Camp M. Souvenirs littéraires*. 3ème éd. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1906. 2 tomes. 407 + 401 p.
- Du Camp 1978 — Maxime Du Camp. *Lettres inédites à Gustave Flaubert* / Introduzione e note di Giovanni Bonaccorso e Rosa Maria di Stefano. Messina: Edas, 1978. 385 p.
- Finot — *Finot A. Maxime Du Camp (avec les documents inédits)*. Paris, 1949. 81 p. (Les amis de Flaubert).
- Flaubert — *Œuvres complètes de Gustave Flaubert. Correspondance. Nouvelle édition augmentée. Cinquième série (1862–1868)*. Paris: Louis Conard, 1929. 437 p.
- Flaubert. *Correspondance* — Gustave Flaubert. Edition de la Correspondance. URL: <https://flaubert.univ-rouen.fr/correspondance/>
- Hock — *Hock E. Th. Ivan S. Turgenews «Karlsruher Ausgabe», die russische Druckerei des F. W. Hasper in Karlsruhe und die Mitwirkung des Ch. Ph. Reiff* // *Zeitschrift für Slawistik*. 1971. Bd. 16, H. 3. S. 407–418.
- Inizan — *Inizan Ch. L'illustration d'art: de la taille-douce à la litho, deux exemples parisiens* // *Livraisons d'histoire de l'architecture*. 2006. N° 11. P. 83–94.
- Lemoine — [Le «Journal d'un Poète» d'Alfred de Vigny] / [Par] John Lemoine // *Journal des débats*. 1867. 17 janvier. P. 3.
- Leroy 1866 — *Les artistes chez eux: Edmond Hédouin* / [Par] Louis Leroy // *Le Charivari*. 1866. 11 novembre. P. 2.
- Leroy 1868 — *Courrier artistique* / [Par] Louis Leroy // *Le Charivari*. 1868. 28 février. P. 2.
- Les Saints Evangiles — *Les Saints Evangiles*. 2 tomes / Trad. de Bossuet; dessins de M. Bida, gravés à l'eau-forte sous la direction de M. Ed. Hédouin. Paris: Hachette et Cie, 1873. T. 1: *Evangiles selon Saint Matthieu et Saint Marc*. 155 p; T. 2: *Evangiles selon Saint Luc et Saint Jean*. 174 p.
- Mantz — *Sonnets et eaux-fortes* / [Par] Paul Mantz // *Gazette des beaux-arts*. 1869. 1er janvier. P. 53–60.
- Nécrologie 1889a — [Nécrologie: Edmond Hédouin] // *Le Figaro*. 1889. N° 14, 14 janvier. P. 1.
- Nécrologie 1889b — Nécrologie: Edmond Hédouin // *Journal des débats*. 1889. 14 janvier. P. 3.
- Nécrologie 1889c — Nécrologie: Edmond Hédouin // *Le Temps*. 1889. N° 10117, 15 janvier. P. 3.
- Nécrologie 1889d — Nécrologie: Edmond Hédouin // *La Justice*. 1889. N° 3289, 15 janvier. P. 3.
- Parturier 1931 — *Parturier M. Autour de Mérimée: «Les Forces perdues» et «l'Education sentimentale»* // *Bulletin du bibliophile et du bibliothécaire*. 1931. 20 novembre. P. 487–492; 20 décembre. P. 533–539.
- Parturier 1947 — *Parturier M. Ivan Tourguéniev et Maxime Du Camp (Documents inédits)* // *Revue de littérature comparée*. 1947. N° 4. P. 564–587.

- Salon de 1846 — Salon de 1846 / [Par] Baudelaire Dufaÿs. Paris: Michel Lévy frères, 1846. XI, 132 p.
- Salon de 1867 — Salon de 1867: Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture, gravure et lithographie des artistes vivants exposés au Palais des Champs-Élysées le 15 avril 1867. Paris: Charles de Mourgues frères, 1867. 406 p.
- Salon de 1868 — Salon de 1868: Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture, gravure et lithographie des artistes vivants exposés au Palais des Champs-Élysées le 1er mai 1868. Paris: Charles de Mourgues frères, 1868. 576 p.
- Salon de 1869 — Salon de 1869: Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture, gravure et lithographie des artistes vivants exposés au Palais des Champs-Élysées le 1er mai 1869. Paris: Charles de Mourgues frères, 1869. 629 p.
- Suffel — *Suffel J.* Quelques remarques sur la correspondance de Gustave Flaubert et de Maxime Du Camp // *Essais sur Flaubert*. En l'honneur du professeur Don Demorest / [Ed. par] Ch. Carlut. Paris: A.-G. Nizet, 1979. P. 53–61.
- Suffel, Ziegler — *Suffel J., Ziegler J.* Gustave Flaubert, Maxime Du Camp et Adèle Husson // *Bulletin du bibliophile*. 1978. T. 3. P. 388–398.
- Vigny 1948 — *Vigny A. de Œuvres complètes / Texte présenté et commenté par F. Baldensperger*. Paris: Librairie Gallimard, 1948. [T. 1–2]. 1398 p.
- Vigny 1866 — *Vigny A. de. Le Journal d'un Poète / [Recueilli et publié par] Louis Ratisbonne // Revue moderne*. 1866. T. 37. 1 avril. P. 5–59; 1 juin. P. 551–567; T. 38. 1 septembre. P. 385–414; T. 39. 1 octobre. P. 5–36.
- Vigny 1867 — *Vigny A. de. Journal d'un Poète / Recueilli et publié sur des notes intimes d'Alfred de Vigny par Louis Ratisbonne*. Paris: Michel Lévy frères, 1867. 307 p.
- Waddington, Montreynaud — *Waddington P., Montreynaud Fl.* A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854–1885. Wellington, New Zealand, 1980. [28 p.].

References

- About, Ed. (1869). 'Le Salon de 1869', *Revue des deux mondes*, 81 (1er juin), 725–758.
- Anon. (1868). 'Distribution des récompenses aux artistes exposants du Salon de 1868 et aux élèves de l'École impériale des beaux-arts', *Le Moniteur universel*, 14 août, 227, 1195–1196.
- Anon. (1889). '[Nécrologie: Edmond Hédouin]', *Le Figaro*, 14 janvier, 14, 1.
- Anon. (1889). 'Nécrologie: Edmond Hédouin', *Journal des débats*, 14 janvier, 3.
- Anon. (1889). 'Nécrologie: Edmond Hédouin', *La Justice*, 15 janvier, 3289, 3.
- Anon. (1889). 'Nécrologie: Edmond Hédouin', *Le Temps*, 15 janvier, 10117, 3.
- Anon. (1867). 'Ob izdaniï v 1868 godu Sobraniya inostrannykh romanov...', *Golos*, November 5 (17), 310, 4.
- Anon. (1867). 'Zapiski moskvicha', *Moskovskie vedomosti*, March 23, 66, 3.
- Asklund, F. (2006). *Maxime Du Camp et Gustave Flaubert: Deux écrivains au miroir de leur amitié (1840–1893)*. Thèse de doctorat. Orléans: Université d'Orléans, 786 p.
- Baudelaire, Ch. (1986). *Ob iskusstve*, transl. from French by N. I. Stolyarova, L. D. Lipman, ed. Yu. N. Stefanov. Moscow: Iskusstvo, 424 p.
- Beraldi, H. (1889) 'Hédouin (Edmond)', in: *Les graveurs du XIXe siècle: Guide de l'amateur d'estampes modernes: en 12 vols*. Paris: L. Conquet. Vol. 8, 68–74.

- Bitugova, I. A. (2011). 'Akhmatova Elizaveta Nikolaevna', in: N. P. Generalova, V. A. Lukina, eds., *I. S. Turgenev: Novye issledovaniya i materialy*. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo. Vol. 2, 262–263.
- Blanc, Ch. (1869). 'Gallérie Delessert (2e et dernier article)', *Gazette des beaux-arts*, 1er mars, 201–222.
- Bruneau, J. (1984). 'Louise Colet, Maxime Du Camp, Gustave Flaubert... et Garibaldi', in: *Mélanges à la mémoire de Franco Simone*. Genève: Editions Slatkine. Vol. 3, 469–483.
- Burty, Ph. (1867). 'La gravure et la photographie en 1867', *Gazette des beaux-arts*, 1er septembre, 252–271.
- Du Camp, M. (1855). *Les Beaux-arts à l'Exposition universelle de 1855*. Paris: Librairie Nouvelle, 448 p.
- Du Camp, M. (1855). *Les Chants modernes*. Paris: Michel Lévy frères, 437 p.
- Du Camp, M. (1867). *Les Beaux-arts à l'Exposition universelle et aux Salons de 1863, 1864, 1865, 1866 & 1867*. Paris: Ve Jules Renouard, 352 p.
- Du Camp, M. (1867). 'Les Beaux-arts à l'Exposition universelle. — Les écoles étrangères et l'école française contemporaines', *Revue des deux mondes*, 70 (1er juillet), 113–146.
- Du Camp, M. (1867). *Les Forces perdues*. Paris: Michel Lévy frères, 313 p.
- Du Camp, M. (1868). *Utrachennyye sily*, s predisloviem I. S. Turgeneva. Saint Petersburg: Tipografiya I. I. Glazunova.
- Du Camp, M. (1906). *Souvenirs littéraires*. 2 vols. 3ème éd. Paris: Librairie Hachette et Cie, 407 + 401 p.
- Du Camp, M. (1978). *Lettres inédites à Gustave Flaubert*. Introduzione e note di Giovanni Bonaccorso e Rosa Maria di Stefano. Messina: Edas, 385 p.
- Finot, A. (1949). *Maxime Du Camp (avec les documents inédits)*. Paris: [s. n.], 81 p.
- Flaubert, G. *Edition de la Correspondance*. <https://flaubert.univ-rouen.fr/correspondance/>
- Flaubert, G. (1929). *Œuvres complètes de Gustave Flaubert. Correspondance. Nouvelle édition augmentée. 5ème série (1862–1868)*. Paris: Louis Conard, 437 p.
- Hock, E. Th. (1971). 'Ivan S. Turgenevs «Karlsruher Ausgabe», die russische Druckerei des F. W. Hasper in Karlsruhe und die Mitwirkung des Ch. Ph. Reiff', *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 16, 3, 407–418.
- Inizan, Ch. (2006). 'L'illustration d'art: de la taille-douce à la litho, deux exemples parisiens', *Livraisons d'histoire de l'architecture*, 11, 83–94.
- Khmelevskaya, E. M., Khmelevskaya, N. A. (1967). 'Utrachennyye pis'ma I. S. Turgeneva (1861–1870)', in: *Turgenevskii sbornik: Materialy k Polnomu sobraniyu sochinenii i pisem I. S. Turgeneva*. Leningrad: Nauka. Vol. 3, 297–334.
- Lemoine, J. (1867). '[Le «Journal d'un Poète» d'Alfred de Vigny]', *Journal des débats*, 17 janvier, 3.
- Leroy, L. (1866). 'Les artistes chez eux: Edmond Hédouin', *Le Charivari*, 11 novembre, 2.
- Leroy, L. (1868). 'Courrier artistique', *Le Charivari*, 28 février, 2.
- Les Saints Evangiles* (1873), trad. de Bossuet; dessins de M. Bida, gravés à l'eau-forte sous la direction de M. Ed. Hédouin. Paris: Hachette et Cie. 2 tomes. T. 1. Evangiles selon Saint Matthieu et Saint Marc, 155 p; T. 2. Evangiles selon Saint Luc et Saint Jean, 174 p.
- Mantz, P. (1869). 'Sonnets et eaux-fortes', *Gazette des beaux-arts*, 1er Janvier, 53–60.

- Mazon, A. et al. (1937). 'Neizdannye pis'ma I. S. Turgeneva k Dyu-Kanu, Floberu i E. de Gonkuru', in: *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie. Vol. 31–32, 663–706.
- Mironov, A. G. (1961). 'I. S. Turgenev i knigoizdatel'stvo brat'ev Salaevykh v Moskve', in: *Kniga: Issledovaniya i materialy*. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoi knizhnoi palaty. Vol. 5, 323–356.
- Parturier, M. (1931). 'Autour de Mérimée: «Les Forces perdues» et «l'Education sentimentale»', *Bulletin du bibliophile et du bibliothécaire*, 20 novembre, 487–492; 20 décembre, 533–539.
- Parturier, M. (1947). 'Ivan Tourguéniev et Maxime Du Camp (Documents inédits)', *Revue de littérature comparée*, 4, 564–587.
- Salon de 1846*, [par] Baudelaire Dufaÿs. Paris: Michel Lévy frères, XI, 132 p.
- Salon de 1867: Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture, gravure et lithographie des artistes vivants exposés au Palais des Champs-Élysées le 15 avril 1867* (1867). Paris: Charles de Mourgues frères, 406 p.
- Salon de 1868: Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture, gravure et lithographie des artistes vivants exposés au Palais des Champs-Élysées le 1er mai 1868* (1868). Paris: Charles de Mourgues frères, 576 p.
- Salon de 1869: Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture, gravure et lithographie des artistes vivants exposés au Palais des Champs-Élysées le 1er mai 1869* (1869). Paris: Charles de Mourgues frères, 629 p.
- [Somov, A. I.] (1889). 'Nekrolog: [Edmon Eduen]', *Khudozhestvennye novosti*. Vol. 7, 2, January 15, col. 49–50.
- [Somov, A. I.] (1904). 'Eduen (P'er-Edmon-Aleksandr)', in: *Entsiklopedicheskii slovar'*. Saint Petersburg: Izdanie F. A. Brokgauza, I. A. Efrona. Vol. 40, p. 183.
- Spravochnaya kniga o litsakh, poluchivshikh na 1869 god kupecheskie svidetel'stva po 1 i 2 gil'diyam v Moskve* (1869). Moscow: Pechatnaya S. P. Yakovleva, 734 p.
- Suffel, J. (1979). 'Quelques remarques sur la correspondance de Gustave Flaubert et de Maxime Du Camp', in: Ch. Carlut, ed., *Essais sur Flaubert. En l'honneur du professeur Don Demorest*. Paris: A.-G. Nizet, 53–61.
- Suffel, J., Ziegler, J. (1978). 'Gustave Flaubert, Maxime Du Camp et Adèle Husson', *Bulletin du bibliophile*, 3, 388–398.
- Turgenev, I. S. (1862). *Ottsy i deti*. Moscow: Tipografia V. Gracheva i komp., 304 p.
- Turgenev, I. S. (1865). *Sochineniya (1844–1864)*. 5 vols. Karlsruhe: Izdanie brat'ev Salaevykh. Tipografiya V. Gaspera.
- Turgenev, I. S. (1868). *Dym*, Izdanie brat'ev Salaevykh. [1st ed.]. Moscow: Tipografiya Gracheva i K^o, 222 p.; 2st ed. Moscow: Tipografiya Gracheva i K^o, 222 p.
- Turgenev, I. S. (1871). *Sochineniya. Dopolnitel'nyi tom: 1868–1870*. Moscow: Izdanie brat'ev Salaevykh. Vol. 8, 183 p.
- Turgenev, I. S. (1933). *Sochineniya*. 12 vols, eds. K. Khalabaev, B. Eikhenbaum. Leningrad; Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 12, 756 p.
- Turgenev, I. S. (1965). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 28 vols. *Sochineniya*. 15 vols. Moscow; Leningrad: Nauka. Vol. 9, 560 p.
- Turgenev, I. S. (1978–1986). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 30 vols. *Sochineniya*. 12 vols. Moscow: Nauka.
- Turgenev, I. S. (1982–2024). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 30 vols. *Pis'ma*. 18 vols. Moscow: Nauka. [Publ. continues].

- Vigny, A. de (1948). *Œuvres complètes*. Texte présenté et commenté par F. Baldensperger. 2 vols. Paris: Librairie Gallimard. 1398 p.
- Vigny, A. de (1866). 'Le Journal d'un Poète', [recueilli et publié par] Louis Ratisbonne, *Revue moderne*, 37, 1 avril, 5–59; 1 juin, 551–567; 38, 1 septembre, 385–414; 39, 1 octobre, 5–36.
- Vigny, A. de (1867). *Journal d'un Poète*, recueilli et publié sur des notes intimes d'Alfred de Vigny par Louis Ratisbonne. Paris: Michel Lévy frères, 307 p.
- Vigny, A. de (2004). *Dnevnik Poeta. Pis'ma poslednei lyubvi*, transl. from French by E. V. Baevskaya, G. V. Kopeleva, compiled by T. V. Sokolova, ed. A. D. Mikhailov. Saint Petersburg: Nauka, 645 p.
- Waddington, P, Montreynaud, Fl. (1980). *A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854–1885*. Wellington, New Zealand, [28 p.].
- Zotov, V. R. (1864). 'Ivan Sergeevich Turgenev. Stat'ya I', *Severnoe siyanie*. Saint Petersburg: V. Genkel'. Vol. 3, col. 665–674.

Н. Ю. Грякалова

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФОНЕ:
К ПУБЛИКАЦИИ РЕЦЕНЗИЙ НА ОЧЕРК А. А. БЛОКА
«ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ»
ИЗ АРХИВА ДОМА ЛИТЕРАТОРОВ

Резюме

В статье, предваряющей публикацию двух ранее неизвестных рецензий на отдельное издание очерка А. А. Блока «Последние дни императорской власти» (1921) из архива Дома литераторов, представлены биографические сведения о рецензентах — историке А. Н. Шебунине и литераторе П. К. Губере. Реконструирована их общественная позиция и политические взгляды на революционные события 1917 г., прослежена их дальнейшая судьба в 1920–1930-е гг. Статья основана на архивных материалах и восполняет существующие лакуны в творческой и личной биографии ученого и писателя. Публикуемые рецензии вписаны в исторический контекст и в круг посмертной рецепции творчества Александра Блока.

Ключевые слова: очерк, рецензия, Февральская революция, история, государство, политика, биография, Александр Блок, А. Н. Шебунин, П. К. Губер

Nataliya Ju. Gryakalova

A DOUBLE PORTRAIT AGAINST A HISTORICAL
BACKGROUND: A COMMENTARY ON THE PUBLICATION
OF TWO REVIEWS OF ALEXANDER BLOK'S ESSAY
"THE LAST DAYS OF THE EMPEROR'S POWER"
FROM THE ARCHIVE OF THE DOM LITERATOROV

Abstract

This article introduces a publication of two previously unknown reviews of a separate edition of Alexander Blok's essay "The Last Days of the Emperor's Power" (1921). The reviews were

© Н. Ю. Грякалова, 2024

found in the archive of the Dom Literatorov, which is now part of the Department of Manuscripts of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) in St. Petersburg. The article presents biographical information about the reviewers—the historian Andrei N. Shebunin and the writer Petr K. Guber. It reconstructs their social position and political views on the revolutionary events of 1917 and traces their subsequent life in the 1920s and 1930s. The study, which is based on archival materials, fills gaps in our knowledge of the creative and personal biographies of the scholar and the writer. The published reviews are considered in the historical context of the time when they were written and against the background of the posthumous reception of Alexander Blok's work.

Keywords: essay, review, February Revolution, history, state, politics, biography, Alexander Blok, Andrei N. Shebunin, Petr K. Guber

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-216-237

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, в архиве Дома литераторов¹, среди материалов, по разным обстоятельствам не дошедших до печати, отложились две рецензии на историко-документальный очерк Александра Блока «Последние дни императорской власти», вышедший отдельной книгой в петроградском издательстве «Алконост» поздней осенью 1921 г., уже после смерти поэта².

Автор одной из них — профессиональный историк, выпускник Санкт-Петербургского университета (1912), Андрей Николаевич Шебунин (1887—1942), чьи научные интересы были связаны с политической историей России в царствование Александра I, в первую очередь с историей декабристского движения и идеологией либерализма (см.: [Сироткин; Жуковская

¹ РО ИРЛИ. Ф. 98. Всесторонний обзор деятельности петроградского Дома литераторов (1918–1922), история формирования и структура его архива, как и литература вопроса, даны в работе: [Кукушкина 2003].

² Очерк, составленный по материалам Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) при Временном правительстве, где Блок занимал должность литературного редактора стенограмм допросов следственных лиц из числа царских министров, сановников, приближенных императорского двора, вышел впервые осенью 1920 г. в журнале «Былое» (текст с семью приложениями был передан в редакцию в конце декабря 1918 г.) под заглавием «Последние дни старого режима» [Блок 1919]. Оно было предложено Е. В. Тарле как название одного из разделов Отчета (доклада) ЧСК Учредительному собранию; составление раздела было поручено Блоку, работа была начата в августе 1917 г. и завершена 3 апреля 1918 г. (см.: [Иванова 2012, с. 76–86]). Заглавие изменено Блоком при подготовке отдельного издания очерка, где были также впервые опубликованы документы из материалов ЧСК (анонсированные редакцией «Былого» для следующих книжек журнала; они в них так и не появились): шесть были представлены в Приложениях, один — телеграмма генерала Ф. А. Келлера Николаю II (без имени отправителя) — в завершении повествования, как его заключительный аккорд [Последние дни 1921]. В новейшее время издание очерка в полном объеме было осуществлено только в 2012 г. [Последние дни 2012].

2003]]³. Второй рецензент — Петр Константинович Губер (псевд. П. Ф. Арзубьев; 1886—1941), либеральный публицист, критик, переводчик, беллетрист, относивший начало своей литературной деятельности к 1910 г.⁴ Различие между историком и литератором сказалось и в оценке рецензируемого ими текста. Первый, выдерживая объективистский тон, в большей степени сосредоточен на выявлении исторической значимости и подлинности публикуемых Блоком материалов — не случайно он, как и многие авторы печатных отзывов, ставит в упрек составителю отсутствие указания на источники приводимых документов. Второй, не скрывая личного отношения к «старому режиму», склонен к истолкованию репрезентируемых документами фактов, признавая «игру случайностей» в «сплетении событий», их «надысторический» смысл, который не обнаруживается «позитивным исследованием». Показательно, что завершается отзыв ссылкой на «современные диалоги» С. Н. Булгакова («На пиру богов») и почти дословным повторением слов одного из персонажей о «мистическом заговоре», связавшем Россию⁵.

Оба рецензента, выходцы из дворянского сословия, принадлежали к поколению «свидетелей великой эпохи»⁶, склонному к исторической рефлексии, и оба, в подтверждение максимы о «революции, пожирающей своих детей»⁷,

³ Основные биографические сведения и список научных трудов приведены в автобиографии «Curriculum vitae Андрея Николаевича Шебунина», датированной 13 октября 1935 г. (ОР РНБ. Ф. 849 (А. Н. Шебунин). Ед. хр. 51).

⁴ См., например, анкеты члена Ленинградского отделения Союза писателей (ЛО СП) за 1929 и 1931 гг.: РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 453, 460. Интересно, что именно к этому году относится литературная мистификация — сборник стихов «Голова Медузы» (СПб.: Богема, 1910), изданный совместно с однокашником по Политехническому институту Николаем Шубным под коллективным псевдонимом Аркадий Фырин; подлинные фамилии авторов были зашифрованы в акrostихе, см.: [Тименчик, с. 161–163].

⁵ Ср. в «Диалоге втором» высказывание Беженца о современных событиях: «Словно исполняется какой-то не раскрывшийся еще до конца план или заговор. (...) я не могу отделаться от той мысли, что здесь действует и какая-то невидимая рука, которой нужно связать Россию, осуществляется какой-то мистический заговор...» [Булгаков, с. 312, 313].

⁶ Ср. запись Блока от 14 апреля 1917 г.: «Я не имею ясного взгляда на происходящее, тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей *слабой силой*) я художник, т. е. свидетель» [Блок 1965, с. 316]. Приподнятое настроение Блока и желание «послужить демократии» отражают его письма к матери за март — начало мая 1917 г. [Письма к родным, с. 335–354]. Об эволюции взглядов Блока «от Февраля к Октябрю» см.: [Иванова 2017].

⁷ Слова Пьера Верньо, лидера жирондистов, гильотинированного после суда над ними, отчеркнуты Блоком двумя чертами в его экземпляре книги Т. Карлейля «Французская революция» (библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/92) в следующем фрагменте: «Сколько прекрасных геройских душ послано в царство теней и сами жирондисты отданы на добычу псам и разным птицам! Но и здесь также исполнилась Высшая Воля, как сказал Верньо: „Революция, подобно Сатурну, пожирает своих собственных детей“» [Карлейль, с. 533].

в годы массовых репрессий оказались в жерновах политического террора, и их имена надолго были вычеркнуты из истории отечественной науки и культуры. Как и бóльшая часть русской либерально-демократической интеллигенции, они с воодушевлением встретили «мартовские дни» и видели в свержении монархии результат закономерного хода истории, независимо от того, в марксистском (Шебунин) или провиденциально-идеалистическом (Губер) ключе этот «приговор истории» понимался.

Февральская революция вернула Шебунина, участника студенческого движения, члена меньшевистской фракции РСДРП, из енисейской ссылки в столицу. Здесь он вошел в меньшевистскую группу Г. В. Плеханова «Единство» — этот политический выбор сыграет фатальную роль в его судьбе [Жуковская 2021, с. 234], сотрудничал в ежедневной прессе, преподавал в средних учебных заведениях и, имея еще дореволюционный опыт историко-архивной работы, в частности, с приобретенным Петербургской Академией наук архивом братьев Тургеневых⁸, участвовал в разборе рукописных собраний и личных библиотек членов императорской семьи и царственных особ (см.: [Биографический словарь историков]). Записи дневникового характера за февраль — март 1917 г. его жены, Л. Г. Чарномской, свидетельствуют о царившей в семье атмосфере сочувствия антимонархическим выступлениям в Петрограде⁹.

Петр Губер, сын генерала русской армии¹⁰, получил высшее образование в Санкт-Петербургском политехническом институте по экономическому отделению (1909), согласно автобиографическому свидетельству, «с 1910 начал заниматься литературой, как профессией, и одновременно учился на историко-филологическом факультете Петербургского Университета, но курса там не кончил»¹¹. Ушел на фронт Первой мировой войны по линии Красного Креста, служил переводчиком в штабе 6-й армии. Под псевдонимом

⁸ Эти архивные штудии определили его дальнейший многолетний интерес к личности и деятельности декабриста Н. И. Тургенева в контексте русского либерализма.

⁹ ОР РНБ. Ф. 849 (А. Н. Шебунин). Ед. хр. 344.

¹⁰ О генерал-лейтенанте интендантской и санитарной службы Константине Петровиче Губере (1886–1916) см.: [Военная энциклопедия, с. 522].

¹¹ Биография приложена к заявлению П. К. Губера на имя Е. П. Пешковой от 25 октября 1935 г. с просьбой об изменении условий административной ссылки в г. Астрахань, куда он был отправлен вместе с семьей (женой и дочерью) на пять лет (см.: [Книга памяти]). В биографических справках на различных информационных ресурсах указывается обучение на юридическом факультете и дата его окончания 1914 г. Однако ни в одной из просмотренных анкет и анкетных списков из фонда Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей (РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 39, 453, 460) не отмечено наличие второго, гуманитарного образования, что было бы ожидаемо в подобных документах.

П. Ф. Арзубьев издал очерковые зарисовки с Западного фронта [Арзубьев 1915], выдерживающие сопоставление с известными «Записками кавалериста» Н. Гумилева. Накануне революции возвратился в Петроград, где занял должность помощника коменданта Биржи труда, затем — разъездного корреспондента Петроградского телеграфного агентства [Репрессированные политехники, с. 214], в качестве такового сопровождал А. Ф. Керенского, военного министра и главнокомандующего, в поездке по Северному фронту в мае 1917 г.¹² Кстати, в анкете ЛО СП 1929 г. он не скрыл своего отношения к событиям 1917 г. и на вопрос об «участии в революционном движении и в общественной жизни» ответил: «Принимал активное участие в Февральской революции в Петербурге»¹³.

Нет документальных подтверждений того, как Шебунин, социалист-меньшевик, убежденный «либералист», отнесся к Октябрьскому перевороту, однако понятно, что любые публичные выступления в большевистском политическом поле для него были закрыты. Позиция Губера, беспартийного, но по своим политическим воззрениям тяготевшего к конституционным демократам, обозначена весьма определенно: его публицистические выступления на страницах кадетской газеты «Наш век» (бывшая «Речь»), выдержанные в саркастической стилистике, свидетельствуют о последовательном неприятии большевизма и как идеологии, и как проявления «первобытной психологии». «Наш большевизм самобытен», популярен в народе благодаря своей «недоброй мистике», близок к хлыстовству, но он «должен быть изжит», — рассуждал критик в статье «Старый мир», эпиграфом к которой взял соответствующие строки из поэмы «Двенадцать» А. А. Блока — «одного из внезапных большевиков наших» [Арзубьев 1918b]¹⁴. Под риторическим прицелом критика — «скифство» интеллигенции, близкой к левоэсеровским кругам (Блока, А. Белого, Есенина, Клюева), о чем свидетельствует его отзыв о двух выпусках альманаха «Скифы» (1917–1918): в статье под метафорическим названием «Пифийская расщелина» автор сравнивал отравляющее идеологическое влияние большевизма с ядовитыми парами, исходящими из жерла вулкана, а Блока и Андрея Белого, вещающих подобно древнегреческой Пифии, причислял «к тем поэтам, которые тянутся к серному, наркотическому

¹² См.: [Арзубьев 1917]; републ.: [Керенский, с. 119–233].

¹³ РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 453. Л. 34.

¹⁴ Блок отметил в записной книжке в день выхода газеты: «Арзубьев в „Речи“ обо мне» [Блок 1965, с. 394].

пару, встающему над трещиной», что представляет опасность для их творческого мировосприятия [Арзубьев 1918a]¹⁵.

В отличие от Шебунина, для которого обращение к очерку Блока было продиктовано исключительно интересом историка и современника и, судя по имеющимся данным, явилось фактом единичным, Губер, помимо названных заметок, выступил уже после смерти поэта с несколькими статьями концептуального характера. К тому же он, пусть отдаленно, был знаком с Блоком лично: оба сотрудничали в многочисленных литературных организациях революционной поры — «Всемирной литературе», Доме литераторов, профессиональном Союзе писателей¹⁶ и пр. Признание таланта Блока абсолютно: это «первый лирический поэт нашей эпохи» и, более того, «самый искренний из современных мыслителей» [Губер 1921a, с. 13]. Отвергая наметившуюся в партийной прессе тенденцию к «посмертной канонизации Блока в качестве певца пролетариата», критик акцентировал мистическую составляющую творчества поэта-символиста, применив одним из первых гностический миф о низведении Мировой Души с небес на землю как принцип истолкования образных рядов от Прекрасной Дамы к Революции. Но Революцию, по мнению критика, поэт приветствовал исключительно «под знаком Смерти»: поэта эстетически прельщал «период социального распада» — процесс же «*обмирщения* революционной стихии» обрек его на очередное разочарование и творческий кризис. «Эстет и аристократ до кончиков ногтей, он брезгливо отвернулся от прозы истории...» — таков финальный аккорд статьи, автор которой ставил себе цель выявить «психологические основания» революционных настроений поэта в «сверхисторической» перспективе [Губер 1921b]. Наконец, в канун годовщины со дня смерти поэта Губер публикует развернутое эссе, посвященное анализу гражданских мотивов в поэзии Блока [Губер 1922]. Связь между мистикой и политикой, пророческий смысл цикла «На поле Куликовом», «выстраданность» мировоззрения Блока, слияние национального и эротического чувства и понятие «патриотического эроса» — подобные смысловые акценты выделяли «антимарксистскую» интерпретацию блоковской лирики на фоне массовой литературной критики начала 1920-х гг., становившейся

¹⁵ Ср. запись Блока: «В „Речи“ — предостерегающая (нас с А. Белым) статья Арзубьева „Пифийская расщелина“» [Блок 1965, с. 386].

¹⁶ Губер состоял членом Всероссийского профессионального союза писателей с момента его образования в 1920 г., входил в Правление Петроградского отделения СП, см.: РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 39. См. также: [Кукушкина 2006].

все более политически и идеологически ангажированной¹⁷. Такие «несвоевременные мысли» могли быть высказаны только на страницах либеральных изданий, в данном случае — периодики Дома литераторов, где Губер выступал как постоянный автор и рецензент (см.: [Аннотированный указатель]).

Однако труды и дни Дома литераторов близились к своему финалу. 1922 год отмечен в истории Советской России прежде всего двумя крупномасштабными политическими акциями — публичным судебным процессом над правыми эсерами, проходившим в Москве с 8 июня по 7 августа, и массовой высылкой оппозиционной интеллигенции (сентябрь — ноябрь). В директивном письме председателя Совнаркома В. И. Ленина к И. В. Сталину от 16 июля 1922 г., где анонсировался план ближайших действий, в соответствующем контексте упоминались и «авторы Дома литераторов»:

«т. Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков, н(ародных) с(оциалист)ов, кадетов и т(ому) п(одобных) я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас.

Решительно „искоренить“ всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда? Петрищева и др(угих). По-моему всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее.

Тоже А. Н. Потресов, Изгоев и все сотрудники „Экономиста“ <...> Комиссия <...> должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго. <...>

Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!

Всех авторов „Дома литераторов“, питерской „Мысли“ <...> Чистить надо быстро, не позже конца процесса эсеров.

Обратите внимание на литераторов в Питере <...> и на список частных издательств <...>.

С к(оммунистическим) прив(етом) Ленин» [Неизвестные документы, с. 544–545]¹⁸.

¹⁷ Так, например, из зафиксированных библиографическим указателем восьми печатных откликов на посмертное издание «Последних дней императорской власти» все, за исключением отзыва М. М. Пришвина и информации в «Жизни искусства», либо принадлежали партийным журналистам (Б. Гореву-Гольдману, К. Шелавину, И. Книжнику-Ветрову, Г. Лелевичу), либо были опубликованы в официальных печатных органах (отзывы В. Н. Сторожева и А. Лаврецкого), см.: [Библиографический указатель, с. 160–161].

¹⁸ Свод документов, а также полный список высылаемых лиц согласно Постановлению Политбюро ЦК РКП(б) от 10 августа 1922 г. см.: [К истории высылки интеллигенции]. Отметим, что в «Списке питерских литераторов» неверно указана фамилия В. Я. Ирецкого (в документе: «49. Герецкий»).

С печально знаменитым «философским пароходом» или другим путем были депортированы в административном порядке бессменные руководители Дома литераторов, управляющие делами, редакторы и авторы издаваемых под его эгидой журналов: Б. И. Харитон, Н. М. Волковыский, В. Б. Петрищев, В. Я. Ирецкий¹⁹ и другие. Не получивший разрешения на перерегистрацию Дом литераторов той же осенью был закрыт. На № 3, вышедшем 1 августа, прекратили свое существование и «Литературные записки» (редактор Б. И. Харитон). В редакционном портфеле журнала отложились десять рецензий Губера, готовившихся к опубликованию²⁰, в том числе и на «Последние дни императорской власти». Рецензия Шебунина на блоковский очерк, возможно, предназначалась для «Вестника литературы» или «Летописи Дома литераторов», но, как и его статья «Достоевский и политика» (1921)²¹, не успела увидеть свет.

В дальнейшем судьбы героев нашего очерка, при всем своеобразии творческой индивидуальности каждого, различии профессиональной направленности их интересов и политических симпатий, оказались близки своей трагичностью. Научная карьера Шебунина (в 1926–1928 — доцент Ленинградского университета, с 1928 — научный сотрудник НИИ РАНИОН, автор содержательных публикаций, в том числе в изданиях Академии наук)²², разносторонне одаренного ученого, была прервана арестом в октябре 1929 г. по сфабрикованному ОГПУ «Академическому делу 1929–1931 гг.», жертвой которого стали десятки ученых, в числе которых академики С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский (см.: [Академическое дело]). В процессе судопроизводства к нему было присоединено так называемое дело «кружка молодых историков» — неформального объединения, участником которого Шебунин состоял в 1921–1923 гг. Н. С. Штакельберг, на квартире которой в «Доме академиков» (квартира принадлежала ее свекру, А. П. Штакельбергу, который до революции был управляющим делами Академии наук) проходили заседания кружка, оставила в своих воспоминаниях несколько выразительных зарисовок. В одной из них ученый предстает прежде всего как публицист и полемист: «А. Н. Шебунин почти исключительно вторым номером, т. е. после основного чьего-нибудь доклада, читал свои рецензии на то, что выходило из печати в текущее время или живо и ярко рассказывал о новинках литературы, относящихся к новейшей всемирной истории. Помню два

¹⁹ Биографические справки о литераторах см.: [Кукушкина 2003, с. 91–93].

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 241–244, 246–251.

²¹ РО ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 157. В «Литературных записках» (№ 2) была опубликована только рецензия Шебунина на «Курс русской истории» (часть V) В. О. Ключевского.

²² Научная деятельность Шебунина в контексте развития исторической науки 1920–1930-х гг. подробно освещена: [Дмитриев].

диспута, в которых принимали участие он, С. И. Тхоржевский, Попов и Островская, когда буквально пух и перья полетели: один был посвящен „Смене вех“ — злободневной тогда теме; другой — Шпенглеру. А. Н. Шебунин был в большей степени публицист, чем ученый и историк, и этим определялись его выступления» [Штакельберг, с. 37]²³. В другом случае он — персонаж стихотворного шаржа, сочиненного к трехлетию кружка, 26 декабря 1923 г.:

Лысый, бритый, он артист,
Ядовитый публицист.
Любит выпить, душу грея.
Я добавлю: он марксист,
Чтоб узнали поскорее
Вы Шебунина Андрея.

[Штакельберг, с. 41]

«Меньшевик» и «марксист» Шебунин был приговорен к 5 годам ИТЛ по статье 58-11 (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления) и отбывал срок в СвирьЛаге (Лодейное Поле Ленинградской обл.). Досрочному освобождению по состоянию здоровья в ноябре 1933 г. немало способствовало деятельное участие жены, обращавшейся с ходатайствами в Политический Красный Крест и другие высшие инстанции²⁴.

В 1934 г. Шебунин вернулся к изучению наследия Н. И. Тургенева, работал по договорам с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) и вплоть до следующего ареста продолжал историко-филологическую деятельность: готовил к публикации материалы из тургеневского архива, однако успел издать лишь один том эпистолярия с обширным предисловием и комментариями [Декабрист Н. И. Тургенев]; завершил фундаментальное исследование о политической и дипломатической деятельности в России посланника Сардинского королевства при Императорском дворе католического философа Жозефа де Местра (свод документов с учетом иностранных источников и их историко-контекстуальный анализ), которое было опубликовано под вымышленным именем М. Степанов [Жозеф де Местр в России]. «О его необыкновенной работоспособности и продуктивности последних лет жизни на свободе, — замечает биограф, — свидетельствует архив историка: тысячи

²³ О руководителе кружка С. И. Тхоржевском, а также о его участниках И. Л. Попове и М. А. Островской см.: [Штакельберг].

²⁴ В архиве сохранились копии заявлений Л. Г. Чарномской от 5 октября и 15 ноября 1933 г. (ОР РНБ. Ф. 849. Ед. хр. 336, 337). См.: [Книга памяти].

листов научного текста, комментариев, справочных статей...» [Жуковская 2021, с. 239]. 10 февраля 1938 г. ученый был вновь арестован, на этот раз — как человек с меньшевистским прошлым («кадровый меньшевик»). И хотя его причастность к «контрреволюционной организации» «Ленинградский меньшевистский центр» следствию доказать не удалось (см.: [Брачев]), 19 октября 1940 г. он был приговорен Особым Совещанием при НКВД СССР по статье 58-8, 58-10, 58-11 к 8 годам ИТЛ и отправлен в ОнегЛаг (Архангельская обл.). Здесь он скончался 25 ноября 1942 г. Реабилитирован в 1956 г. за отсутствием состава преступления.

Библиотека и архив ученого, чудом сохраненные его вдовой в блокадном Ленинграде, после ее смерти от дистрофии поступили в Публичную библиотеку как «бесхозные» в августе 1942 г. [Материалы, с. 422–423]. Архив Шебунина, как и его научное наследие, востребованы современными исследователями: историки работают над публикацией его трудов, филологи продолжают начатые им археографические разыскания (см.: [Дневники и письма Н. И. Тургенева]), в перспективе — создание «развернутой научной биографии этого историка с трагической судьбой» [Жуковская 2021, с. 240].

Иная ситуация сложилась с творческим наследием и литературной репутацией Петра Губера. Архив его не сохранился, биографические сведения скупы и отчасти ошибочны, творчество до сих пор не оценено по достоинству. «Малая проза» писателя разбросана по страницам дореволюционной периодики, исторические романы не переиздавались с 1930-х гг., и в представлении читающей публики, даже в среде филологов, он так и остается автором одной книги — «Дон-Жуанский список Пушкина» (впервые: 1923), растиражированной и ставшей явлением «массовой пушкинистики». Между тем масштабы его литературной деятельности, которой он полностью посвящает себя с начала 1920-х гг., впечатляют. Он много переводит, редактирует, публикует вступительные статьи и комментарии к произведениям западноевропейских классиков, критико-биографические очерки, литературоведческие исследования, исторические романы... «Пишу во всех родах, подобно господину де Вольтеру», — не без самоиронии отметил он в анкете ЛО СП в 1929 г.²⁵

²⁵ РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 453. Л. 34. В списке литературных трудов, приложенном к письму Е. П. Пешковой от 25 октября 1935 г., им отмечено, помимо пяти беллетристических произведений и основных переводов, «не менее 20 отдельно изданных книг, переведенных с французского, английского, немецкого и латинского. Большое число редактур, предисловий, вступительных статей и рецензий — плод постоянного многолетнего сотрудничества во „Всемирной литературе“, Огизе, изд. Academia, „Прибой“, „Время“, „Брокгауз и Ефрон“ и т. д. и т. д. Газетные и журнальные статьи, заметки, корреспонденции и др.» [Книга памяти]. О деятельности Губера в секции переводчиков ЛО ВСП и сотрудничестве с книгоиздательством «Время» см.: [Конец институций культуры].

Среди его бесспорных литературных заслуг — внесение особой, «диалогической» интонации в повествование историко-беллетристического жанра, набиравшего в это время популярность (характерный пример — повести Ю. Н. Тынянова 1920-х гг.). Присущее исторической беллетристике живое описание здесь соседствует с подлинными документами, а обращение к прошлому, по преимуществу к эпохам кризисным, революционным, пронизано опытом современности, аллюзиями на события в России, историческими параллелями, историософскими размышлениями над прихотливым ходом истории. Таковы роман-хроника «Месяц туманов» (1929)²⁶ о жизни Парижа эпохи Директории, заключительного периода Французской революции, до осуществленного Наполеоном Бонапартом переворота 18 брюмера, исторический роман «1830» (1930) о последних днях правления короля Карла X, изданный к 100-летию Июльской революции во Франции. Все они, как и повесть «Кружение сердца: Семейная драма Герцена» (1928), а также занимательная история для детей «Хождение на Восток венецейского гостя Марко Поло, прозванного Миллионщиком» (1929), вышли не в государственном, а в кооперативном «Издательстве писателей в Ленинграде». В 1929 г. писатель работал над повестью «Лев и Единорог» для этого же издательства²⁷, однако никаких следов ее, кроме упоминания данного факта в анкете, не обнаружено.

К 1930-м гг. Губер приобретает репутацию одного из лучших переводчиков. Замечательным вкладом в культуру является осуществленный им перевод с латинского языка литературного памятника Северного Возрождения «Похвальное слово Глупости» Эразма Роттердамского. Перевод был заказан издательством «Academia» и выходил дважды, в 1931 и 1932 гг. (в 1938-м переиздан Гослитиздатом вместе с «Домашними беседами» Эразма в переводе М. Покровского). В дальнейшую издательскую историю перевода Губера вмешивалась политическая конъюнктура. В настоящее время П. В. Дмитриевым подготовлена аутентичная текстологическая версия перевода Губера с восстановлением полного корпуса комментариев; издание сопровождается статьей, подробно освещающая непростую судьбу классического труда переводчика в советскую эпоху (см.: [Эразм Роттердамский])²⁸.

²⁶ Ср. более развернутое авторское определение жанра: «Историческая хроника из времен Всемир(ной) Революции» [Книга памяти].

²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 453. Л. 34.

²⁸ Благодарю П. В. Дмитриева за предоставленную возможность ознакомиться с подготовленной им книгой до выхода ее из печати.

1935 год стал для писателя прологом будущих испытаний. В марте 1935 г. он был арестован и выслан в административном порядке вместе с женой²⁹ и старшей дочерью³⁰ в Астрахань на пять лет. «Отъезд из Ленинграда разорвал все мои связи с издательством, лишил возможности пользоваться книгохранилищами и архивами, наконец, заставил продать мою собственную библиотеку, которую подбирал в течение ряда лет и которая была для меня важнейшим рабочим орудием» [Книга памяти], — констатировал ссыльный писатель в письме к Е. П. Пешковой в надежде изменить свою участь. Он был возвращен в Ленинград, но ненадолго: подоспело новое следственное дело НКВД об организации «правотроцкистской террористической и диверсионно-вредительской» группы ленинградских писателей. Проходили по «писательскому делу» и были расстреляны Валентин Стенич, Бенедикт Лившиц, Вильгельм Зоргенфрей, Юрий Юркун... Губеру, арестованному в августе 1938 г., 10 ноября 1939 г. был вынесен приговор по ст. 58—10, 58—11: 5 лет ИТЛ. Писатель был этапирован в КулойЛаг (Архангельская обл.), где скончался 13 апреля 1941 г. [Распятые, с. 178—180]. Реабилитирован в 1961 г. за отсутствием состава преступления.

Иванов-Разумник, обращаясь 29 ноября 1930 г. к Л. Д. Блок, вдове поэта, и намекая на актуальный фон — проходивший в Москве показательный процесс «Промпартии» («Союз инженерных организаций»), делился своими размышлениями о днях текущих: «Сегодня же, в день рождения Александра Александровича — захотелось написать Вам. За последний месяц я раза два прочел от доски до доски всего „Блока“, и вот что хочу сказать: „благо Белинскому, умершему вовремя“, — говорил в свое время Грановский. Рука, „поразившая Денницу“, оказалась жестока к нам, но милостива к Блоку, уведя его от нас»³¹. Эту же цитату он повторит и в следующем письме, 30 сентября 1933 г., отправленном уже из новосибирской ссылки...

²⁹ Губер Ада Аркадьевна (1891–1941), в 1923–1924 гг. сотрудник ЛЕНОГИЗ (см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-35. Оп. 2. Д. 186), позже — Музея истории и развития г. Ленинграда (инвентаризатор). До революции — актриса камерного жанра, выступала под сценическим псевдонимом Бартенева, адресат двух инскриптов Н. Гумилева 1912 г. (сообщение М. В. Сеславинского: <http://seslavinsky.ru/articles/avtografy-n-s-gumileva/> (дата обращения 3.11.2024)). В сентябре 1941 г. арестована, погибла при этапировании в г. Новосибирск 14 ноября 1941 г. Реабилитирована в 1958 г. за отсутствием состава преступления (URL: arch2.iofe.center/person/45235 (дата обращения 3.11.2024)).

³⁰ Губер Наталья Петровна (1907–?), по-видимому, дочь от первого брака с Бельцовой Ксенией Владимировной, заключенного в 1906 г. [Справочник метрических записей]. У Губера было еще трое детей: Елена (Бюкинг, 1911–?), Константин (1914 — декабрь 1941, пропал без вести на Ленинградском фронте), Александр (1919–?).

³¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. Ед. хр. 157. Цитату из письма Т. Н. Грановского 1850 г. А. И. Герцен приводит в «Былом и думах» (Глава XXIX. Наши).

* * *

Рецензия А. Н. Шебунина печатается по автографу (РО ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 158), рецензия П. К. Губера — по списку рукой Л. Н. Лунца, секретаря журнала «Литературные записки» (РО ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 246); авторские подчеркивания переданы курсивом, исправления отдельных пунктуационных погрешностей и описок специально не оговариваются.

⟨1⟩

Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Алконост. Петербург. 1921.

Эта работа покойного поэта является [в сущности] только удачным использованием документов Чрезвычайной комиссии по расследованию противоправных действий сановников старого режима, образованной Временным Правительством. В сокращенном виде, т. е. почти целиком, за исключением печатаемых в конце книги 6-ти приложений и 1-го документа в конце текста (телеграмма Николаю II от командира одного из конных корпусов от 6 марта), работа была напечатана в № 15 журнала «Былое». Нечего и говорить, насколько важным является отдельное издание работы Блока.

Книга распадается на четыре части (1. Состояние власти. 2. Настроение общества и события накануне переворота. 3. Переворот. 4. Приложения). К недостаткам книги следует отнести отсутствие указаний на источник, откуда приводится то или иное новое сообщение. Читателю предоставляется догадываться, что, напр⟨имер⟩, последний разговор Родзянко с царем приводится на основании собственного показания Родзянко, сделанного названной выше Комиссии. Позволительно усомниться в точности этого показания вообще и в частности в том, чтобы Родзянко в этот момент предвидел так точно близость революции и ее исход («не пройдет и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет вас, и вы уже не будете царствовать»), хотя несомненно тревогой полон и печатаемый в конце книги последний всеподданнейший доклад Родзянко, заключающийся указанием, что дальнейшее противодействие Государственной Думе со стороны правительства чрезвычайно опасно само по себе. Если же Дума уступит власти и откажется от борьбы, страна «сама могла бы стать на защиту своих законных прав», что, по мнению М. В. Родзянко, «надо всячески предотвратить». Таким образом, самое содержание исторической беседы вряд ли может быть подвергнуто

сомнению и можно — повторяем — усумниться (так!) только в точности ее передачи.

Наиболее ценную часть книги составляют сведения о настроении главных действовавших накануне переворота сил, а именно — власть имущих с одной стороны и умеренной оппозиционной общественности с другой. Растерянность и смутная тревога, отсутствие определенного плана действий — вот что, по-видимому, характеризует оба лагеря.

Наибольшей определенностью, по-видимому, отличалось настроение власть имущих в самом узком смысле этого слова — царя, Протопопова и других наиболее влиятельных лиц. При этом оба главные действующие лица — царь и Протопопов — поражают своей безнадежностью. Нельзя сказать, чтобы характеристика царя в книге была определена, но следует признать, что она труднее всего. Личность Николая II загадочна и, по нашему мнению, обычное ее определение словом «безвольный» ее не определяет. К этому слову и А. А. Блок прибавил — «упрямый». И это упрямство наиболее ясно по настоящей книге. Николай II именно упрямо держался за свою власть, вопреки мнению даже близких родственников. Граф С. Ю. Витте указывает в своих мемуарах, что главным качеством царя была воспитанность. Из тех же мемуаров, как и других источников, видно, что эта воспитанность большей частью выражалась в замечательном умении скрывать свои истинные мысли и чувства. Это качество у Николая было подмечено и вел. кн. Николаем Михайловичем, которому царь напоминал этой чертой своего характера Александра I. В мартовские дни проявление этой черты вызвало у генерала Дубенского впечатление полной одеревенелости. На А. И. Гучкова, ездившего к царю за отречением, он произвел впечатление человека «с пониженной сознательностью и чувствительностью».

Однако, что это не так, что здесь была личина, доказывается тем, что голос у царя, по словам Гучкова, дрогнул, когда он говорил о сыне. И Дубенский подтверждает, что в разговоре о сыне же с Фредериксом царь не выдержал и заплакал. Точно так же прорвались внутренние чувства Николая и в уже упоминавшейся беседе с Родзянко, когда он не смог скрыть своего раздражения.

Протопопов, человек, на котором накануне революции сосредоточивалась вся ненависть населения, по материалам, публикуемым в книге, представляется человеком совершенно ничтожным и жалким. Особенно дикое впечатление производит его поведение на совещании его (с) членами прогрессивного блока 19 окт(ября) 1916 г. (прилож(ение) V), где он в ответ на замечание графа Капниста сказал: «Да, вам хорошо сидеть там, на вашем кресле, а каково мне

на моем. У вас есть графский титул и хорошее состояние, есть связи, а я начал свою карьеру скромным студентом и давал уроки по 50 коп. за урок».

Нельзя, однако, сказать, чтобы в узком кружке людей, поддерживавших реакционную политику, все не понимали положения. Публикуемые А. А. Блоком документы говорят иное: здесь многие знали Россию и глубоко до цинизма ее презирали и ненавидели. В то время как великие князья, многие члены Государственного Совета один за другим возвышали голос за «министерство доверия» как средство, могущее дать успокоение и привести к победе на фронте, в крайних правых кругах понимали, что дело не в этом. В книге опубликована записка кружка Римского-Корсакова о необходимости роспуска Думы и других мер (прил(ожение) II) и объяснительная к ней записка чл(ена) Гос(ударственного) Сов(ета) Говорухи-Отрока. Эта последняя опровергает распространенное мнение, что стоит царю дать подлинную конституцию, и наступит успокоение. Автор записки допускает, что кадеты и октябристы этим бы удовлетворились. Но, по его мнению, «эти элементы столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно». По мнению автора, эти партии оказались бы скоро поглощенными левыми элементами. «А затем... затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов, наконец, мужик-разбойник». Автор хорошо знает Россию, но он ей противопоставляет ненависть, презрение и убеждение, что пулеметами с ней легко справиться.

Этого последнего не было у поколебавшихся. Здесь, наоборот, верили, что уступка требованиям Думы все спасет. Великий князь Александр Михайлович, на которого мемуары Витте указывают как на одного из виновников русско-японской войны, в письме к царю (прил(ожение) I), уверяет, что народ хочет «очень немногого», а именно — власть «разумную, идущую навстречу нуждам народным, и возможность жить свободно и давать жить свободно другим». А такая власть, по его словам, должна состоять из лиц «чистых, либеральных и преданных монархическому принципу, отнюдь не правых...» При этом великий князь против ответственного министерства, но за «министерство доверия». И он уверен, что царь «несколькими словами и росчерком пера мог бы все успокоить».

Несомненная тревога царит в умеренных оппозиционных кругах. М. В. Родзянко в уже цитированном докладе боится вмешательства страны, но сознание, что ждать от власти уже нечего, здесь было. Гучков мечтал о перевороте, по образцу заговора декабристов, с сознательным участием офицеров и пассивным солдат; существовал план захвата [правительства и] царского

поезда и ареста правительства. Из приводимых документов и материалов не видно, был ли широко распространен этот план и насколько он был разработан. В документах почти отсутствует третий элемент — народная масса. Она проявляется только уже в самые дни движения в Петербурге, и ею, по-видимому, первое время не владел решительно никто. [Шла] Надвигалась какая-то стихия, которой никто еще не схватывал и не чувствовал.

А. Шебунин

(2)

«Последние дни императорской власти» по неизданным документам составил Александр Блок. Изд. «Алконост». Петербург, 1921 г., стр. 168.

Эта книжка, напечатанная первоначально в виде статьи в журнале «Былое», принадлежит к числу последних произведений покойного поэта и занимает в ряду их совсем особое место. Нарочито сухой, сжатый, отрывочный рассказ, целиком построенный на фактах и на цитатах, обнимает события от последних чисел декабря 1916 года до 2 марта 1917 года, когда состоялось отречение Николая II. Всё, имевшее место в Государственной Думе, равно как и первые шаги по организации новой власти, оставлено в стороне. Читатель знакомится лишь с последними, слабыми судорогами старого режима. Кое-что, напр(имер) внешняя картина отречения, сделалось известно тогда же благодаря газетам. Некоторые другие подробности, преимущественно касающиеся попыток организовать сопротивление победоносной революции, впервые с полной достоверностью устанавливаются Блоком. В общем, его очерк не даст ничего существенно нового, хотя и читается с интересом. Именно такого очерка, бедного громкими фразами и пространными рассуждениями, но обильного вполне проверенными фактами, не хватало до сих пор нашей шумливой и назойливо-тенденциозной революционной историографии последних лет.

Блок заботливо воздерживался от проведения какой бы то ни было тенденции в своем труде. И тем не менее два неустрашимых вывода с принудительной силой возникают у читателя, просматривающего эту книжку. Первый вывод касается невероятного и почти физиологического поглупения правящих верхов накануне революции. Достаточно заглянуть в поданную царю записку крайних правых, отредактированную Н. А. Маклаковым, или в протокол совещания думских лидеров с А. Д. Протопоповым (оба эти документа напечатаны в книжке), чтобы убедиться, как далеко и ясная, сознательная мысль, и темный, здоровый инстинкт отлетели от людей, державших в то время в своих

руках судьбы России: ни одного слова, отмеченного умом и талантом, у них на устах; ни единого свободного от нелепостей плана у них в голове.

И вместе с тем никак нельзя отделаться от впечатления, что крушение монархии, предвиденное и предсказанное столь многими, все же случилось неожиданно и было результатом случайности или, вернее, весьма редкого и даже неправдоподобного сочетания многих случайностей. Отсутствие в столице хотя бы одного толкового и дельного военачальника, способного не растеряться в критическую минуту и взять инициативу в свои руки; совершенно необъяснимый отъезд царя в ставку как раз в то время, когда неизбежность революционных выступлений была ясна для всех; наконец, неимение в Петербурге действительно надежных боевых частей и пользование для целей усмирения исключительно силами распропагандированных запасных полков — вот факты, которые не вытекают даже из той картины правительственного маразма и разложения, которая еще так свежа в нашей памяти. Ведь не нужно себя обманывать: наступательная способность т(ак) наз(ываемых) народных, революционных войск была равна нулю в те дни, а идейные вожди движения находились в состоянии истерического транса и не могли фактически руководить восставшими. Если б 28 февраля хоть один полк «сохранил верность присяге», то поражение «постепенников» было бы неминуемо. И такие надежные полки были... но на фронте. Телеграмма одного из конных корпусов на имя Николая, напечатанная в книжке Блока, служит тому достаточно убедительным доказательством.

Все мало-мальски способные генералы также находились на фронте, а в столице распоряжались «герои тыла», подобные Хабалову, павшему духом при первых признаках опасности. Откомандирование ген(ерала) Н. И. Иванова в Петербург произошло поздно, когда весть о восстании уже успела облететь всю Россию. Пламя, которое нетрудно было потушить на первых порах, разрослось в неукротимый пожар.

Личное присутствие Николая в столице или в Царском Селе, весьма вероятно, не могло сохранить ему короны, но, нет никакого сомнения, придало бы событиям совсем иной оборот. Время, потерянное на поездку думских деятелей в Псков и обратно, долгие переговоры и колебания — всё это вызвало потерю времени, совершенно не вознаградимую в подобные моменты. *Переворот* не удался. Вместо него пришла Революция со всеми своими последствиями.

Вдумываясь вновь и вновь в сплетение событий, обусловивших падение монархии, мы как бы замечаем некую невидимую могущественную руку, которая, с заранее обдуманном намерением, подтасовала согласно своему плану карты исторической колоды. Но никакое позитивное историческое исследование не может обнаружить этой руки. Человеческая воля была ничто

в этой игре случайностей. И, пожалуй, прав был С. Н. Булгаков, когда писал о «мистическом заговоре», о взаимодействии неведомых сверхчеловеческих сил, столкнувшихся в тайниках русской революции.*

П. Г(убер)

Литература

- Академическое дело — Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Ред. кол.: В. П. Леонов (отв. ред.), Ж. И. Алферов, Б. В. Ананьич и др. СПб.: БАН, 1993–1998.
- Аннотированный указатель — Журналы «Вестник литературы» (1919–1922), «Летопись Дома литераторов» (1921–1922), «Литературные записки» (1922): Аннотир. указатель / Отв. ред. и автор предисл. А. Ю. Галушкин. М.: Наследие, 1996. 303 с.
- Арзубьев 1915 — Арзубьев П. Ф. [Губер П. К.] Дела и люди военного времени: (ноябрь 1914 — май 1915). [Пг.]: Изд-во «Библиотека Великой Войны», 1915. 178 с.
- Арзубьев 1917 — Арзубьев П. Ф. [Губер П. К.] С А. Ф. Керенским по Северному фронту [На обл.: А. Ф. Керенский на фронте]. Пг.: Тип. Акц. о-ва изд. дела «Копейка», [1917]. 16 с. (Б-ка «Солнце свободы»; № 4).
- Арзубьев 1918а — Арзубьев П. [Губер П. К.] Пифийская расщелина // Наш век. 1918. № 20, 27 янв. С. 2.
- Арзубьев 1918б — Арзубьев П. [Губер П. К.] Старый мир // Наш век. 1918. № 43, 8 марта (23 февр.). С. 1–2.
- Биобиблиографический указатель — Русские советские писатели, поэты: Биобиблиогр. указатель. М.: Книга, 1980. Т. 3, ч. 2: А. А. Блок. 342 с.
- Биографический словарь историков — Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв. / [Сост.: кол. авторов]. СПб., 2012. URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/110-shebunin> (дата обращения: 12.10.2024).
- Блок 1919 — Блок А. А. Последние дни старого режима // Былое. 1919 [1920]. № 15. С. 3–50.
- Блок 1965 — Блок А. Записные книжки: 1901–1920. М.: Худож. лит., 1965. 664 с.
- Брачев — Брачев В. С. Дело профессора С. В. Вознесенского // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 144–155.
- Булгаков — Булгаков С. Н. На пиру богов: Pro и contra: Современные диалоги // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 290–353.
- Военная энциклопедия — Военная энциклопедия: [В 18 т.] / Под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. СПб.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1912. Т. 8. 645 с.
- Губер 1921а — Губер П. Что нового в литературе? О «Записках мечтателей» // Вестник литературы. 1921. № 8. С. 12–13.
- Губер 1921б — Губер П. Поэт и Революция // Летопись Дома литераторов. 1921. № 1, 1 ноября. С. 1–2.
- Губер 1922 — Губер П. Гражданские мотивы в поэзии Блока: (К предстоящей годовщине со дня смерти) // Литературные записки. 1922. № 3. С. 1–4.
- Декабрист Н. И. Тургенев — Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, 1811–1821 / [Отв. ред. Н. Г. Свириной; авт. предисл. и примеч. А. Н. Шебунин]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 587 с. (Лит. архив).

* См. С. Н. Булгаков. На пиру богов. Киев, 1918 г.

- Дмитриев — *Дмитриев А. Н.* «Академический марксизм» 1920–1930-х годов и история Академии: случай А. Н. Шebuнина // Новое литературное обозрение. 2002. № 2 (54). С. 29–60.
- Дневники и письма Н. И. Тургенева — Дневники и письма Н. И. Тургенева. СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 4: Путешествие в Западную Европу, 1824–1825 / Отв. ред. М. Ю. Коренева; подгот. текста Е. О. Ларионовой; коммент. Р. Ю. Данилевского, Н. Л. Дмитриевой, П. Р. Заборова, М. Ю. Кореневой, Е. О. Ларионовой. 1032 с., ил. (Архив братьев Тургеневых; Вып. 7).
- Жозеф де Местр в России — Жозеф де Местр в России / Публ. и коммент. М. Степанова [А. Н. Шebuнина] и F. Vermale // Литературное наследство. М.: Журнално-газетное объединение, 1937. Т. 29/30. С. 577–726.
- Жуковская 2003 — *Жуковская Т. Н.* Либеральные идеи и общественные объединения Александровской эпохи в исследованиях А. Н. Шebuнина // Русская наука в биографических очерках / Сост. Т. В. Андреева, М. Ф. Хартанович. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 235–249.
- Жуковская 2021 — *Жуковская Т. Н.* Наука и политика в судьбе историка Андрея Николаевича Шebuнина (1887–1942) // Вече: Журнал русской философии и культуры. 2021. № 33. С. 231–243.
- Иванова 2012 — *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.: Росток, 2012. 608 с.
- Иванова 2017 — *Иванова Е. В.* Чрезвычайная следственная комиссия в самоопределении А. Блока от Февраля к Октябрю 1917 года // Новые российские гуманитарные исследования. 2017. Т. 12. URL: <http://nrgumis.ru/articles/2008/>
- К истории высылки интеллигенции — «Очистим Россию надолго»: К истории высылки интеллигенции в 1922 г. / Вступ. ст., публ. и коммент. А. Н. Артизова // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 65–96.
- Карлейль — *Карлейль Т.* Французская революция: История / Пер. с англ. СПб.: Изд. В. И. Яковенко, 1907. 615 с.
- Керенский — А. Ф. Керенский: Pro et contra: Антология / Сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Николаева. СПб.: РХГА, 2016. 768 с.
- Книга памяти — Книга памяти / ГАРФ. URL: https://pkk.memo.ru/letters_pdf/000592.pdf (дата обращения: 2.11.2024).
- Конец институций культуры — Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: По архивным материалам: Сб. ст. / Сост. М. Э. Маликова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 492 с.
- Кукушкина 2003 — *Кукушкина Т. А.* «Всеобъемлющий и широко гостеприимный...»: Дом литераторов (1918–1922) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 77–95.
- Кукушкина 2006 — *Кукушкина Т. А.* Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932): Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 81–144.
- Материалы — Материалы о приобретении Государственной публичной библиотекой бесхозных библиотек и архивов, 1942–1943 гг. / Вступ. ст., публ., коммент., биогр. справки о владельцах библиотек и архивов Т. Н. Суздальцевой // Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945: Дневники, воспоминания, письма, документы. СПб.: РНБ, 2005. С. 286–438.

- Неизвестные документы — В. И. Ленин: Неизвестные документы, 1891–1922. М.: РОССПЭН, 1999. 670 с.
- Письма к родным — Письма Александра Блока к родным: в 2 т. М.; Л.: Academia, 1932. Т. 2. 548 с.
- Последние дни 1921 — Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Пб.: Алконост, 1921. 168 с.
- Последние дни 2012 — Блок А. А. Последние дни Императорской власти / сост. С. С. Лесневский и З. И. Перегудова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. 560 с.
- Распятие — Распятие: писатели — жертвы политических репрессий / Авт.-сост. З. Л. Дичаров. СПб.: Северо-Запад, 1993. Вып. 1. 239 с.
- Репрессированные политехники — Репрессированные политехники. СПб.: Береста, 2008. Кн.1 / [Сост. В. А. Смелов, Н. Н. Сторонкин, предисл. Л. П. Романков]. 439 с.
- Сироткин — *Сироткин В. Г.* А. Н. Шебунин — историк общественной мысли и внешней политики России первой четверти XIX в. // История и историки: Историко-графический ежегодник за 1973 г. М.: Наука, 1975. С. 119–129.
- Справочник метрических записей — Справочник метрических записей архивов Санкт-Петербурга: Новая редакция. URL: <https://forum.vgd.ru> (дата обращения: 2.11.2024).
- Тименчик — *Тименчик Р. Д.* Тынянов и «литературная культура» 1910-х годов // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988. С. 159–173.
- Штакельберг — *Штакельберг Н. С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Публ. Б. В. Ананьича // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка / Сост. М. Ю. Сорокина, А. И. Добкин. М.; СПб.: Феникс-Атенеум, 1995. С. 19–86.
- Эразм Роттердамский — Эразм Роттердамский. Похвальное слово Глупости / Пер. П. К. Губера; под ред. П. В. Дмитриева. СПб.: Реноме, 2025 (в печати).

References

- Artizov, A. N. (2003). '«Ochistim Rossiyu nadolgo»: K istorii vysylki intelligentsii v 1922 godu', *Otechestvennyye arkhivy*, 1, 65–96.
- Arzub'ev, P. F. [Guber, P. K.] (1915). *Dela i lyudi voennogo vremeni: (noyabr' 1914 — mai 1915)*. [Petrograd]: Izdatel'stvo «Biblioteka Velikoi Voiny», 178 p.
- Arzub'ev, P. F. [Guber P. K.] (1917). *S A. F. Kerenskim po severnomu frontu* [Na oblozhke: A. F. Kerenskii na fronte]. Petrograd: Tipografiya Aktsionernogo obshchestva izdatel'skogo dela «Kopeika», 16 p. (Biblioteka «Solntse svobody», 4).
- Arzub'ev, P. [Guber P. K.] (1918). 'Pifiiskaya rasshchelina', *Nash vek*, 20, Jan. 27, 2.
- Arzub'ev, P. [Guber P. K.] (1918). 'Staryi mir', *Nash vek*, 43, March 8 (Feb. 23), 1–2.
- Blok, A. A. (1919 [1920]). 'Poslednie dni starogo rezhima', *Byloe*, 15, 3–50.
- Blok, A. A. (1921). *Poslednie dni imperatorskoi vlasti. Po neizdannym dokumentam*. Petersburg: Alkonost, 168 p.
- Blok, A. A. (1965). *Zapisnye knizhki. 1901–1920*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 664 p.
- Blok, A. A. (2012). *Poslednie dni Imperatorskoi vlasti*, S. S. Lesnevskii, Z. I. Peregudova, eds. Moscow: Progress-Pleyada, 560 p.
- Brachev, V. S. (2019). 'Delo professora S. V. Voznesenskogo', *Noveishaya istoriya Rossii*, 9 (1), 144–155.

- Bulgakov, S. N. (1991). 'Na piru bogov: Pro i contra. Sovremennye dialogi', in: *Vekhi. Iz glubiny*. Moscow: Pravda, 290–353.
- Carlyle, T. (1907). *Frantsuzskaya revolyutsiya: Istoriya*, transl. from engl. Saint Petersburg: Izdanie V. I. Yakovenko, 615 p.
- Danilevskii, R. Yu., Koreneva, M. Yu., Larionova, E. O., Dmitrieva, N. L., Zaborov, P. R., eds. (2017). *Dnevniki i pis'ma N. I. Turgeneva*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. Vol. 4. Puteshestvie v Zapadnuyu Evropu. 1824–1825, 1032 p. (Arkhiv brat'ev Turgenevykh. Vol. 7).
- Dicharov, Z. L., ed. (1993). *Raspyatyie: pisateli — zhertvy politicheskikh repressii*. Saint Petersburg: Severo-Zapad. Vol. 1, 239 p.
- Dmitriev, A. N. (2002). '«Akademicheskii marksizm» 1920–1930-kh godov i istoriya Akademii: sluchai A. N. Shebunina', *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2 (54), 29–60.
- Erazm Rotterdamskii (2025). *Pokhval'noe slovo Gluposti*, transl. P. K. Guber, ed. P. V. Dmitriev. Saint Petersburg: Renome (v pechati).
- Galushkin, A. Yu., ed. (1996). *Zhurnaly «Vestnik literatury» (1919–1922), «Letopis' Doma literatorov» (1921–1922), «Literaturnye zapiski» (1922). Annotirovannyi ukazatel*. Moscow: Nasledie, 303 p.
- Guber, P. (1921). 'Chto novogo v literature? O «Zapiskakh mechtatelei»', *Vestnik literatury*, 8, 12–13.
- Guber, P. (1921). 'Poet i Revolyutsiya', *Letopis' Doma literatorov*, 1, Nov. 1, 1–2.
- Guber, P. (1922). 'Grazhdanskie motivy v poezii Bloka: (K predstoyashchei godovshchine so dnya smerti)', *Literaturnye zapiski*, 3, 1–4.
- Ivanova, E. V. (2012). *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni*. Saint Petersburg: Rostok, 608 p.
- Ivanova, E. V. (2017). 'Chrezvychainaya sledstvennaya komissiya v samoopredelenii A. Bloka ot Fevralya k Oktyabryu 1917 goda', *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniya*, 12, <http://nrgumis.ru/articles/2008/>.
- Kniga pamyati* (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii), accessed Nov. 2, 2024, https://pkk.memo.ru/letters_pdf/000592.pdf.
- Kukushkina, T. A. (2003). '«Vseob'emlyushchii i shiroko gostepriimnyi...» Dom literatorov (1918–1922)', in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1998–1999 gody*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 77–95.
- Kukushkina, T. A. (2006). 'Vserossiiskii soyuz pisatelei. Leningradskoe otdelenie (1920–1932). Ocherk deyatel'nosti', in.: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 god*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 81–144.
- V. I. Lenin. *Neizvestnye dokumenty, 1891–1922* (1999). Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 670 p.
- Leonov, V. P., Alferov, Zh. I., Anan'ich, B. V. et al., eds. (1993–1998). *Akademicheskoe delo 1929–1931 godov, dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU*. Saint Petersburg: Biblioteka Akademii nauk.
- Malikova, M. E., ed. (2014). *Konets institutsii kul'tury dvadtsatykh godov v Leningrade. Po arkhivnym materialam* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 492 p.
- Nikolaev, A. B., ed. (2016). *A. F. Kerenskii: Pro et contra. Antologiya*. Saint Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 768 p.
- Novitskii, V. F. et al., eds. (1912). *Voennaya entsiklopediya*. [18 vols.] Saint Petersburg: Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina. Vol. 8, 645 p.
- Pis'ma Aleksandra Bloka k rodnym*. 2 vols. (1932). Moscow, Leningrad: Academia. Vol. 2, 548 p.

- Russkie sovetskie pisateli, poety. Biobibliograficheskii ukazatel'*. Moscow: Kniga. T. 3, chast' 2. A. A. Blok, 342 p.
- Setevoi biograficheskii slovar' istorikov Sankt-Peterburgskogo universiteta XVIII–XX vekov.* (2012). Saint Petersburg, accessed Oct. 12, 2024, <http://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/110-shebunin>.
- Shtakel'berg, N. S. (1995). '«Kruzhok molodykh istorikov» i «Akademicheskoe delo»', ed. B. V. Anani'ich, in: M. Yu. Sorokina, A. I. Dobkin, eds., *In memoriam: Istoricheskii sbornik pamyati F. F. Perchenka*. Moscow, Saint Petersburg: Feniks-Ateneum, 19–86.
- Sirotkin, V. G. (1975). 'A. N. Shebunin — istorik obshchestvennoi mysli i vneshnei politiki Rossii pervoi chetverti XIX veka', in: *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskii ezhegodnik za 1973 god*. Moscow: Nauka, 119–129.
- Smelov, V. A., Storonkin, N. N., Romankov, L. P., eds. (2008). *Repressirovannye politekhniki*. Saint Petersburg: Beresta. Vol.1, 439 p.
- Spravochnik metricheskikh zapisei arkhivov Sankt-Peterburga. Novaya redaktsiya*, accessed Nov. 2, 2024, <https://forum.vgd.ru>.
- Stepanov, M. [Shebunin, A.], Vermale, F., eds. (1937). 'Zhofez de Mestr v Rossii', in: *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie. Vol. 29/30, 577–726 p.
- Suzdal'tseva, T. N., ed. (2005). 'Materialy o priobretnenii Gosudarstvennoi publichnoi biblioteki i beskhoznykh bibliotek i arkhivov, 1942–1943 gody', in: *Publichnaya biblioteka v gody voiny, 1941–1945: dnevniki, vospominaniya, pis'ma, dokumenty*. Saint Petersburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 286–438.
- [Svirin, N. G., Shebunin, A. N., eds.] (1936). *Dekabrist N. I. Turgenev. Pis'ma k bratu S. I. Turgenevu. 1811–1821*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 587 p. (Literaturnyi arkhiv).
- Timenchik, R. D. (1988). 'Tynyanov i «literaturnaya kul'tura» 1910-kh godov', in: *Tynyanovskii sbornik. Tret'i Tynyanovskie chteniya*. Riga: Zinatne, 159–173.
- Zhukovskaya, T. N. (2003). 'Liberal'nye idei i obshchestvennye ob"edineniya Aleksandrovskei epokhi v issledovaniyakh A. N. Shebunina', in: T. V. Andreeva, M. F. Khartanovich, eds., *Russkaya nauka v biograficheskikh ocherkakh*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 235–249.
- Zhukovskaya, T. N. (2021). 'Nauka i politika v sud'be istorika Andrey Nikolaeovicha Shebunina (1887–1942)', *Veche. Zhurnal russkoi filosofii i kul'tury*, 33, 231–243.

Э. К. Александрова

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ:
О КНИГЕ В. Э. МОЛОДЯКОВА «МОЙ БРЮСОВ»

Резюме

Рецензия посвящена книге В. Э. Молодякова «Мой Брюсов. Публикации. Статьи. Собрание» (М.; СПб.: Нестор-История, 2023). Выход ее приурочен к 150-летию со дня рождения поэта. Подзаголовок соответствует трехчастной структуре книги: первый раздел содержит публикации текстов Брюсова и о Брюсове, автографы или машинопись которых находятся в личном собрании автора; во второй раздел вошли научные статьи Молодякова о Брюсове за последнее десятилетие; третий раздел — библиография отдельных изданий (прижизненных и посмертных) текстов Брюсова и о Брюсове на русском и иностранных языках. Составитель стремился дать возможно более полную библиографию отдельных изданий Брюсова и литературы о нем преимущественно на основании экземпляров личного собрания; к инскриптам на книгах личного собрания впервые даны подробные комментарии.

Ключевые слова: Брюсов, Молодяков, собрание, библиография, инскрипт

Elmira K. Alexandrova

PRELIMINARY SUMMARY: *MOI BRIUSOV*
BY VASSILI MOLODIAKOV
[Rev. of: Vassili Molodiakov, *Moi Briusov. Publikatsii. Stat'i. Sobranie*, Moscow, St. Petersburg, 2023, 352 p.]

Abstract

This article represents a review of a book about the Russian poet Valerii Briusov written by the historian and collector Vassili E. Molodiakov. The release of this book was timed to coincide with the 150th anniversary of the poet's birth. The subtitle of the book corresponds to its three-part structure. The first section of the work contains publications of writings

© Э. К. Александрова, 2024

by Briusov and of texts about him based on autographs or typescripts in Molodiakov's personal collection. The second section includes Molodiakov's scholarly articles about Briusov, which were published over the past decade. The third part of the book presents a list of single-author publications of Briusov's writings that appeared both during his lifetime and posthumously and of works about Briusov in Russian and other languages. Based mainly on items from his own personal library, the compiler sought to provide the most complete bibliography possible of these publications. The book also includes the first detailed comments by the compiler on the inscriptions on books from his personal collection.

Keywords: Valerii Briusov, Vassili Molodiakov, collection, bibliography, inscription

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-238-242

Выход новой книги историка литературы В. Э. Молодякова «Мой Брюсов. Публикации. Статьи. Собрание» обобщает более чем тридцатилетние искания собирателя и посвящен 150-летию со дня рождения поэта. Усилиями Молодякова подготовлены биографии Брюсова [Молодяков 2010; 2020], поэтические антологии [Венок Брюсову 1994; 2013] и сборники политических комментариев [Брюсов 2003; 2013]; теперь его «брюсовиана» дополнена опытом библиографии отдельных изданий произведений поэта, прижизненных и посмертных, на русском и иностранных языках.

«Мой Брюсов» — описание уникального собрания. Подзаголовок «Публикации. Статьи. Собрание» соответствует трехчастной структуре книги. Первый раздел содержит публикации текстов Брюсова и о Брюсове, автографы или машинопись которых находятся в личном собрании автора. Здесь стихотворения «Под Новый 1918 год», «В дни, когда...», «З. Ф. С. Р.», письма И. И. Ясинскому, Л. И. Кропивницкому, М. А. Кузмину, Е. П. Шапот, А. М. Кожебаткину и др.; документы о Брюсове его ровесников и младших современников: Б. А. Сергеева, А. А. Измайлова, В. Г. Шершеневича. Е. В. Чудецкой, М. В. Грюнер, Н. А. Рихтера, М. С. Григорьева. Все эти ранее опубликованные материалы, многие из которых прошли в малодоступных изданиях, впервые сведены под одной обложкой¹. Особенно отметим помещенные в разделе материалы из архива Л. К. Долгополова (полный текст рецензии на семитомное собрание сочинений Брюсова 1973–1975 гг. под ред. П. Г. Антокольского и др.). Архив своего наставника в 2019 г. Молодяков передал в Рукописный отдел ИРЛИ, где образован фонд 961 (Долгополов Л. К.).

¹ В свое время мы столкнулись с этой проблемой, готовя к публикации переписку А. А. Измайлова и Брюсова. Одно из брюсовских писем, отложившееся в разных архивах в виде отдельных фрагментов, счастливо «склеилось» воедино благодаря публикации В. Э. Молодякова; отдельные письма из личной коллекции любезно предоставлены собирателем для публикации в книге [Измайлов].

Во второй раздел книги вошли научные статьи Молодякова о Брюсове за последнее десятилетие. Собиратель поднимает вопрос об итогах и перспективах изучения дарственных надписей Брюсова на книгах и фотографиях; анализирует авторские «изборники» поэта в совокупности замысла, композиции и аудитории, впервые рассматривая их как самостоятельные книги стихов, как «этап творческой авторефлексии поэта». Исследователь обращается к интересному вопросу о манере брюсовского чтения; подступая к теме «Брюсов на пленэре», рассматривает сцены его дачной жизни; освещает историю несостоявшегося собрания сочинений Брюсова в Гослитиздате. Ученый-японист подробно разбирает историю японского сборника «Призрачный колокол» (Токио, 1923) — собрание произведений русских поэтов-символистов переводчика Вакамэда Сабуро, исполненное по французской «Антологии русских поэтов» в переводе Жана Шюзвиля (Париж, 1914).

Неравнодушным к памяти своего героя Молодяков предстает в нескольких публикациях того же раздела. Так, очерк Зинаиды Гиппиус «Одержимый» квалифицирован им как пасквиль на поэта: текст мастерски написан, но рассматривать и использовать его в качестве исторического источника нельзя. Историком последовательно опровергаются «доказательства» юридической вины Брюсова в гибели Надежды Львовой, приведенные в книге Т. С. Карпачевой о жизни и творчестве поэтессы.

Ряд сюжетов непосредственно основан на материалах личного собрания: подробно рассмотрены маргиналии Брюсова на оттиске журнальной публикации Ю. А. Иванова «К вопросу о религиозном мирозерцании Авзония» (1916); пометы П. П. Перцова на книге Г. Лелевича «В. Я. Брюсов» (1926); полемические замечания Л. К. Долгополова на книге Д. Е. Максимова «Брюсов. Поэзия и позиция» (1969). В этот же раздел вошли рецензии автора на книги о символистах.

Третий раздел — библиография отдельных изданий (прижизненных и посмертных) текстов Брюсова и о Брюсове на русском и иностранных языках. Описание стремится дать возможно более полную библиографию отдельных изданий Брюсова и литературы о нем преимущественно на основании экземпляров личного собрания исследователя. Описание состоит из двух частей: «Книги Брюсова» и «Книги о Брюсове» с отдельной нумерацией. Первая часть включает разделы «Прижизненные издания» и «Посмертные издания», оба раздела содержат подразделы: «Произведения», «Переводы», «Редактура» и «Письма» (во втором разделе).

Во второй части описаны отдельные издания, в заглавиях которых присутствует имя Брюсова, без разделения на прижизненные и посмертные, на русском и иностранном языках в хронологической последовательности. В от-

дельный раздел вынесены авторефераты диссертаций. Таким образом, перед нами каталог брюсовского собрания Молодякова с добавлением desiderata (отсутствующие издания отмечены и описаны de visu): 388 позиций изданий текстов Брюсова («Русские символисты», «Пути и перепутья», собрания сочинений — под одним номером, но с дробным описанием), 91 позиция изданий о нем, 32 автореферата диссертаций.

К инскриптам Брюсова на книгах личного собрания исследователем впервые даны подробные комментарии, включающие сводку сведений, проясняющих обстоятельства и контекст их создания. Проявляя особый интерес к бытованию произведений Брюсова за пределами России и к его посмертной литературной судьбе, составитель приводит краткие сведения о переводчиках (для прижизненных изданий) и об авторах книг о Брюсове (при наличии инскриптов — об их адресатах), а также содержание сборников его малой прозы на иностранных языках. Книга снабжена указателями издательств и типографий, указателем переводчиков текстов Брюсова с упоминанием языка, на который сделан перевод; указателем авторов вступительных статей, предисловий, послесловий, комментариев, примечаний.

Отметим один важный момент, о котором не раз говорил собиратель. Если речь не идет о книгах с автографами, он стремится отбирать экземпляры в первозданном виде, какими они сошли с печатного станка: «Значение Брюсова для русской культуры делает каждое его прижизненное издание, особенно если речь идет об авторских книгах, — книжным памятником, который должен быть сохранен для потомков в максимально аутентичном виде».

Книга сделана со скромным изяществом, присущим издательству «Нестор-История»: черно-белая обложка работы М. Девлин с портретом Брюсова; шрифт надписи для обложки, стилизованный под шрифт столь любимой Брюсовым печатной машинки. Издание содержит широкий иллюстративный материал.

Главная ценность «брюсовианы» — ее стремление к полноте и цельности. Памятуя инскрипт самого собирателя на книге, полученной нами в дар (о том, что перед читателем «предварительное подведение итогов»), выражаем надежду на то, что собрание не только сохранится в целости, но и будет пополняться, а его хранитель продолжит свою брюсовскую эпопею.

Литература

- Брюсов 2003 — *Брюсов В.* Мировое состязание: Политические комментарии, 1902—1924 / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. В. Э. Молодякова. М.: АИРО-XX, 2003. 224 с.

- Брюсов 2013 — *Брюсов В.* В эту минуту истории: Политические комментарии, 1902—1924 / Сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Э. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2013. 312 с.
- Венок Брюсову 1994 — Венок Брюсову: (Сборник стихотворений поэтов-современников, посвященных В. Я. Брюсову) / Предисл., общ. ред. и примеч. В. Э. Молодякова. СПб.: [б. и.], 1994. 160 с.
- Венок Брюсову 2013 — Венок Брюсову: Валерий Брюсов в поэзии его современников / Сост., предисл. и примеч. В. Э. Молодякова. М.: Водолей, 2013. 248 с.
- Измайлов — *Измайлов А. А.* Переписка с современниками / Сост., вступ. ст. А. С. Александрова; преамбулы, подгот. текста и коммент. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. 738 с.
- Молодяков 2010 — *Молодяков В. Э.* Валерий Брюсов: Биография. СПб.: Вита Нова, 2010. 672 с.
- Молодяков 2020 — *Молодяков В. Э.* Валерий Брюсов: Будь мрамором. М.: Молодая гвардия, 2020. 536 с.
- Молодяков 2023 — *Молодяков В. Э.* Мой Брюсов: Публикации. Статьи. Собрание. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. 352 с.

References

- Bryusov, V. (2003). *Mirovoe sostyazanie: Politicheskie kommentarii, 1902—1924*, V. E. Molodyakov, ed. Moscow: AIRO-XX, 224 p.
- Bryusov, V. (2013). *V etu minutu istorii: Politicheskie kommentarii, 1902—1924*, V. E. Molodyakov, ed. Moscow: AIRO-XX, 312 p.
- Izmailov, A. A. (2017). *Perepiska s sovremennikami*, A. S. Aleksandrov, ed. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 738 p.
- Molodyakov, V. E. (2010). *Valerii Bryusov: Biografiya*. Saint Petersburg: Vita Nova, 672 p.
- Molodyakov, V. E. (2020). *Valerii Bryusov: Bud' mramorom*. Moscow: Molodaya gvardiya, 536 p.
- Molodyakov, V. E. (2023). *Moi Bryusov. Publikatsii. Stat'i. Sobranie*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 352 p.
- Molodyakov V. E., ed. (1994). *Venok Bryusovu: (Sbornik stikhotvorenii poetov-sovremennikov, posvyashchennykh V. Ya. Bryusovu)*. Saint Petersburg: [s. n.], 160 p.
- Molodyakov, V. E., ed. (2013). *Venok Bryusovu: Valerii Bryusov v poezii ego sovremennikov*. Moscow: Vodolei, 248 p.

Список сокращений

БАН	— Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ГМИ СПб	— Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
ЛО СП	— Ленинградское отделение Союза писателей
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РГО	— Русское географическое общество
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
ЦГАМ	— Центральный государственный архив г. Москвы
ВН	— Bibliothèque National de France (Франция, Париж)

Наши авторы

- Александрова Эльмира Камильевна** — канд. филологических наук; ст. научный сотрудник; ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).
egumerova@mail.ru
- Ветловская Валентина Евгеньевна** — д-р филол. наук., гл. научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). idmmspb@yandex.ru
- Грачева Алла Михайловна** — д-р филол. наук, гл. научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). ichnelat@rambler.ru
- Грякалова Наталья Юрьевна** — д-р филол. наук, профессор, гл. научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). natura3@yandex.ru
- Кудина Екатерина Олеговна** — мл. научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). kudina83@mail.ru
- Лукина Валентина Александровна** — канд. филол. наук, ст. научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).
valentina_step@hotmail.com
- Никитина Алла Владимировна** — канд. филол. наук, ст. научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). centsouffle@gmail.com
- Рейли Марина Викторовна** — канд. филол. наук, ст. научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). reimara@mail.ru
- Симанков Виталий Иванович** — Ph. D (Brown University), независимый исследователь (Санкт-Петербург). vityalysimankov@gmail.com
- Федорова Ирина Владимировна** — канд. филол. наук, ст. научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). irirad@mail.ru
- Фетисенко Ольга Леонидовна** — д-р филол. наук., гл. научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). betsy98@mail.ru
- Хондзинский Павел Владимирович** — протоиерей; д-р богословия, канд. теологии; декан богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва). paulum@mail.ru

Authors

Elmira K. Alexandrova

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Irina V. Fedorova

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Olga L. Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Alla M. Gracheva

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Nataliya Ju. Gryakalova

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Pavel V. Khondzinskii, archpriest

Saint Tikhon Orthodox University for the Humanities
Moscow, Russia

Ekaterina O. Kudina

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Valentina A. Lukina

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Alla V. Nikitina

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Marina V. Reilly

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Vitaliy I. Simankov

independent scholar

Valentina E. Vetlovskaya

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Телефон (812) 328-19-01
e-mail: irliran@mail.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-77800 от 31 января 2020 г.
Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Издательство «Пушкинский Дом»
199106 Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86

Редактор А. С. Лобанова
Редактор английского текста З. Н. Исидорова
Технический редактор А. В. Осокин
Корректор А. С. Кручинина

16+

Цена свободная

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс ВНО18606 по каталогу агентства «Урал-пресс»

Подписано в печать 23.12.2024. Вышло из печати 30.12.2024
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Литературная. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 20,25. Тираж 100 экз. Тип. зак. № 0000

Отпечатано в типографии ИП Варваркин
Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 4